

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІА ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1902

Рис. 1 (см. черт. 1). Жилое кочне на горь Черна Пырстъ.

Рис. 2 (см. черт. 2). Байта на горь Столъ, выстроенная въ 1830 г.

Рис. 3 (см. черт. 3). Сифарница на горь Черна Пырсть.

Рис. 4 (см. черт. 4). Таморъ на горь Столъ, выстроенный въ 1859 г.

Рис. 5 (см. черт. 5). Домъ въ дер. Верхняя Горья, выстроенный лѣтъ 60—70 тому назадъ.

Рис. 6 (см. черт. 6) Домъ въ горахъ у дер. Ратече-Бълонечъ, выстроенный въ 1794 г.

Рис. 7 (см. черт. 7). Домъ въ дер. Верхняя Горья.

Рис. 8—А (см. черт. 8). Домъ въ дер. Блюдь; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 8—Б).

Рис. 9 (см. черт. 9). Домъ въ дер. Бльдъ, перестраивавшійся въ 1831 г.

Рис. 8—Б (см. черт. 8). Домъ въ дер. Бльдъ; видъ со стороны задняго фронтона (см. рис. 8—А).

Рис. 10 (см. черт. 10). Домъ въ дер. Ратече-Бѣлопечъ.

Рис. 11 (см. черт. 11). Домъ около дер. Бѣлодъ.

Рис. 12 А. (см. черт. 12). Домъ въ дер. Рѣчица, выстроенный въ 1721 г.; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 12—Б.).

Рис. 12—Б. (см. черт. 12). Домъ въ дер. Рѣчица, выстроенный въ 1721 г.; видъ съ боковой стороны (см. рис. 12—А.).

Рис. 13 (см. черт. 13). Домъ въ дер. Нижняя Горья, выстроенный въ 1748 г. и перестраивавшійся въ 1858 г.

Рис. 14 (см. черт. 14). Домъ въ дер. Блѣдъ.

*Рис. 15—А. (см. черт. 15). Домъ на берегу Блѣдскаго озера, выстроенный въ 1783 г.;
видъ со стороны главнаго фронтона (см. рис. 15—Б и В).*

*Рис. 15—Б (см. черт. 15). Домъ на берегу Блѣдскаго озера, выстроенный въ 1783 г.;
видъ со стороны скеденя (см. рис. 15—А и В).*

*Рис. 15.—В (см. черт. 15). Домъ на берегу Б.льдскаго озера, выстроенный въ 1783 г.:
видъ съ боковой стороны (см. рис. 15—А и В).*

Рис. 16. Домъ изъ дер. Крона.

Рис. 17 (см. черт. 17). Домъ у дер. Ръчица.

Рис. 18 (см. черт. 18). Домъ въ дер. Ратече-Бългочень, выстроенный въ 1748 г.

Рис. 19 (см. черт. 19). Домъ въ дер. Верхняя Горья, выстроенный въ 1760 г.

Рис. 20 (см. черт. 20). Домъ въ дер. Млино.

Рис. 21. Домъ изъ дер. Блѣдъ.

Рис. 22. Свинущикъ изъ дер. Блѣдъ.

Рис. 23. Стънна коча съ хлявомъ съ горъ у дер. Ратече-Бългонецъ.

Рис. 24 (см. черт. 24). Домъ въ дер. Битне.

Рис. 25 (см. черт. 25). Домъ въ дер. Сламникъ, выстроенный лѣтъ 120 тому назадъ.

Рис. 26 (см. черт. 26). Домъ съ Нижней Долины Св. Екатерины за Тержичемъ.

Рис. 27 (см. черт. 27). Домъ въ дер. Блѣдь, выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ.

Рис. 28 (см. черт. 28). Домъ въ дер. Верхняя Горья, выстроенный въ 1778 г.

Рис. 29—А (см. черт. 29). Домъ въ дер. Верхняя Горья, выстроенный въ 1786 г.; жилая часть (см. рис. 29—Б).

Рис. 29—Б (см. черт. 29). Домъ въ дер. Верхняя Горья, выстроенный въ 1786 г.; хозяйственная часть (см. рис. 29—А).

Рис. 30—А (см. черт. 30). Домъ въ дер. Бальдъ, выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ; наружный видъ (см. рис. 30—Б).

Рис. 30—Б (см. черт. 30). Домъ въ дер. Бальдъ, выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ; внутренний видъ вѣжи и ея очага (см. рис. 30—А).

Рис. 31. (см. черт. 31). Домъ близъ дер. Зазеро.

Рис. 32. Възвѣздъ въ скедень изъ дер. Рѣчица.

Рис. 33. Домъ изъ дер. Верхняя Горья.

Рис. 34. Ульнякъ изъ дер. Ръчица.

Рис. 35. Домъ изъ дер. Нижняя Горья.

Рис. 36. Паштба для сушки конопли изъ дер. Село.

Рис. 37. Домъ изъ дер. Засынь.

Рис. 38. Общій видъ горной деревни Средняя Васъ.

Рис. 39. Сѣнное кочне съ горѣ близъ гор. Яворника.

Рис. 40. Сѣнное кочне съ хлѣвомъ въ горахъ у Винтгара.

Рис. 41. Выходъ въ скедень (дер. Блѣдъ).

Рис. 42. Дырвенница (дырварница, ута, шупа, попа) изъ дер. Купленикъ.

Рис. 43. Домъ изъ дер. Блядъ.

Рис. 44. Панитба для сушки плодовъ изъ дер. Бохиньска Гъла.

Рис. 45. Домъ изъ дер. Верхня Гора.

Рис. 46. Плетеная коча изъ Босніи.

Рис. 47. Двурядъльная коча изъ Босніи.

Рис. 48. Домъ вѣсоговича изъ Черногоріи.

Рис. 49. Домъ изъ дер. Дольній Вакуфъ въ Босніи.

Рис. 50. Домъ изъ дер. Дрежсница въ Герцеговинѣ.

Рис. 51. Домъ съ наружною печью для печенія хлѣба изъ дер. Шварцхаузенъ въ герцог. Кобургъ-Гота.

Рис. 52. Отдѣльно стоящій скедень изъ дер. Рѣчица.

Рис. 53. Жилое кочне съ хлѣвомъ съ боковой стороны (съ горы Черна Пырсть).

Рис. 54. Спѣнное кочне съ горы у дер. Засыпъ.

Рис. 55. Навьсы—хлявы съ горы Столь.

Рис. 56. Домъ изъ дер. Примско.

Рис. 57. Дома въ мѣстечкѣ Тержичѣ.

ОТДѢЛЪ I.

Матеріалы по исторіи развитія славянскихъ жилищъ.

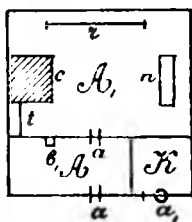
Жилище словинца Верхней Краины.

I. Введеніе.

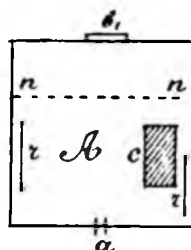
При первомъ взглядѣ на деревенскія постройки верхне-краинскаго словинца можно вынести впечатлѣніе, что эти постройки настолько ушли въ процессъ своего развитія впередъ, что о сохраненіи цѣнной для народовѣдѣнія старины и рѣчи быть не можетъ. Дѣйствительно, каменные, выбѣленные, нерѣдко двухэтажные дома деревень Верхней Краины, которые, по внѣшнему своему облику, не испортили бы много провинціального городка, не позволяютъ сомнѣваться, что, благодаря ряду мѣстныхъ условій, эволюція построекъ быстро двигалась уже съ отдаленныхъ временъ. Въ эволюціонномъ процессѣ заброшенъ былъ первоначально употреблявшійся для построекъ матеріалъ—дерево. Оно было замѣнено камнемъ. Этотъ матеріалъ въ значительной степени упростилъ внѣшность построекъ и придалъ имъ въ нерѣдкихъ случаяхъ „казарменный“ характеръ. Однако, этотъ модернизированный типъ построекъ не уничтожилъ старинныхъ формъ устройства жилья. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вытѣснилъ и того разряда построекъ, которыя, сооружаясь изъ дерева, сохранили для глаза наблюдателя произведенія народного вкуса, народныхъ творческихъ началъ въ строительномъ искусствѣ. Подобнаго рода постройки находятся преимущественно въ горныхъ деревняхъ, тамъ, гдѣ цивилизующія начала жизни проникали съ большимъ трудомъ, тѣмъ въ мѣстности, тѣсно соприкасавшіяся съ центрами, шедшими въ жизни народа впередъ. Обитатель отдаленной горной деревни, часто почти отрѣзанный въ теченіе значительной части года отъ остальнаго міра, сохранялъ свои устои

съ большею твердостью и переходилъ въ новымъ формамъ жизни съ трудомъ ¹⁾. Поэтому архаизмы въ постройкахъ сохранились въ большей мѣрѣ именно въ тѣхъ альпійскихъ мѣстностяхъ Верхней Краины ²⁾, которыя, благодаря естественнымъ условіямъ рельефа страны, отдаляли крестьянина отъ культурныхъ воздѣйствій.

Общій характеръ горной деревни Верхней Краины передается рисункомъ 38, изображающимъ видъ деревни Средняя Васъ въ Бохиньѣ (Srednja Vas). Подобная деревня, пріютившаяся на склонахъ горъ, вдоль рѣчки или истока, частью въ ущельѣ, представляетъ, со своими то сѣрыми, то бѣлыми домами съ приподнятыми крышами и нерѣдко прячущимися въ зелени деревьевъ, характерную живописность. Деревень въ нашемъ значеніи слова, строго говоря, почти не имѣется въ Верхней Краинѣ. Онѣ въ громадномъ большинствѣ

ЧЕРТ. 1 (см. рис. 1). Жилое кочие на горѣ Черна Пырсть. А и А1—внутреннія помѣщенія, разграниченныя стѣной изъ деревянныхъ брусьевъ; К—помѣщеніе для свиней; а, а1—входныя двери; а1—входное отверстіе для свиней; б1—оконце; с—очагъ; п—нара-кровать; г—полка; т—скамья.

ЧЕРТ. 2 (см. рис. 2). Байта на горѣ Столь, выстроенная въ 1830 году. А—внутреннее помѣщеніе; а—входная дверь; б1—оконце (просвѣтъ); с—очагъ; п, п1—нары для постелей; г, г1—полки.

¹⁾ Мы имѣли уже случай описать главнѣйшія черты экономическаго и сельско-хозяйственнаго быта словинца Краины въ статьѣ, помѣщенной въ «Живой Старинѣ» 1902 г. вып. I—«Крестьянинъ Австрійской Краины и его постройки». Въ статьѣ этой мы отмѣтили ту связь, которая существуетъ между крайскими постройками и условіями быта мѣстнаго крестьянина. Въ частности мы указали на тотъ интересъ, который представляютъ въ своей исторіи развитія хозяйственныя постройки словинца. Дабы не повторять уже сказаннаго, мы въ подлежащихъ мѣстахъ сослаемся на упомянутую статью. Въ основу нижеизложеннаго текста легли наблюденія 1901 и 1902 г.г. въ Верхней Краинѣ, а именно преимущественно въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и ихъ окрестностяхъ: Битне (Bitnje), Бистрица (Bistrica), Блѣдъ или Градъ (Bled, Grad), Бохиньска Бѣла (Bohinjska Bela), Бѣгунье (Begunje), Вырба (Vrba), Верхнее Горье (Zgornje Gorje), Езерско-Бѣло (Iezersko Belo), Желече (Želeče), Загорица (Zagorica), Зазеро (Zazero), Засыпь или Заспъ (Zasip, Zasp), Златна (Zlatna), Жировница (Žirovnica), Кранъ (Kranj), Кропа (Kropa), Купленикъ (Kupljenik), Лесце (Lesce), Люблина (Ljubljana), Млино (Mlino), Нижнее Горье (Spodnje Gorje), Нижняя Долина Св. Екатерины (Spodnja dolina sv. Katerine), Примско (Prmsko), Радовлица (Radovljica), Ратече-Бѣлапечъ (Rateče-Belapeč), Рибно (Ribno), Рѣчица (Rečica), Село (Selo), Сламеникъ (Slamnjk), Средняя Васъ (Srednja Vas), Торжичъ (Tržič), Яворникъ (Javornik) и на высотахъ горъ Черна Пырсть (Črna Prst) и Столь (Stol).

²⁾ Крайна называется словинцами Kranjsko. Верхняя, Нижняя и Внутренняя Крайна именуются просто: Gorenjsko, Dolenjsko, Notranjsko.

случаевъ съ церковью (cerkev) и поэтому подходят къ нашему понятію селъ. Этимъ словомъ (selo) словинцы выражаютъ понятіе о деревнѣ большихъ размѣровъ, поселеніи, или понятіе о населенной мѣстности ¹⁾). Собственно деревня по словински называется васъ (весь) ²⁾).

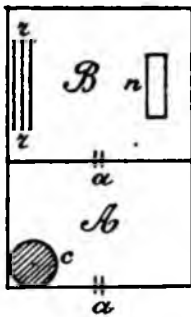
Верхне-крайинское село-деревня въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительный поселокъ. Селъ съ тысячнымъ населеніемъ, какъ то бываетъ часто у насъ, Крайна совсѣмъ не знаетъ. Деревни ничто иное, какъ поселенія въ нѣсколько десятковъ домовъ, поселенія, лежація другъ отъ друга въ большинствѣ случаевъ на незначительномъ разстояніи. Въ долинахъ деревень больше, и онѣ расположены гуще, въ горахъ рѣже. Деревни вообще не поднимаются высоко въ горы, держась долинъ и ближайшихъ къ нимъ склоновъ. Скучиваясь на небольшомъ пространствѣ, дома деревень образуютъ рядъ улицъ и переулковъ, въ отношеніи которыхъ они расположены разно: то фронтономъ, то длинной стороною, то угломъ. Усадьбная земля обыкновенно самыхъ незначительныхъ размѣровъ, часто ничѣмъ не огороженная, или отграниченная отъ сосѣдняго владѣнія низкой каменной оградой, или деревянной изгородью. Если усадьба сравнительно большихъ размѣровъ, то часть ея занята плодовыми деревьями; тутъ же по сосѣдству расположены жилой домъ, сарай, иногда и нныя хозяйственныя постройки, колодезь. Иногда, впрочемъ, сравнительно рѣдко, деревня тянется вдоль дороги, образующей какъ бы главную улицу; при такой дорогѣ дома обыкновенно стоятъ фронтонами къ ней; остальные дома разбросаны въ безпорядкѣ. Для церкви выбираютъ обыкновенно возвышенное мѣсто, такъ что она, выдѣляясь изъ общей массы строеній, видна еще издали. Церкви нерѣдко окружены оградой, образующей, такъ называемый, таборъ ³⁾), въ который ведутъ ворота. Послѣднихъ почти не

¹⁾ Селски (selski)—сельскій, деревенскій; seljak—поселенецъ, колонистъ; seljan—обитатель деревни, селянинъ; seljanstvo—сельское населеніе; seljenje—переселенье. По-сербски слово село означаетъ деревню, поселица—село.

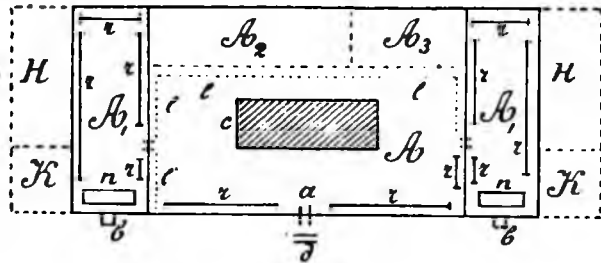
²⁾ Словинскому слову васъ (vas) соответствуетъ сербское слово вас, что означаетъ село. Кромѣ того, для понятія о деревнѣ, въ сербскомъ языкѣ существуетъ слово—прнявор. Въ русскомъ языкѣ слово весь, какъ извѣстно, почти не употребляется; оно означаетъ маленькую деревеньку. Слово весь (весь) рѣдко и въ лѣтописныхъ нашихъ памятникахъ; въ лѣтописяхъ XI—XIII вѣковъ оно упоминается лишь нѣсколько разъ. Нашей градаціи: деревня (или небольшое село), большое село (или поселокъ), посадъ и городъ въ Крайнѣ болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ градація: васъ, село, тыргъ (trg), мѣсто (mesto). Слово, соотвѣтствующее нашему слову городъ—градъ (grad), по словински означаетъ, какъ и сербское слово град, замокъ, укрѣпленное мѣсто, крѣпость. Въ частности въ Черногоріи град означаетъ дворъ, обнесенный стѣной, напр. въ монастырѣ. Градити (по сербски) строить, сооружать; graditi (по словински)—сооружать, окружать заборомъ (ср. русс. городить).

³⁾ Таборъ (tabog) означаетъ и лагерь и замокъ, а также народное собраніе. Въ старину, во времена турецкихъ набѣговъ, въ церковныя таборы сбѣгались поселяне, находя здѣсь защиту.

знаютъ дома деревни. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ каменная изгородь домовъ имѣетъ ворота, причемъ они скорѣе служатъ для красоты: въ домъ можно проникнуть и помимо нихъ, такъ какъ изгородь не окружаетъ всего дома. Кромѣ церкви въ деревнѣ обыкновенно находится одна, а то и нѣсколько часовенъ (cerkvica), въ большинствѣ случаевъ съ рельефнымъ изображеніемъ Богоматери. Въ бойкихъ мѣстностяхъ дома деревни всѣ, или почти всѣ каменные, въ болѣе глухихъ—полукаменные и деревянные. Деревня обыкновенно не лишена гостинницы, такъ называемой гостилны (gostilna) или даже двухъ, трехъ. Въ нихъ имѣется нѣсколько комнатъ для ночлега и общая комната—харчевня. Последнихъ можетъ быть двѣ: для простого народа и

ЧЕРТ. 3 (см. рис. 3). Сарайница на гортъ Черна Пырсть. А—вѣжа; В—камра; а, а—двери; с—очагъ; п—нара-кровать; г, г—рядъ полокъ по стѣнѣ одна надъ другой.

ЧЕРТ. 4 (см. рис. 4). Таверъ на гортъ Столь, выстроенный въ 1859 году. А—коча; А₁, А₂—каморцы (млекарни); А₃ и А₄—пограды: А₃—съ дровами, А₄—съ постелью; Н, Н—навѣсы (хлѣвы) для коровъ; К, К—свиноушники; а—входная дверь; b, b—окна; с—очагъ; d—двѣ ступени; l, l—прикрепленные скамьи; п, п—нары—кровати; г, г—полки съ молокомъ.

для „чистой“ публики. Гостинницы посѣщаются охотно и крестьянами и проезжими туристами. Пиво, мѣстное крайнское вино (sviček), курица, простокваша, колбаса и т. п. обыкновенно никогда не отсутствуютъ въ деревенскихъ гостинницахъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя устроены комфортабельнѣе, часто устраиваются на лѣто дачники, пользуясь чистымъ помѣщеніемъ въ положительныхъ сторонахъ дачной жизни за весьма скромную плату. Лавочка „краснаго“ и иного товара, кузница, водяная мельница (вѣтренныхъ не существуетъ), иногда лѣсопилня, составляютъ вмѣстѣ съ гостилней весьма обычную принадлежность верхне-крайнской деревни. Вблизи ея на поляхъ разставлены, такъ называемые стоги ¹⁾. Большее или меньшее число ихъ опредѣляетъ большую или меньшую численность дворовъ (dvor) деревни, ихъ сравнительная длина—размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ и степень благосостоянія тѣхъ или другихъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ деревни расположены густо, онѣ

¹⁾ См. подробности и рисунки въ статьѣ «Крестьяннѣ Австрійской Краины и его постройки». «Живая Старина», 1902, выпускъ I.

чередуются съ полями, иногда съ небольшими прилѣсками. Собственно лѣса занимаютъ горы, и именно тѣ части ихъ, которыя не заселены деревьями. Среди лѣсовъ и около нихъ въ изобиліи разбросаны горные дуга; выше лѣсовъ — пастбища.

II. Простѣйшія постройки.

Оставляя поселки и вѣдряясь собственно въ горы, подымаясь на ихъ высоты, въ Верхней Краинѣ встрѣчаешься съ тѣмъ разрядомъ людей, которые ведутъ образъ жизни, нынѣ уже совершенно чуждый массѣ словинцевъ-крестьянъ. Это горные пастухи, молочники и сыровары. Проводя большую часть года вдали отъ селеній и ихъ обитателей, подвергаясь невгодамъ альпійскаго климата, эти лица весьма опредѣленно отличаются, по своему умственному и душевному складу, отъ общей массы своихъ сородичей. Сохранивъ міросозерцаніе, чуждое поселянину, пастухи и молочники сохранили и тѣ типы построекъ, которые совершенно неизвѣстны въ качествѣ жилья обитателю деревень. Эти первобытныя постройки, расположенныя обыкновенно не ниже, какъ на высотѣ 1.000 м., представляютъ выдающійся интересъ въ дѣлѣ наученія развитія жилищъ вообще и въ частности таковыхъ у словинцевъ.

Понятія: пастухъ и молочникъ въ Верхней Краинѣ существенно различны. Первый (pastir) имѣетъ надзирать за ввѣреннымъ ему стадомъ и ведетъ какъ бы кочевой образъ жизни, то находясь выше въ горахъ, то спускаясь ближе къ селеніямъ, въ зависимости отъ времени года. Какихъ либо особыхъ обязанностей, отличающихъ пастуха-„пастира“ отъ пастуха вообще, въ обычномъ значеніи этого слова, не имѣется. Жильемъ и пристанищемъ для него служатъ кочие, либо станъ, либо байта, (коѣпе, stan, bajta), — постройки почти одинаковаго вида и воспріятое разное наименованіе, повидимому, преимущественно въ связи съ данною мѣстностью.

Что касается молочника, называющагося чедникомъ (čednik ¹⁾), то обязанности его довольно сложны. Ему ввѣряется нѣкоторое количество коровъ, которыхъ онъ доитъ. Кромѣ того онъ обязанъ перерабатывать молоко въ масло, простоквашу, сыръ. За этими продуктами, какъ и за сливками, владельцы данныхъ коровъ приходятъ сами, подымаясь въ горы. Жилищемъ чеднику служатъ либо кочие, либо таможъ (tamog), либо, если въ зданіи вырабатывается спеціально сыръ, — сира рница (sirarnica). Все учрежденіе, гдѣ находится и работаетъ чедникъ, т. е. его домъ, помѣщеніе для скота и т. п. называется приставница, пристава, маѣерія (pristavnica, pristava, majerija).

¹⁾ Слово это означаетъ и пастуха вообще; čeda—стадо. (Чаше čreda, латв. чрѣла. р. череда (въ томъ же смыслѣ)).

1. Кочне. Остановимся прежде всего на кочне ¹⁾. Этого рода постройка изображена на рис. I. На низкомъ, грубо сложенномъ фундаментѣ покоится бревенчатый срубъ, не превышающій роста человѣка. Срубъ этотъ покрытъ деревянной двускатной крышей, сложенной изъ короткихъ досокъ. Крыша, выступая вмѣстѣ съ держащими ея бревнами къ фронтому, образуетъ довольно значительный откосъ и „отливается“ къ боковымъ сторонамъ постройки, образуя здѣсь, какъ и съ фронтона, навѣсъ. Подобнаго рода кочне

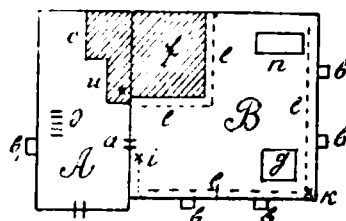
¹⁾ Слово коча, отъ котораго происходитъ кочне, а также подобныя кочѣ слова очень распространены въ славянскихъ языкахъ, въ частности въ языкахъ южныхъ славянъ. Словинцы различаютъ слова коѣа и куѣа. Первое означаетъ хижину, баракъ, домишко (коми коѣо dati—пріютити). Второе же слово означаетъ домъ. Поэтому коѣса—хатка, коѣаг—обитатель хижины, коѣевати—кочевать. коѣовникъ—обитатель хижины и кочевникъ—номадъ. Слово же куѣа, происходящее отъ куѣа, означаетъ сожитель; куѣникъ—содержатель дома, куѣагиса—хижина, баракъ. Въ Хорватии и Славоніи слово кутја означаетъ деревенскій домъ, избу. На сербскомъ языкѣ куча означаетъ кухню и домъ вообще. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается и столовая и комната въ домѣ для супруговъ; кучич или кучевич—происходящій изъ хорошаго дома, хорошей семьи; кучити—хозяйничать, вести хозяйство въ домѣ; кучица—доминокъ; кучор—домъ пастуха на колесахъ; кут—уголъ, сѣни; закутак—уголъ, кучерица—хижина. Въ Черногоріи слово куча означаетъ и домъ вообще и въ частности домъ со всѣмъ имуществомъ (со скотомъ и землею); кутја—основная комната съ очагомъ въ двурядѣльномъ жилищѣ. Въ Босніи слово куча означаетъ помѣщеніе съ очагомъ, а выраженіе «велика куча» есть синонимъ задруги. Въ Болгаріи слово кышта (кѣшта, кѣща) означаетъ домъ вообще; кыштица—доминокъ; кыштень—домашній; кыштиникъ—домоводъ; кыштинна—домашняя подвижность; кыштурка—хижина, доминокъ. Слово, соответствующее словинскому коча, не чуждо и русскому языку. Оно извѣстно въ церковно-славянской формѣ куца и означаетъ шатеръ, палатку, навѣсъ, сѣни, скинью, (слово куца переводится на сербскій языкъ словами: кушта, колебица, шаторъ, а на словинскомъ—словомъ ѿлог). Кушникъ—житель кущи; кушевати—жить въ кущѣ; кочевати—имѣть очевидно свое происхождение отъ слова коча, такъ же какъ и кочевникъ, т. е. обитатель кочы. Далѣе русскому языку извѣстны слова, также ближайшимъ образомъ связанныя со словами коча: куть, куть, кутникъ. Слова эти означаютъ уголь, въ частности одинъ изъ углей избы, напр. придверный уголь, конникъ въ Тверской, Псковской, Рязанской, Тульской, Пензенской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Вятской губерніяхъ. Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Воронежской, Курской, Калужской, Вологодской, Пермской, Архангельской и Саратовской, куть означаетъ бабій уголь въ избѣ или стряпню за перегородкой, а въ Новгородской и Псковской—красный уголь; въ Малороссіи покутъ—красный уголь; у словинцевъ ко т—уголь, въ частности красный уголь. У старожилческаго населенія Сибири подъ словомъ куть подразумѣвается кухня. Быть можетъ именно въ значеніи чего-то непрочнонаго, передвижнаго, какой очевидно была первоначальная коча слѣдуетъ понимать старинное теперь почти неупотребляемое слово коча (кочѣ, кача), какъ названіе паруснаго судна на сѣверѣ. На такихъ кочахъ плыли въ 1674 году стрѣльцы изъ Архангельска къ осажденному Соловецкому монастырю. Все выше сказанное не позволяетъ сомнѣваться, что слово коча и ему подобныя выражаютъ понятіе о древнѣйшемъ жилищѣ словинцевъ и многихъ другихъ, а быть можетъ и всѣхъ славянъ. Это жилище, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться невозможно, свойственно было словинцамъ (быть можетъ и остальнымъ славянамъ) въ эпоху кочевого, бродячаго образа жизни. Изъ этого само собою разумѣется, что первоначальная коча (или какъ-бы она ранѣе не называлась: куча, куть, куть и т. п.) представляла шалашъ, палатку. Позже на своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что на такое предположеніе даютъ основанія и современныя жилища нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностей. Интересно отмѣтить, что коча (и подобныя слова) означаютъ домъ, помѣщеніе для очага, задругу, т. е. все то, что легло въ основу человѣческаго и въ частности славянскаго существованія. Коча не имѣетъ ничего общаго съ кочевьемъ и качевати. Сходство чисто случайное.

Ред.

можетъ либо представлять почти квадратное основаніе, либо имѣть болѣе удлиненную форму, какъ то видно на рисункѣ 53, представляющемъ жилое кочне съ боковой стороны. Это зданіе, стоящее на откосѣ, имѣетъ внизу его характерную пристройку, а именно—навѣсъ для скота, называющійся хлѣвомъ (hlev). Все зданіе обнесено заборчикомъ изъ жердей и представляетъ въ нѣ-которомъ родѣ обособленный дворъ.

На 53-мъ рисункѣ ясно видно, что все зданіе раздѣляется на двѣ неравныя части поперечной стѣной, бревна которой торчатъ наружу. Это, по-видимому, типичная особенность описываемыхъ кочне. Внутреннее ихъ устройство слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 1,

изображающій кочне, воспроизведенное на рис. 1). Наружная дверь, находящаяся на фронтовой сторонѣ, прорѣзана въ срубъ такъ, что при входѣ въ нее надо перешагнуть черезъ два вѣнча бревна. Эта дверь ведетъ въ помѣщеніе (А) около двухъ аршинъ длины и менѣе аршина глубины. Помѣщеніе не занимаетъ всей фронтовой части кочне, такъ какъ рядомъ съ нимъ удѣлено мѣсто свиному (Б, съ входомъ а₁). Входъ въ послѣдній виденъ справа, на рис. 1 (см. квадратное отверстіе). Описанное переднее помѣщеніе, по объясненію пастуховъ, предотвращаетъ забѣганіе внутрь свиней. Изъ него ведетъ прорѣзанная въ срубъ почти квадратной формы дверь во внутреннее помѣщеніе (А₁). Съ лѣваго бока двери маленькое оконце (b₁). Внутри помѣщенія находится сбоку очагъ (с), передъ нимъ сбоку же скамья (t), да еще съ правой стороны на (u) для сна. На задней стѣнкѣ имѣется полка (г), на которой расположены чашки съ молокомъ, а надъ очагомъ приспособлены жерди, на которыхъ размѣщаются дрова для сушки. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и камня и обдѣланъ съ боковъ, внизу и сверху досками. Высота его $\frac{3}{4}$ аршина, а форма—опрокинутая усѣченная пирамида. Внутреннее помѣщеніе кочне потолка не имѣетъ и свободно открывается подъ крышу, которая пропускаетъ сквозь свои доски дымъ съ очага. Въ переднемъ помѣщеніи положены горизонтальныя жерди, отдѣляющія какъ-бы чердачное помѣщеніе. На жердяхъ, какъ это видно на рис. 1, сложены доски. Описанное кочне, расположенное на высотѣ приблизительно 1.600 м. на горѣ Черна Пырстъ (Črna Prst—Черная Земля, 1.860 м. высотой), служить жильемъ для чедника.

ЧЕРТ. 5 (см. рис. 5). Домъ въ деревнѣ Верхнее Горье, выстроенный лѣтъ 60—70 тому назадъ. А—вѣжа; В—хища; а, а₁—двери; b, b₁—окна; b₁—маленькое окно; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обдѣанный столъ; i (крестикъ)—крошальница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленныя скамьи; n—кровать; n (крестикъ)—топка печи.

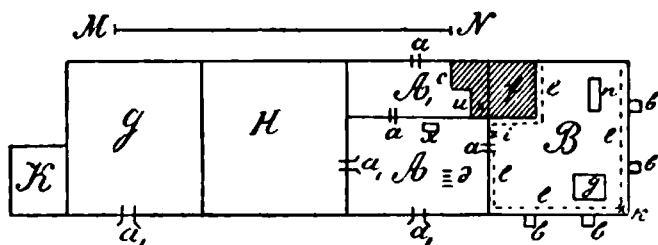
Не переходя пока къ другому рода жилищамъ пастуховъ и молочниковъ, слѣдуетъ отмѣтить, что описанное кочне, несмотря на свою первобытность, носить тѣ характерныя черты во внѣшнемъ своемъ устройствѣ, которыя повторяются какъ типичныя черты въ развитыхъ жилыхъ домахъ верхне-крайискаго словинца. Эти черты главнымъ образомъ слѣдующія: крыша, сложенная изъ короткихъ досокъ, двускатная, съ значительнымъ отливомъ и относомъ; каменный фундаментъ, бревенчатый срубъ съ перекрещивающимися концами и тѣсно примыкающее къ жилью помѣщеніе для скота. Но въ кочне есть одна черта, рѣзко отличающая его отъ жилыхъ построекъ, находящихся въ деревняхъ и представляющихъ болѣе развитые типы, а именно въ послѣднихъ входная дверь не помѣщается, какъ у кочне, съ фронтона, а находится съ длинной стороны зданія.

Умѣстнымъ представляется здѣсь же отмѣтить, что кочне, служащее жильемъ на горныхъ высотахъ нѣкоторыхъ мѣстностей Верхней Краины, утратило это свое значеніе въ другихъ мѣстностяхъ. А именно: вблизи деревень именемъ кочне называются тѣ сарайчики для сохраненія сѣна, которые въ изобиліи разбросаны неподалеку отъ деревень на горныхъ сѣнокосныхъ лугахъ. Подобное кочне, имѣющее, какъ и жилое кочне, входъ съ фронтона, изображено на рисункѣ 54. Тамъ, гдѣ кочне служитъ для жилья, сѣнныя сарайчики называются свисле (svisle¹⁾). Если сѣнное кочне въ нижней своей части приспособляется для загона овецъ, то оно имѣетъ форму, изображенную на рис. 40 (въ горахъ у Виятгара), при чемъ входъ продолжаетъ оставаться съ фронтона и кочне своихъ основныхъ внѣшнихъ чертъ не утрачиваетъ. Нижняя часть такого кочне называется хлѣвъ (hlev), а верхняя надъ-хлѣвъ (nadhlev). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣнное кочне называется и коча. Такая постройка, въ существѣ тождественная съ кочне, изображена на рис. 23 (съ горъ у дер. Ратече-Вѣлопечь). Совершенно подобнаго кочне вида имѣется въ Верхней Краинѣ рядъ хозяйственныхъ построекъ, какъ, напримѣръ, отдѣльно стоящій кевдеръ (kevder), т. е. погребъ для сохраненія картофеля или, напримѣръ, паштба (paštba, изображенная на рис. 44, изъ деревни Бохиньска Бѣла), служащая для сушки плодовъ²⁾. Для этой сушки въ паштбѣ помѣщается печь, съ топкою сваружи, и деревянныя рамы, на которыя раскладываютъ подлежащія сушенію яблоки и груши. Изображенное на рис. 44 зданіе сооружено для безопасности изъ камня, какъ, впрочемъ, и всѣ жилыя дома въ названной деревнѣ. Кочне не утрачиваетъ своихъ формъ и въ томъ случаѣ, когда оно является совершенно современной постройкой, сооруженной

¹⁾ Правильнѣе, повидимому, свисель (svisel). Слово это означаетъ и сѣноваль.

²⁾ Быть можетъ, правильнѣе: паштва или паства (paštva, pastva). Послѣднее слово означаетъ выгонъ, то же что паша (paša); пашевати (paševati)—пасты.

не изъ бревенъ или камня, а изъ досокъ, приколоченныхъ къ легкому остову (см. рис. 39, въ горахъ у Яворника). Въ основу этого рода кочне легъ, по-видимому, остовъ, встрѣчающійся часто при домахъ въ деревняхъ Верхней Краины, исполняющій разное назначеніе и изображенный на рис. 42 (изъ дер. Кушеникъ). Это сооруженіе, называющееся то ута (uta), то лопа (lora), то шупа (šupa), то стогъ зъ лопа (stog z lora), то дырвница или дырварница (drvница, drvvarnica¹⁾), представляетъ отдѣльно стоящій навѣсъ, въ верхней части котораго сохраняется или сѣно или сельско-хозяйственные орудія, а въ нижней—телѣги или дрова или то и другое вмѣстѣ²⁾).

ЧЕРТ. 6 (см. рис. 6). Домъ въ горахъ у деревни Ратече-Бѣлопечъ, выстроенный въ 1794 году. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хѣша; Н—хлѣвъ; Г—сѣноваль; К—свинушникъ; М—N—дорога; а, а₁—двери; а₁, а₁—ворота; б, в—окна; с—очагъ; д—дѣстница на чердакъ; г—печь; г—обѣденный столъ; и (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятие; л, л—скамьи; п—кровать; у (крестикъ)—топка печи; х—омара.

На границѣ съ Каринтіею (Корошко) въ Верхней Краинѣ встрѣчаются кочне, отличающіяся отъ описанныхъ тѣмъ, что двускатная ихъ крыша образуетъ вальмы съ характерно выступающимъ гребнемъ, а равно навѣсъ. Подобное зданіе, называющееся у мѣстныхъ жителей коча (коша), изображено на рис. 23 (въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечъ). Оно имѣетъ два входа, оба съ фронтона: одинъ подъ навѣсомъ ведетъ въ хлѣвъ, а другой съ противоположной стороны по особому, сложенному изъ камней и земли, всходу въ верхнюю часть—въ сѣнникъ.

¹⁾ Подъ словомъ ута понимаютъ и хижину и бесѣдку въ саду. Лопа тоже означаетъ хижину, а также сѣно и церковный притворъ. Дырвницей называютъ и колунъ, топоръ. Подъ стогомъ подразумѣвается и сарай и рамы для сушки сѣна и сноповъ и т. п. Стогъ на сербскомъ языкѣ означаетъ сѣнной сарай; у насъ, какъ извѣстно, собранное въ кучу сѣно. Слово šupa очевидно стоитъ въ связи со словами: šupelj—пустой, dirpilna—пещера. Быть можетъ существуетъ связь между šupa и нѣмецкимъ словомъ Schuppen, т. е. сарайчикъ, ящикъ. Слово шупа, въ смыслѣ нѣмецкаго Schuppen, извѣстно и сербскому языку; шупаль—пустой.

²⁾ Помянутого рода сооруженія стоятъ въ основѣ своей близко къ чисто сельско-хозяйственнымъ постройкамъ, какъ стогъ, козолоцъ и др. (см. «Крестьянскія Австрійской Краины и его постройки»).

2. Байта. Вышеупомянутая байта¹⁾ имѣть равнымъ образомъ совершенно схожее съ кочне внѣшнее строеніе. Рисунокъ 2 изображаетъ байту съ горы Столъ на высотѣ 1.120 м. Выдающійся интересъ представляетъ внутреннее помѣщеніе этой байты, близкое, впрочемъ, къ внутреннему устройству жилого кочне. Изображенная на рисункѣ 2 байта выстроена въ 1830 году²⁾. Прежде она служила убѣжищемъ для чедника и лишь впоследствии была занята пастухомъ. Постройка почти квадратной формы (см. планъ на черт. 2) и состоитъ лишь изъ одной камеры. Входъ съ фронтона черезъ дверь (а), противъ которой на противоположной стѣнѣ прорѣзано узкое, ничѣмъ не закрытое, оконце въ видѣ просвѣтца; подобный же прорѣзъ находится непосредственно надъ дверью. Справа помѣщается сложенный изъ камней, покрытый сверху кирпичемъ и обдѣланный досками очагъ (с), въ видѣ низкой четырехгранной призмы. Задняя часть помѣщенія, имѣющаго въ длину 4, а въ ширину 3 аршина, занята сплошь нарыю (п—п), служащей для устройства постелей. Высота нары отъ пола 1 аршинъ. На правой и лѣвой стѣнахъ (г, г) придѣланы полки. Помѣщеніе имѣетъ бревенчатый потолокъ на высотѣ 2³/₄ аршина отъ пола; послѣдній ничѣмъ не покрытъ, земляной. Надъ очагомъ въ потолокъ прорѣзано подобное упомянутымъ просвѣткамъ отверстіе для выхода дыма.

3. Станъ. Что касается того зданія для пастуховъ, которое называется станомъ³⁾, то оно по внѣшнему своему виду почти ничѣмъ не

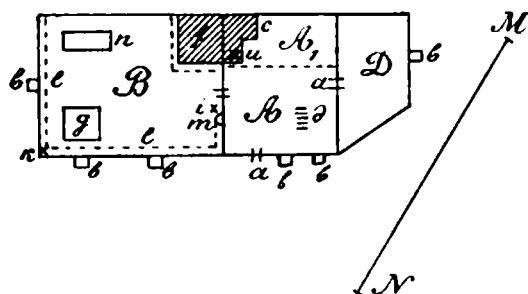
¹⁾ Байта означаетъ хижину, хату вообще; bajtar или bajtovnik—обитатель хижины; bajtarija—хижина, маленькая земельная собственность; bajtica—хижинка, хатка; bajtišce—мѣстность, занятая хижинами. Въ смыслѣ хижины, бѣднаго дома, на словинскомъ языкѣ употребляется и слово kajža, стоящее вѣроятно въ связи съ нѣмецкимъ словомъ Keusche; kajžar—обитатель, владѣлецъ бѣднаго дома; kajžarija—небольшой дворъ (въ смыслѣ земельной собственности).

²⁾ Цифра года вырѣзана на косякѣ двери. Обозначеніе года постройки именно на входной двери есть обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ.

³⁾ Станъ у словинцевъ означаетъ: пріютъ, домъ, жилище, ночлегъ, палатка; станѣица (stanica)—камера, комната, жилая комната. Умѣстнымъ представляется отмѣтить, что слово станъ встрѣчается въ языкѣ и другихъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ Черногоріи станомъ называется временное помѣщеніе вообще; далѣе крытое помѣщеніе для скота и наконецъ плетеное помѣщеніе съ досчатымъ поломъ и соломенной крышей, прикрѣпленное къ полозьямъ и служащее для перевозки молочныхъ скоповъ. Въ Герцеговинѣ слово стан употребляется въ смыслѣ нашего становища; въ Сербіи—въ смыслѣ дома вообще. Въ Босніи подъ станомъ понимаютъ жилище вообще, а также хижину пастуха. Въ сербскомъ языкѣ вообще стан, настанакъ означаетъ домъ, жилище, временное жилище, наконецъ становище въ нашемъ значеніи слова; станар—пастухъ. Подобное значеніе сохранило слово станъ и въ русскомъ языкѣ. Такъ, станомъ называются на Волгѣ мѣста, занимаемыя ловцами рыбы и рыборотловцами на берегу рѣки, для приготовленія рыбныхъ продуктовъ весной и осенью. Для этого раскидываются шалаши и камышковые «лобазки» для просола рыбы; Станомъ же именуютъ у насъ и мѣста остановокъ кочующихъ цыганъ; ставкой—стоянку кочевника (ср. Ханская Ставка). Слово станица очевидно имѣло первоначально то же значеніе временнаго жилища у казаковъ. жилища, которое мы въ настоящее время называли бы ла-

отличается отъ изображенной на рис. 2 байты въ томъ случаѣ, если станъ выстроенъ изъ дерева. Въ томъ же случаѣ, когда станъ построенъ изъ камня, внѣшній его видъ совершенно совпадаетъ съ изображенной на рис. 44 паштбой. Станъ служить убѣжищемъ для пастуховъ въ осеннее время, когда на горныхъ высотахъ выпали уже снѣга, и стада въ поискахъ за кормомъ спускаются ниже. Около стана, сбоку его обыкновенно помѣщается выдолбленный стволъ дерева (корыто, *korito*¹⁾ для собиранія дождевой воды. Внутреннее устройство стана совершенно соответствуетъ устройству упомянутой байты.

Описанныя постройки, служащія жильемъ для тѣхъ лицъ, которые посвящали себя горному скотоводству, представляютъ, какъ въ томъ сомнѣ-

ЧЕРТ. 7 (см. рис. 7). Домъ въ деревнѣ Верхняя Горя. А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага ступеню ниже вѣжи, отдѣленное отъ нея по потолку; В—хиша; Д—схрамба; М—N—дорога; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; е—печь; г—столъ; и (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятие; л, л—скамьи; ш—омарце; ц—кровать; у (крестикъ)—топка печи.

ваться нельзя, низшіе типы жилья, сохранившіеся въ Верхней Крайнѣ. Каждое изъ упомянутыхъ зданій несетъ ту или иную характерную черту примитивнаго быта. Такъ, жилое кочие лишено потолка; байта и станъ представляютъ однокамерныя постройки съ очагомъ; всѣ названныя постройки лишены пола и такъ или иначе настоящихъ оконъ и т. д.

По внѣшней своей формѣ всѣ эти сооруженія представляютъ покрытый двускатной (съ отливомъ и относомъ) крышей срубъ, съ входной дверью съ

геремъ. Наконецъ подъ становищемъ, какъ извѣстно, между прочимъ подразумѣваютъ лагерь разбойниковъ и т. п. Въ Черногоріи слово станъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшивается со словами, тѣсно связанными со словомъ коча и тому подобными. Такъ, въ Черногоріи станъ, смотря по своей формѣ, можетъ называться и котара, кутјера, кутјара. Все это едва-ли не указываетъ, что станъ слѣдуетъ понимать какъ синонимъ кочни. т. е. въ смыслѣ шалаша, палатки или тому подобнаго легкаго, передвижнаго, первобытнаго жилища.

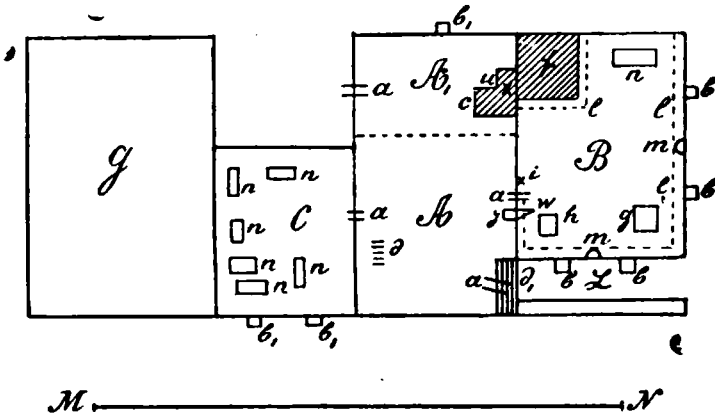
¹⁾ Слово это (ср. наше корыто) означаетъ и ясли, а также ложе рѣки; въ томъ же смыслѣ употребляется и слово корито на сербскомъ языкѣ.

фронта. Можно думать, что именно кочне служило когда то обычным жильем для предков современных словинцев. Съ течениемъ времени это первобытное жилье было ими оставлено. Оно сохранилось въ качествѣ жилого помѣщенія лишь у того разряда людей, которые, какъ пастухи и чедники, ведутъ тотъ образъ жизни, который нѣкогда, быть можетъ, былъ свойствененъ всѣмъ предкамъ словинскаго племени. Остальная масса словинцевъ, забросивъ первоначальное свое жилье и перейдя въ дома, болѣе соответствующіе усовершенствованному въ культурномъ отношеніи быту, продолжаетъ пользоваться кочне какъ сооруженіемъ, исполняющимъ хозяйственныя задачи — сохраненіе сѣна на горныхъ лугахъ. Правильность высказываемой мысли какъ бы подтверждается тѣми обстоятельствами, что бѣдныя, однокамерныя хаты въ деревняхъ Крайны, встрѣчающіяся, впрочемъ, очень рѣдко, и по настоящее время называются *коча*, т. е. тѣмъ именемъ, какимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны называются горныя сѣнные сарайчики. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ въ Крайнѣ, такъ и въ Босніи и Черногоріи слово *куча* обозначаетъ домъ вообще, въ Черногоріи въ частности — дома со всѣми имуществами, т. е. дворъ, а въ Босніи словомъ *куча* обозначаютъ и кухню (тоже *кухня*) и ту комнату въ двукамерныхъ постройкахъ, которая содержитъ очагъ, т. е. основную часть жилья. Подобную комнату черногорцы и въ частности *васоевичи* называютъ *кутя*. Наконецъ, *коча*, какъ основная часть жилья, сохранилась и въ Верхней Крайнѣ. Этимъ словомъ называется существенная часть того жилья чедниковъ, которая именуется *таморъ*.

4. Таморъ. Таморъ ¹⁾ представляетъ во многихъ отношеніяхъ очень интересное сооруженіе. Внѣшній его видъ изображенъ на рис. 4 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Это каменное покрытое двускатной крышей зданіе, щитъ котораго закрытъ вертикально расположенными досками. Входная дверь находится съ длинной стороны постройки, гдѣ помѣщаются два не большой величины и почти квадратной формы окна, по одному съ каждой стороны двери. Крыша крыта обычнымъ для Верхней Крайны способомъ: короткими досками. Со стороны фронтоновъ помѣщаются спереди по свинушнику, а сзади по навѣсу для коровъ, называемому *хлѣвомъ*. Что касается внутренняго устройства, то оно слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 4): по двумъ ступенямъ входяшь черезъ дверь (на косякѣ вырѣзана цифра 1859 г.) въ довольно обширное помѣщеніе, лишенное потолка, открывающееся непо-

¹⁾ Слово *таморъ*, какъ кажется, не извѣстно другимъ славянскимъ языкамъ; на словинскомъ слово это тоже рѣдко и имѣетъ лишь одно значеніе — жилья чедника; производныхъ отъ слова *таморъ* нѣтъ и въ словинскомъ языкѣ. Слово это не славянскаго происхожденія, быть можетъ иллирійскаго или кельтскаго. — Слово *tamor*, *oga*. (Слов. Плетершняка) — *tamar*, *хлѣвъ* при горныхъ кочахъ, — а с. *tamar* — *die Viehhürde*, *die Pferche* — сопоставлено съ нѣм. *tummer*, *tunger* а *tamaifi* — *pferchen*, *durch Pferchen oder Hürden dungen*.

средственно подъ крышу и называющееся коча (А). Въ серединѣ этого помѣщенія находится продолговатый, высотой въ $\frac{3}{4}$ аршина, очагъ, занимающій значительную часть кочи. Последняя не имѣетъ оконъ. Задняя часть кочи занята устроенной черезъ все помѣщеніе нарой (pograd¹). Правая треть ея служитъ мѣстомъ для постели (Аз), на остальныхъ двухъ третяхъ сложены дрова (Аз). Вдоль нары и по боковымъ стѣнамъ расположены прикрѣпленные скамьи (l, l). Къ передней стѣнѣ, а также отчасти къ правой боковой прислонены низкія полки, въ видѣ скамеекъ, служащія для поставки посуды (г, г). Справа и слѣва отъ кочи находятся за деревянной, высотой въ сажень, перегородкой комнатки, называемыя камерци или млекарни (mlekarica; см. буквы: А₁). Помынутыя перегородки служатъ опорой для двухъ повоющихъ на нихъ длинныхъ жердей (gliste²). Эти жерди, расположенныя

ЧЕРТ. 8 (см. рис. 8—А и Б). Домъ въ деревнѣ Бѣдѣ, выстроенный въ 1766 году. А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага ступенью ниже и ничѣмъ отъ нея не отдѣленное; В—хиша; С—чумната; G—складъ; L—крыльцо; М—N—улицы; а, а—двери; b, b—окна; b₁, b₁—маленькія окна; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d₁—лѣстница съ крыльца; f—печь; g—обѣденный столъ; h—столъ для раскатыванія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати (въ чумнатѣ дѣтскія); u (крестикъ)—топка печи; w—лева; y—дымникъ левы.

другъ къ другу параллельно, пересѣкаютъ такимъ образомъ всю кочу по ея серединѣ какъ разъ надъ очагомъ. Жерди эти служатъ помѣщеніемъ для дровъ, сушащихся отъ тепла, исходящаго съ очага. Указанныя млекарни имѣютъ каждая по одному окну (b, b) и служатъ частью для сохраненія молока, размѣщаемого въ чашкахъ на полкахъ (г, г), частью въ качествѣ

¹) Поградъ на словинскомъ языкѣ означаетъ складъ дровъ; поградити (pograditi)—строить, окружать изгородью, заборомъ.

²) Слово это, вѣроятно, стоитъ въ связи со словомъ глиста (glista), что означаетъ дождевого и ленточнаго червя; глистастъ (glistast)—червеподобный.

спаленъ, а именно, въ нихъ помѣщается по одной нарѣ съ постелью у оконъ (п, п).

Если откинуть въ описанномъ зданіи млекарни, какъ образованіи второго порядка, приспособленныя для спеціальныхъ функцій, то въ таморѣ нельзя не признать простѣйшей постройки, совершенно схожей съ описанными выше жилимъ вочне, байтою и станомъ. Какъ эти, такъ и таморъ представляютъ жилье въ одну камеру, безъ потолка и оконъ, содержащее лишь самое необходимое для обитанія: очагъ и нару для постели. Въ частности въ изображаемомъ на рис. 4 и чертежѣ 4 таморѣ очагъ сохранилъ свое первобытное, какъ можно думать, мѣстоположеніе: въ серединѣ жилья. Это явленіе не представляется однако для тамора обязательнымъ, и вовсе не рѣдкостью является очагъ, сдвинутый въ правую или лѣвую сторону помѣщенія. Въ помянутомъ таморѣ входная дверь, въ отличіе отъ байты, кочве и стана, помѣщается не на фронтальной, а съ длинной стороны постройки, къ въ этомъ отношеніи данный таморъ представляетъ отклоненіе въ сторону болѣе развитыхъ современныхъ верхне-крайнихъ построекъ. Это отклоненіе стоитъ, очевидно, въ прямой связи съ пристройкою со стороны фронтоновъ какъ помянутыхъ камеръ, такъ и хлѣбовъ съ свинушками (Н, Н и К, К).

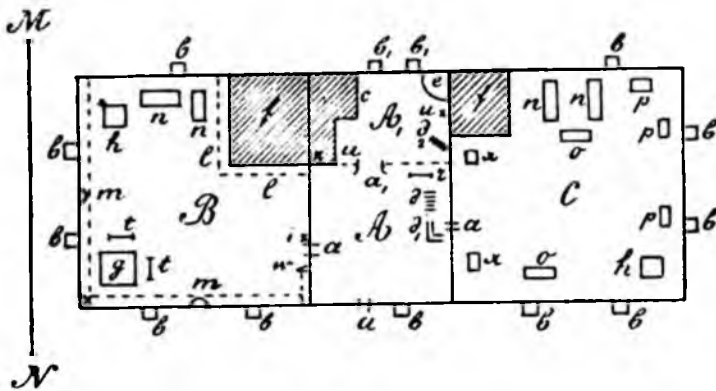
На основаніи приведенныхъ данныхъ о простѣйшихъ зданіяхъ Верхней Крайны слѣдуетъ придти къ заключенію, что современный верхне-крайній домъ уже въ раннюю эпоху своего развитія имѣлъ двускатную крышу, которая неизмѣнно сохраняется во всѣхъ мѣстныхъ постройкахъ, не исключая и самыхъ развитыхъ. Вальмы, эти рудименты четырехскатной крыши, встречающіеся какъ довольно обычное явленіе въ развитыхъ постройкахъ Верхней Крайны, возможно, повидимому, разсматривать какъ результатъ вліянія постороннихъ архитектурныхъ мотивовъ ¹⁾.

Двускатность крыши въ простѣйшихъ постройкахъ Верхней Крайны позволяетъ, какъ кажется, предполагать, что въ основу ихъ легли тѣ естественныя углубленія въ горной почвѣ (пещеры, ямы, ниши), которыя служили первобытному человѣку жильемъ. Устраивая для защиты отъ дождя и другихъ неблагопріятныхъ явленій навѣсы надъ мѣстомъ своего убѣжища, первобытный человѣкъ тѣмъ самымъ получалъ простѣйшій элементъ будущаго искусственнаго жилья. Къ этой мысли приводятъ сооружаемые и нынѣ чединками навѣсы для убѣжища скоту, навѣсы, то стоящіе особняками, то тѣсно примыкающіе къ жилью (какъ на рис. 4 и 53). Отдѣльно стоящіе навѣсы, способъ ихъ устройства и характеръ вышшняго вида ясно усматриваются изъ рисунка 55 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Строитель воспользовался

¹⁾ См. «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки».

рельефомъ почвы—склономъ горы, чтобы соорудить изображенное на рисункѣ пристанище для скота. Оно носитъ названіе хлѣвъ (hlev) и состоитъ изъ нижней каменной части, верхней деревянной, съ деревянною же крышею и отрывающейся загородкой изъ жердей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ горныхъ мѣстностяхъ (у чедниковъ) встрѣчаются двускатные хлѣвы: ни что иное какъ два другъ противъ друга поставленные изображенной формы навѣса.

Высказанная выше мысль о двускатности крыши первобытныхъ построекъ Верхней Краины и о происхожденіи послѣднихъ изъ естественныхъ углубленій почвы и искусственного навѣса, мысль, вытекающая изъ данныхъ изложенныхъ наблюдений, встрѣчаетъ какъ бы рѣзкое противорѣчіе въ одномъ

ЧЕРТ. 9 (см. рис. 9). Домъ въ деревнѣ Блѣдъ, перестраивавшійся въ 1831 году. А—вѣжа; А₁—кухня съ широкими дверями; В—хиша; С—чумната; М—N—улицы; а, а—двери; а₁—широкая дверь въ кухню; b, b—окна; b₁, b₁—маленькія окна; d—лѣстница на чердакъ; d₁—двѣ ступени къ помосту передъ входомъ въ чумнату; d₂—шесть ступеней въ кевдеръ; e—котель для варки корма скоту; f, f—печи; g—объединенный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленные скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скриньи; p, p—комоды; r—полка для тарелокъ; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; w—лева; x, x—омары.

обстоятельствъ. А именно: по сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ опытнаго горнаго охотника Л. Л. Іенко обычное жилье чедниковъ является тождественно устроеннымъ съ кочевъ описаннаго тамора, но совершенно иного, чѣмъ послѣдній, вишняго вида. По описанію названнаго лица „типичная“ постройка чедника представляетъ призматическое съ квадратнымъ основаніемъ сооруженіе изъ два этажа. Въ нижнемъ изъ нихъ находится хлѣвъ, въ верхнемъ жильѣ. Въ послѣднее проникають по наружной лѣстницѣ. Зданіе покрыто четырехскатной, пирамидальной крышей. Подобной постройки, не смотря на наши поиски, намъ встрѣтить не удалось, что объясняется, конечно, случайностью. Помянутое зданіе представляетъ въ дѣлѣ исторіи развитія построекъ выдающійся интересъ, такъ какъ въ основѣ развитія его легъ, повидимому, несомнѣнно шалашъ, быть можетъ приспособленный надъ естественнымъ углубленіемъ

почвы, предоставленнымъ для скота. Надо замѣтить, что помѣщеніе хлѣвовъ подъ домомъ, такъ сказать, въ нижнемъ этажѣ его представляетъ и во всей Краинѣ и въ Далмаціи, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи совершенно обычное явленіе. Въ частности въ послѣдненазванныхъ странахъ, гдѣ простѣйшія жилища зданія не представляютъ никакой рѣдкости, устройство дома часто слѣдующее. На склонахъ горы, пользуясь пещеркой или схожимъ съ ней углубленіемъ, строитель ставитъ помѣщеніе для скота, или кладовую, или погребъ („изба“); сверху сооружается жилье въ одну или двѣ намеры. Какъ жилье, такъ и „изба“ доступны обыкновенно безъ лѣстницы въ силу естественныхъ условій почвы: съ одной стороны, входяшь въ избу, а обойдя зданіе съ другой стороны, достигаешь жилья. Однако эти зданія по вѣншнему виду, по крайней мѣрѣ въ Далмаціи, Герцеговинѣ и Черногоріи, не несутъ явныхъ слѣдовъ шатрового происхожденія ¹⁾, хотя они и четырехскатны (см. рис. 50, изъ дер. Дрежница въ Герцеговинѣ). Въ Босніи же, гдѣ домъ всегда съ высоко поднятой четырехскатной крышей, шатровое происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію ²⁾ (см. рис. 49—изъ дер. Долный Вакуфъ). Еще въ большей степени шатровое свое происхожденіе выдаютъ дома племени васоевичей въ Черногоріи. Типъ ихъ дома изображенъ на рис. 48 ³⁾. Домъ этотъ (двукамерный) изображенъ на рисункѣ со стороны входной двери въ жилье; съ противоположной стороны, падающей по откосу горы, находится входъ въ „избу“—помѣщеніе для скота (въ нѣкоторыхъ случаяхъ кладовая или погребъ). Последнее состоитъ частью изъ естественной скалы, частью изъ выведенныхъ искусственно каменныхъ стѣнъ. Такъ какъ домъ васоевичей представляетъ, какъ въ томъ сомнѣваться невозможно, одинъ типъ съ боснійскимъ домомъ, а этотъ послѣдній стоитъ по своему стилю—насколько то пока выяснило дѣло изученія построекъ въ Австріи и на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова—совершенно одиноко, то представляется важнымъ отмѣтить существованіе по вѣншнему виду схожихъ съ боснійскими домами и генетически съ ними, повидимому, связанныхъ построекъ чедниковъ въ Верхней Краинѣ. Однако эти послѣднія постройки ничего общаго не имѣютъ съ остальными сооружениями Верхней Краины, если не считать помѣщенного подъ жильемъ хлѣва (и конечно внутреннего устройства). Поэтому можно думать, что въ основу современнаго верхне-краинскаго дома легло не упомянутое жилье чедниковъ съ пирамидальной крышей, а зда-

¹⁾ Рисунокъ 50 заимствованъ изъ статьи Мерингера (R. Meringer—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Hercegovina. Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herc., B. VII. Wien 1900).

²⁾ Рисунокъ 49 заимствованъ изъ статьи Трухелки (Č. Truhelka—Volksleben въ изданіи: Die österreichisch—ungarische Monarchie in Wort u. Bild. B. XXII. Bosnien u. Hercegovina. Wien 1901).

³⁾ Рисунокъ 48 заимствованъ изъ сочиненія П. Ровинскаго—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. I. Спб. 1897 г.

діе, бывшее уже на первых ступенях своего развитія съ двускатной крышей и представлявшее нѣчто въ видѣ современныхъ кочне, байты и стана, въ основу которыхъ легли, быть можетъ, естественныя углубленія почвы и навісы.

Основной типъ этихъ построекъ проходитъ красной чертой рѣшительно черезъ всѣ крестьянскія зданія Верхней Краины независимо отъ того, изъ какого матеріала они сооружены. Признавая отгнѣченное происхожденіе современного словинскаго дома, мы, конечно, не исключаемъ мысли, что жильемъ первообитаемымъ пра-словинцами могъ быть шалашъ. Напротивъ того, мы думаемъ—объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже—что первичнымъ жильемъ словинцевъ былъ именно шалашъ, имевшійся кочей или кучей, но не сохранившійся въ своихъ первичныхъ формахъ и не передавшій своихъ архитектурныхъ мотивовъ позднѣйшимъ зданіямъ.

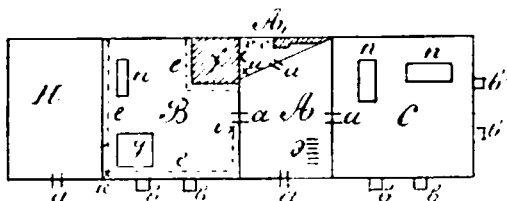
III. Общій характеръ сложныхъ построекъ.

1. Матеріалъ. Можно думать, что предки современныхъ словинцевъ Верхней Краины на зарѣ своей жизни въ этой мѣстности пользовались для своихъ домовъ ¹⁾ деревомъ. Обильные лѣса, покрывающіе горы даже въ настоящее время, представляли всегда хорошій и поддающійся съ легкостью обработкѣ строительный матеріалъ. Конечно, житель уже издавна не пренебрегалъ вѣроятно и камнемъ, употребляя его и для сложенія своего очага и для сооруженія первобытнаго фундамента, тѣмъ не менѣе собственно зданіе воздвигалось, вѣроятно, изъ дерева. Впрочемъ, рельефъ почвы долженъ былъ вынуждать строителя пользоваться для своихъ построекъ и камнями. Склонъ горы затрудняетъ возможность дать зданію горизонтальное положеніе, если оно цѣлкомъ изъ дерева, между тѣмъ при помощи камня горизонтальнаго положенія достигнуть не трудно. Навѣсы—хлѣвы, изображенные на рисункѣ 55, а также кочне, изображенное на рис. 54, служатъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ. При употребленіи камня сначала какъ вспомогательнаго матеріала жителю Верхней Краины не трудно было въ теченіе своей многовѣковой жизни замѣнить имъ первоначальный строительный матеріалъ—дерево. Очевидно именно этимъ, т. е. постояннымъ упражненіемъ въ употребленіи попутно каменнаго матеріала

¹⁾ Слово домъ употребляется у словинцевъ въ смыслѣ жилища въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ; означенное слово выражаетъ понятіе родительскаго дома, а также родины. У сербовъ названное слово употребляется и въ смыслѣ дома вообще и въ смыслѣ семьи (фимиліи). Понятіе дома, которое мы нынѣ подразумеваемъ на литературномъ языкѣ, великорусскій крестьянинъ выражаетъ обыкновенно словомъ изба, малорось—хата, бѣлорусъ—хата, изба, словинецъ—хлѣша, словакъ—хлѣжа или изба, полякъ—хата, халюпа, домъ болгаринъ—кышта, сербъ—куча, стан, дом, хорватъ—кутия

слѣдуетъ объяснить, что теперь уже большая часть крестьянскихъ домовъ Верхней Краины каменные. Что камень, какъ обычный строительный матеріалъ, внѣдрилъ въ словинскую среду уже издавна, доказывается между прочимъ повидимому тѣмъ, что въ Верхней Краинѣ встрѣчаются крестьянскіе каменные дома большихъ размѣровъ, въ строительномъ отношеніи развитые, приспособленные къ потребностямъ сложной семьи и выстроенные уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Камень вводился въ постройку не сразу, а постепенно, т. е. прежде, чѣмъ перейти къ постройкѣ изъ сплошного каменнаго матеріала, словинцы сооружали изъ него первоначально лишь отдѣльныя части своего дома. Первое, что сооружалось изъ камня, былъ, вѣроятно, фундаментъ. Это вытекаетъ, какъ

ЧЕРТ. 10 (см. рис. 10). Домъ въ деревнѣ Ратче-Бѣлопечъ. А — вѣжа; А₁ — кухни; В — хипа; С — чумната; Н — хлѣвъ; М — N — улица внизу горы, на которой стоитъ домъ; а, а — двери; б, б — окна; с — очагъ; d — лѣстница на чердакъ; f — печь; g — обѣденный столъ; i (крестикъ) — кропильница; k (крестикъ) — распятіе; l, l — скамьи; п, п — кровати; u (крестикъ) — топка печи; v — хипа.

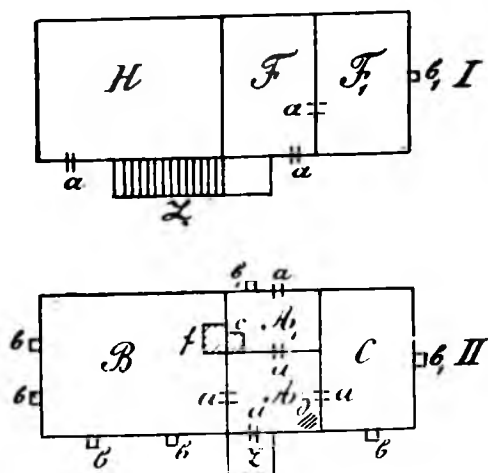
сказано, изъ свойства рельефа страны. Кромѣ того въ Верхней Краинѣ можно наблюдать, что тѣ дома бѣдныхъ крестьянъ, которые мы называли бы „хатами“, а словинцы именуютъ „кайжами“ и которые теперь довольно рѣдки и очень скромнаго вида, что они сооружены изъ дерева съ очень низкимъ каменнымъ фундаментомъ. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ изъ деревни Примско, изображенный на рис. 56. Фундаментъ лишь въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскихъ домовъ пріобрѣтаетъ болѣе видное значеніе. Примѣромъ этого могутъ служить рисунки, помѣщенные нами въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Краины и его постройки“. Самое существенное очевидно — придать прочность постройкѣ. Для этого удобенъ камень (рис. 54), а не дерево, потому то онъ и ставится какъ основа зданія. Обезпечивъ прочность и устойчивость своего дома крестьянинъ долженъ былъ озаботиться безопасностью отъ пожара, которымъ грозилъ ему пылающій очагъ. Поэтому ближайшее о чемъ онъ долженъ былъ подумать въ отношеніи каменнаго матеріала, это сооруженіе изъ него той части дома, въ которой помѣщается очагъ, будь это „вѣжа“ или дифферен-

цированная изъ нея кухня—„кухня“. Эта мысль о постепенномъ примѣненіи каменнаго матеріала подтверждается массою примѣровъ. Совершенно обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ, что домъ деревянный имѣетъ каменное помѣщеніе для очага. Домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 13, представляетъ примѣръ деревяннаго дома съ каменными сѣнями и кухней. Другой домъ изъ деревни Верхнее Горье (см. рис. 45) показываетъ какъ каменный матеріалъ, начиная отъ сѣней и кухни, захватываетъ все большее пространство. На этомъ рисункѣ видно, что кромѣ вѣжи, т. е. сѣней изъ камня, выстроена одна стѣна, тогда какъ остальная часть дома изъ дерева. Обеспечивъ себя отъ опасности пожара, крестьянинъ, повидимому, сталъ примѣнять камень къ тѣмъ частямъ своего дома, которыя онъ пристраивалъ впоследствии къ уже существующему помѣщенію, желая его расширить, или къ тѣмъ помѣщеніямъ, которыя выдѣлились въ страну позже основныхъ частей дома. Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что нерѣдкостью является пристройка къ деревянному дому, состоящему изъ вѣжи, т. е. сѣней и хиши, т. е. избы боковой въ послѣдней комнатѣ, называющейся камрой. Последняя въ этомъ случаѣ обыкновенно изъ камня. Какъ примѣръ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 35. Интересно отмѣтить, что наиболее упорно дерево удерживается въ той части дома, которая образуетъ избу или хишу. Такъ, на примѣръ, на рис. 24 изображенъ домъ изъ дер. Битне, весь каменный, за исключеніемъ хиши, представляющей деревянный срубъ. Впрочемъ, къ вопросу о срубѣ мы вернемся ниже.

Такимъ образомъ каменный матеріалъ вытѣснялъ деревянный въ горизонтальномъ направленіи. Но наряду съ этимъ шло его вытѣсненіе и въ направленіи вертикальномъ. А именно: каменный фундаментъ, подымаясь въ зависимости отъ большей или меньшей крутизны того склона, на которомъ помѣщается домъ, оставляетъ пространство для приспособленія хлѣва или иныхъ помѣщеній хозяйственнаго характера (кладовая, погребъ). Поэтому въ Верхней Крайнѣ возможно встрѣтить дома, верхняя деревянная часть которыхъ служитъ для жилья, а нижняя, каменная, въ качествѣ хлѣва, конюшни, кладовой. Какъ примѣры отмѣченнаго явленія могутъ служить два дома, изображенные на рисункахъ 13 и 19, о которыхъ ниже будетъ сказано подробнѣе. На первомъ изъ нихъ (13), представляющемъ деревянный домъ изъ дер. Нижнее Горье, виденъ входъ съ фронтона въ каменномъ фундаментѣ. Входъ этотъ ведетъ въ хлѣвъ. На второмъ же рисункѣ (19), изображающемъ большой деревянный домъ изъ дер. Верхнее Горье, можно усмотрѣть въ каменномъ фундаментѣ фронтона, тамъ, гдѣ онъ приподнятъ, маленькое оконце, пробитое въ кладовую, помѣщающуюся ниже жилья. Наконецъ на рис. 33,

изображающаго старинный каменный домъ въ дер. Верхнее Горье, видно окно въ погребъ.

Каменный материалъ, распространяясь въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ, въ концѣ концовъ, занялъ всю существенную часть здания, оставивъ для дерева лишь чердачное помѣщеніе. Здѣсь дерево сохранило свое преобладаніе и понынѣ, и дома, выстроенные совершенно изъ камня, представляются въ Верхней Крайнѣ въ значительномъ меньшинствѣ. Характерно то, что тамъ, гдѣ въ чердачномъ помѣщеніи устраиваются дополнительные къ жилью комнаты, эти послѣднія встрѣчаются часто даже въ фундаментальныхъ каменныхъ домахъ изъ бревенъ, напокая типичнымъ своимъ видомъ на первоначальное устройство словянского жилья. Какъ примѣръ можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 28. На рисункѣ виденъ задній фронтъ

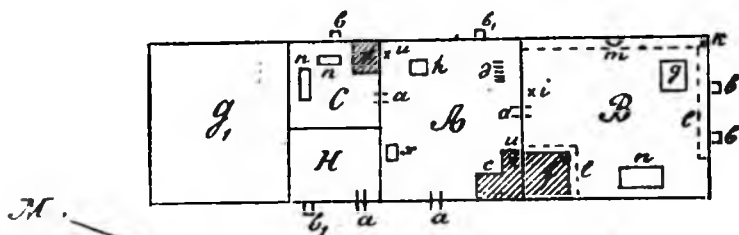
ЧЕРТ. 11 (см. рис. 11). Домъ около деревни Блѣдъ. I—нижняя, хозяйственная часть; II—верхнее, жилое помѣщеніе; А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиза; С—чумната; F—клѣть; F₁—дополнительная ея часть; Н—хлѣвъ; L, L—крыльцо; а, а—двери; b, b—окна; b₁, b₁—маленькія окна; с—плита на мѣстѣ бывшаго очага; d—лѣстница на чердакъ; f—печь городского устройства. Домъ отремонтированъ и занятъ въ настоящее время садовникомъ чехомъ.

тонъ каменраго дома изъ дер. Верхнее Горье. Домъ обширный (о немъ будетъ сказано подробнѣе ниже), выходящій своимъ переднимъ фронтономъ на обрывъ, весь каменный въ два этажа. И лишь въ задней, выходящей во дворъ части, онъ сохранилъ, какъ бы въ видѣ переживанія, незначительную, сложенную изъ бревенъ, комнату („камерпу“) въ два окна. Кромѣ того все чердачное помѣщеніе построено (какъ это обыкновенно бываетъ), какъ и крыша, изъ дерева. Деревянный, бревенчатый верхъ можетъ занимать и болѣе доминирующее, чѣмъ то видно на примѣрѣ отмѣченнаго дома, положеніе. Такъ, видный на рис. 16 домъ изъ дер. Кропа представляетъ полукаменное, полудеревянное зданіе.

Но если камень вытѣсняетъ и вытѣсняетъ дерево, какъ строительный матеріалъ въ жилищѣ демѣ словинца Верхней Краины, то дерево сохранило еще вполне свое господство въ постройкахъ хозяйственного свойства. Сарай (сведенъ), разнаго рода сущилна (ковзельцъ, стогъ), свинунники (свинякъ) и другіе многочисленныя хозяйственныя сооруженія верхне-краинскаго словинца, которыя описаны нами въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Краины и его постройки“, строятся почти все и всегда исключительно изъ дерева, камень же играетъ роль лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ опоры для большей устойчивости данного сооруженія. Въ частности сарай (сведенъ), являющійся какъ бы необходимой принадлежностью всякаго дома, строится всегда изъ дерева, независимо отъ того примыкаетъ ли онъ къ дому, стоитъ ли онъ поодаль отъ него на дворѣ или вынесенъ онъ на значительное разстояніе отъ жилья. Сведенъ лишь покоится на каменныхъ столбахъ, служащихъ или фундаментомъ для него или образующихъ помѣщеніе для скота, самъ же скедень всегда изъ дерева. Тѣ немногочисленные случаи, когда скедень весь выстроенъ изъ камня, надо разсматривать какъ рѣдкія исключенія, ничего общаго съ обычнымъ типомъ построекъ этого рода не имѣющихъ.

2. Архитектурныя формы. Если каменный строительный матеріалъ вытѣсняетъ въ Верхней Краинѣ деревянный, то онъ въ значительной степени вмѣстѣ съ тѣмъ убиваетъ архитектурныя достоинства дома; онъ убиваетъ національный стиль дома, замѣняя его тѣми холодными формами, которыя лишаютъ знаніе художественности. Вполнѣ отстроенные изъ камня дома Верхней Краины представляютъ слѣдующія, изображенія на рисункахъ 9 и 14, зданія (изъ дер. Блѣдъ). При взглядѣ на такіе зданія можно думать, что словинецъ въ дѣлѣ строительнаго искусства не выработалъ ничего своего. Между тѣмъ заключеніе это совершенно ошибочно. Тамъ, гдѣ дерево сохранило еще свои права какъ строительный матеріалъ, дома крайнскаго словинца полны своеобразныхъ чертъ. Особенно декоративнымъ элементомъ является галлерейка (рис. 17, 25, 29—Б), обыкновенно украшенная выдѣляющейся своими красивыми цвѣтами висачей гвоздикой. Словинецъ, заботливо вникающая перильца галлерей, старается вложить въ нее все свое искусство, все свои художественныя понятія. Къ сожалѣнію, галлерейки дѣлаютъ изъ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ изъ сплошныхъ досокъ (см. рис. 13, а также рис. 12 на стр. 21, въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Краины и его постройки“). Но въ нѣкоторыхъ, преимущественно глухихъ мѣстахъ сѣверной части Верхней Краины, встрѣчаешь перильцы безспорно художественнаго характера. Примѣромъ тому можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 57 (изъ мѣстечка Тержичъ), который сохранилъ все типичныя черты деревянной постройки въ полной мѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Краины.

такъ, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ ея углу, примѣняется, какъ на деревянныхъ, такъ и на каменныхъ домахъ, совершенно своеобразная особенность архитектурнаго приѣма: постройки двойного фронтона. Въ слѣдующихъ двухъ рисункахъ изображены два дома: одинъ деревянный (рисунокъ 18), другой каменный (рисунокъ 10) изъ деревни Ратече-Вѣлопечъ. Фронтоны этихъ домовъ обычнаго характера помѣщаются справа. Въ деревянномъ домѣ (18) построенъ второй фронтонъ надъ входной дверью въ домъ. Фронтонъ этотъ, заключающій маленькую комнату съ входомъ изъ чердака, нависая надъ дверью, образуетъ художественное крыльцо съ небольшимъ балкончикомъ. Что касается каменнаго дома (рисунокъ 10), то перпендикулярно его чердачному помѣщенію поставленъ, такъ сказать, дополнительный и значительно болѣе высокій

ЧЕРТ. 12 (см. рис. 12—А и Б). Домъ въ деревнѣ Ратча, выстроенный въ 1721 году. А—вѣжа; В—хижа; С—чумната; G—пустое пространство подъ скеденемъ, который опирается одной стороной на домъ, а другой на каменную кладку (стѣну); Н—хлѣвъ; М—N—дорога-улица; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₁—маленькія окна; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—маленькій столъ; i (крестикъ)—кровать; k (крестикъ)—распятие; l, l—скамьи; m—омарце; n, n—кровати; u, u (крестики)—топки печей; x—омара.

чердакъ, выходящій своимъ фронтономъ къ длинной сторонѣ дома. Всѣ эти художественныя особенности при постройкахъ дома изъ камня обыкновенно исчезаютъ, въ ущербъ красотѣ сооруженія. Длинная сторона дома представляетъ обычно каменную стѣну, тщательно, впрочемъ, выбѣленную, съ дверью на серединѣ и съ двумя-тремя окнами слѣва или справа или съ обѣихъ сторонъ двери. Лишь рѣдко однообразіе стѣны нарушается балкончикомъ, подобнымъ изображенному на рис. 33, представляющемъ домъ изъ дер. Верхнее Горье. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строитель старается слить со стѣной отливъ крыши. Съ этой цѣлью стѣна длинной стороны дома въ верхней своей части образуетъ, какъ это видно на рис. 14 и 41, незаканчивающійся и упирающійся въ крышу полусводъ. Тамъ, гдѣ этого

свода не имѣется, отливъ крыши задѣлывается снизу досками и образуетъ плотный навѣсъ (см. рис. 9). Что касается фронтона, то онъ представляетъ обыкновенно, именно благодаря чердачному помѣщенію, весьма типичныя, не лишеныя извѣстной живописности особенности. Однимъ изъ характерныхъ фронтоновъ можетъ считаться изображенный на рис. 37 (изъ дер. Заспъ или Заспъ). Видимая дверь этого зданія ведетъ въ хлѣвъ; надъ нимъ помѣщается жилье, чердакъ котораго съ характернымъ продольнымъ прорѣзомъ (lina) и столь же характернымъ верхнимъ отверстіемъ¹⁾. Вьющаяся по стѣнѣ и чердаку виноградная лоза, какъ очень распространенное украшеніе, довершаетъ типичность изображеннаго на рисункѣ фронтона²⁾.

3. Скеденъ. Описаніе внѣшняго вида верхне-крайняго дома будетъ не полно, если не упомянуть о скеденѣ (skedenj), составляющемъ нерѣдко весьма существенную часть его. Скеденъ³⁾, т. е. сарай, въ его развитомъ видѣ, представляетъ довольно сложное зданіе. Полный скеденъ состоитъ всегда изъ двухъ этажей. Въ этомъ случаѣ нижняя его часть всегда изъ камня. Она составляетъ либо сплошное помѣщеніе, какъ то видно на рис. 29—В, (дер. Верхняя Горь), либо состоитъ изъ каменныхъ столбовъ, какъ на рис. 15—В (на берегу Блѣдскаго озера). Столбы эти занимаютъ обыкновенно половину или третъ нижней части. Образующимся подъ скеденемъ пространствомъ пользуются для помѣщенія телегъ, склада сельско-хозяйственныхъ орудій, или же въ этомъ пространствѣ ставятся свинухи, или устраивается складъ навоза и т. д. Сплошная часть нижняго этажа скедена, занимаетъ ли она его весь (рис. 29—В) или нѣтъ, служитъ для устройства хлѣвовъ и конюшни (konjski hlev). Что касается верхняго этажа скедена, то онъ сооружается, какъ сказано, всегда изъ дерева и содержитъ двѣ существенныя части: гумно (rôd) и сѣноваль (rôd); къ нимъ⁴⁾ присоединяется обыкновенно третья—галлерейка (рис. 17 и 29—В). Последняя частью открыта, частью задѣлана досками, служащими наружной стѣной и для гумна или сѣновала. Съ верхняго этажа скедена спускается внизъ деревянная четырехугольная труба для сѣнки корма. Къ скеденю, наконецъ, прислоняется часто отхожее мѣсто (рисункъ 29—В).

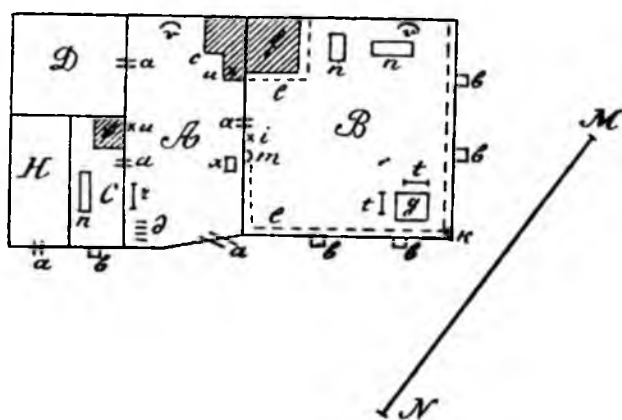
1) Маленькій прорѣзъ (рис. 15—А, 25, 31 и 37) въ щитѣ дома называется какъ и большой (рис. 19, 20, 28, 29—В и др.) лина (lina) или mala lina, ali slepa lina, linsa. Слово лина означаетъ и окно въ башнѣ и слуховое окно, люкъ, отверстіе въ стѣнѣ.

2) Фронтонъ или щитъ дома у словинцевъ называется прочелье (pročelje); причелье (priselje) означаетъ переднюю часть фронтона, щита. У насъ причелинами называются доски, украшающія крышу со стороны щита; прочелье на сербскомъ языкѣ—почетное мѣсто за столомъ; очелье въ древнемъ русскомъ зодчествѣ есть фронтонъ окна.

3) Слово это означаетъ и гумно.

4) Под на сербскомъ языкѣ означаетъ полъ, этажъ; въ частности, въ Черногоріи словомъ этимъ называютъ полъ, раздѣляющій верхній и нижній этажи; по этому «напод»—двухэтажный домъ.

(Планъ подобнаго скедени см. въ статьѣ „Крестьянныя Австрійской Краины и его постройки“, стр. 26 и 27, рис. 16 и 17 и стр. 28, рис. 14). Если скедень двухэтажный, то у него обыкновенно не отсутствуетъ одно очень типичное сооруженіе: въѣздъ изъ каменной кладки, ведущій въ широкаго ворота гумна. Объ этомъ въѣздѣ нами болѣе подробно говорено уже въ неоднократно указанной здѣсь нашей статьѣ. Въѣздъ можетъ быть изъ сплошной каменной кладки, но чаще онъ поκειται на свободномъ сводѣ, или же, что рѣже, на двухъ сводахъ (см. рис. 32, изъ дер. Рѣчица). Сводъ служитъ часто для склада сельско-хозяйственныхъ орудій, или же онъ задѣланъ деревянными досками, служа помѣщеніемъ для свинушкина ¹⁾). Надо отмѣтить, что деревян-

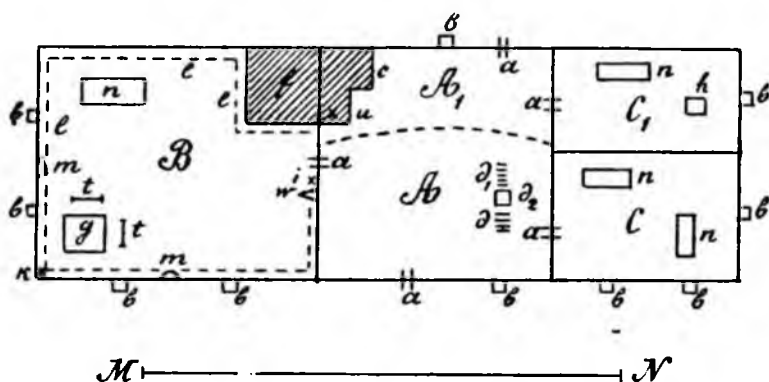

ЧЕРТ. 13 (см. рис. 13). Домъ въ деревнѣ Нижнее Горье, выстроенный въ 1748 году и перестраивавшійся въ 1858 году. А—въша; В—хиша; С—чумпата; Д—схрамба; Н—хлѣвъ; М—N—дорога-улица; а, а—двери; b, b—окна; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m—омарце; n, n—кровати; g—полка; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; v, v—ниши съ полками; x—омара.

ная часть скедени обыкновенно не выстраивается монотонно изъ бревенъ или досокъ. Напротивъ того, въ скеденѣ чередуются сплошныя дощатыя стѣны, со стѣнами, сложенными при помощи перекрещивающихся тонкихъ бревенъ (см. рис. 15—В и 29—В). Такого способа постройки скеденъ, съ частью отстроеннымъ, частью состоящимъ изъ столбовъ нижнемъ этажомъ и съ каменнымъ, покрытымъ дерномъ въѣздомъ на верхъ и т. д., придаетъ верхне-крайнему дому въ высшей степени характерную живописность. Полный и притомъ отдѣльно стоящій скедень изображенъ на рисункѣ 52. Середина нижняго этажа

¹⁾ Въѣздъ называется мостъ (most) или положенье (položenje); položon—наклонный; položnost—наклонъ, наклонность, обрывъ, паденіе (почвы).

этого скедени выстроена дѣлникомъ мѣзъ камня и заключаетъ хлѣвъ и конюшню. На нихъ покоится верхній этажъ, опирающийся въ лѣвомъ и правомъ концахъ на наметные стѣны, служащія опорами. Поэтому сѣва и справа, собственно подъ сараемъ, образуются пространства, занята: лѣвое дровами, а правое—телегами и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. На рисункѣ не видно въѣзда, находящагося съ праваго бока и ведущаго въ гумно, но можно различить деревянную лѣстницу, ведущую въ сѣноваль, непосредственно у входа въ конюшню. Весь верхній этажъ выступаетъ надъ нижнимъ, образуя навѣсъ. Въ лѣвой части скедени, тамъ, гдѣ гумно сильно выступаетъ впередъ,—галлерея. Описываемый скедень, какъ онъ изображенъ на рисункѣ, со всѣмъ инвентаремъ, съ хомутами, повѣшенными у конюшни и т. д., пред-

ЧЕРТ. 14 (см. рис. 14). Домъ въ деревнѣ Бѣдѣ. А—вѣжа; А₁—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи аркой по всей ея ширинѣ; В—хиза; С и С₁—чумнаты; М—N—дорога-улица; а, а—двери; b, b—окна; с—очагъ; d—лѣстница въ верхнее помѣщеніе; d₁—лѣстница въ кедеръ; d₂—люкъ; f—печь; g—обѣденный столъ; h—маленькій столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленные скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; t, t—скамьи; n (крестикъ)—топка печи; w—лева.

ставляетъ примѣръ типичнѣйшаго сарая Верхней Краины. Этотъ скедень принадлежитъ къ зажиточному дому въ дер. Рѣчица, но и менѣе богатныя семьи строятъ совершенно такіе же скедени съ тою лишь разницею, что они у нихъ менѣе значительной величины.

Слѣдовательно, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, скедень можетъ стоять совершенно отдѣльно отъ дома. Однако онъ можетъ и тѣсно примыкать къ нему (рис. 15—В) или покоиться на части нижняго этажа дома, обыкновенно у хлѣва. Последній способъ пристройки скедени къ дому ясно виденъ на рис. 15—Б и 17 (дер. Бѣдѣ и Рѣчица). Иногда та часть скедени, которая обыкновенно занимаетъ нижній этажъ и служитъ для устройства хлѣвовъ и конюшни, сливается съ домомъ, а скедень почти всецѣло покоится на немъ. Примѣръ такого приспособленія скедени къ дому виденъ на рис. 8—Б и 14 (дер.

Вгѣдъ). Двѣ двери, видныя на первомъ рисункѣ, какъ та, которая выходитъ къ фронтому, такъ и та, которая выходитъ къ длинной сторонѣ, ведутъ одна въ хлѣвъ, другая въ конюшню. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ скедень нагромождается цѣлкомъ на домъ, дѣлая его тѣмъ самымъ какъ бы двух-этажнымъ и сливаясь съ чердакомъ. Подобнаго рода приспособленіе скедени видно на рисункѣ 12—Б (дер. Рѣчица). Передняя изъ видныхъ на рисункѣ дверей есть входная въ домъ, а задняя—дверь въ хлѣвъ. При такомъ устройствѣ скедени въ значительной степени мѣняется фронтонъ дома: онъ несоразмѣрно вытянутъ къ верху и придаетъ зданію полукаменный, полудеревянный характеръ, хотя въ сущности домъ выстроенъ исключительно изъ камня, а деревянная часть—ничто иное, какъ наставшій на домъ скедень съ чердакомъ (см. рис. 12—А, изображающій фронтонъ дома въ дер. Рѣчица, представленнаго на рис. 12—Б).

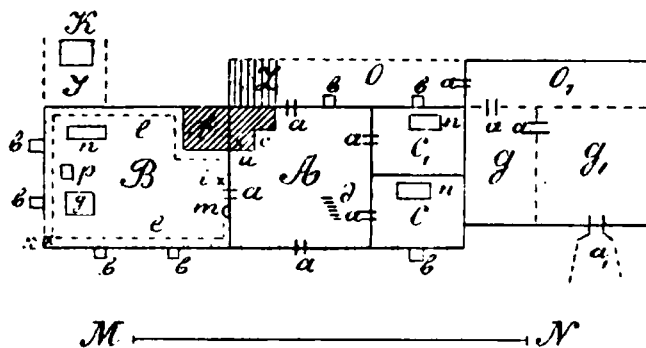
Какъ бы ни примыкалъ скедень къ дому, но онъ, строго говоря, не сливается органически съ жилой частью, а придѣлывается къ низу механически. Совершенная (фактически) обособленность скедени отъ жилого дома подтверждается тѣмъ, что въ скедень, какъ бы онъ ни примыкалъ къ дому, какъ бы онъ ни казался тѣсно съ нимъ связаннымъ, никогда нѣтъ хода изъ жилой части дома. Въ скедень входятъ обыкновенно двоякимъ образомъ: черезъ упомянутый выше въѣздъ и по отдѣльной деревянной лѣстницѣ (см. рис. 17, 26, 41 и 52). Въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ имѣется крыльцо съ задней стороны дома, крыльцо это, ведя въ заднюю входную дверь жилья, сливается вмѣстѣ съ тѣмъ съ галлерею скедени (см. чертежъ 15). Наконецъ въ скедень можетъ быть и еще одинъ ходъ, встрѣчающійся часто, а именно: если галлерея скедени примыкаетъ къ чердаку, то изъ чердака, черезъ галлерею имѣется ходъ и въ скедень (см. рис. 24—В). Такимъ образомъ входъ собственно въ скедень во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ наружный, а не внутренній.

4. Хлѣвъ и конюшня. Въ немъ тѣмъ скедень отношеніемъ къ дому являются хлѣвъ ¹⁾ и конюшня. Изъ изложеннаго и приведенныхъ рисунковъ видно, что эта часть хозяйственныхъ сооружений нерѣдко входитъ въ общую массу дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Правда, входъ въ хлѣвъ и конюшню почти всегда отдѣльный отъ входа въ жилье: либо рядомъ съ нимъ, либо обособленно отъ него съ фронтона, но въ нѣкоторыхъ, правда, единичныхъ, случаяхъ хлѣвъ имѣетъ выходъ не наружу, а въ вѣжу, т. е. въ сѣни дома; въ этомъ случаѣ въ вѣжу ведетъ не дверь, а ворота.

¹⁾ Подъ хлѣвомъ словинецъ подразумѣваетъ всякое помѣщеніе для скота, начиная отъ простаго навіса (какъ, напр., у чедниковъ) и кончая каменнымъ помѣщеніемъ, безъ различія, входитъ ли оно въ составъ дома или скедени.

Этого рода тѣсное сліяніе хлѣва съ жильемъ наблюдается въ Верхней Краинѣ очень рѣдко и только въ домахъ, несущихъ слѣды глубокой бытовой старины. Такіе примѣры скорѣе указываютъ на выдѣленіе, съ теченіемъ времени, хлѣва изъ жилья. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что въ настоящее время какъ хлѣвъ такъ и конюшня весьма часто совсѣмъ не связаны съ домомъ, помѣщаясь въ нижней части скеденя, независимо отъ того стоятъ ли онъ отдѣльно или примыкаетъ къ дому.

5. Свинушникъ и навѣсъ. Возвращаясь снова собственно къ дому, слѣдуетъ отмѣтить, что къ нему принадлежатъ обыкновенно еще двѣ довольно существенныя части: свинушникъ ¹⁾ и навѣсъ ²⁾. Какъ тотъ, такъ и другой занимаютъ конечно второстепенное мѣсто, тѣмъ не менѣе они съ своей стороны придаютъ извѣстную характерность верхне-краинскому дому. Мѣсто примыканія къ дому названныхъ пристроекъ неопредѣленное. Свинушникъ,

ЧЕРТ. 15 (см. рис. 15-А и В). Домъ на берегу Блѣдскаго озера, выстроенный въ 1783 году. А—вѣжа; В—хиша; С и С₁—чумнаты; G—G₁—скеденъ: G—сѣноваль, G₁—гумно; I—навѣсъ; К—свинушникъ; L—крыльцо; М—N—дорога; О—открытая галлерей; О₁—закрѣпленная галлерей; а, а—двери; а₁—ворота со взѣздомъ; b, b—окна; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—скамьи; ш—смарце; п, п—кровати; р—комодъ; и (крестикъ)—топекъ печи.

напримѣръ, ставится часто рядомъ съ домомъ совершенно отдѣльно, или прислоняется къ нему съ боковой стороны или со стороны фронтона; дагѣ свинушникъ часто примыкаетъ къ екеденю, ставится подъ нимъ или подъ навѣсомъ и т. д. Если свинушникъ отстроенъ, то онъ имѣетъ въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же видъ, передаваемый на рисунокъ 22 (дер. Блѣдъ). А именно: одна половина двускатной крыши какъ бы надломлена и образуетъ навѣсъ

¹⁾ Свинушникъ называется свинякомъ (svinjak), иногда и хлѣвцемъ (blevec).

²⁾ Навѣсъ называется по словински подстрѣшекъ (podstrešek), а также подстрѣшьемъ (podstrešje); последнее слово означаетъ и чердакъ, кровъ, убижище. Въ смыслъ навѣса употребляется и слово шупа (šupa). На сербскомъ языкѣ навѣсъ—пастрешняца.

надъ входомъ въ свинушники. Послѣднихъ обыкновенно два; но можетъ быть одинъ, три или четыре. Тѣсно связано съ подобнымъ свинушникомъ, какъ это видно на означенномъ рисункѣ, отхожее мѣсто. Свинушникъ по вѣншему своему виду передаетъ общіе, свойственныя Верхней Крайнѣ мотивы постройки. Совершенно подобную по вѣнкости форму, какъ упомянутый свинушникъ, имѣютъ и такія сооруженія, какъ напримѣръ пчелиныя дома, такъ называемые ульняки (см. рис. 34)¹⁾.

Что касается навѣсовъ, то они образуются вслѣдствіе удлиненія крыши по ея отлину. Обыкновенно навѣсъ придрѣланъ къ скелену и служитъ для сохраненія телѣгъ, но навѣсъ можетъ быть и при домѣ, а именно непосредственно передъ входной дверью или около нея, наконецъ въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 15—А. (Рисунокъ этотъ изображаетъ фронтоны дома, переданнаго въ рис. 15—В).

Если скелень расположенъ отдѣльно отъ жилого дома, то около послѣдняго образуется дворъ—усадебъ, огороженная каменною или деревянною изгородью, при чемъ первая иногда имѣетъ ворота (см. рисунки 24 и 9). Часть ея занята обыкновенно фруктовыми деревьями, въ другой части помѣщается колодезь, свинушникъ, паштба для сушки плодовъ, дырвеница для дровъ и т. п. хозяйственныя сооруженія. Впрочемъ, дрова сохраняются въ большинствѣ случаевъ при домѣ: они складываются по стѣнѣ его и обыкновенно съ фронтона (см. рис. 15—А и 28). Дрова постепенно заготавливаются лѣтомъ и по мѣрѣ накопленія ихъ занимается большая или меньшая часть стѣны, съ оставленіемъ свободныхъ пространствъ, дабы не загоразивать оконъ.

Что касается построекъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ сельскому хозяйству (за исключеніемъ гумна и сѣновала, входящихъ въ скелень), то онѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ставятся въ Верхней Крайнѣ вѣ собственно усадебъ, на поляхъ. Описаніе этихъ построекъ приведено у насъ въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Краины и его постройки“.

6. Крыша. Что касается крыши²⁾, то многочисленные при-

¹⁾ Ульняки Краины (ulnjak) представляютъ своеобразное сооруженіе, связанное съ характеромъ мѣстнаго пчеловодства. Это домики. въ которыхъ помѣщается рядъ расположенныхъ на полочкахъ ульевъ. Изображенный на рис. 34 ульнякъ изъ дер. Рѣчица содержитъ нѣсколько десятковъ ульевъ. Каждый изъ нихъ отмѣченъ особымъ рисункомъ, обыкновенно въ яркихъ краскахъ, которыми руководствуются пчелы, возвращаясь со взяткомъ, чтобы не попасть въ чужой улей. Крыша ульняка съ задней стороны обыкновенно длиннѣе, а съ передней какъ-бы надломлена. Обыкновенно передній навѣсъ переходитъ къ передней сторонѣ собственно ульняка полусводомъ, повторяя тотъ же мотивъ, который, какъ уже указано, не рѣдокъ въ жилыхъ домахъ. Полусводъ этотъ у ульняковъ конечно деревянный, образованный изъ досокъ.

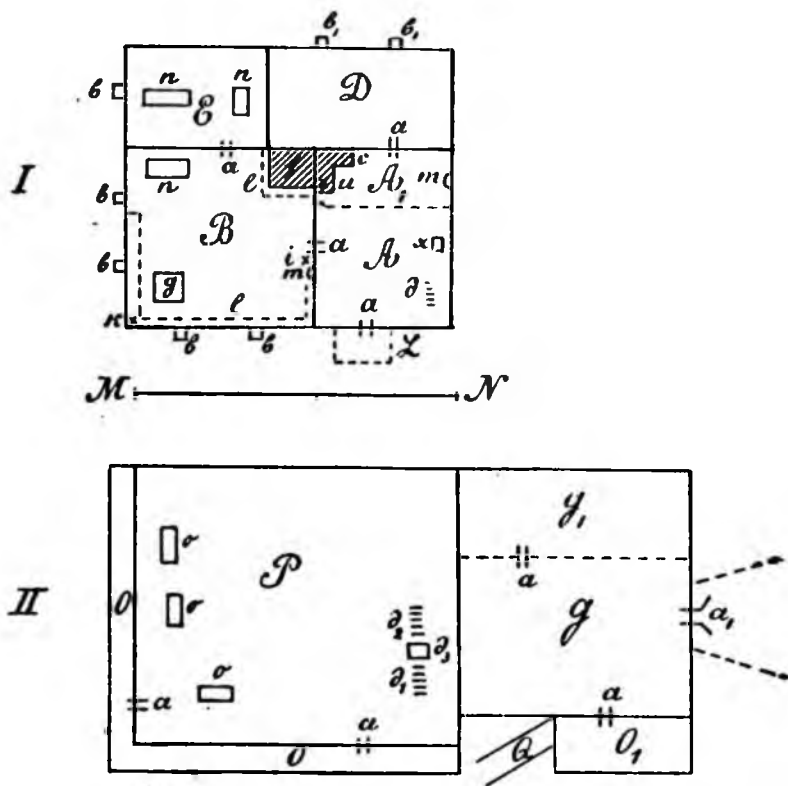
²⁾ Крыша называется стрѣхой (streha); слово это означаетъ и покрывку вообще, а также—убѣжище. Крыша по сербски: кров, заклопац, забат. Слово стрѣха извѣстно сербскому языку въ смыслѣ части крыши, а именно ея отлива, образующаго навѣсъ; на малорусскомъ языкѣ стрѣха—есть крыша.

этажъ—дополнительной камеры, одной или двухъ. Окна съ противоположной стороны входной двери освѣщаютъ либо кухню (одно окно), либо камру, либо чумнату.

Обычная форма оконъ почти квадратная, при чемъ высота ихъ нѣсколько больше ширины. Въ каменномъ домѣ средней величины окна 65—70 см. ширины и 70—75 см. высоты; встрѣчаются однако окна и большихъ размѣровъ, но не превышающія обыкновенно 75 см. ширины и 80 высоты. Для каменныхъ домовъ типично то, что окна снаружи обложены призмами зеленоватаго песчаника, образующими наружныя рамы (см. рис. 14, 21, 27, 30—А, 33); въ нихъ вставляется желѣзная рѣшетка, что также характерно для типа мѣстныхъ оконъ. Ставни у такихъ оконъ обыкновенно отсутствуютъ. Въ новѣйшее время сплошныя ставни замѣняются ставнями-жалюзи (см. рис. 16 и 43). Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Краины, а именно, на сѣверѣ ея, ставни представляютъ обычное явленіе (см. рис. 57). Что касается деревянныхъ домовъ, то форма ихъ оконъ совершенно соответствуетъ формѣ оконъ у каменныхъ домовъ, при чемъ каменные рамы замѣняются деревянными, сложеными изъ брусевъ. Надо замѣтить, что крестьянинъ Краины, передѣлывая и ремонтируя обветшалые деревянные дома, часто обмазываетъ ихъ глиной и всегда почти прорѣзываетъ большія окна, расширяя существующія малыя (см. рис. 5, Верхнее Горье). Поэтому дома съ тѣми окнами, которыя несутъ слѣды архаизма, представляются въ настоящее время большой рѣдкостью.

Первичная форма оконъ, очевидно, та, о которой сказано было при описаніи байты, т. е. окно—ни что иное какъ пробитая въ срубѣ узкая и длинная щель. Въ такой просвѣтецъ проникаетъ достаточное, по несложнымъ потребностямъ обитателя байты или кочне, количество свѣта; просвѣтецъ не требуетъ рамы, ради защиты отъ холода, и представляется поэтому цѣлесообразнымъ. Шагъ впередъ, согласно возрастающимъ нуждамъ въ свѣтѣ, представляютъ тѣ малой величины и совершенно квадратныя по формѣ окна, которыя встрѣчаются и понынѣ (хотя и рѣдко) въ бѣдныхъ кайжахъ. Подобныя окна можно видѣть на рис. 56 (дер. Примско). Такія окна имѣютъ желѣзную рѣшетку въ видѣ двухъ крестъ на крестъ положенныхъ желѣзоекъ; кромѣ того у такихъ оконъ имѣется одностворчатая деревянная ставенька. Подобнаго рода окна получили дальнѣйшее развитіе, образовавъ волоковое окно. Ставня переносится внутрь въ видѣ задвигающейся дощечки. При этомъ рама, содержащая стекло, можетъ тоже двигаться, но въ противоположную сторону. Форма наружнаго окна остается квадратная, какъ то видно на рисункѣ 19. Изнутри же окно представляется довольно сложнымъ. Устройство его видно на чертежѣ 36, на которомъ между прочимъ изображено какимъ способомъ вдѣланы стекла. Последнія, не смотря на размѣръ окна приблизительно въ 5 кв. вершковъ. вдѣланы въ

металлическія небольшой величины и шестиугольной формы рамочки. Этого рода окна, еще совершенно сохранившіяся, представляютъ въ Верхней Краинѣ большую рѣдкость и встрѣчаются исключительно въ очень старыхъ деревянныхъ домахъ. Такъ, домъ, изображенный на рисункѣ 19, выстроенъ въ 1760 году, т. е. почти 150 лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что часть оконъ (съ боковой стороны) имѣетъ упомянутую выше желѣзную рѣшетку

ЧЕРТ. 17. (см. рис. 17). Домъ у деревни Рѣчица. I—жилое помѣщеніе; II—чердачное помѣщеніе и скедень. А—вѣжа; А1—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи лишь по потолку и ниже ея на одну ступень; В—хижа; Д—схрамба; Е—камра; Г—Г1—скедень; Г—гумно; Г1—сѣноваль; L—крыльцо; М—N—дорога; О, О—узкая галлерей; О1—широкая галлерей; Р—«надъ - хишо»; Q—деревянная лѣстница; а, а—двери; а1—ворота со взлѣздомъ въ скедень; b, b—окна; b1, b1—маленькія окна; с—очагъ; d—лѣстница на верхъ; d1—лѣстница внизъ; d2—лѣстница на чердакъ; d3—мокъ; f—печь; g—столъ; i (крестикъ)—пропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—скамья; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скринь; u (крестикъ)—тонка печи; x—омара.

въ видѣ креста, въ другихъ же окнахъ (на фронтонахъ) желѣзный крестъ схваченъ кольцомъ, при чемъ вся эта рѣшетка вдѣлана не въ окно, а придѣлана къ нему снаружи.

8. Крыльцо. Умѣло пользуясь рельефомъ данной мѣстности, словинецъ Краины въ большинствѣ случаевъ не нуждается для входа въ домъ въ

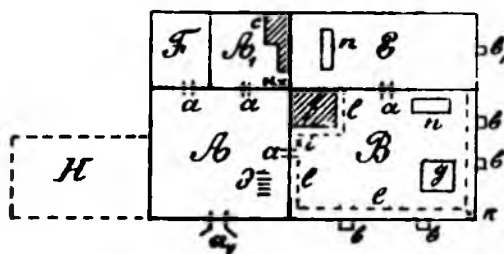
крыльцѣ¹⁾; поэтому оно въ Верхней Краинѣ болѣею частью не строится. Дверь въ домъ располагается такъ, что черезъ нее проникаешь прямо въ жилище, потому что нижняя часть дома идетъ по склону горы, занимая не всю часть подъ верхнимъ этажемъ. Для болѣе ясности слѣдуетъ взглянуть на рисунокъ 48 (домъ въ дер. Блѣдъ), на которомъ видно весьма обычное положеніе дома. Нязъ здѣсь, какъ часто бываетъ, занятъ хлѣвомъ, дверь въ который ведетъ съ фронтона. Входная же въ жилище дверь, расположенная по склону горы выше, ведетъ въ жилое помѣщеніе, составляющее второй этажъ. Хотя, какъ сказано, большая часть домовъ Верхней Краины сооружается безъ крыльца, тѣмъ не менѣе послѣднее не представляется рѣдкостью. Оно можетъ быть въ одинъ или два всхода. Въ обоихъ случаяхъ оно примыкаетъ къ дому по длинѣ, тѣсно сливаясь съ его стѣной, какъ это можно видѣть на рисункахъ 8—А и 11—представляющихъ примѣры крыльца со всходомъ на одну сторону и на рисунокъ 17—со всходами на двѣ стороны. Въ домѣ, изображенномъ на рис. 11, (домъ у дер. Блѣдъ), крыльцо оканчивается площадкой, надъ которой находится небольшой навѣсъ, закрывающій вмѣстѣ съ отливомъ крыши крыльцо отъ дождя. Что касается крыльца каменнаго дома, изображеннаго на рисунокѣ 8—А (дер. Блѣдъ), то оно ведетъ непосредственно въ дверь, поставленную нѣсколько наискось. Оба упомянутыя крыльца имѣютъ съ наружной стороны широкій каменный бортъ, закрывающій перила. Двухсходное крыльцо, видное на рисунокѣ 17 (дер. Рѣчица), не отличается существенно въ этомъ отношеніи отъ предыдущихъ; различіе заключается лишь въ томъ, что подняться къ входной двери можно какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Внизу двухсходныхъ крылецъ съ наружной ихъ стороны устраивается нерѣдко дверь со спускомъ въ погребъ. Крыльцо—во всѣхъ случаяхъ открытое, лишнее часто даже навѣса, закрываемаго иногда отливомъ крыши, какъ то ясно видно на рисунокѣ 11.

9. Входная дверь²⁾. Если у входной двери крыльца не имѣется, то обыкновенно нѣтъ и ступеней къ двери; напротивъ, одна—двѣ ступени внизъ отъ двери къ сѣнямъ не являются рѣдкостью. Дверь въ ка-

¹⁾ Крыльцо называется стопницею (stopnice); stopnja—ступень, терраса; stopati—восходить, подыматься; stopnješa—постепенно. Такимъ образомъ въ словинскомъ языкѣ выраженіе для крыльца тѣсно связано съ понятіемъ о ступени, лѣстницѣ. Подобнымъ же образомъ и сербъ выражаетъ понятіе о крыльцѣ: лесница предъ кучомъ (т. е. домомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ сербъ называетъ крыльцо—басамаци. Криаце, криоце—на сербскомъ языкѣ крылечко.

²⁾ Входная дверь на словинскомъ языкѣ называется врата (vrata). Подъ этимъ словомъ словинцы понимаютъ и ворота въ нашемъ смыслѣ и входъ вообще; vrataг—при-вратникъ. На сербскомъ языкѣ слово врата означаетъ и ворота и двери; послѣднія называются и вратло; ворота по сербски называются и двера, двери, капија; подъ словомъ двери сербъ понимаетъ и Царскія Врата.

менныхъ домахъ обыкновенно выложена, какъ и окна, призмами изъ зеленого-таго песчаника. Болѣе новые дома имѣютъ часто простую четырехугольную дверь; въ болѣе старыхъ домахъ каменная выкладка образуетъ арку характерной формы (см. рисунки 14, 17, 21, 27, 33 и 41), замыкающуюся ромбической формы камнемъ—ключемъ. На этомъ ключѣ обыкновенно высѣченъ годъ постройки дома. Однако на эту цифру не слѣдуетъ, въ отношеніи времени сооруженія зданія, полагаться вполне. Часто цифра обозначаетъ лишь время устройства собственно двери, т. е. время ремонта дома, тогда какъ послѣдній можетъ быть болѣе стараго происхожденія. Повидимому, обычай высѣванія цифръ года на двери появился не ранѣе начала XVIII в., такъ какъ двери домовъ

М ————— N

ЧЕРТ. 18 (см. рис. 18). Домъ въ деревнѣ Ратче—Бѣловчѣ, выстроенный въ 1748 г. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хата; Е—камра; F—клѣтъ; Н—разрушенный хлѣвъ; М—N—улица; а, а₁—двери; m—широкая входная дверь; b, b₁—окна; b₁—окошце; c—очагъ; d—дѣтница на чердакъ, гдѣ помѣщается камера, выходящая отдѣльнымъ фронтономъ, (см. рис. 18); f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кронильница; k (крестикъ)—распятие; l, l₁—скамьи; n, n₁—кровати; u (крестикъ)—топка печи.

старшаго возраста этой цифры не несутъ. Въ отношеніи дверей этого рода домовъ не безинтересно отмѣтить, что онѣ отличаются отъ дверей менѣе старыхъ домовъ весьма значительной шириной (до 1 м. 60 см.), отсутствіемъ ключа у арки и мощными каменными выступами у подножья каменной рамы, какъ то видно на рисункѣ 27, изображающемъ домъ приблизительно 400-лѣтняго возраста и находящагося въ деревнѣ Влѣдъ.

Дверь деревяннаго дома (см. рис. 7, изъ деревни Верхня Горя) не имѣетъ арки, конечно, если дверь не каменная. Послѣднія встрѣчаются въ деревянныхъ домахъ именно тогда, когда часть его (вѣжа съ кухней) сооружена изъ каменнаго матеріала, при самой постройкѣ дома или въ связи съ его передѣлкой въ послѣдствіи. У домовъ болѣе новаго происхожденія или у тѣхъ, которые подвергались перестройкѣ, собственно дверь закрывается при посредствѣ желѣзной ручки и запирается на ключъ. Старинные дома этого приспособленія обыкновенно не имѣютъ. У нихъ запоромъ служитъ тяжелый

призматической формы деревянный болтъ. Онъ вдвигается, если онъ не нуженъ, въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе и выдвигается, въ случаѣ надобности, изъ него, чтобы заложить дверь.

IV. Отдѣльныя помѣщенія.

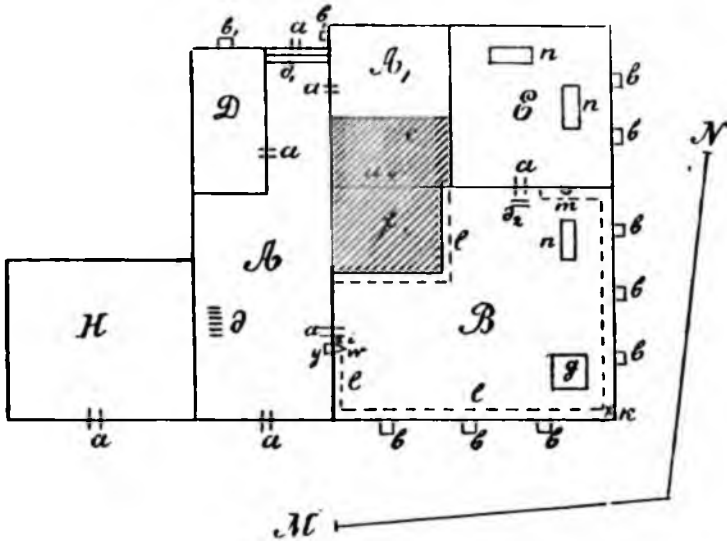
1. Вѣжа и кухня. Входная дверь ведетъ въ то помѣщеніе жилья, которое составляетъ старѣйшую и существеннѣйшую часть дома. Это — вѣжа ¹⁾, помѣщеніе, содержащее очагъ (см. на чертежахъ букву А). Въ настоящее время вѣжа въ большинствѣ домовъ утратила свое первоначальное значеніе. Въ общей эволюціи жилища очагъ и въ Верхней Крайнѣ отдѣлился отъ вѣжи, давъ начало къ образованію новаго въ исторіи развитія жилья помѣщенія — кухни. Однако, процессъ этотъ не получилъ въ Верхней Крайнѣ своего окончательнаго завершенія. Поэтому здѣсь возможно наблюдать цѣлый рядъ переходныхъ ступеней дифференціаціи той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ, въ особую комнату — кухню. Вѣжа такимъ образомъ не потеряла въ Верхней Крайнѣ вполнѣ значенія основной ячеи дома.

Очагъ въ вѣжѣ встрѣчается обыкновенно либо въ старинныхъ домахъ, даже если они большіе и несутъ явные слѣды развитія жилья, либо

¹⁾ Слово вѣжа (veža) означаетъ наши сѣни, переднюю; вѣжа Божья (veža božja) — Божій домъ, церковь, храмъ. У хорватовъ veža — сѣни, навѣсъ. На сербскомъ языкѣ вежа означаетъ ворота. Это слово извѣстно и церковно-славянскому, польскому, словацкому, чешскому и русскому языкамъ. Слово это (вѣжа, вежа) означаетъ башню, колокольню, замокъ, острогъ, тюрьму, полевое укрѣпленіе. Выражая такимъ образомъ нѣчто прочное, часто каменное и крѣпкое, слово вѣжа, сохранило, по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ, значеніе и передвижнаго жилища. Въ русскомъ языкѣ вѣжа (вежа) означаетъ вообще шатеръ, палатку, наметъ; въ частности, напр. въ Курской губерніи, вѣжка — полевой шалашъ, сторожка, балаганъ, (въ Западныхъ губерніяхъ — башня, каланча; срав. городъ Бѣлая Вѣжа или Бѣловѣжа и Бѣловѣжская пуца отъ слова biała wieża). По выраженію лѣтописца, угры, шедшіе мимо Кіева (начало X в.), располагались какъ половцы или кипчаки (XI—XIII в.) въ вѣжахъ, т. е. въ кибиткахъ, какъ-бы мы выразились въ настоящее время. Кибитки-шалаша нашихъ сѣверныхъ инородцевъ до сихъ поръ называются вѣжами, синонимомъ чума. Надо отмѣтить, что слово кибитка арабскаго происхожденія и означаетъ палатку. Мы это слово употребляемъ преимущественно въ отношеніи киргизовъ и калмыковъ. Такимъ образомъ въ нашемъ современномъ языкѣ, говоря вообще, слова кибитка, юрта, чумъ, шалашъ и вѣжа являются синонимами. Вѣжа (вежа) выражаетъ слѣдовательно и нѣчто непрочное и въ этомъ смыслѣ стоитъ близко къ кочѣ и стану. Русское слово вѣжа переводится на сербскій языкъ словами кула, шатор; последнее слово означаетъ какъ и нашъ шатеръ — палатку, шалашъ. Шалашъ передается по сербски словами: кучер, кучерица, кучарица, болта, хижа. Изъ сказаннаго возможно заключить, что вѣжа принадлежитъ къ древнѣйшимъ жилищамъ славянъ. Жилище этого наименованія, указывающее, если не на кочевой бытъ, то на бытъ полукочевой, полуосѣдлый, болѣе или менѣе забыто большинствомъ славянъ въ первоначальномъ значеніи. У полабскихъ славянъ вѣжа (visa) означала домъ, а у словенцевъ она легла въ основу современнаго жилья, образовавъ его основную часть.

въ бѣдныхъ домахъ, обнаруживающихъ слабую дифференціацію отдѣльныхъ помѣщеній для жилья.

Первобытный очагъ (см. на чертежахъ букву с) ¹⁾, по всѣмъ вѣроятіямъ, занималъ повсемѣстно центральное помѣщеніе въ жилищѣ, когда-то

ЧЕРТ. 19 (см. рис. 19). Домъ въ деревнѣ Верхня Горня, выстроенный въ 1760 году. А—вѣжа; А1—кухня; В—хиша; Д—схрамба; Е—камера; Н—хлѣвъ; М—Н—дорога-улица; а, а—двери; б, б—окна; б1, б2—маленькія окна; с—очагъ; д—лѣстница на чердакъ; д1—двѣ ступеньки вниз; д2—двѣ ступеньки вверх; ф—печь; г—обѣденный столъ; і (крестикъ)—кропильница; к (крестикъ)—распятие; л, л—скамьи; ш—омарце, съ желѣзными дверцами и секретнымъ замкомъ; п, п—кровати; п (крестикъ)—топка печи; w—лева; у—дымникъ левы.

однокамерномъ. Онъ лишь въ послѣдствіи занялъ боковое, болѣе удобное для обитателей положеніе. Въ Верхней Крайнѣ даже въ самыхъ простыхъ сооруженіяхъ, какъ станъ, кочне и байта, очагъ находится не въ серединѣ, а сбоку. Лишь въ таморѣ, вышеописанномъ, намъ удалось встрѣтить центральное положеніе очага. Однако, напримѣръ, въ домѣ, представленномъ на черт. 27, гдѣ очагъ помѣщенъ, впрочемъ, не въ вѣжѣ, а въ кухнѣ, онъ такъ

¹⁾ Очагъ по словински огниште (ognište). Слово это, почти утраченное нашимъ языкомъ и замѣненное словомъ очагъ, сохранилось и у другихъ южныхъ славянъ. Такъ, очагъ на сербскомъ языкѣ называется огниште (или ватриште), а на болгарскомъ—огниште. Однако среди славянъ Балканскаго полуострова существуетъ, какъ и у насъ, тѣсная связь между упомянутыми словами и словомъ очагъ. Такъ, на сербскомъ языкѣ подъ словомъ оджакъ подразумѣваютъ дымникъ надъ очагомъ, (а равно постройку для дымныхъ сѣмянъ, далѣе домъ, дворъ). Въ частности въ Черногоріи подъ указаннымъ словомъ понимаютъ очагъ въ нашемъ смыслѣ, подъ словомъ оджаклија—камень или комлату съ камнемъ. Въ смыслѣ камня слово оджакъ понимаютъ и въ Босніи. Въ Болгаріи это слово означаетъ печку. Въ Черногоріи демир-оджакъ—есть подставка для дровъ на очагъ. Очагъ и оцакъ одного происхожденія тюркскаго.

великъ и такъ выдвинутъ къ серединѣ, занимая добрую половину всей кухни, что и въ данномъ случаѣ его центральное положеніе, строго говоря, замаскировано слабо.

Если въ вѣжѣ помѣщается очагъ, то онъ занимаетъ (за единичными исключеніями) правый или лѣвый внутренній уголъ, въ зависимости отъ того, съ правой или съ лѣвой стороны отъ вѣжи помѣщается хиша, т. е. изба. Очагъ всегда примыкаетъ къ стѣнѣ послѣдней, очевидно, потому, что на него почти всегда выходитъ топка печи, находящейся въ хишѣ. Если въ вѣжѣ каменнаго дома находится очагъ, то потолокъ ея обыкновенно сводчатый (svod). Если свода во всей вѣжѣ или черезъ всю кухню не имѣется, то сводъ (коробковый) устраивается отъ мѣста очага къ противоположной сторонѣ. Дымъ отъ очага подымается подъ этотъ сводъ, тянется вдоль него къ противоположной стѣнѣ и выходитъ въ трубу (dimnik)¹⁾, устраиваемую именно здѣсь.

Отверстіе трубы свободно открывается раструбомъ въ помѣнутый сводъ, образуя прямое сообщеніе между внутренностью вѣжи (или кухни) и воздушнымъ пространствомъ надъ крышей. Надъ послѣдней труба возвышается на метръ или полтора метра, представляя четырехгранную каменную призму, покрытую сверху крышеобразно кирпичами (см. рис. 12—Б, 45 и 57).

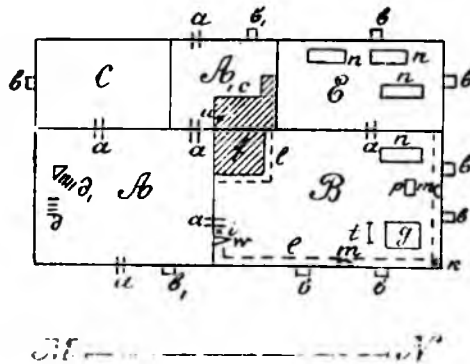
Форма очага, какъ и величина его, различны. Помѣщаясь въ углу, онъ обыкновенно занимаетъ двѣ стѣны его, вытягиваясь въ большей или меньшей степени вдоль одной изъ нихъ. На планахъ описываемыхъ построекъ форма очага передается въ чертежахъ схематически. Высота очага довольно однообразна и не превышаетъ обыкновенно 1 аршина отъ пола. Очагъ сложенъ изъ камней, скovanýchъ цементомъ, и прикрытъ плоскими каменными досками; съ боковъ его, внизу, находятся ниши для золы и дровъ. Устройство очага въ углу вѣжи подъ сводомъ передается рисункомъ 30—Б (домъ въ Блѣдѣ, изображенный на рис. 30—А и на чертежѣ 30, I—III). Изъ этого рисунка видно, что надъ очагомъ размѣщены полки (polica) съ кухонной посудой, поставцы (polica) для тарелокъ, гвозди для подвѣшиванія ложекъ и другой утвари. На очагъ, какъ сказано, выходитъ устье печи хиши (ustje; см. на планахъ букву ц, съ крестикомъ); это ни что иное, какъ полукруглое отверстіе, черезъ которое топятъ печь и черезъ которое по истопленіи ея выгребаются зола и кладется хлѣбъ для печенія.

Кухня²⁾ (см. бузву А₁ на чертежахъ) въ домахъ Верхней Краины

¹⁾ Слово это означаетъ и каминъ.

²⁾ Кухня называется и кухной и кухей и кухой и кухиньей (kuhna, kuhinja, kuhna, kuhinja). Слово куха означаетъ и варку, кушанье, овощи; кохаръ (kohar) — поваръ; кохати (kohati) — варить. Слово кухня и ему подобныя очень распространены среди славянъ вообще и въ частности среди южныхъ славянъ и именно въ одномъ и томъ же значе-

представляет тотъ выдающийся интересъ, что на ней можно прослѣдить самыя разнообразныя ступени ея развитія. Отдѣлена ли она отъ вѣжи или нѣтъ, существуетъ ли она за аркой, ступенью ниже или наконецъ за стѣной съ дверью—она въ большинствѣ случаевъ занимаетъ заднюю часть вѣжи; кухней заканчивается домъ по задней его стѣнѣ. Лишь въ единичныхъ случаяхъ сзади кухни можетъ находиться еще помѣщеніе, напр. схрамба (см. черт. 17). Последняя можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоять рядомъ съ кухней, занимая вмѣстѣ съ нею заднюю часть дома. Схрамбу можетъ замѣнить клѣть (черт. 18 или жилая комната—чумбата, камерца (черт. 21). Если кухня дифференцирована, то она можетъ быть сдвинута въ сторону въ большей или меньшей степени, стѣнная камра (черт. 19, 28 и 29). Далѣе кухня можетъ залегать между послѣдненазваннымъ помѣщеніемъ и схрамбой (или клѣтью,

ЧЕРТ. 20 (см. рис. 20). Домъ въ деревнѣ Мално. А—вѣжа; А₁—кухня; В—жила; С—камерца (чумбата); Е—камра; М—N—улица; а, а—двери; b, b—окна; b₁, b₁—оконца; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d₁—лѣстница внизъ въ клѣть; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленные скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; p—комода; t—скамья; u (крестикъ)—топка печи; w—лева.

или чумнатою, какъ на черт. 20). Если кухня развита какъ обособленное помѣщеніе, то она можетъ занимать уголъ вѣжи, въ большей или меньшей степени выступая за предѣлы ея (черт. 24). Примерами наиболѣе дифференцированной кухни могутъ служить дома, планы которыхъ изображены на чертежахъ 25 и 30, III. Ниже будутъ отмѣчены нѣсколько типовъ верхне-крайнихъ домовъ. Основные два мы называемъ трехраздѣльными: длиннымъ и широкимъ. Сочетаніе этихъ двухъ типовъ даетъ четырехраздѣ-

ныя какъ и у насъ. Такъ, кухня по сербски кухня, кухарница, кужина, кужина. Въ частности въ Босніи словомъ кухня называется помѣщеніе, соответствующее словенской вѣжѣ съ очагомъ. Въ Болгаріи кухня называется кужина. Вмѣстѣ съ этимъ въ Болгаріи употребляется и славянское слово готварница и турецкое—мутавак.

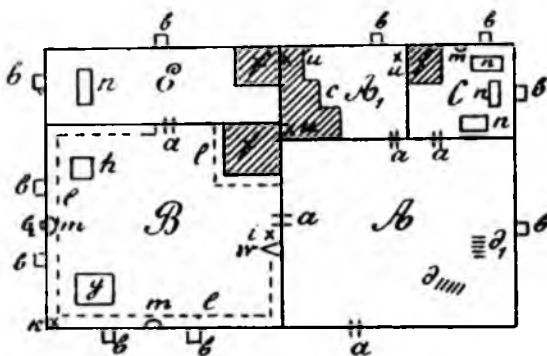
ный домъ. Надо отмѣтить здѣсь же, что кухня въ трехраздѣльномъ длинномъ типѣ вообще въ меньшей степени дифференцировалась, чѣмъ въ трехраздѣльномъ, широкомъ. Поэтому перечисленные выше отклоненія отъ типичнаго положенія кухни встрѣчаются почти исключительно въ трехраздѣльныхъ широкихъ домахъ или въ домахъ четырехраздѣльнаго типа. Хотя развитая кухня и представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно обособленную камеру, влияющую на внѣшнее строеніе дома, но такъ какъ кухня, какъ типъ помѣщенія въ Верхней Крайнѣ есть все же лишь часть вѣжи въ разныхъ стадіяхъ своего развитія, то кухня при опредѣленіи степени раздѣльности дома нами не принимается во вниманіе. Если бы кухня во всѣхъ домахъ Верхней Крайны занимала приблизительно такое же обособленное положеніе какъ въ домѣ, изображенномъ на чертежѣ 30, III, то конечно ее слѣдовало бы разсматривать въ той же степени какъ отдѣльное помѣщеніе, какъ камру, скрамбу, чумнату или клѣтъ. Но такъ какъ отъ кухни этого типа до вѣжи съ очагомъ (т. е. безъ кухни) существуютъ всѣ стадіи развитія, ее нельзя иначе разсматривать какъ часть вѣжи, находящуюся въ пути своей дифференціаціи.

Если полъ (tla) ¹⁾ въ вѣжѣ, содержащей очагъ, не сплошь каменный, то камень оставляется въ той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ. Полъ въ такихъ случаяхъ вымощенъ мелкимъ булыжникомъ или же онъ остается землянымъ. Это явленіе представляетъ первый шагъ въ процессѣ дифференціаціи помѣщенія съ очагомъ въ кухню. Дальнѣйшіе шаги заключаются въ слѣдующемъ. Та часть вѣжи, которая содержитъ очагъ, лежитъ на одну ступень ниже остальной ея части. Затѣмъ помѣщеніе съ очагомъ ограничивается собственно отъ вѣжи и по потолку: именно, упомянутый выше коробковый сводъ образуетъ опусканіе потолка, опираясь на поперечную (поперекъ вѣжи) балку; иногда эта балка замѣняется аркой (въ каменныхъ домахъ). Этимъ способомъ достигается въ значительной степени обособленіе помѣщенія съ очагомъ отъ вѣжи, которая приблизительно въ два раза больше. Въ дальнѣйшемъ ходѣ указываемаго процесса отграниченіе первичной кухни отъ вѣжи идетъ путемъ замыканія стѣнъ: съ двухъ сторонъ (стѣнъ) вѣжи выстраиваются перегородки, упирающіяся наверху въ отмѣченную балку, держащую коробковый сводъ. Перегородки эти, не сходясь между собою, оставляютъ достаточное пространство, служащее ходомъ въ кухню. Наконецъ, перегородки эти, сойдясь ближе и слившись въ одно цѣлое, образуютъ стѣну, имѣющую особую дверь, соединяющую вѣжу съ кухней. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, кухня почти совершенно отдѣлена отъ вѣжи: недостаетъ лишь затвора къ двери, которая остается открытой. Процессъ завершается тѣмъ, что дверь получаетъ

¹⁾ Слово это въ настоящемъ своемъ значеніи служить выраженіемъ для почвы.

затворъ, а кухня—окоце для пропускавiя свѣта. Такая кухня представляетъ даже въ богатыхъ домахъ очень тѣсное помѣщенiе, въ значительной степени занятое очагомъ.

Проконченная и полутемная кухня предназначена служить только специальнымъ цѣлямъ. Поэтому въ ней обыкновенно ничего кромѣ необходимой утвари не помѣщается. Въ стѣнахъ, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ каменные, даже въ деревянныхъ домахъ, продѣлываются нерѣдко ниши ¹⁾ (см. на планахъ букву v) для хозяйственныхъ надобностей; нишу можетъ замѣнять омарце (омарце ²⁾), о которомъ будетъ ска-

ЧЕРТ. 21. Домъ въ деревнѣ Верхня Горья. А—вѣжа; А1—кухня; В—хата; С—камерца (чумната); Е—камра; а, а—двери; б, в—окна; в1—отверстiе на верху стѣны, имѣющее значенiе вентилятора (окепце, odgrtina); с—очагъ; д—дѣстница на чердакъ; д1—дѣстница въ кевдеръ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—столъ для раскатыванiя тѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятiе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; ш, ш—омарцы; п, п—кровать; у, у (крестикъ)—топки печей; w—лева.

зано ниже. Около очага или въ противоположномъ углу, независимо отъ того, помѣщается ли очагъ въ особой кухнѣ или въ самой вѣжѣ, можетъ находиться котелъ для варки пищи скоту (kotel; см. на планахъ букву е). Изъ кухни или вѣжи, если она содержитъ очагъ, можетъ быть выходъ наружу, и тогда домъ является проходнымъ. Однако часто выхода наружу нѣтъ, и домъ представляется замкнутымъ, съ однимъ ходомъ, о которомъ было уже сказано. Далѣе, изъ кухни можетъ быть ходъ въ кладовую—схрамбу, или кѣтъ, или наконецъ спускъ въ погребъ—кевдеръ, кевдерць или чевдеръ. Эти хозяйственные помѣщенiя могутъ примыкать и къ вѣжѣ, особенно если они содержатъ очагъ.

¹⁾ Ниша по словянски вдолбина (vdolbina v zidu, т. е. въ стѣнѣ); vdolbatl—втѣсать, вдолбить, гравировать. По сербски ниша—удубленье у дувару (т. е. въ стѣну), жльс ботина у зиду, уложа, ниша.

²⁾ Собственно омаричъ (omaritë)—стѣнной ящикъ, отъ омара (отата)—ящикъ вообще.

Имѣть ли вѣжа очагъ или нѣтъ, она служить сѣнями. Въ старинныхъ домахъ вѣжа отличается своими большими размѣрами. Шкафы, ящики для зерна и иныхъ припасовъ, иногда столъ, скамейка, точилка, полка, одна или нѣсколько (омага, skrinja, miza, klopica, brus, polica; см. буквы: х, о, р, s, z, г, ¹⁾) составляютъ обычную утварь вѣжи; въ стѣнахъ — часто продѣлываются ниши. Обыкновенно вѣжа полутемная, часто лишена совершенно оконъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣется одно окно. Справа или слѣва отъ входной двери идетъ деревянная лѣстница (d) на чердакъ или во второй этажъ, если таковой имѣется; рядомъ съ этой лѣстницей часто идетъ другая внизъ (d₁) въ погребъ. Входъ въ послѣдній не рѣдко закрывается половицами, составляющими крышку люка къ сходу.

Въ связи съ ходомъ своего развитія, кухня помѣщается, за единичными исключеніями, противъ входной двери, т. е. въ концѣ вѣжи; справа или слѣва отъ нея находится собственно жилье, именно: хиша, т. е. изба, и камра, если таковая имѣется. У входа ²⁾ въ хишу въ старинныхъ и не перестроенныхъ домахъ въ стѣнѣ торчитъ дымникъ (w) отъ левы, о которой будетъ сказано ниже. Съ противоположной хишѣ стороны вѣжи, если домъ развился и въ другую сторону, можетъ находиться либо чумната, либо влѣтъ, либо схрамба.

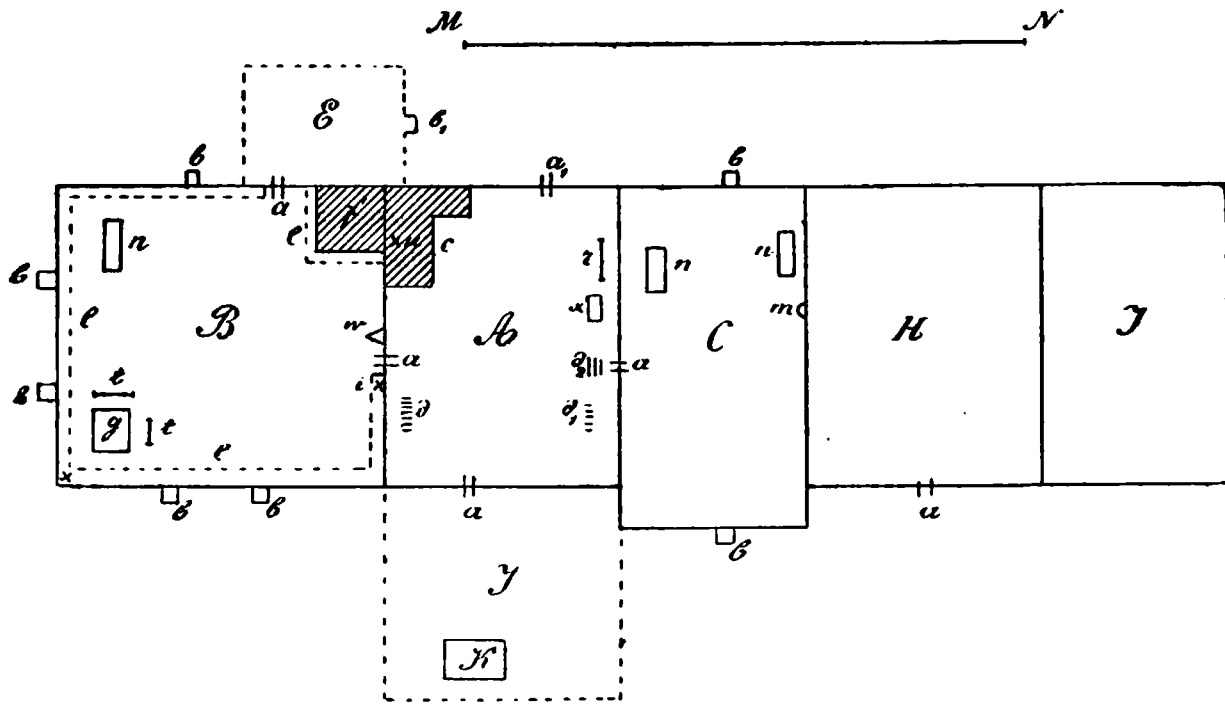
2. Хиша. Остановимся на хишѣ ³⁾, называемой также избой (см. на планахъ букву В). Мы видѣли, что въ вѣжѣ часто можетъ отсутствовать

¹⁾ Омага означаетъ, какъ сказано, ящикъ вообще; скринья—ящикъ, шкафъ, сундукъ; полица—значитъ также подносъ, поставецъ, выступъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ). На сербскомъ языкѣ скриньей (скринья) называется какъ шкафъ, такъ и ларь. Полица на сербскомъ языкѣ означаетъ поставецъ, въ частности въ Босніи—полку для тарелокъ. Въ русскомъ зодчествѣ полицей называютъ скать у крыши въ видѣ полки, которая и у насъ иногда называется полицей. Слово брус по сербски означаетъ какъ и на словинскомъ языкѣ брусокъ; бруенти, brusiti на обоихъ языкахъ означаетъ—точить.

²⁾ Всѣ двери въ домѣ, кромѣ наружной, входной, называются дурн (duri), что означаетъ и калитку.

³⁾ Хиша означаетъ домъ, жилой домъ, вообще помѣщеніе, въ переносномъ смыслѣ очагъ; хишевати (hiševati)—хозяйничать; хишица (hišica)—домикъ. Слово хиша извѣстно и сербскому языку въ формѣ хижѣ, означающей домикъ и хижина—коморка, горенка, а также столовая. У чеховъ huška означаетъ бѣдный домъ. Въ восточной Болгаріи слово и жа или хижѣ употребляется въ смыслѣ деревенскаго дома или избы. Въ томъ же смыслѣ, а равно въ смыслѣ дома вообще, употребляется слово huža у словаковъ (словенцевъ). Въ русскомъ языкѣ слово хижина, какъ извѣстно, употребляется въ смыслѣ бѣднаго убогаго жилья: хижина пастуха, дровосѣка, сторожа. Въ Сибири подъ хижей подразумеваютъ шалашъ въ лѣсу, а въ Донской области подъ хижкой—отдѣльную кухню и землянку. Подъ названнымъ словомъ, какъ въ словинскомъ, такъ и въ сербскомъ, русскомъ и чешскомъ языкахъ, подразумѣвается, въ противоположность нерѣдкому значенію слова коча, нѣчто прочное, хотя бы (какъ напр. хижина) и небольшое и небогатое, бѣдное. Однако ни у словинцевъ, ни у сербовъ слово хиша не выражаетъ понятія объ опредѣленномъ жилищѣ реальномъ зданіи. Въ этомъ смыслѣ хижѣ или и жа сохранилась въ Болгаріи, у словаковъ и отчасти у насъ. Въ западной Болгаріи подъ наименованіями хижѣ или

ей нѣкогда обязательно принадлежавшій признакъ—очагъ. Въ своемъ архаическомъ (съ очагомъ), а быть можетъ, и первоначальномъ видѣ вѣжа представляетъ первобытное жилье, простѣйшее, однокамерное съ очагомъ. Хижа вноситъ новое начало въ словинскій домъ, начало раздѣльности. Тамъ, гдѣ

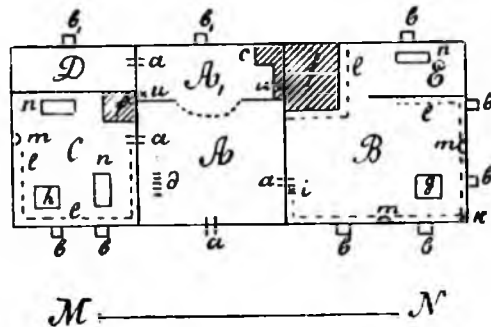
ЧЕРТ. 22. Домъ въ деревнѣ Бѣгуньѣ, выстроенный въ 1735 году. А — вѣжа: В — хижа; С — чумната; Е — камра, полуразрушенная вслѣдствіе проведенія дороги; Н — хлѣвъ; І, І — навѣсы; К — свинущникъ; М — Н — дорога (шоссе); а, а — двери; а: — дверь, которой теперь не пользуются вслѣдствіе проведенія дороги; б, б — окна; б: — оконце; с — очагъ; d — дѣстница на чердакъ; d: — дѣстница въ кевдеръ; d: — три ступеньки вверхъ; f — печь; g — обѣденный столъ; і (крестикъ) — кровильница; k (крестикъ) — распяtie; l, l — прикрѣпленныя скамьи; m — омарце; n, n — кровати; r — полка; t, t — скамьи; п (крестикъ) — точка печи; w — лева; x — омара.

ижа понимаютъ землянку въ нѣсколько комнатъ, въ противоположность однокамерной землянкѣ—бордель. Такая хижа не отопляется печью, но содержитъ очагъ; къ ней приспосаблиется помѣщеніе для скота; сама она покрыта двускатной крышей. У словаковъ hiza — деревенскій домъ—синонимъ избы (izba). Можно думать, что хижа и у словинцевъ первоначально служила отдѣльнымъ жильемъ, какъ и у болгаръ, но срубленнымъ и состоящимъ изъ бревенчатого остова, жильемъ, не отопляемымъ печью. Именно въ этомъ смыслѣ современный словининецъ употребляетъ слово хижа, называя чердачную комнату, представляющую неотопляемый срубъ—gopnja hiza, т. е. верхняя хижа. Во всякомъ случаѣ, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться не слѣдуетъ, современная хижа словинцевъ ведетъ свое происхожденіе отъ древняго жилья, вошедшаго, путемъ сочетанія съ вѣжей, въ составъ словинскаго дома. И у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга хижа повидимому вошла, какъ и въ Краинѣ, въ составъ жилья, но сохранила первоначальную свою натуру неотопляемаго помѣщенія. А именно: на югѣ Европейской Россіи подъ хижей понимаютъ неотопляемую клѣтъ сбоку стѣны, имѣющую значеніе кладовой, чулана.

имѣется хиша, домъ, по крайней мѣрѣ, двурядный. Въ настоящее время для хиши характернымъ признакомъ является печь (f): комната, не имѣющая печи по современнымъ понятіямъ не есть хиша. Хотя, конечно, могутъ быть комнаты съ печью, которыя не суть хиши и не несутъ этого наименованія. Однако есть основаніе думать, что первоначальная хиша не имѣла печи, и что она ее получила съ появленіемъ избы, съ которою она слилась, сдѣлавшись ея синонимомъ¹⁾. Есть еще признаки, которые никогда не отсутствуютъ въ хишѣ: обѣденный столъ и Распятіе (križ, т. е. крестъ). Кроме того хиша отличается отъ остальныхъ помѣщеній дома и числомъ оконъ. А именно: въ хишѣ почти всегда два окна, выходящія на фронтонъ, и два, выходящія на боковую сторону дома, тамъ гдѣ входная дверь. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Однако установить можно точно, что хиша почти никогда не имѣетъ трехъ оконъ съ фронтона (можетъ быть одно). Что касается боковой стороны, то вмѣсто двухъ оконъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются три окна,

⁴⁾ Изба (izba) на словинскомъ языкѣ означаетъ комнату вообще, жилую комнату, помѣщеніе; izbana—вала (также dvogana). Слово изба вмѣсто хиши у словинцевъ менѣе употребительно, чѣмъ это послѣднее. Слово изба очень распространено у славянъ вообще. Въ Моравіи, а также у словаковъ этимъ словомъ именуютъ то помѣщеніе въ домѣ, которое совершенно соответствуетъ словинской хишѣ. На польскомъ языкѣ изба означаетъ комнату, горницу, камеру, палату, клѣтъ. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи подъ избой подразумѣваютъ нижнее помѣщеніе дома, приспособленное для хозяйственныхъ нуждъ или въ качествѣ конюшни. Отсюда черногорское выраженіе: на избу—домъ въ два этажа, съ конюшней или кладовой въ нижнемъ изъ нихъ. Однако въ сербскомъ, какъ и въ словацкомъ языкѣ изба имѣетъ и другое значеніе, а именно комнаты вообще, жилой комнаты, наконецъ домика. Наше слово изба переводится на сербскій языкъ словами изба, куча. Въ западной Болгаріи (какъ и у словаковъ) подъ избой подразумѣваютъ деревенскій домъ, въ частности хижу (ижу). Но у болгаръ избой называютъ и погребъ, въ частности винный погребъ и шалашъ. Въ русскомъ языкѣ слово изба, какъ извѣстно, очень распространено. Главное значеніе избы—это жилое помѣщеніе. Если въ ней печь безъ трубы, то—это черная изба, если съ трубой, то—бѣлая. Уже въ древней Руси подъ избами подразумѣвались главнымъ образомъ деревянные дома изъ бревенчатого сруба. Слово изба въ допетровской Русіи (уже въ XV в.) употребляется въ смыслѣ присутственнаго мѣста. Въ XVII в. слово изба употребляется для обозначенія отдѣльныхъ комнатъ во дворѣ, такъ, напр., столовая изба, постельная изба. Слово изба употреблялось и въ смыслѣ камеры: изба приказная, тунская, и въ смыслѣ учрежденія: изба земская (1699 г.). Въ настоящее время слово изба употребляется какъ наименованіе крестьянскаго дома и въ частности какъ собственно жилое его помѣщеніе въ отличіе отъ клѣти, т. е. въ томъ же смыслѣ, что и въ Моравіи и Краинѣ. У старожильческаго населенія Сибири подъ избой подразумѣвается однокамерная постройка, но обязательно съ печью. Разъ жилище крестьянина-старожила состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній, то оно на языкѣ сибиряка не изба, а домъ. Изба такимъ образомъ пустила глубокіе корни, выражая всегда не только нѣчто прочное, но въ большинствѣ случаевъ и отопляемое (за исключеніемъ Черногоріи, Герцеговины и отчасти Болгаріи), поэтому болѣе культурное. Можно даже отмѣтить, что именно отопляемость дала избѣ это наименованіе. Въ этомъ именно смыслѣ мы встрѣчаемъ и збу въ нашихъ лѣтописяхъ съ древнѣйшихъ временъ. Изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ слѣдующихъ правописаніяхъ: истъба, и съба, издоба, изъба. Въ лѣтописяхъ изба именуется и истобъка и истопка, съ явнымъ указаніемъ происхожденія слова отъ самого свойства избы быть отопляемой, напр., «пристрои Ратиборъ отроки въ оружьи, истобку пристави истопити имъ». (Пов. вр. л.) Наконецъ изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ смыслѣ бани.

иногда одно и наконецъ, какъ исключеніе, окна могутъ отсутствовать въ хищѣ съ боковой (длинной) стороны дома. Уменьшеніе или увеличеніе числа оконъ стоитъ отчасти въ прямой связи съ объемомъ хища. Хотя большихъ размѣровъ хища вовсе не всегда вызываетъ увеличенія числа оконъ, какъ и малыхъ размѣровъ хища не приводитъ сама по себѣ къ сокращенію числа ихъ. Большая хища имѣетъ обыкновенно большихъ размѣровъ окна и болѣе широкіе простѣвники между ними; число этихъ оконъ, какъ сказано, остается въ большинствѣ случаевъ то же, что и у маленькихъ хищъ: два съ фронтона и два съ боковой стороны. Въ каменныхъ домахъ окна часто

ЧЕРТ. 23. Домъ въ деревнѣ Верхняя Горь, построенный около 100 тому назадъ. А—въжи; А₁—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ въжи короткими стѣнами, между которыми широкая арочная дверь; В—хища; С—чумната; D—схрамба; Е—камра, отдѣленная отъ хищи недоходящей до потолка стѣной; М—N—дорога-улица; а, а'—двери; b, b'—окна, b₁, b₁'—окошца; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f'—печи; g—объденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l'—скамья; ш, ш'—омары; п, п'—кровати; u, u' (крестикъ)—топки печей.

помѣщаются въ нишахъ, дающихъ возможность устраивать узкіе подоконники (polica).

Хища представляетъ слѣдующее устройство. Если она находится слѣва отъ въжи (если справа, то все расположено въ обратномъ порядкѣ), то направо во внутреннемъ углу находится печь (f; подробности о ней ниже). Въ противоположномъ по діагональ углу помѣщается объденный столъ (g). Въ другомъ углу фронтовой стѣны ставится столъ меньшей величины (h); на немъ раскладываютъ тѣсто. Этотъ столъ можетъ однако отсутствовать (или быть въ другомъ углу) и замѣняться кроватью (postelja ¹⁾)—n). Въ углу надъ объденнымъ столомъ виситъ Распятіе (буква k съ крестикомъ); по стѣнамъ направо и налѣво отъ него—картины, обыкновенно исключительно религиознаго содержанія. Отъ входной (отъ въжи) двери вдоль стѣны тянется укрѣпленная скамья (klorica, klor—l), которая то короче, то длиннѣе, но обязательно занимаетъ, по крайней мѣрѣ, стѣны угла, у котораго стоитъ объ-

¹⁾ Также постель (postelj), что значить и ложе; дѣтская кровать—oderc; одер—помость.

денный столъ. Подобныя скамьи прикрѣплены и къ печкѣ. Полъ (tla) обыкновенно деревянный; потолокъ тоже. Последний, какъ и стѣны, обыкновенно выбѣленъ. Въ старыхъ домахъ потолокъ (strop) досчатый. Онъ поддерживается поперечной балкой¹⁾, на которой часто вырѣзана цифра года постройки дома (на забѣленной балкѣ цифры не видно). Съ одной или съ обѣихъ сторонъ балки и вдоль нея тянется длинная полка (polica), обыкновенно для домашней утвари. На стѣнѣ около входной двери помѣщается всегда кропильница (kropilnica, kropilnik — i, y крестика): небольшой фарфоровый крестъ съ чашечкой у подножья Распятія для святой воды. Въ простѣнкахъ между окнами часто находятся ниши, обдѣланныя деревянной рамой и закрывающіяся деревянной дверцей; это омарце (omarse—ш), служащія для хозяйственныхъ надобностей. Кромѣ того въ хижѣ могутъ помѣщаться: комоды, шкафы (и то и другое омага—р, х), полки (г), подставки для тарелокъ (г1), передвижныя скамьи²⁾ (stol—t); передъ обдѣленнымъ столомъ: стулья, часы и т. п. предметы. Но всѣ они являются менѣе типичными, чѣмъ ранѣе упомянутыя.

Характернымъ для старыхъ домовъ является лева³⁾ (leva—i, y крестика), потерявшая свое первоначальное значеніе. Лева есть ниша въ стѣнѣ, отдѣляющей хижу отъ вѣжи; она помѣщается съ той стороны стѣны, къ которой печка не примыкаетъ. Нижній край ниши (левы) выступаетъ впередъ, образуя какъ бы полку. Надъ нишей выдвигается крутой навѣсъ. Подъ нимъ идетъ отверстіе въ стѣну, имѣющее выходъ при посредствѣ дымника (у) въ вѣжу. Лева нѣкогда служила мѣстомъ зажиганія лучинъ, ради освѣщенія по вечерамъ. Въ настоящее время лева не исполняетъ этихъ надобностей и поэтому заброшена. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дымникъ (dimnik) еще торчитъ, какъ совершенно ненужный придатокъ, въ большинствѣ же случаевъ онъ уничтоженъ и данное мѣсто стѣны задѣлано и замазано. Сама лева тоже часто задѣлывается или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передѣлывается въ омарце. Обычно левой совсѣмъ не пользуются, либо въ нее ставятъ мелкую утварь.

Печь (реѣ)⁴⁾ верхне-крайнскаго дома заслуживаетъ особеннаго внима-

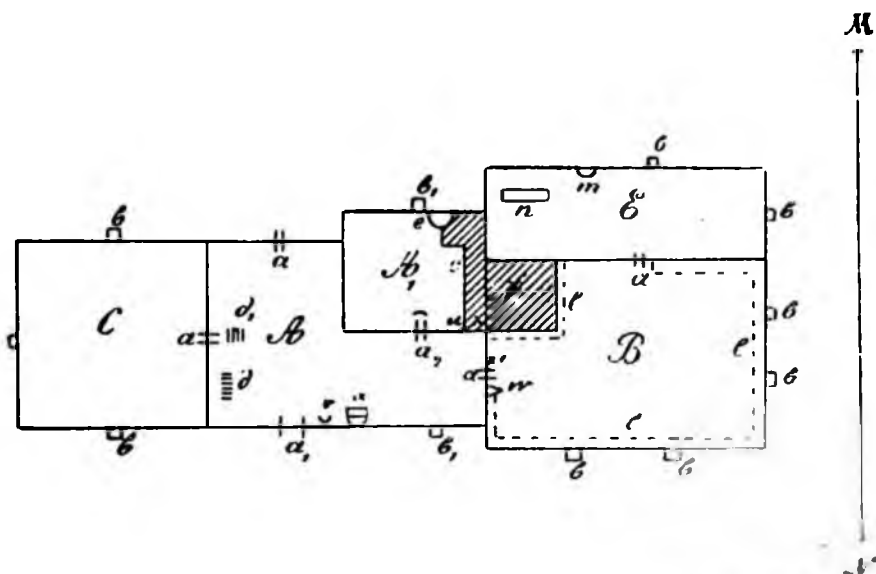
¹⁾ Балка эта называется стропникомъ или стропницей, пречнякомъ или пречницей (stropnik, stropnica, prečnik, prečnica), или же трамомъ (tram; срав. немецкое Tram). По поводу стропника слѣдуетъ вспомнить, что бревна, образующія крышу, у насъ называются стропилами.

²⁾ Означаетъ и стулъ, сидѣнье. Слово столъ въ смыслѣ сидѣнія извѣстно и болгарскому и сербскому языкамъ. Въ частности въ Болгаріи столъ означаетъ стулъ. У сербовъ сидѣнье называется столац; столица по сербски означаетъ каюдру, стулъ, а также столъ. Въ нашемъ языкѣ значеніе слова столъ въ смыслѣ сидѣнья сохранилось въ словахъ престолъ, столица и т. п.

³⁾ Подъ этимъ словомъ подразумѣвается также и каминъ и ниша.

⁴⁾ Подъ этимъ словомъ подразумѣвается печь всякаго рода. Реѣ—жарить; печь: реѣа—маленькая печь; реѣина—скала, пещера, ущелье. По сербски: печати—печь;

ня. Она никогда не топится изъ хиши, а всегда либо изъ вѣжи, либо изъ кухни, смотря по тому, гдѣ находится очагъ. Снаружи это полукирпично-глиняное (внизу), полу-изразцовое (наверху) сооруженіе, которое никогда не доходить до потолка. Кирпичная нижняя часть больше изразцовой верхней. Поэтому между послѣдней и стѣной образуется пространство (зарѣсек), слу-

ЧЕРТ. 24. Домъ въ деревнѣ Битво (см. рис. 24). А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша, служащая мастерской для столяра; С—чумната; Е—кама; М—N—дорога-улица; а, а₁—двери; а₁—широкая входная дверь; а₂—арка въ стѣнѣ, замѣняющая дверь; b, b₁—окна; b₂, b₃—оконца; с—очагъ; d—дѣстница на чердакъ; d₁—четыре ступени въ чумнату; е—вотель для варки, корма скоту; f—печь; i (крестикъ)—кропильница; l, l₁—скамья; m—омарце; n—кровать; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша; w—лова; x—шкафъ передъ внешней.

жащее зной для сна, особенно дѣтей. Размѣръ печи отчасти стоитъ въ связи съ размѣромъ хиши. Для нагляднаго представленія о размѣрахъ можно привести слѣдующій примѣръ. Длина хиши 5,5 метровъ, ширина (фронтъ)—5 м., высота 2,3 м.; въ такой хишѣ помѣщается печь высотой: въ 1,5 м. и (внизу) длиной: въ 1,5 м., а шириной: въ 1,4 м. при ширинѣ запечка: въ 0,6 м. Изразцы ¹⁾ верхней части печи всегда темнозеленаго цвѣта и квадратной формы, при чемъ въ старыхъ печахъ изразцы обыкновенно представляютъ вдавленные, плоскія четырехгранныя пирамидки. Такіе на-

печина—пещера. Печка и на сербскомъ языкѣ печь (печка): въ Босніи печь называется и фуруна; у другихъ сербовъ: вуруна, цигланы, бабура, соба. Отъ послѣдняго слова получилось сербское слово соба въ смыслѣ комнаты, отопляемой печью, а также комнаты вообще, напр., соба за слуге—людская, собаджикъ или соба за дьеду—дѣтская. Соба и въ Болгаріи означаетъ печь, тоже что грънци (въ буквальный смыслъ горшки) или оджакъ. Соба, sobana на словенскомъ языкѣ означаетъ отопляемую комнату.

¹⁾ Изразцы по словенски rešnice (един. чис. rešnica); по сербски изразецъ—каза.

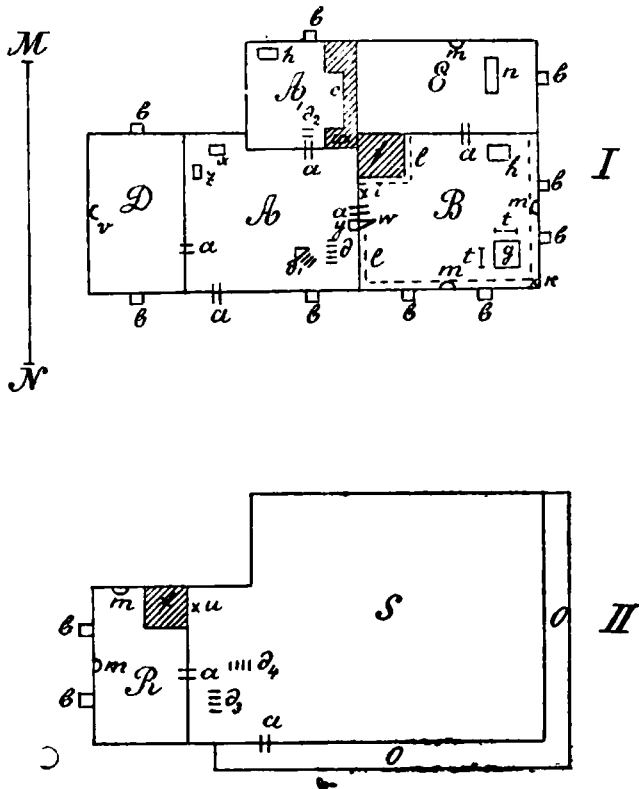
разцы даютъ, конечно, больше тепла, представляя большую площадь испускаемыхъ тепловыхъ лучей. Интересно отмѣтить, что разумное пользованіе тепломъ печи появляется уже на ранней степени развитія ея у южныхъ славянъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна боснійская печь, которая при всей своей простотѣ и незначительныхъ размѣрахъ даетъ много тепла, благодаря вдавленнымъ въ глину печи круглымъ глазированнымъ чашечкамъ, которыя ни что иное, какъ недоразвившіеся еще изразцы.

Верхне-крайнская печь исполняетъ двоякаго рода функціи: съ одной стороны, она согрѣваетъ хищу, а съ другой, служитъ для печенія хлѣба. Это ея назначеніе, повидимому, первичное. Къ этой мысли приводитъ то обстоятельство, что печь Крайны по существу совершенно тождественна съ нѣмецкимъ бакофенъ (Васкофен). Между тѣмъ этого рода печь и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ Тюрингіи, и въ Австріи, напр. въ Зальцбургѣ, совершенно не эксплуатируется какъ источникъ тепла. Служа только для печенія хлѣба, печь (Васкофен) въ Тюрингіи, хотя и придѣлана къ дому, но связана съ нимъ лишь своимъ отверстіемъ, выступая всѣмъ своимъ корпусомъ наружу. Такая печь, изображенная на рисункѣ 51 (дер. Шварцхаузенъ въ герцогствѣ Кобургъ-Гота), представляетъ наумительный примѣръ того, какъ нѣкоторые бытовые архаизмы, не смотря на всю свою несообразность, способны сохраняться даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ вообще не стоитъ на низкой степени развитія.

Крайнская печь, какъ и описанный бакофенъ, трубы не имѣетъ. Дрова закладываются черезъ устье и печь топится до тѣхъ поръ пока не накалится настолько, чтобы быть въ состоявіи печь хлѣбъ. Совершенно схожая по существу съ комнатною печью въ Верхней Крайнѣ имѣются печи и для иныхъ цѣлей. А именно: ради сушенія плодовъ устраиваются печи съ отверстіемъ снаружы, тогда какъ печь сама находится внутри специально для сушки существующаго зданія—паштбы (см. рис. 44). Совершенно аналогично устривается и печь паштбы для сушенія конопли (рис. 36). Последняя кладется на рамы, помѣщаемыя въ печь сверху ея. Такъ какъ конопля легко воспламеняется, то отверстіе печи дѣлается на большомъ (до 2 саж.) разстояніи отъ печи и притомъ ниже ея. Длинный подземный ходъ проводитъ нагрѣтый воздухъ въ печь (паштбу), производя свое дѣйствіе на коноплю. Рисунокъ 36 изображаетъ подобную паштбу изъ дер. Село. Она, сложенная изъ камней, круглой формы и покрыта навѣсомъ для предохраненія отъ дожда. Паштба эта находится на отлогомъ склонѣ, недостаточно рельефно передаваемомъ на рисунокѣ. Тамъ, гдѣ видѣется бѣловатый камень, находится топка.

3. Камра. Вѣжа и хища составляютъ наиболѣе существенныя части жилья. Если эти два помѣщенія, соединившись вмѣстѣ, дали словинскому дому

двураздѣльность, то появленіе камры (камга—буква Е на планахъ) привело къ трехраздѣльности дома. Слово камра, какъ увидимъ ниже, часто употребляется для обозначенія разнаго рода помѣщеній. Здѣсь идетъ рѣчь о типичной камрѣ въ ея первоначальномъ смыслѣ, въ смыслѣ того помѣщенія, которое, давъ трехраздѣльность дому, вмѣстѣ съ тѣмъ расширило его. Въ Верхней Крайнѣ можно встрѣтить дома, въ которыхъ камра ни что иное,

ЧЕРТ. 25 (см. рис. 25). Домъ въ деревнѣ Сламиникъ, выстроенный мѣтъ 120 тому назадъ. I—низъ; II—верхъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша; D—схрамба; Е—камра; М—N—улица; О, О—галерея; R—камерца наверху (gornja biša); S—чердакъ; а, а—двери; b, b—окна; с—очагъ; d—лѣстница на верхъ; d₁—лѣстница въ кевдеръ; d₂—двѣ ступеньки внизъ; d₃—лѣстница внизъ; d₄—лѣстница на верхній чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—крошльница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленныя скамьи; ш, ш—омарцы; п—кронать; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; v—ниша; w—лева; x—омара; y—дымникъ левы; z—точилка.

какъ часть хиши, отдѣленная отъ послѣдней деревянной, идущей отъ фронтовой стѣны и не доходящей до потолка, перегородкой. Она не достигаетъ противоположной стѣны и тѣмъ самымъ оставляетъ проходъ въ камру, закрывающій дверь (см. черт. 23). Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе, что камра выдѣлилась изъ хиши, подобно тому какъ кухня образовалась изъ части вѣжи. Однако многочисленныя другія данныя убѣждаютъ, что кам-

возникла въ Верхней Крайнѣ путемъ пристройки новаго помѣщенія къ хищѣ. Кабра очень часто несетъ явные признаки дополнительной пристройки (рис. 18); окно ея часто иныхъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окна хищи (см. рис. 20, 24); кабра нерѣдко бываетъ ниже хищи и отдѣлена отъ послѣдней одной или двумя ступенями; наконецъ кабра можетъ представлять каменное помѣщеніе въ совершенно деревянномъ домѣ (см. рис. 35). Кроме того слѣдуетъ отмѣтить, что кабра встрѣчается въ совершенно опредѣленнаго типа домѣ, о которомъ будетъ подробнѣе сказано ниже. Въ сущности кабра имѣетъ лишь одинъ характерный признакъ—одно окно со стороны фронтона; большого числа оконъ съ этой стороны (за единичными исключеніями) не существуетъ. Измѣненное окно обыкновенно единственное, но можетъ, хотя въ сравнительно и рѣдкихъ случаяхъ, существовать еще одно окно или оконце (или два) съ длинной стороны дома. Входъ въ кабру—изъ хищи, а именно въ той стѣнѣ, въ которой примыкаетъ печь, и гдѣ обыкновенно стоитъ второй (для катанія тѣста) столъ. Кабра представляетъ небольшую комнату обыкновенно болѣе длинную, чѣмъ широкую. Если она тянется вдоль всей хищи, а это отчасти стоитъ въ связи съ тѣмъ имѣется ли отдѣльная кухня или нѣтъ, то она (кабра), по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе своей ширины. Если же имѣется на лицо кухня, то она можетъ вмѣстѣ съ каброй занимать всю длинную сторону хищи, при чемъ кабра въ этомъ случаѣ къ вѣжѣ совсѣмъ не примыкаетъ. Если кабра мала, то она часто называется камерца, камрица (камерца, камгиса). Она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ печь съ топкою въ вѣжѣ или кухнѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ кабра совсѣмъ не отапливается и является холодной комнатой. Тѣмъ не менѣе ея главное назначеніе—служить въ качествѣ спальни. Кроме кровати или нѣсколькихъ кроватей въ камрѣ иногда помѣщается шкафъ, комодъ и т. п. Въ стѣнахъ встрѣчаются обычныя ниши, иногда омарце. Необходимой принадлежностью верхне-крайнскаго дома кабра, во всякомъ случаѣ, не является. Домъ можетъ состоять лишь изъ вѣжи и хищи или изъ вѣжи, кухни и хищи. Кроме того домъ можетъ быть благоустроенный и принадлежать состоятельному хозяину и все же быть безъ камры. Происходить это отъ того, что словинскій домъ развивался въ двухъ направленіяхъ: со стороны хищи, присоединивъ къ ней кабру, и со стороны вѣжи, присоединивъ чумнату ¹⁾.

4. Чумната (čumnata, ²⁾ см. на планахъ буквы С и С₁), какъ и кабра, получила въ настоящее время отчасти неопредѣленное значеніе. Однако въ своемъ типичномъ видѣ она сыграла въ дѣлѣ образованія словинскаго дома весьма важную роль. Она, въ свою очередь, дала трехраздѣльность дому,

¹⁾ См. подробности о камрѣ на стр. 49 и 93.

²⁾ Чумната (великорусск.—комната, малорусск.—кимната, словацк.—komnata). на словинскомъ языкѣ означать комнату вообще, въ частности—горницу, кабинетъ.

но не расширивъ его, какъ камра, а удлинивъ его. Поэтому камра и чумната породили въ Верхней Крайнѣ два совершенно разныхъ типа домовъ. Въ настоящее время про чумнату можно сказать лишь одно положительное: что этими именами называется дополнительная комната съ противоположной хитѣ стороны вѣжи. Эта комната въ типичномъ своемъ видѣ выступаетъ изъ всего зданія и несетъ явные черты придаточной его части. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто одной чумнаты могутъ быть двѣ, и онѣ, выходя на фронтонъ, заполняютъ эту сторону дома. Чумната можетъ быть при наличности камры, можетъ существовать и безъ нея, въ зависимости отъ того сочетались ли два трехраздѣльные типа или нѣтъ. Число оконъ и ихъ расположеніе довольно произвольны, смотря по положенію чумнаты и соображеніямъ строителя; входная дверь всегда изъ вѣжи.

Чумната играетъ ту же роль въ домѣ, что и камра, т. е. служить для сна¹⁾ или же она удѣляется для молодой четы. Устройство ея ничего особеннаго, по сравненію съ устройствомъ камры, не имѣетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ чумнатѣ можетъ быть печь, съ топкою изъ вѣжи или кухни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и нѣкоторыми домохозяевами чумната называется тоже камрой или камерцей, повидимому, совершенно независимо отъ того имѣется ли на лицо вышеописанная камра при хитѣ. По этому поводу умѣстно замѣтить, что слово камра очень распространено среди славянскихъ народовъ. Такъ, въ Моравіи подъ словомъ камора (камога) подразумѣвается комната (или двѣ), по своему мѣсторасположенію соответствующая верхне-крайнейской чумнатѣ. У словаковъ комора (комога) есть помѣщеніе, соответствующее словинской камрѣ. Въ Черногоріи понимаютъ подъ словомъ ка м а р а отдѣленную отъ основного помѣщенія съ очагомъ комнату, соответствующую слѣдовательно, крайнейской хитѣ. Совершенно такое же значеніе имѣетъ въ Крайнѣ слово камерца въ примитивныхъ двураздѣльныхъ домахъ, какъ напримѣръ въ жилищѣ сыровара, о которомъ, впрочемъ, будетъ сказано подробнѣе ниже. Камерцей въ Верхней Крайнѣ называютъ и дополнительную комнату на чердакѣ, которая, какъ было уже выше упомянуто, сооружается изъ бревенъ даже въ каменныхъ домахъ и именуется горней хитшей. Наконецъ камерцами называются и тѣ отдѣленные отъ кочи тамора млекарни, которыя были описаны раньше. Вообще этимъ словомъ склонны называть всякое дополнительное въ домѣ неотапливаемое жидкое помѣщеніе. Поэтому не удивительно если и чумната между прочимъ несетъ и это наименованіе²⁾.

¹⁾ См. подробности о чумнатѣ на стр. 94.

²⁾ Ка м р а вообще на словинскомъ языкѣ означаетъ комнатку, комнату. Слово са-мега—латинское понятіе и означаетъ помѣщеніе со сводомъ. Распространившись по всей Европѣ, слово это было обобщено въ смыслѣ казнохранилища, вносѣлства чучелника

5. Схрамба, клѣтъ и кевдеръ. Менѣе опредѣленной, чѣмъ чумната, является схрамба (shramba). Помѣщеніе это служитъ для хозяйственныхъ надобностей¹⁾ и можетъ называться кладовой, преимущественно для сухихъ припасовъ (см. на планахъ букву D). По своему положенію въ домѣ она иногда замѣняетъ чумнату, иногда находится рядомъ съ ней, а иногда составляетъ часть кухни. Входъ либо изъ вѣжи (если въ ней очагъ), либо изъ кухни. Схрамба можетъ быть лишена оконъ или имѣть одно, обыкновенно малой величины. Что касается клѣти (klet), т. е. кладовой²⁾, подобной схрамбѣ, то это помѣщеніе смѣшивается со схрамбой и слово клѣтъ является часто синонимомъ послѣдней. По своему положенію клѣтъ (безъ оконъ или съ окнами) замѣняетъ, какъ и схрамба, чумнату (см. на планахъ букву F). Входъ почти всегда изъ вѣжи. Изъ вѣжи же, обыкновенно непосредственно у входной двери, идетъ спускъ по лѣстницѣ въ кевдеръ или чевдеръ, т. е. погребъ (kevder, čevder). Это помѣщеніе, если оно не замѣняется схрамбой, обыкновенно не отсутствуетъ. Свѣтъ въ погребъ проникаетъ черезъ маленькое оконце, находящееся ниже остальныхъ оконъ (см. рис. 33). Въ рѣдкихъ случаяхъ входъ въ кевдеръ имѣется снаружи.

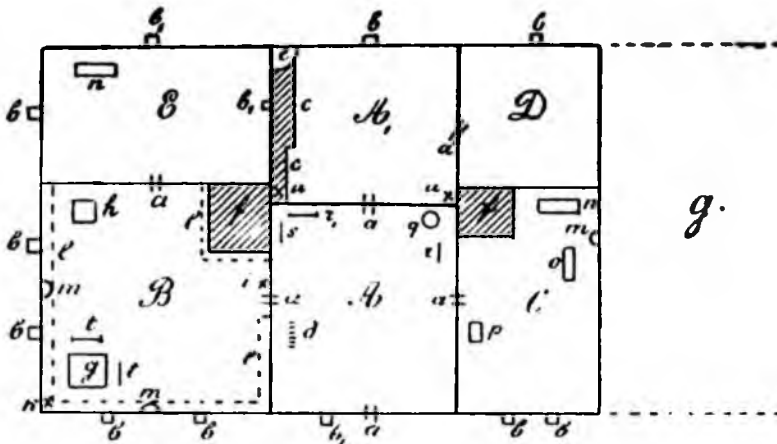
Изъ этихъ помѣнованныхъ хозяйственныхъ помѣщеній наиболѣе обычнымъ является кевдеръ, а наиболѣе рѣдкой клѣтъ. Схрамба имѣется часто, но можетъ и отсутствовать. Присутствіе ея, повидимому, не стоитъ въ связи съ наличностью камры или чумнаты, тогда какъ послѣдняя, повидимому, не совмѣщается съ клѣтью, а эта со схрамбой. Такая неопредѣленность схрамбы и клѣти происходитъ отъ того, что эти помѣщенія, благодаря сочетанію двухъ основ-

и управленій. У насъ слово камера замѣнило слово палата. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово сатега получило значеніе помѣщенія въ домѣ: на французскомъ языкѣ—комнаты вообще (chambre), на нѣмецкомъ—второстепеннаго помѣщенія (Kammer), у насъ—убогія комнаты (коморка).

¹⁾ Схрамбой называется и ящикъ вообще, складъ, мѣсто склада; схрамба за ѣди (shramba za jedi)—столовая; далѣе схрамбой называютъ и ларь для зерна, т. е. скринью; ларь же называется иногда каштой (kašta). Этимъ послѣднимъ словомъ именуютъ и отдѣльно стоящее сооруженіе для припасовъ (см. «Бр. Ав. Крайны», стр. 14—кошта).

²⁾ Клѣтью называютъ и подвалъ и погребъ, т. е. кевдеръ. Слово клетъ въ сербскомъ языкѣ означаетъ горницу; въ частности у васоевичей въ Черногоріи кліетъ значитъ кладовая, какъ синонимъ—зграды. Въ русскомъ языкѣ клѣтъ означаетъ холодную половину избы. Лѣтомъ она служитъ для спанья. Въ ней же устраиваютъ новобрачныхъ. Клѣтъ у нашихъ крестьянъ служитъ также для храненія имущества и др. Въ старину у богатыхъ было по нѣскольку клѣтей: для принадлежностей ѣзды, для оружія и др. Во всякомъ случаѣ, какъ у словинцевъ, такъ у сербовъ и у насъ подъ клѣтью подразумѣвается часть дома, предназначенная главнымъ образомъ для хозяйственныхъ надобностей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи клѣтью называется и прямоугольный срубъ, образующій деревянную церковь. Наше слово клѣтъ переводится по сербски словами: клијет, кучара, хајат, јата. Существуетъ мнѣніе, что клѣтъ—есть основаніе русскаго жилья. Клѣтъ у насъ извѣстна уже въ X—XI вѣкѣ. Основаніемъ древнихъ нашихъ церквей былъ четырехугольный срубъ—клѣтъ.

ныхъ типовъ трехраздѣльнаго дома, утратили свое первоначальное назначеніе. Есть основанія думать—доказательства будутъ приведены ниже—что то мѣсто, которое типично для чумнаты, первоначально занималось клѣтью, которая, по крайней мѣрѣ въ своемъ наименованіи, была вытѣснена позднѣйшей схрамбой. Вообще слово клѣть употребляется въ Верхней Крайнѣ рѣдко. Оно получило значеніе кладовой и въ этомъ значеніи замѣнено словомъ схрамба, которая, отдавъ занятое ею мѣсто клѣти для чумнаты, утратила и устойчивость своего положенія въ домѣ. Клѣть, какъ и чумната, и, вѣроятно, схрамба принадлежатъ трехраздѣльному длинному типу дома. Перебѣдя отчасти въ широкій типъ, а главнымъ образомъ въ типъ смѣшанный (четырёхраздѣльный), помѣщенія эти смѣстились, занимаютъ въ настоящее время то ту, то другую часть дома.

ЧЕРТ. 26 (см. рис. 26). Домъ съ Нижней Долины Св. Екаторины за Торжичемъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хѣша; С—чумната; D—схрамба (называемая хозяевами чевдъръ); Е—камра; G—мѣсто примыкающаго скеденя; а, а₁—двери; b, b₁—окна; b₁, b₁—оконца; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; е—котель для варки корма скоту; f, f₁—печи; g—объединенный столъ; h—столъ для катанія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l₁—прикрѣпленные скамьи; m, m₁—омарцы; n, n₁—кровати; o—сѣрники; p—комодъ; q—круглый столъ; r—полка; r₁—скамья съ леханками; s—полка съ тарелками; t, t₁—скамьи; u, u₁ (крестикъ)—топки печей.

6. Верхній этажъ. Описанныя помѣщенія указываютъ на постепенное развитіе верхне-крайнскаго дома въ горизонтальномъ направленіи. Но развитіе этого дома шло и въ направленіи вертикальномъ путемъ выдѣленія части чердачнаго помѣщенія подъ дополнительныя жилье. Изъ вѣжи, какъ уже указано, идетъ лѣстница ¹⁾ въ верхній этажъ (nad hišo, na vrhu). Онъ въ большинствѣ случаевъ ниже нижняго. Въ своемъ развитомъ видѣ

¹⁾ Если лѣстница подвижная, то она называется лѣстницей (lestivica, lestiva); въ противномъ случаѣ—стопницей (stopnice).

онъ представляетъ то же устройство, что и послѣдній, а именно: имѣется вѣжа съ очагами (или съ кухней), хижа, камра и чумната. Такое устройство, повидимому, съ несомнѣнностью указываетъ на дробленіе семьи, на выдѣлъ молодой семьи отъ старой. Въ настоящее время верхъ часто отдается въ наѣмы, за отсутствіемъ въ немъ надобности для нижнихъ жильцовъ или же предоставляется взрослымъ дѣтямъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ верхъ не только не имѣетъ вѣжи, но состоитъ лишь изъ одной или двухъ комнатъ, занимающихъ часть чердака. Такая комната, какъ уже указано, представляетъ часто въ каменныхъ домахъ деревянный срубъ, обрѣдѣо съ арханчскими окнами, и является типомъ переживания деревянныхъ построекъ. Подобная комната обыкновенно называется камерца (см. на планахъ буквы R и R¹). Однако это наименованіе позднѣйшее. Комната на чердакѣ носитъ другое, гораздо болѣе типичное, названіе—горней хиши. Этимъ именемъ устанавливается тѣсная связь между верхнимъ и нижнимъ жильемъ. Послѣднее модифицировалось, пріобрѣвъ свойственную избѣ печь и получивъ поэтому наименованіе избы. Верхняя же хиша сохранила свои первоначальныя свойства. Послѣднія выражаются и въ томъ, что горняя хиша обыкновенно срубчатая. Въ этомъ видѣ верхняя комната занимаетъ уголъ чердака. Такихъ комнатъ можетъ быть двѣ или даже четыре—по двѣ съ каждой стороны фронтона. Очагъ, т. е. основа жилья, въ верхнемъ этажѣ рѣдокъ. Изъ этого видно, что послѣдній развивался не изъ вѣжи, которая устраивалась лишь въ богатыхъ, многочленныхъ и распадавшихся семействахъ, а изъ скромнаго верхняго сруба, игравшаго роль чумнаты, но сохранявшаго типичныя особенности древняго жилья, именно: срубъ и арханческія окна (см. рис. 16 и 28).

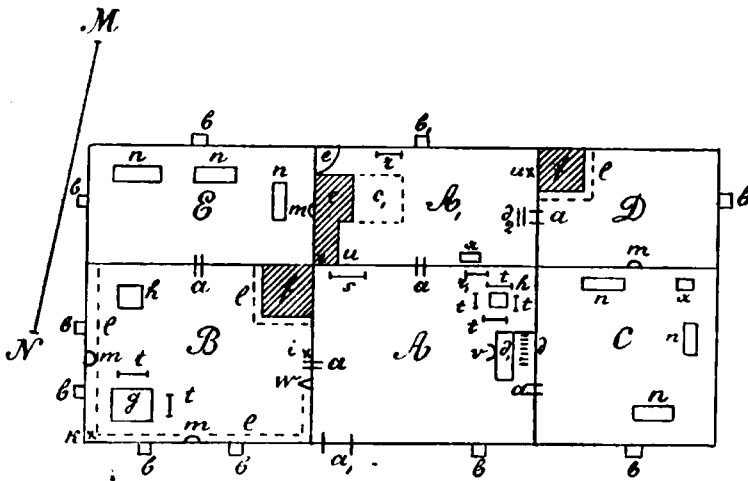
7. Чердакъ. Если въ домѣ не имѣется верхняго этажа, то упомянутая лѣстница изъ вѣжи ведетъ прямо на чердакъ ²⁾ (podstrešje, см. на планахъ букву S). Въ противоположномъ случаѣ лѣстница къ нему стоитъ въ верхней вѣжѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ чердакъ не имѣетъ особаго потолка и открывается прямо подъ крышу. Въ нѣкоторыхъ, прочемъ, немногихъ домахъ устраивается легкій дощатый потолокъ съ люкомъ, къ которому ведетъ новая лѣстница. Въ чердакѣ, какъ уже оговорено, иногда устраивается камерца. Обыкновенно же онъ служитъ исключительно для склада рухляди. Изъ домашняго инвентаря тамъ помѣщаются длинные лари—скриньи (skrinja) для сохраненія одежды ³⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ

¹⁾ Такая комната называется на словинскомъ языкѣ и подстрѣшницей (podstrešnica), т. е. подкрышная, чердачная.

²⁾ Чердакъ на словинскомъ языкѣ называется и подстрѣшиной (podstrešina).

³⁾ Какъ указано, скринья можетъ называться и скрамбѣй, если она служитъ для сохраненія зерна. Словинскія скриньи, среди которыхъ не рѣдкостью являются сдѣланныя въ началѣ XIX в., обыкновенно расписываются зеленой и красной краской (съ розами).

или нѣсколько членовъ семьи спать на чердакѣ, для чего ставятъ кровати. Чердакъ освѣщается при посредствѣ прорѣза (lina) въ щитѣ (щипцѣ) фронтона характерной формы (см. рис. 15—А, 20, 28, 35, 37, 45 и др.). Такъ какъ чердакъ обыкновенно нѣсколько приподнятъ, то съ наружныхъ боковыхъ его сторонъ, между крышей и нижнимъ вѣткомъ дома устраивается галлерей (см. на планахъ букву О). Прямая къ боковой сторонѣ дома или обѣгая его по фронтоу, галлерей эта, соединяясь при посредствѣ хода съ чердакомъ, ведетъ въ верхнюю часть скеденя, если таковой примыкаетъ къ дому. Прямое же соединеніе чердака со скеденемъ, безъ посредства галлерей, въ верхне-крайнихъ домахъ не имѣется, такъ что скедень и здѣсь отдѣленъ отъ жилого дома.

ЧЕРТ. 27 (см. рис. 27). Домъ въ деревнѣ Блѣтъ, выстроенный летъ 400 тому назадъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиза; С—чумната (камерца), бывшая прежде клѣткою или схрамбой; D—схрамба, бывшая прежде чумнатой; Е—камра; М—N—улиця; а, а—двери; а₁—широкая входная дверь; б, б—окна; б₁—окошко; с—очагъ; с₁—разрушенная часть очага; d—лѣстница на чердакъ; d₁—выступающая толстая стѣна, держащая своды вѣжи; d₂—два ступени внизъ; е—котель для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленные скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровать; g—полка; g₁—висячая полочка для ложекъ; с—скамья съ локанками; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; v—виша; w—лева; x—омара.

V. Типы сложных построекъ.

Мы рассмотрѣли отдѣльные помѣщенія, служащія составными частями верхне-крайняго дома. Обратимся теперь къ ихъ взаимному отношенію, дабы, по возможности, уяснить себѣ происхожденіе словянскаго жилья въ Верхней Крайнѣ. Начнемъ съ болѣе простыхъ типовъ и перейдемъ въ болѣе сложнымъ.

съ обозначеніемъ у замка цифры года. На сербскомъ языкѣ скриня означаеъ ларь, шкафъ, а на русскомъ (скрынья)—сундукъ.

Простѣйшія зданія, служащія жилищемъ пастухамъ и чедникамъ, мы уже описали, выдѣливъ ихъ изъ остальной массы построекъ. Типичной чертой для всѣхъ этихъ построекъ является то, что онѣ заключаютъ лишь одно помѣщеніе, служащее и для сохраненія очага и для жилья. Характерно далѣе для нихъ и то, что помянутыя постройки не отапливаются печью. Овѣ слѣдовательно однокамерны и неотапaeмы. Слѣдующая ступень за байтой, станомъ, вочне и таморомъ, которую занимаетъ крайнее жилье—есть двураздѣльный домъ.

1. Двураздѣльный домъ (вѣжа и хиша). Двураздѣльнымъ домомъ мы называемъ ту постройку, которая состоитъ изъ двухъ помѣщеній. Изъ нихъ одно, основное, содержитъ очагъ и играетъ роль какъ сѣней, такъ и кухни, а другое предназначено специально для жилья. Поэтому съ нашей точки зрѣнія описанное выше жилье вочне, имѣющее передъ входомъ собственно въ жилье маленькое отдѣленіе, хотя и представляетъ какъ бы переходную ступень отъ однокамерной постройки, однако не является двураздѣльнымъ. Последнее слѣдуетъ сказать и объ описанномъ таморѣ. Тѣ камерцы—мелкари, которыя отдѣлены въ таморѣ отъ кочи дощатыми низкими стѣнами, суть образованія втораго, позднѣйшаго порядка, и ихъ, по нашему мнѣнію, разсматривать какъ дифференцированныя помѣщенія не представляется возможнымъ.

Во всѣхъ сложныхъ домахъ Верхней Краины, начиная отъ двураздѣльных и кончая четырехраздѣльными, основное помѣщеніе съ входною дверью называется вѣжа. Последняя содержитъ въ двураздѣльных домахъ обыкновенно очагъ. Однако онъ уже въ этихъ простыхъ постройкахъ можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухнью или кухню. Такъ какъ последняя, какъ въ двураздѣльных домахъ, такъ и въ сооруженияхъ болѣе сложныхъ, обыкновенно тѣснѣйшимъ образомъ связана съ вѣжой, то разсматривать ее (т. е. кухню), какъ вполне обособленное помѣщеніе, не представляется возможнымъ. Поэтому присутствіе или отсутствіе кухни, ея большая или меньшая дифференціація, съ нашей точки зрѣнія, не должны въ Верхней Краинѣ приниматься во вниманіе при опредѣленіи степени раздѣльности дома. Въ связи съ этимъ мы называемъ дома: двураздѣльными, трехраздѣльными и четырехраздѣльными, не смотря на то, имѣется ли кухня или нѣтъ.

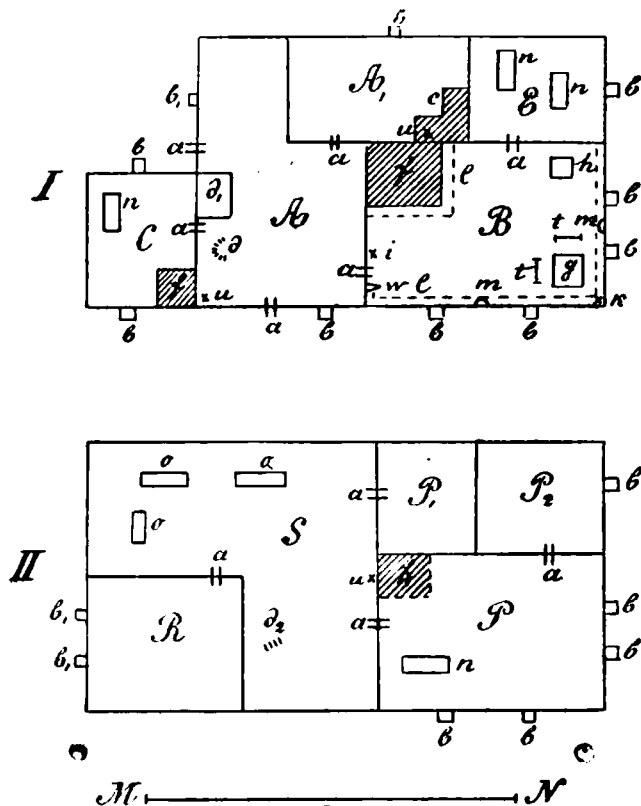
Двураздѣльность верхне-краинскаго дома обуславливается тѣмъ, что къ вѣжѣ примыкаетъ хиша, т. е. помѣщеніе, предназначенное для жилья.

Какъ переходную ступень къ этому типу дома можно разсматривать двураздѣльную постройку, служащую жильемъ для сыровара и называемую сирагарицей (siragnica, на горѣ Черна Пырсть, на высотѣ 1.600 м.). По вѣншему своему виду это сооруженіе почти тождественно (см. рисунокъ 3) съ жилымъ вочне, описаннымъ уже выше и лежащимъ на той же

горѣ по близости отъ сирарницы. Внутреннее устройство послѣдней слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 3). Входная дверь ведетъ въ помѣщеніе, называемое вѣжой. Въ ней надѣво отъ двери помѣщается очагъ. Онъ сложенъ изъ неотесанныхъ камней круглой формы и едва подымается отъ земляного пола. Очагъ этотъ окруженъ камнями, образующими бортъ высотой въ $\frac{1}{2}$ аршина. Поэтому возможно выразиться, что огонь горитъ не на очагѣ, а въ очагѣ. Надъ очагомъ виситъ котелъ для сыроваренія. Кромѣ очага въ вѣжѣ находится скамья со сложенными кружками сыра. Изъ вѣжи ведетъ прорѣзанная въ срубѣ квадратной формы дверь, обдѣланная рамой, въ заднее помѣщеніе, служащее жильемъ. Въ ней находится рядъ полоковъ, расположенныхъ одна надъ другой, для склада сыра и нара для постели. Таково несложное устройство простѣйшаго двураздѣльнаго строения Верхней Краины. По внѣшнему своему виду (см. рисунокъ 3) описанная сирарница тѣсно примыкаетъ къ первобытному жилью пастуховъ и чедниковъ (бочне, байта и стаѣ), отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ остальныхъ построекъ тѣмъ, что входная дверь находится съ фронтоной стороны дома. Однако описанная сирарница представляетъ въ дѣлѣ развитія жилища крупный, по сравненію со станомъ, байтой, бочне и таморомъ, шагъ впередъ, благодаря тому, что къ основному помѣщенію съ очагомъ примкнула совершенно новая ячея, которая никогда не отсутствуетъ въ домѣ словинца до самыхъ развитыхъ типовъ включительно. Эта ячея со временемъ становится не менѣе основной, чѣмъ вѣжа, она становится хишей, т. е. тѣмъ помѣщеніемъ, которое является фактическимъ центромъ жилища. Отмѣченная ячея въ сирарницѣ не называется хишей и не можетъ, по современному значенію этого слова, ею называться, такъ какъ подъ хишей въ настоящее время подразумѣвается развитое жилье, отличительной особенностью котораго является печь. Разъ послѣдней не имѣется, то данное помѣщеніе на современномъ языкѣ словинцевъ не есть хиша. Выше уже указывалось, что у словинцевъ нынѣшняго времени существуетъ тенденція именовать всякое жилое, но не отопляемое, помѣщеніе камрой. Поэтому и помѣщеніе, фактически замѣняющее хишу въ сирарницѣ, именуется к а м р о й. Это наименованіе, конечно, не исключаетъ правдоподобности предположенія, что въ камрѣ сирарницы, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть именно первичнаго вида хишу, — постройку, бывшую первоначально, какъ указывалось, неотопляемымъ срубомъ.

Постройки подобныхъ сирарницъ въ деревняхъ не имѣется. Да и вообще двураздѣльные дома въ Верхней Краинѣ представляются рѣдкостью. Тамъ, гдѣ они еще существуютъ, они по внѣшнему своему виду обыкновенно тѣсно примыкаютъ къ болѣе сложнымъ домамъ, имѣя входную дверь, какъ и послѣдніе, съ длинной стороны, а не съ фронтона. Примѣромъ обычнаго двураздѣльнаго

дома можетъ служить слѣдующій, изображенный на рис. 5. Этотъ домъ (изъ дер. Верхняя Горя) полукаменный, полудеревянный: изъ камня сдѣлана вѣжа, выступающая нѣсколько впередъ, изъ дерева же хища. Домъ этотъ былъ выстроенъ лѣтъ 60—70 тому назадъ для выдѣленного изъ семьи старика-отца. Впослѣдствіи домъ ремонтировался: были пробиты большія окна в стѣны замазаны глиной. Домъ по своему внутреннему устройству можетъ считаться весьма типичнымъ (см. черт. 5). Входная дверь ведетъ въ вѣжу, въ углу которой помѣщается очагъ съ топкою печи. Изъ вѣжи, освѣщаемой неболь-

ЧЕРТ. 28 (см. рис. 28). Домъ въ деревнѣ Верхняя Горя, выстроенный въ 1778 году. —низъ; II—верхъ. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хища; С—чумата (камера, камерца); Е—камера; М—N—дорога; Р, Р₁ и Р₂—отдѣльныя комнаты въ чердачномъ помѣщеніи; R—камерца; S—чердачное помѣщеніе; а, а—двери; б, б—окна; б₁, б₁—маленькія окна; с—очагъ; д—лѣстница наверхъ; д₁—каменный столбъ для держанія сводовъ; д₂—лѣстница внизъ; f, f—печи f₁—разрушенная печь; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленные скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скриньи; t, t—скамьи; u, u (крестикъ)—топки печей; w—лева.

шимъ обонцемъ, ведетъ лѣстница на чердакъ; здѣсь же имѣется дверь въ хищу съ двумя окнами, какъ со стороны фронтона, такъ и съ боковой стороны.

Описанный домъ, хотя и представляетъ, благодаря своей двураздѣльности, примѣръ малаго развитія жилого помѣщенія, тѣмъ не менѣе онъ по

своей вѣншности является домомъ, такъ сказать, модернизированнымъ и поэтому утратившимъ архаичныя формы. Въ отношеніи развитія жилья интересными представляются два слѣдующіе дома. Одинъ изъ нихъ лежитъ близъ деревни Зазеро (см. рисунокъ 31) одиноко у р. Савы, образуя усадьбочку. Домъ весь деревянный, но съ довольно большими окнами. Позднѣйшаго ли послѣдняго происхожденія или нѣтъ — неизвѣстно. Домъ любопытенъ тѣмъ, что онъ топится совершенно по черному, т. е. въ немъ совсѣмъ нѣтъ трубы, выходящей на крышу, и дымъ выходитъ черезъ дымникъ (желѣзная труба) въ отверстіе стѣны около входной двери. Но главный интересъ этого дома заключается во внутреннемъ его устройствѣ. Входная дверь (см. чертежъ 31) съ фронтовой стороны ведетъ въ вѣжу съ очагомъ; слѣва отъ нея небольшое помѣщеніе съ кроватью, называвшееся хозяиномъ камерцей. Къ вѣжѣ и къ камерцѣ по всей ихъ длинѣ примыкаетъ хиза съ большой печью по серединѣ. Домъ этотъ возможно разсматривать какъ своеобразнаго типа трехраздѣльную постройку. Но на него можно смотрѣть и какъ на двураздѣльный домъ, въ которомъ часть вѣжи выдѣлена въ качествѣ особаго помѣщенія — камерцы. Во всякомъ случаѣ этотъ домъ стоитъ по расположенію его отдѣльныхъ помѣщеній, нѣсколько обособленно среди всѣхъ развитыхъ домовъ Верхней Краины. Слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на звено, связующее первобытныя верхне-краинскія жилища съ жилищами деревень или же надлежитъ разсматривать этотъ домъ какъ представителя чуждаго для Верхней Краины типа, занесеннаго въ нее случайно, на это могутъ отвѣтить лишь будущія наблюденія.

Не считаясь поэтому съ описаннымъ домомъ, могущимъ вызвать по своему типу нѣкоторыя сомнѣнія (отчасти и благодаря центральному положенію печи), остановимся на слѣдующемъ изъ дер. Млино, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній въ отношеніи прямой связи его со всѣми остальными домами Верхней Краины. Домъ двураздѣльный и интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что входъ въ него находится со стороны фронтона. Домъ каменный, за исключеніемъ двухъ стѣнъ вѣжи, образующихъ ее вѣншній лѣвый уголъ. По вѣншему своему виду домъ ничѣмъ не отличается отъ тапа обычныхъ домовъ; поэтому онъ не воспроизводится въ рисунокѣ. По плану своему (см. чертежъ 35) онъ тождествененъ съ домомъ, планъ котораго воспроизведенъ на чертежѣ 5 изъ дер. Верхняя Горь. Все зданіе состоитъ изъ вѣжи и хизы. Въ первой замѣтно начало дифференціаціи кухни: помѣщеніе для очага отдѣлено отъ вѣжи аркой, въ которую упирается коробовый сводъ. Входъ, какъ сказано, съ фронтона; помѣщеніе съ очагомъ съ лѣвой стороны вѣжи; съ правой ее стороны обычная лѣстница на чердакъ. Изъ вѣжи вступаемъ въ хизу, обычнаго устройства. Будь входная дверь съ длинной стороны дома, тамъ, гдѣ находится лѣстница на чердакъ, то тождественность

плана этого дома съ планомъ дома, изображеннымъ на рисунокѣ 5, была бы полная. Отъ послѣднеуказаннаго дома описываемый домъ изъ дер. Млино отличается архаизмомъ. Домъ старинный, выстроенъ вѣроятно не позже первой половины XVІІІ в., тогда какъ дому изъ дер. Верхнее Горье лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ; къ тому же домъ этотъ подвергался перестройкѣ. Домъ изъ Млино представляетъ съ одной стороны большее развитіе, чѣмъ домъ изъ Верхней Горы, такъ какъ въ послѣднемъ очагъ совсѣмъ не выдѣленъ въ особое помѣщеніе, тогда какъ въ домѣ изъ Млино кухня уже стала на извѣстную степень своей дифференціаціи. Но съ другой стороны домъ изъ Верхняго Горья болѣе развитъ, имѣя хишу съ полнымъ числомъ оконъ (два съ фронтонна и два съ длинной стороны), имѣя и вѣжу съ оконцами. Въ домѣ же изъ Млино вѣжа совсѣмъ темная, а хиша лишь съ двумя окнами: по одному со стороны фронтона и съ длинной стороны. По своему плану домъ этотъ представляетъ характерную двураздѣльную постройку низкаго развитія, составляющую переходную ступень отъ низшаго жилья, въ частности: отъ жилья, подобнаго сирарницѣ, въ высшимъ, имѣющимъ входную дверь съ длинной стороны зданія, а не со стороны фронтона.

Деревянная крыша описанныхъ домовъ, большія окна, выдѣленные стѣны, наконецъ каменный матеріалъ—все это тѣ новшества, которыя вѣроятно не были извѣстны предкамъ словинцевъ въ моменты ихъ перехода отъ однокамернаго жилья къ двураздѣльной постройкѣ. Какого приблизительно вида были первоначальныя двураздѣльныя жилища словинцевъ показываетъ отчасти описанная сирарница, а также слѣдующій домъ (кайжа) изъ дер. Примеко, изображенный на рисунокѣ 56. На этомъ рисунокѣ мы видимъ домъ, состоящій изъ бревенчатаго сруба. Срубъ этотъ покоится на низкомъ, грубо сложенномъ каменномъ фундаментѣ и покрытъ соломенной крышей. Квадратной формы окна незначительной величины. Чердачное помѣщеніе со стороны фронтона не задѣлено. Все зданіе крайне скромнаго вида. Именно подобнаго рода домъ слѣдуетъ считать предшественникомъ современныхъ болѣе сложныхъ домовъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ трехраздѣльных или даже четырехраздѣльных.

Развитіе верхне-крайискаго дома способна освѣтить, повидимому, слѣдующая изба, интересная во многихъ отношеніяхъ. Вѣншній ея видъ изображенъ на рисунокѣ 6. Этотъ домъ, принадлежащій одному крестьянину, помѣстился въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь, въ сѣверо-западномъ углу Крайины, недалеко отъ границы Каринтіи. Изба эта ветхая, покосившаяся, засѣла глубоко въ искусственной, повидимому, выемкѣ на склонѣ горы. Домъ, выстроенный въ 1794 году (цифра года на стропникѣ), весь изъ дерева, за исключеніемъ кухонной части зданія. Жилище двукамерное, если не считать кухню.

выдѣленную въ особенное помѣщеніе (см. чертежъ 6). Въ этомъ домѣ надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующее. Во первыхъ, вѣжа проходная, причѣмъ входъ составляетъ не дверь, а ворота (см. рисунокъ 6) ¹⁾, дверь же находится на противоположной сторонѣ, т. е. въ кухнѣ. Поэтому эта дверь не можетъ считаться главной, входной и представляетъ выходъ изъ дома, а не входъ въ него. Направо отъ вѣжи помѣщается обычная хиша, а на противоположной сторонѣ находится хлѣвъ, имѣющій соединеніе съ вѣжой при посредствѣ воротъ. Къ хлѣву пристроенъ не соединяющійся съ нимъ внутреннимъ ходомъ сѣноваль, а къ послѣднему примыкаетъ свинушникъ. Дома подобнаго рода, т. е. въ которыхъ хлѣвъ составлялъ бы одно цѣлое съ остальной частью дома, представляютъ рѣдкое исключеніе въ Верхней Крайнѣ. Они, будучи старыми, позволяютъ думать, что нѣкогда хлѣвъ составлялъ органическую часть дома. Впослѣдствіи онъ отпалъ отъ дома, былъ выдѣленъ изъ него либо въ отдѣльное совершенно помѣщеніе, связанное со скотенемъ, либо въ нижній этажъ дома. Помѣщеніе же, занятое первоначально хлѣвомъ, было, быть можетъ, приспособлено для хозяйственныхъ или жилыхъ надобностей. Къ этой мысли приводитъ очень распространенный въ Верхней Крайнѣ типъ трехраздѣльной постройки.

2. Трехраздѣльный домъ. Подъ трехраздѣльнымъ домомъ мы понимаемъ ту постройку, въ которой кромѣ вѣжи и хиши имѣется третье помѣщеніе. Выше уже сказано, что кухню мы разсматриваемъ, благодаря разнороднымъ степенямъ ея развитія, какъ часть основного помѣщенія—вѣжи. Поэтому всякое отдѣленіе части кухни, даже мѣняющее конфигурацію дома, равнымъ образомъ не принимается нами какъ выражающее степень раздѣльности постройки. Двухраздѣльный домъ превращается въ трехраздѣльный лишь въ томъ случаѣ, когда къ вѣжѣ и хишѣ двухраздѣльнаго дома пристраивается новое помѣщеніе, вліяющее на внѣшность плана. Такая пристройка въ Верхней Крайнѣ можетъ быть либо со стороны хиши, расширяющая домъ, либо со стороны вѣжи (или нѣжи и кухни), удлиняющая его. Дробится ли пристройка на два помѣщенія или же она остается единичной ячейю,—это все равно, такъ какъ дома сохраняютъ въ томъ и въ другомъ случаѣ основы трехраздѣльности.

Если вторая ячей, т. е. хиша, сосредоточивъ семью вокругъ печи и обеденнаго стола, сдѣлалась центромъ жизни крестьянина, то третья ячей до степени подобнаго центра не возросла, и роль ея ограничилась въ качествѣ спальни или

¹⁾ Это явленіе, т. е. наличие воротъ вмѣсто входной двери, конечно, вызывается необходимостью проводить скотъ черезъ вѣжу въ хлѣвъ. Такой входъ въ домъ, состоящій изъ воротъ, вѣроятно, очень древній и предшествовалъ устройству собственно входной двери, замѣнившей ворота. Этой замѣной, очевидно, объясняется то, что входная дверь, какъ и ворота, называются «врата» (vrata), тогда какъ остальные двери именуются «двери» (dveri).

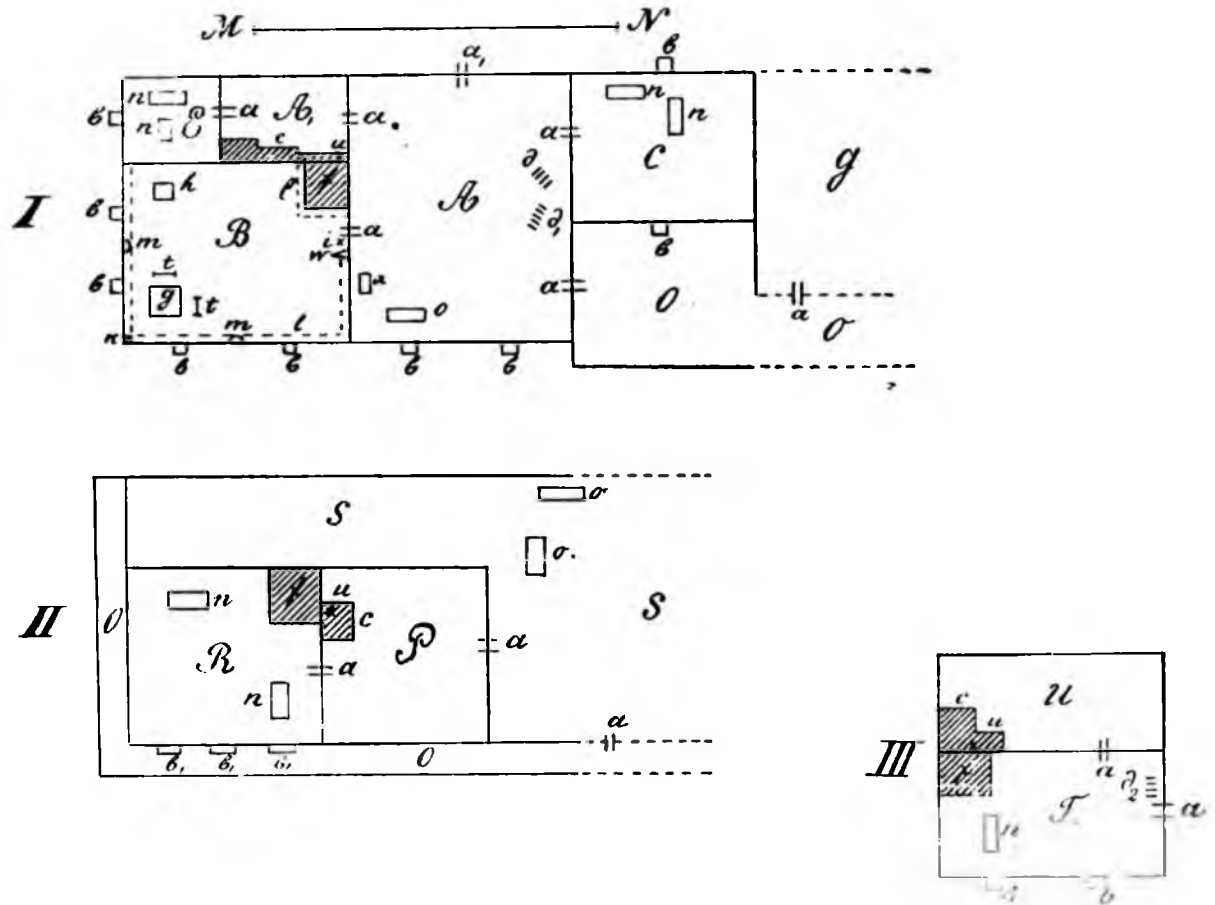
подобнаго помѣщенія. Таковой, по крайней мѣрѣ, неизмѣнно является та пристройка, которая прилегла къ хищѣ и называется камрой. Что же касается пристройки со стороны вѣжи, то она можетъ служить одинаково, какъ въ роли спальни, такъ равно и въ роли кладовой. Въ первомъ случаѣ она называется чумнатою, а во второмъ клѣтью или схрамбой. Дробясь на два отдѣленія, пристройка со стороны вѣжи можетъ содержать схрамбу и чумнату или двѣ чумнаты. И въ томъ и въ другомъ случаѣ третья ячея жилого помѣщенія, составляющая пристройку со стороны вѣжи, становится на мѣсто, занимаемое хлѣвомъ въ описываемомъ только что домѣ у деревни Ратече-Бѣлопечь.

Въ зависимости отъ того, находится ли постройка, образующая третью ячею верхне-крайискаго дома, со стороны вѣжи или со стороны хиши, трехраздѣльный домъ образуетъ особые типы, первый изъ нихъ представляетъ удлиненный домъ, а второй—развившійся въ ширину.

А. Трехраздѣльный домъ длиннаго типа (вѣжа, хиша и клѣть, или схрамба, или чумната). Рѣчь идетъ о той трехкамерной постройкѣ, которая состоитъ изъ вѣжи (съ кухней или безъ нея), хиши и чумнаты. Переходнымъ къ ней типомъ можетъ служить домъ изъ деревни Верхнее Горье, изображенный на рисункѣ 7. Планъ его виденъ на чертежѣ 7. Домъ деревянный, старый; онъ перестраивался и служить въ настоящее время въ качествѣ жилья для одинокихъ мужа съ женой. Кухня не вполне дифференцировалась: она представляетъ, собственно говоря, одно помѣщеніе съ вѣжей, но лежитъ ступенью ниже ея; при этомъ она отдѣлена отъ вѣжи перегородкой по верху, вдоль потолка, и представляетъ повтому какъ бы нишу въ вѣжѣ. Постройка можетъ показаться двураздѣльной. Двураздѣльность нарушается однако присутствіемъ съ противоположной стороны вѣжи помѣщенія, служащаго кладовой или схрамбой (вѣриѣ клѣтью) и занимающаго мѣсто хлѣва въ описанномъ домѣ въ дер. Ратече-Бѣлопечь.

Совершенно тѣсно, по типу постройки, къ этому дому примыкаетъ слѣдующій домъ въ дер. Блѣдъ, планъ котораго передается чертежомъ 8 (внѣшній видъ дома см. рис. 8-А и Б). Домъ этотъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки). Входъ въ него идетъ по тяжелой каменной лѣстницѣ, образующей открытое крыльцо (рис. 8-А). Въ задней части дома внизу помѣщаются два хлѣва, а сверху скедень (рис. 8-Б). При входѣ попадаешь (чертежъ 8) въ вѣжу, а въ концѣ ея, ступенью ниже, въ кухню съ небольшимъ очагомъ. Направо отъ вѣжи вдоль всей ея стѣны и стѣны кухни находится хиша типичнаго устройства. Изъ кухни имѣется выходъ наискось (по діагонали) отъ главнаго входа. Слева отъ вѣжи, не заходя за ея предѣлы, находится небольшое сравнительно помѣщеніе, служащее дѣтской (въ семьѣ 8 человѣкъ дѣтей)—это чумната.

Она освѣщается двумя небольшими окнами, рѣзко отличающимися (см. рис. 8-В) отъ оконъ хиши (см. рис. 8-А). Здѣсь, слѣдовательно, мѣсто скрабмы предыдущаго дома заняло особое жилое помѣщеніе—чумната. Она составляетъ

ЧЕРТ. 29 (см. рис. 29—А и В). Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья, выстроенный въ 1786 году. I—собственно жилое помѣщеніе; II—чердачное помѣщеніе съ жильемъ; III—комнаты подъ вѣжей. А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша; С—чумната (камера); Е—камера; G—мѣсто, занятое скеденемъ; М—N—улица; О, О—галлерей; Р и R—камеры въ чердачномъ помѣщеніи; S—помѣщеніе чердака; Т и U—помѣщеніе подъ вѣжей; а, а—двери; а₁—входная дверь съ улицы; б, б—окна; б₁, б₁—оконца; с, с—очаги; d—лѣстница наверхъ; d₁—лѣстница въ нижнее помѣщеніе; d₂—лѣстница съ верху; f, f—печи; g—объединенный столъ; h—столъ для раскатыванія гѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—прикрѣпленные скамьи; ш, ш—омарцы; п, п—кровати; о, о—скриньки; i, t—скамьи; ц, u (крестикъ)—топки печей; w—лева; x—омара.

въ послѣднее - описанномъ домѣ придалось, какъ бы не завоевавшій еще себѣ права гражданства.

Иное положеніе занимаетъ чумната въ слѣдующемъ домѣ, тоже въ дер. Влѣдъ, планъ котораго передаетъ чертежъ 9 (внѣшній видъ дома см. на рис. 9). Домъ каменный, выстроенъ въ XVIII в., но горѣлъ и пере-

строенъ въ 1831 году (цифра на ключѣ дверной арки). При входѣ въ вѣжу видишь передъ собою кухню, отдѣленную отъ первой не сходящимися между собой стѣнами, образующими широкій входъ. Слѣва—обычнаго типа хиша, а справа—не уступающая ей по величинѣ чумната. Домъ этотъ стоитъ среди усадьбы. Противъ него отдѣльный обширный скедень, между ними каменная ограда съ двумя воротами (одни ворота видны на рис. 9); около скеденя находится колодезь, а рядомъ съ домомъ помѣщается свинухиниѣ. Чумната въ этомъ домѣ не только той же величины, что и хиша, но и освѣщена тѣмъ же числомъ оконъ: по два съ фронтона и главной длинной стороны и одно съ противоположной длинной стороны.

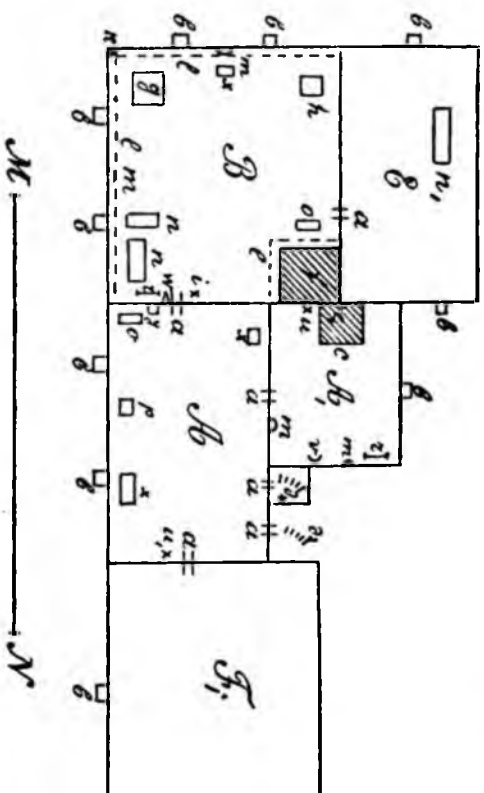
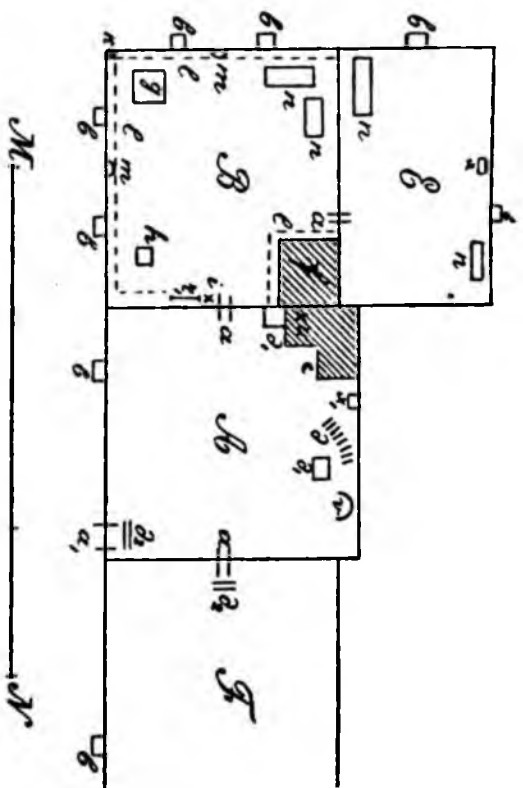
Совершенно схожіе типы съ типомъ только что описаннаго дома представляютъ слѣдующіе два, съ тою лишь разницею, что въ нихъ кухни въ большей степени дифференцировались. Первый изъ этихъ домовъ изъ дер. Ратече-Бѣлопечъ изображенъ на рис. 10, (видная на рисункѣ дверь ведетъ въ хлѣвъ, дверь же въ домъ не видна). Низъ этого дома каменный, верхъ деревянный. Помѣщенію съ очагомъ (кухнѣ) удѣлена часть вѣжи постройки стѣны наискось, (см. планъ на чертежѣ 10). Слѣва хиша, справа же чумната, называвшаяся хозяевами камра. Фронтонныя окна имѣются только въ чумнатѣ, такъ какъ къ стѣнѣ хиши примыкаетъ хлѣвъ, имѣющій особый наружный ходъ (см. рис. 10). Подобное расположеніе помѣщеній ни въ чемъ не нарушаетъ существа типа, такъ какъ постройка остается трехраздѣльной. Что касается второго изъ упомянутыхъ домовъ, то онъ (изображеніе его на рисункѣ 11) интересенъ тѣмъ, что состоитъ изъ двухъ этажей, при чемъ нижній этажъ исключительно для хозяйственныхъ надобностей. Домъ прислоненъ къ склону горы такъ, что этотъ склонъ образуетъ заднюю стѣну нижняго этажа, почему домъ съ задней стороны въ одинъ этажъ. Внизу имѣются три помѣщенія (см. планъ на чертежѣ 11, I и II): одно большое со входомъ передъ крыльцомъ (см. рис. 11) собственно говоря хлѣвъ, но въ настоящее время служитъ для содержанія многочисленныхъ куръ; другія два помѣщенія, съ общимъ наружнымъ входомъ за крыльцомъ и соединенныя внутреннею дверью, представляютъ клѣтѣ для припасовъ. Правая часть клѣтки, выходящая къ фронтону, освѣщается небольшимъ окномъ. Весь домъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки); впоследствии домъ передѣлывался и, вѣроятно, именно тогда получилъ окна, по своему общему характеру не свойственныя обычнымъ домамъ Верхней Краины. Въ настоящее время этотъ домъ, лежащій около дер. Глѣдъ, занятъ садовникомъ чехомъ. Поэтому внутреннее его убранство (съ современною плитою и печью) не представляетъ ничего типично-словинскаго. Однако расположеніе оконъ осталось старинное.

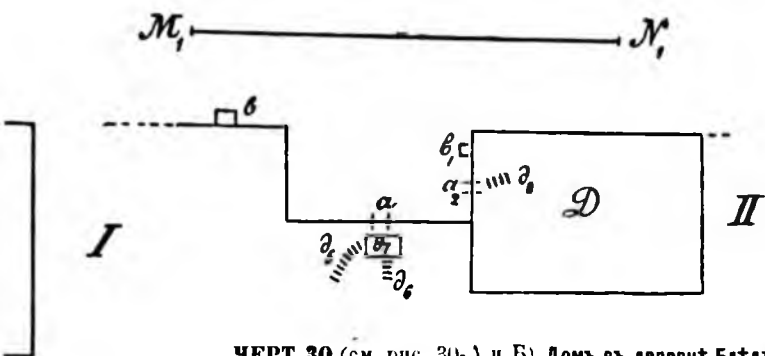
Какъ видно изъ чертежа 11, П, кухня совершенно отдѣлена отъ вѣжи; надѣво помѣщается хиша, а направо чумната.

На основаніи описанныхъ выше примѣровъ верхне-крайнихъ домовъ можно заключить, что двураздѣльная постройка, тѣсно связанная съ хозяйственнымъ помѣщеніемъ (хлѣвомъ), превращаясь въ трехраздѣльную, утрачивала свою хозяйственную часть путемъ приспособленія ея въ дополнительное жилое помѣщеніе. При этомъ хлѣвъ, быть можетъ, переходилъ сначала въ клѣтъ или схрамбу, а затѣмъ въ чумнату. Что касается собственно хлѣва, то онъ тѣсно соединялся со скеденемъ (въ данномъ случаѣ сѣноваломъ) или же переходилъ въ нижнюю часть дома, образуя его нижній, служащій хозяйственнымъ цѣлямъ, этажъ.

Однако присутствіе чумнаты вовсе еще не знаменуетъ обязательнаго исчезновенія схрамбы или даже стоящаго на ея мѣстѣ хлѣва. Напротивъ того, эти два помѣщенія могутъ существовать въ трехраздѣльномъ домѣ одновременно, занимая въ этомъ случаѣ совершенно равноправное мѣсто. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣчица, изображенный на рисункахъ 12-А и 12-Б. Домъ этотъ (планъ его на чертежѣ 12) каменный съ деревяннымъ поднятымъ чердачнымъ помѣщеніемъ; онъ выстроенъ не позже 1721 года (цифра года на дверной аркѣ). Вѣжа содержитъ очагъ, не выдѣлявъ его въ отдѣльное помѣщеніе. При этомъ очагъ находится у передней наружной стѣны дома, что обыкновенно не наблюдается. Направо отъ вѣжи находится хиша, а надѣво два помѣщенія: переднее съ особымъ наружнымъ входомъ—хлѣвъ и заднее съ входомъ изъ вѣжи—чумната. Последняя отличается отъ чумнаты ранѣе описанныхъ домовъ наличиемъ печи, съ топкою въ вѣжѣ. Къ чумнатѣ этой и хлѣву примыкаетъ скедень. Нижняя его часть состоитъ лишь изъ одной каменной стѣны, такъ что между нимъ и домомъ остается свободное пространство. Въ немъ помѣщается свинушникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же ставятся телѣги. Верхняя часть скеденя переходитъ при посредствѣ крытаго хода въ чердачное помѣщеніе, съ которымъ оно такимъ образомъ составляетъ одно цѣлое.

Близкимъ по внутреннему устройству къ этому дому является домъ изъ дер. Нижняя Горы, изображенный на рисункѣ 13. Онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропникѣ). Хотя онъ и перестраивался въ 1858 году (цифра на ключѣ дверной арки), но представляетъ значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ почти весь деревянный: изъ камня, кромѣ фундамента, лишь вѣжа, подвергавшаяся перестройкѣ во время ремонта, который измѣнилъ и величину и форму оконъ. Домъ стоитъ на откосѣ, такъ что задняя его часть выше передней; въ послѣдней со стороны фронтальной

ЧЕРТ. 30 (см. рис. 30-А и Б). Домъ въ деревнѣ Блѣдь, выстроенный лишь 400 томовъ назадъ. I—нижній этажъ во владѣннѣ семейства, состоящаго изъ мужа и жены съ тремя дѣтьми: А—вѣжа (см. рис. 44); В—хиша; Е—камера; F—клѣты; М—N—улица; а, а—двери; а₁—широкая входная дверь; б, б—окна; с—очагъ; d—лѣстница наверхъ; d₁, d₁—каменные столбы, держащіе своды; d₂, d₂—двѣ ступени внизъ; f—печи; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; r—полка для тарелокъ; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша (складъ дровъ); x—омара; x₁—омара въ стѣнѣ. II—нижняя часть дома съ нишею: D—схрамба; M₁—N₁—откосъ горы; а—входная дверь; а₂—маленькая дверь въ схрамбу; б—окно нижняго этажа; б₁—оконце въ схрамбѣ; d₂—лѣстница внизъ; d₂—лѣстница наверхъ; d₁—площадка; d₂—ступеньки внизъ, въ схрамбу. III—верхній этажъ во владѣннѣ стариковъ брата съ сестрой, сдающихъ помѣщеніе садовнику съ женой и четырьмя дѣтьми: А—вѣжа; А₁—кухня; В—хиша; Е—камера; F₁—помѣщеніе надъ клѣткою, сдающее въ наемъ жандармамъ подъ арестное помѣщеніе; М—N—улица; а, а—двери; б, б—окна; б₁—задвѣльное окно; с—очагъ; с₁—отверстіе для выхода дыма съ нижняго очага; d₂—лѣстница снизу; d₂—лѣстница на чердакъ; f—печи; g—обѣденный столъ садовника; h—обѣденный столъ владѣльца верхняго этажа; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятие; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати семьи садовника; n₁—кровать владѣльца (сестра его спитъ на чердакѣ); o—скринья; p—комодъ; r, r—полки; u (крестикъ)—топка печи; u₁ (крестикъ)—уничтоженная топка; v—ниша; w—лова; x, x—шкафы; y—дымникъ левый.

въ нижней каменной части, служащей фундаментомъ, находится дверь въ хлѣвъ. Внутреннее размѣщеніе слѣдующее (см. чертежъ 13): большая вѣжа съ очагомъ, отъ которой направо хиша. Налѣво два рядомъ стоящія помѣщенія съ отдѣльными входами изъ вѣжи: заднее — схрамба и переднее — чумната, съ особою печью. Рядомъ съ чумнатою, входя въ составъ дома, находится хлѣвъ съ отдѣльнымъ наружнымъ ходомъ. Та часть дома, которая въ предъидущемъ занята была хлѣвомъ, въ данномъ домѣ отведена подъ чумнату и отчасти подъ хлѣвъ, а ту часть, которая служила чумнатою въ предъидущемъ домѣ, заняла здѣсь схрамба.

Въ процессѣ предполагаемаго вытѣсненія схрамбы чумнатою получаются дома, въ которыхъ вмѣсто этихъ двухъ помѣщеній имѣются двѣ чумнаты. Примѣромъ такихъ домовъ могутъ служить слѣдующіе два. Первый изъ нихъ (изъ дер. Блѣдъ) каменный, изображенный на рисункѣ 14, представляетъ слѣдующее устройство (см. чертежъ 14). При входѣ въ вѣжу, видишь на задней сторонѣ арку, которая отдѣляетъ отъ нея помѣщеніе для очага, т. е. не вполне дифференцировавшуюся кухню; слѣва находится обычнаго устройства хиша, а направо двѣ чумнаты. Изъ послѣднихъ передняя больше, съ входомъ изъ вѣжи, съ двумя окнами по боковой сторонѣ дома и съ однимъ по сторонѣ фронтона; другая чумната имѣетъ входъ изъ той части вѣжи, которая находится за аркой; это помѣщеніе имѣетъ лишь одно окно. Домъ имѣетъ наверху еще двѣ комнаты: по одной со стороны фронтона, соединяющіяся при посредствѣ сѣней, помѣщающихся надъ вѣжой.

Что касается другого изъ отмѣченныхъ домовъ, то онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Внѣшній его видъ изображенъ на рис. 15—А и 15—Б. Домъ деревянный, покрытый глиной. Лежатъ онъ непосредственно на берегу Блѣдскаго озера; выстроенъ въ 1783 году, какъ о томъ говоритъ цифра года на стропникѣ въ хишѣ. Со временемъ онъ подвергался ремонту, измѣнившему величину его оконъ. Съ передней стороны домъ одноэтажный, со стороны же озера онъ въ два этажа. При этомъ нижній этажъ состоитъ исключительно изъ хлѣва, входъ въ который находится подъ скеденемъ (см. рисунокъ 15—Б); два небольшой величины окна освѣщаютъ хлѣвъ. Со стороны озера имѣется крыльцо съ дверью въ вѣжу; крыльцо переходитъ въ крытую галлерею, сливающуюся со скеденемъ (см. чертежъ 15). Главный входъ въ домъ съ противоположной стороны (съ улицы) ведетъ, какъ всегда, въ вѣжу; слѣва отъ нея находится хиша, а съ правой двѣ равныя по величинѣ чумнаты, съ однимъ окномъ по длинной сторонѣ дома. Къ стѣнѣ чумнатъ прилегаетъ не соединяющійся съ ними ходомъ скедень.

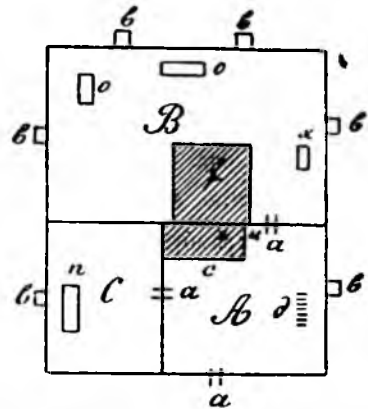
Трехраздѣльный домъ описаннаго типа характеризуется, слѣдовательно, тѣмъ, что съ противоположной хишѣ стороны вѣжи имѣется дополнительное

помѣщеніе, служащее для жилья. Это придаетъ удлиненный характеръ дому. Третье помѣщеніе—чумната, быть можетъ, связанная генетически съ хлѣвомъ и вѣроятно съ клѣткою или схрамбой, можетъ дробиться на два, изъ которыхъ одно сохраняетъ иногда значеніе кладовой (схрамбы). Для этого типа дома характерны, хотя и не обязательны, слѣдующія черты. Во первыхъ, кромѣ главнаго входа въ вѣжу, можетъ быть другой, расположенный на противоположной сторонѣ, независимо отъ того, выдѣляла ли вѣжа изъ себя кухню или нѣтъ. Этого второго хода можетъ и не быть, но онъ, во всякомъ случаѣ, встрѣчается часто въ домѣ описываемаго типа. Такъ какъ второй ходъ, какъ сказано, встрѣчается въ домахъ весьма первобытнаго характера, то изъ этого можно заключить, что на отсутствіе его слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленіе позднѣйшаго порядка. Второй признакъ трехраздѣльнаго дома обсуждаемаго типа — это крыльцо. Правда, и оно можетъ отсутствовать, тѣмъ не менѣе наличность его не представляется рѣдкостью и опять таки даже у домовъ мало развитыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ третьей, довольно типичной, чертой представляется то, что хлѣвъ входитъ въ составъ дома, увеличивая его по длинѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хлѣвъ переходитъ въ нижній этажъ; тѣмъ не менѣе такой хлѣвъ не препятствуетъ существованію другого хлѣва при самомъ домѣ рядомъ съ чумнатою или со стороны ея. Наконецъ можно наблюдать и еще одно явленіе, это то, что скедень часто примыкаетъ къ дому, всегда со стороны чумнаты и хлѣва; этимъ, въ свою очередь, увеличивается домъ по его длинѣ. Правда, и скедень можетъ отсутствовать, составляя самостоятельное зданіе, тѣмъ не менѣе прямое его примыканіе къ жилому дому не составляетъ рѣдкости. Если мы снова обратимся къ дому первобытнаго типа и вспомнимъ, что съ нимъ, помимо хлѣва, тѣсно связанъ сѣноваль-сарай, то можемъ заключить, что и отдѣленіе скеденя есть явленіе позднѣйшаго времени. Всѣ эти черты, хотя, какъ сказано, и не обязательны, опредѣленно характеризуютъ описываемаго рода типъ трехраздѣльнаго верхне-крайнскаго дома.

В. Трехраздѣльный домъ широкаго типа (вѣжа, хинша и вабра). Этотъ типъ, встрѣчающійся гораздо рѣже, отличается отъ предыдущаго главнымъ образомъ тѣмъ, что развитіе его шло не по длинѣ, а по ширинѣ зданія. Поэтому для него типично, что со стороны фронтона не два, а три окна. Выбѣсъ съ тѣмъ схрамба, тамъ, гдѣ таковая имѣется, не составляетъ пристройки, а входитъ, такъ сказать, въ составъ вѣжи и поэтому не нарушаетъ своимъ присутствіемъ трехраздѣльности дома.

Для даннаго типа, имѣющаго, какъ можно думать, совершенно иное, чѣмъ первый типъ, происхожденіе, характерно, что третьей камерой въ домѣ является не чумната, а камра, помѣщеніе, примыкающее не къ вѣжѣ (какъ чумната), а къ хиншѣ. На вопросъ о томъ, какъ произошла камра, путемъ ли отдѣле-

ни части хиши или путем особой пристройки въ хищъ—возможно отвѣтить съ большою вѣроятностью, что образованіе камры шло не путемъ дифференціаціи изъ хиши, а путемъ пристройки. На эту мысль наводятъ тѣ обстоятельства, о которыхъ уже раньше упоминалось, а именно, что при деревянной хищѣ встрѣчается каменная камра, что камра и въ каменныхъ домахъ тоже иногда является позднѣйшей пристройкой, что камра, расширя фронтонъ, увеличиваетъ и число его оконъ, и что наконецъ окно камры, вопреки понятіямъ о симметріи, иногда бываетъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ остальные два окна фронтона. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить, что одно сдѣланное нами наблюденіе какъ бы противорѣчитъ высказанному предположенію о происхожденіи камры. А именно: въ одномъ домѣ (онъ будетъ подробно описанъ ниже) можно было наблюдать, что камра—ничто иное, какъ часть хиши, отдѣленная отъ нея перегородкой, не доходящей ни до потолка, ни до противоположной (отъ наружной) внутренней стѣны.

ЧЕРТ. 31 (см. рис. 31). Домъ близъ деревни Зазеро. А—вѣжа; В—хища; С—камерца; а, а—двери; б, б—окна; с—очагъ; d—дѣстница на чердакъ; f—печь; п—кровать; о, о—скринь; и (крестикъ)—тонка печи; х—ошара.

Трехраздѣльный домъ предъидущаго типа, какъ сказано, имѣетъ удлиненную форму, трехраздѣльный же домъ широкаго типа коротокъ и по формѣ своего основанія приближается къ квадрату. Существо расположенія въ немъ отдѣльных помѣщеній сводится къ тому, что одна сторона дома занята вѣжей съ кухней или безъ нея, а другая—хищей съ камрой. Примѣръ можно видѣть на слѣдующемъ планѣ (см. чертежъ 16) дома изъ дер. Ратече-Вѣлопечъ. На этомъ планѣ видно, что изъ вѣжи входили въ кухню, въ которой имѣется немалое количество тонкой одной печи, другая тонка для второй печи. Изъ вѣжи направо входъ въ хищу, а изъ нея—въ камру. Последняя представляетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторое исключеніе: во первыхъ, въ ней находится печь, что встрѣчается рѣдко, а во вторыхъ, окно ея помѣщается не со стороны фронтона, а съ длинной стороны дома, что почти не встрѣчается въ Верхней Крайнѣ.

Присутствіе дифференцированной кухни и въ описываемомъ типѣ трехраздѣльнаго дома не обязательно. Кромѣ того и здѣсь можетъ быть помѣщеніе для хозяйственныхъ надобностей, но оно принадежитъ къ вѣжѣ такъ, что не нарушаетъ квадратообразную форму дома, составляя часть вѣжи. Какъ примѣръ такого рода дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣ-

чица, изображенный на рисункѣ 17 и интересный тѣмъ, что къ нему тѣсно примыкаетъ скедень. Домъ расположенъ на спускѣ горы; поэтому лѣстница (въ два входа съ крыльцомъ) имѣетъ съ одной стороны пять, а съ другой четыре ступени. Внизу съ фронтона входъ въ хлѣвъ, окно котораго видно (внизу) на рисункѣ 17. За крыльцомъ, а именно: между нимъ и деревянной лѣстницей, находится дверь въ погребъ—кевдеръ. Деревянная лѣстница ведетъ на галлерейку, изъ которой дверь въ скедень (см. планъ на черт. 17, II). Подъ нимъ пустое пространство для телѣгъ, а со стороны фронтона, по направлению къ бѣлому домику, видному на рисункѣ 17, идетъ искусственный спускъ (възвѣздъ) изъ скеденя. Что касается внутренняго устройства жилья, то оно видно на планѣ, представленномъ на чертежѣ 17, I. Тутъ ясно, что кухня не составляетъ отдѣльнаго помѣщенія: она отграничена отъ вѣжи лишь тѣмъ, что она находится ступенью ниже ея. Полъ въ вѣжѣ деревянный, а въ помѣщеніи съ очагомъ земляной, уложенный булыжникомъ. Изъ кухни ходъ въ скрамбу. Съ другой стороны дома помѣщаются хиша и камра. Въ этомъ домѣ, слѣдовательно, скрамба занимаетъ то мѣсто, которое принадлежитъ, собственно говоря, кухнѣ. Въ слѣдующемъ домѣ эти два помѣщенія какъ бы подѣлились между собою пространствомъ. А именно, какъ то видно на планѣ, изображенномъ на чертежѣ 18 и принадлежащемъ дому въ дер. Ратече-Бѣлопечъ (см. рисунокъ 18), кухня и влѣтъ (т. е. скрамба) стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, при чемъ послѣдняя лишь не много меньше первой. Домъ этотъ деревянный, старинный; онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропникѣ). Дверь его скорѣе похожа на ворота; при этомъ вѣжа сравнительно очень велика. Домъ сохранилъ еще арханнины окна. Надъ входомъ выступаетъ мезонинчикъ съ комнатою о двухъ окнахъ съ балкономъ, поддерживаемымъ снизу шестью. Слева помѣщался прежде каменный хлѣвъ, теперь не существующій; домъ ветхій и принадлежитъ бѣдной семьѣ.

Очень интересенъ слѣдующій домъ того же, по внутреннему своему устройству, типа, что и описанный. Остановимся сначала на его внѣшнемъ обликѣ (см. рисунокъ 19). Домъ этотъ находится въ дер. Верхнее Горье и выстроенъ въ 1760 году (цифра года на стропникѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ нѣкогда богатымъ хозяевамъ. Теперь онъ запущенъ и бѣденъ. Домъ весьма обширный и выстроенъ такъ основательно, что даже теперь, не смотря на свой 142 лѣтній возрастъ, имѣетъ еще совершенно крѣпкій видъ. Онъ стоитъ на склонѣ, и поэтому фундаментъ его со стороны фронтона высоко поднять. Съ правой стороны, какъ видно на рисунокѣ, фундаментъ выше и имѣетъ оконце; оно принадлежитъ кладовой, входъ въ которую со стороны двора. На фундаментѣ покоится бревенчатый срубъ, составляющій всю хишу; рядомъ съ нимъ меньшій срубъ образуетъ камру. Вѣжа тоже деревянная, а

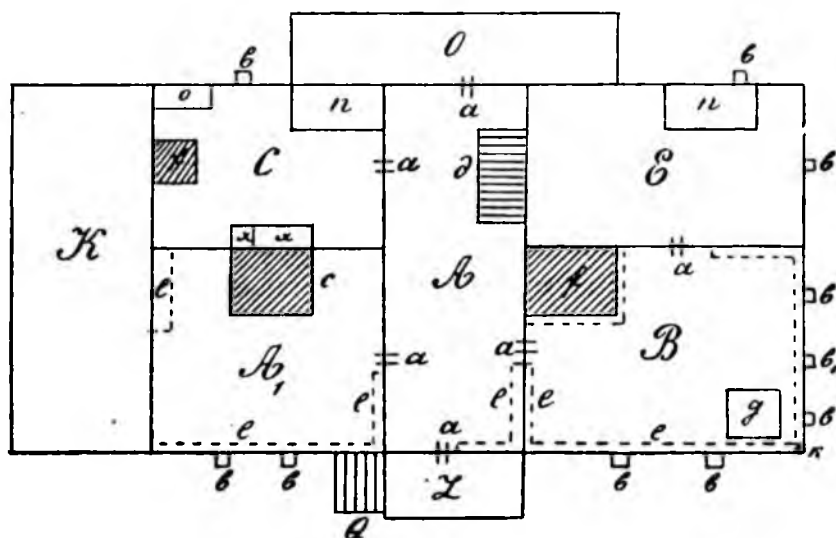
кухня изъ камня. На рисунокъ стоящій свинушникъ нѣсколько загораживаетъ входъ въ домъ, однако онъ виденъ. Вѣжа представляетъ (см. чертежъ 19) весьма обширное помѣщеніе съ землянымъ поломъ. Задній ея уголъ отдѣленъ стѣной, образующей схрамбу; между ней и противоположной стѣной двѣ широкія ступеньки ведутъ къ выходу. Направо въ концѣ вѣжи находится кухня съ громаднымъ очагомъ, занимающимъ почти половину ея. Съ правой же стороны вѣжи находится хиша, а налѣво отъ послѣдней камра, въ которую попадаешь черезъ двѣ ступеньки къ верху. Налѣво отъ вѣжи помѣщается хлѣвъ, а надъ нимъ скедень.

Какъ въ трехраздѣльномъ длинномъ типѣ дома, такъ и въ трехраздѣльномъ широкомъ типѣ на мѣсто схрамбы можетъ становиться жилое помѣщеніе, съ тою лишь разницею, что во второмъ случаѣ жилая комната (или схрамба) составляетъ часть вѣжи, тѣсно примыкая и къ ней и къ кухнѣ. Считаю поэтому такую жилую комнату, какъ и схрамбу, не за обособленное помѣщеніе, приходится и подобные дома отнести въ число трехраздѣльных домовъ. Тутъ, очевидно, процессъ развитія шелъ такъ, что въ большой по размѣрамъ вѣжѣ отгораживалась часть для хозяйственныхъ надобностей (съ образованіемъ схрамбы), приспособлявшаяся въ случаѣ нужды для жилья (съ образованіемъ камерцы).

Примѣромъ подобнаго рода домовъ могутъ служить слѣдующіе два, по существу своего плана совершенно тождественные съ двумя послѣднеописанными домами. Одинъ изъ нихъ, изображенный на рисунокѣ 20, каменный; онъ находится въ дер. Мливо. Домъ старинный, низкій; окно камерцы у него и меньшихъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окно хиши фронтовой стороны. На планѣ (см. чертежъ 20) видно, что изъ вѣжи противъ входа ведутъ двѣ двери: одна въ кухню, съ выходомъ наружу, а другая въ жилое помѣщеніе — камерцу. Справа отъ вѣжи хиша, около нея камра. Другой домъ (см. планъ на чертежѣ 21) имѣетъ хишу и камру слѣва отъ вѣжи. Сзади послѣдней помѣщаются: кухня безъ выхода наружу и жилая комната — камерца. Какъ эта послѣдняя, такъ и камра имѣютъ отдѣльные печи, съ топкою въ кухнѣ.

Разсмотрѣнные дома второго трехраздѣльнаго типа не могутъ не привести къ убѣжденію, что этотъ типъ отличается отъ перваго тѣмъ, что развитіе дома пошло по фронтому, но не по длинной сторонѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда схрамба (или замѣняющая ее камерца) существуетъ, она не составляетъ вѣшняго придатка, а только часть вѣжи, или вѣжи съ кухней. Поэтому схрамба (или камерца) здѣсь не можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная камера въ отвлеченномъ значеніи этого слова, и домъ остается трехраздѣльнымъ, трехкамернымъ. Камра, напротивъ того, не-

соть явные признаки дополнительнаго сооруженія. При этомъ существенномъ различіи имѣются въ обоихъ типахъ и общія черты. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вѣжа можетъ быть сквозной, имѣя двѣ двери: входную и выходную. Крыльцо можетъ существовать и у второго типа домовъ; скелень, равнымъ образомъ, можетъ и тутъ тѣсно примыкать къ жилой части дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Наконецъ и хлѣвъ можетъ быть рядомъ съ домомъ,

(ЧЕРТ. 82. Домъ въ деревнѣ Алтъ-Аусзе въ Зальцбургѣ, выстроенный въ 1627 году: домъ деревянный, мѣнялся съ теченіемъ времени мало). А—сѣни (Hans); А₁—кухня; В—шуба (Stube); С—боковушка (Hauuskammer); Е—горница (Stubenkammer); К—свинухиникъ; L—крыльцо (Brückl); О—галлерея (Laube); Q—лѣстница къ крыльцу; а, а—двери; b, b—окна; b₁—окно выше другихъ, быть можетъ, позднѣйшаго происхожденія; с—очагъ; d—лѣстница наверхъ; f, f—печи; g—столъ; k (крестикъ)—кіотъ; l, l—прикрѣпленные скамьи; n, n—кровати; o—ящикъ; x, x—шкафы.

можетъ занимать и нижнюю, подвальную его часть. Какъ уже указано, трехраздѣльный домъ второго типа встрѣчается въ верхней Крайнѣ рѣже перваго. При этомъ онъ, всецѣло взятый, не обнаруживаетъ такой массы переходныхъ ступеней отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дифференцированная кухня встрѣчается въ домахъ второго типа чаще, чѣмъ въ домахъ перваго типа. Эти обстоятельства могутъ привести къ мысли, что домъ второго типа вѣдрился въ Крайну позже и получилъ ея уже въ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ формахъ. Какимъ былъ первоначально второй типъ дома, сказать съ полною опредѣленностью представляется труднымъ. Однако можно думать, что къ вѣжѣ съ хлѣшей присоединилась дополнительная комната, въ видѣ камры, прислонившейся къ хлѣшѣ. Ранѣе отмѣченные уже факты даютъ на такое предположеніе довольно опредѣленные основанія. Схрамба (или камерца), какъ часть вѣжи, могла появиться, ко-

нечто, и послѣ камры, существуя, въ своихъ основаніяхъ въ Верхней Крайнѣ, быть можетъ, рѣже появленія новаго типа домовъ.

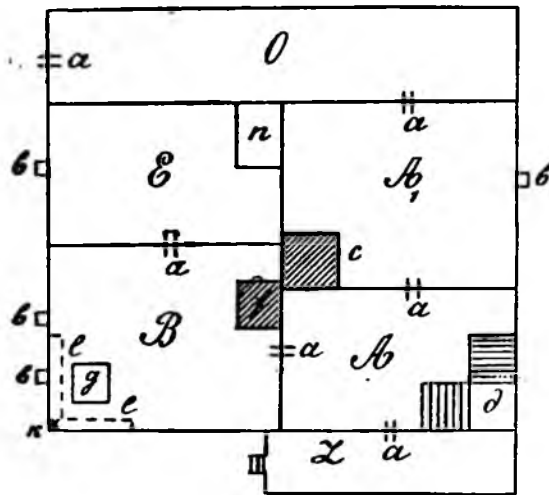
Ни первый, ни второй типы дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія не получили. Развитіе верхне-крайискаго дома пошло путемъ сочетанія описанныхъ двухъ типовъ. Соединившись вмѣстѣ, эти два типа дали болѣе сложную постройку, весьма характерную для Верхней Крайны, во постройку, основныя черты которой съ полной опредѣленностью обнаруживаютъ коренные типы, вошедшіе въ его составъ.

3. Четырехраздѣльный домъ (вѣжа, хиша, камра, чумната, или схрамба, или клѣтъ). Разсматривая кухню, какъ часть вѣжи, на что, какъ указано, имѣется достаточно поводовъ, мы называли домъ, состоящій изъ вѣжи и хиши,—двухраздѣльнымъ. При наличности схрамбы (какъ обособленнаго помѣщенія) или тождественной съ ней по существу чумнаты или при наличности камры, мы называли домъ трехраздѣльнымъ. Поэтому домъ, въ которомъ кромѣ вѣжи (съ кухней или безъ нея) и хиши имѣется камра и чумната, мы въ правѣ назвать—четырехраздѣльнымъ. Присутствіе схрамбы или тождественной съ ней клѣтки въ подобныхъ домахъ не мѣняетъ, какъ мы увидимъ ниже, существа ихъ характера, и эти хозяйственныя помѣщенія либо замѣняютъ чумнату, либо стоятъ рядомъ съ ней, какъ въ трехраздѣльныхъ домахъ длиннаго типа, либо составляютъ часть кухни какъ въ домахъ трехраздѣльнаго широкаго типа. Домовъ подобнаго типа, часто съ тенденціею къ двухэтажности, съ разными варіаціями встрѣчается въ Верхней Крайнѣ очень много. Разсмотрѣть ихъ въ извѣстномъ порядкѣ представляется поэтому важнымъ.

Очень интереснымъ по своей конструкціи является слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 22) домъ изъ дер. Вѣгуны. Вѣжа не имѣетъ дифференцированной кухни и заключаетъ поэтому очагъ. Почти противъ входа помѣщается выходъ, заброшенный въ настоящее время вслѣдствіе проведенія вдоль дома шоссе. Направо отъ вѣжи находится чумната, къ которой примыкаетъ хлѣвъ, съ отдѣльнымъ ходомъ, а къ нему навѣсъ для телѣгъ. Слева отъ вѣжи—хиша типичнаго устройства. Къ хишѣ примыкаетъ небольшая, не занимающая всей длинной ея стороны камра. Она теперь полуразрушена, вслѣдствіе проведенія поминутной дороги. Этотъ домъ, благодаря своеобразной пристройкѣ камры, представляетъ характерный примѣръ начала сочетанія длиннаго трехраздѣльнаго типа (съ чумнатой) съ широкимъ (съ камрой). Изъ плана видно, что основа дома—первый трехраздѣльный типъ, и что камра явилась какъ будто позже. Когда собственно она была сооружена, при самой постройкѣ дома или потомъ, выяснить не удалось. Во всякомъ случаѣ, домъ (каменный) является очень старымъ. Онъ не моложе 1735 г.

(цифра года на дверной арке). Камера въ настоящее время настолько разрушена, что невозможно опредѣлить дѣйствительное число оконъ, которое она въ свое время имѣла.

Интересный типъ образованія камры представляетъ и слѣдующій домъ (см. планъ на чертежѣ 23) изъ дер. Верхняя Горья. Домъ этотъ заслуживаетъ вниманія и благодаря своей не вполне выдѣлившейся изъ вѣжи кухни. Она отдѣлена отъ вѣжи стѣной, образующей широкую арку вмѣсто двери. Направо отъ нея схрамба, примыкающая къ чумнаты, отопляемой особой печью. Что касается хиши и камры, то онѣ представляютъ, строго говоря,

ЧЕРТ. 23. Домъ въ деревнѣ Альт-Аусзе въ Зальцбургѣ, выстроенный въ 1686 году; домъ деревянный, но кухня каменная. А—сѣни (Haus); А₁—кухня; В—изба (Stube); Е—горница (Stubenkammer); L—крыльцо (Brückl); О—галлерея (Laube); а, а—двери; b, b—окна; с—очагъ; d—лѣстница на верхъ въ чердачное помѣщеніе, гдѣ находятся двѣ комнаты; f—печь; g—столъ; k (крестикъ)—кіотъ; l, l—скамьи; n—печь.

одно помѣщеніе: послѣдняя отдѣлена отъ хиши тонкой стѣной, не доходящей до потолка и не достигающей печи, у которой она оставляетъ проходъ. Поэтому часть печи находится собственно въ хишѣ, а другая въ камрѣ. Последняя не имѣетъ особаго окна со стороны фронтона, но окно помѣщается съ длинной стороны дома. Онъ выстроенъ лѣтъ сто тому назадъ, но когда именно сдѣлана помянутая перегородка: при сооруженіи ли дома или потомъ при его ремонтѣ,—неизвѣстно.

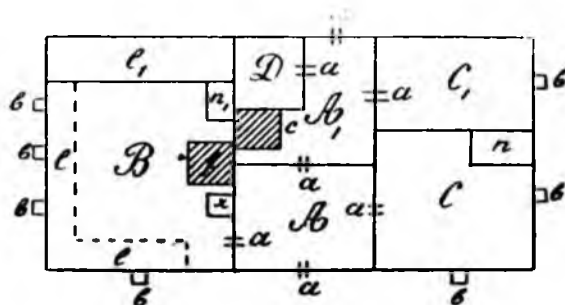
Надлежитъ остановиться еще на одномъ домѣ, представляющемъ примѣръ ограниченія камры отъ хиши и сочетанія ея вмѣстѣ съ тѣмъ съ чумнатою. Домъ этотъ изъ дер. Битне изображенъ на рисункѣ 24. Домъ стоитъ среди усадьбы, отдѣленной отъ проходящей мимо дороги каменной низкой оградой съ воротами. Домъ весь каменный, но хиша состоитъ изъ бревенчатаго сруба.

Черезъ широкую дверь входимъ въ очень обширную вѣжу, часть которой занята кухней съ большимъ очагомъ. Въ кухню ведетъ дверь съ аркой. На лѣво отъ вѣжи по четыремъ ступенькамъ внизъ входимъ въ чумнату, освѣщенную двумя большими и однимъ маленькимъ окнами. Направо отъ вѣжи помѣщается выступающая наружу хиша, въ которой примыкаетъ камра (см. планъ на чертежѣ 24). Последняя выстроена изъ камня и рѣзко выдѣляется рядомъ съ деревянной хишей. Въ описанномъ домѣ съ полною уже опредѣленностью выражается сочетаніе двухъ типовъ, породившихъ четырехраздѣльную постройку. При этомъ вѣжа такъ же, какъ въ первомъ примѣрѣ, проходная. Верхняя часть дома состоитъ изъ одного чердака безъ дополнительныхъ верхнихъ комнатъ.

На этомъ устройствѣ четырехраздѣльный домъ не останавливается. Напротивъ того, онъ идетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, образуя довольно сложное сооруженіе. Примѣромъ тому могутъ служить нижеслѣдующіе дома. Во первыхъ, домъ изъ дер. Сламникъ, наружный видъ котораго изображенъ на рисункѣ 25. Деревня эта, лежащая высоко въ горахъ, представляетъ выселокъ рода Сламниковъ, изъ членовъ котораго въ настоящее время эту фамилію сохранилъ лишь одинъ хозяинъ, именно, владѣлецъ описываемаго дома. Остальные члены, утративъ со временемъ сознаніе ссызававшихъ ихъ вѣкогда узъ родства, несутъ другія фамиліи. Изображенный на рисункѣ домъ принадлежитъ одинокому старику, единственному представителю рода Сламниковъ. Домъ его выстроенъ приблизительно 120 лѣтъ тому назадъ, былъ когда то очень богатымъ и сохранилъ по настоящее время типъ вполне благоустроеннаго хозяйства. Домъ весь каменный, за исключеніемъ чердачнаго помѣщенія, изъ котораго выдѣлено каменное же верхнее помѣщеніе. Черезъ входную дверь попадаешь въ обширную вѣжу, въ концѣ которой находится кухня (см. планъ на чертежѣ 25, I), лежащая на двѣ ступени ниже вѣжи. Въ кухнѣ большой очагъ по тремъ стѣнамъ. Вдоль правой стѣны вѣжи и кухни находится хиша и камра, а слѣва вѣжи помѣщается схрамба. Прежде она служила для припасовъ богатой семьи, теперь же въ ней сложены сельско-хозяйственные орудія. Схрамба освѣщена двумя окнами и могла бы, по своему устройству, служить въ любое время чумнатою. Изъ вѣжи подымается лѣстница на чердакъ, изъ котораго, съ одной стороны, входъ на галлерей, а съ другой—въ жилое помѣщеніе съ печью—камерцу. Чердакъ этого дома съ дощатымъ потолкомъ, надъ которымъ помѣщается верхній чердакъ, въ который проходятъ по лѣстницѣ черезъ люкъ. Отдѣльно отъ дома стоитъ обширный скедень обычнаго устройства, съ тремя хлѣвами въ нижней части и съ гумномъ и сѣноваломъ—въ верхней. Въ одномъ изъ хлѣвовъ потолокъ сводчатый: сводъ крестовый, опирающійся на каменный

колонну, стоящую въ серединѣ. Помѣщеніе это прежде служило, очевидно, не для хлѣва, а для иныхъ цѣлей. Скеденъ горѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ отстроенъ въ верхней своей части, тогда какъ нижняя совсѣмъ не пострадала или пострадала мало отъ пожара.

Если этотъ домъ между прочимъ интересенъ тѣмъ, что при наличности камры въ немъ мѣсто чумнаты занято скрамбой, то слѣдующій домъ заслуживаетъ вниманія благодаря тому, что у него при существованіи камры имѣются какъ чумната, такъ и скрамба, стоящія рядомъ другъ съ другомъ. Домъ интересенъ и по наружному своему устройству и представляетъ типъ весьма развитой постройки (см. рисунокъ 26) съ разнообразными пристройками для хозяйственныхъ цѣлей. Домъ этотъ старинный, лежитъ въ глухихъ горахъ въ такъ называемой Нижней Долинѣ Св. Екатерины за мѣст. Терничемъ. Низъ дома, не ис-

ЧЕРТ. 34. Домъ въ Долинѣ Тузлѣ въ Беснѣ. А — сѣни (аралукъ); А₁ — кухня (куча); В — изба соба; С — дѣтская (собаджикъ); С₁ — комната для прислуги; D — кладовая; а, а — двери; в, в — окна; с — очагъ; f — печь; l — скамья; l₁ — диванъ (долафъ); п — кровать; п₁ — помость для постели; х — шкафъ.

ключая и скеденя, каменный, верхъ деревянный. Чердачное помѣщеніе имѣетъ галлерей. Въ скеденъ, нѣсколько выступающій передъ жилой частью дома. входятъ по особой лѣстницѣ, при чемъ имѣется вторая лѣстница съ входомъ въ примыкающую къ скеденю галлерей. Къ послѣдней прислоненъ свинушникъ, подъ которымъ свободное пространство для склада навоза. Другой свинушникъ находится съ задней фронтовой стороны дома (у скеденя). Тутъ же нѣсколько поодаль — колодезь. Передъ домомъ съ боковой стороны стоитъ стогъ (косолецъ). За нимъ ограда. Въ ея предѣлахъ лежитъ ковій хлѣвъ, наружнаго вида какъ кочне, съ сѣноваломъ въ чердачномъ помѣщеніи. Между хлѣвомъ и домомъ стоятъ навѣсы для дровъ, формы деревницы, но называемыя хозяевами шупа (šupa). Съ одной стороны навѣсъ этотъ поконется на каменной кладкѣ, въ которой продѣланъ квадратной формы и незначительной величины ходъ въ яму въ 1½ приблизительно метра глубины и такой же приблизительно длины и ширины. Яма эта называемая ямницею (jamnica) служитъ для сохраненія овощей. Внутреннее расположеніе жилой

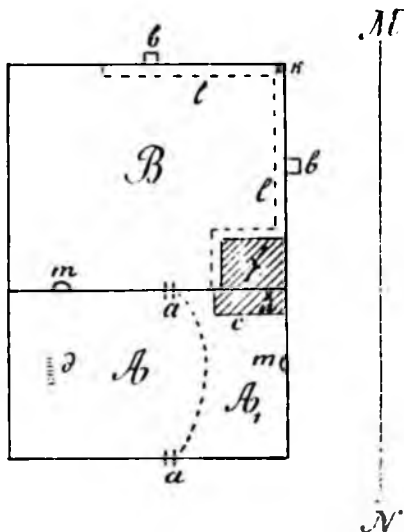
части дома слѣдующее: непосредственно за обширной вѣжой идетъ почти та-кой же величины кухни. Слева отъ нихъ хища и камра, а справа чумната и схрамба. Первая имѣетъ печь съ топкой изъ кухни и входную дверь изъ вѣжи. Схрамба, называющаяся хозяевами чевдеръ (т. е. погребъ), имѣетъ входъ изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 26).

Совершенно схожаго съ этимъ домомъ строенія является домъ въ дер. Влѣдъ, изображенный на рисункѣ 27. Домъ этотъ весь каменный съ мощными стѣнами. Онъ считается однимъ изъ стариннѣйшихъ въ названномъ селеніи, и хозяинъ утверждаетъ, что ему нѣсколько сотъ лѣтъ. Въ пользу этого говоритъ монументальность всей постройки. Домъ стоитъ въ усадьбѣ, отгороженной полукаменной, полудеревянной изгородью. На усадьбѣ отдѣльно стоящіе своды и свинушки; часть усадьбы занята фруктовымъ садомъ, остальная представляетъ дворъ. Домъ и по настоящее время богатъ, содержится чисто. Лѣтъ сто тому назадъ домъ ремонтировался, но, повидимому, мало набѣгнулся отъ ремонта. Широкая ($1\frac{1}{2}$ м.) дверь, совершенно сбоку вѣжи, ведетъ въ это помѣщеніе. Потолокъ последней состоитъ изъ мощныхъ сводовъ. Изъ вѣжи прямо ведетъ дверь въ кухню съ обширнымъ очагомъ. Последній былъ прежде вдвое больше, но впоследствии часть была сломана. Изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 27) направо ведетъ дверь въ помѣщеніе съ печью. Прежде оно было чумнатою, а теперь вслѣдствіе сырости употребляется въ качествѣ схрамбы. Направо отъ вѣжи входъ черезъ двѣ ступени въ чумнату (или камру), которая прежде была схрамбой. Направо отъ вѣжи и кухни помѣщается хища и камра.

Последніе два дома представляютъ примѣры максимальнаго развитія верхне-крайнскаго дома въ горизонтальномъ направленіи, а именно: дома эти имѣютъ въ центрѣ вѣжу съ кухней, далѣе: съ одной стороны—хищу и камру, а съ другой—двѣ чумнаты, или чумнату и схрамбу. Дальнѣйшее развитіе идетъ уже въ вертикальномъ направленіи.

4. Двухэтажный домъ. Какъ первое начало развитія верхняго этажа надо разсматривать, какъ указывалось выше, отдѣленіе въ чердачномъ помѣщеніи части его подъ одну каморку. Последняя, какъ уже говорилось, можетъ представлять изъ себя небольшой бревенчатый срубъ, даже въ каменныхъ домахъ. Изъ этой ячеи развивается второй этажъ постройки. Ступень въ этомъ процессѣ представляетъ сооруженіе частичнаго втораго этажа, какъ, напримѣръ, въ домѣ деревни Сламникъ (рис. 25, черт. 25). Примѣромъ дальнѣйшаго развитія можетъ служить слѣдующій домъ въ дер. Верхняя Герья. Домъ весь каменный, за исключеніемъ небольшой камеры, выходящей на дворъ (см. рисунокъ 28). Нижний этажъ этого очень богатаго дома, выстроеннаго въ 1778 году (цифра года на стропникѣ), состоитъ

какъ видно на планѣ чертежа 28, изъ вѣжи съ кухней, хиши, камры и чумнаты. Что касается верхняго этажа (не отапливаемого), то по гѣстницѣ входилъ въ совершенно пустое чердакообразное помѣщеніе, лежащее надъ вѣжой. Слева — та деревянная камерца, о которой было только что сказано, а справа — три комнаты, изъ которыхъ одна прежде имѣла печь, нынѣ не существующую. Эти три комнаты занимаютъ мѣсто надъ хишой, камрой и частью кухни.

ЧЕРТ. 25. Домъ въ деревнѣ Млино. А — вѣжа; А₁ — помѣщеніе для очага за аркой; В — хиша; М-Н — дорога; а, а — двери; б, в — окна; с — очагъ; d — лѣстница на чердакъ; f — печь; k (крестикъ) — распятіе; l — скамья; m, m — омарцы; u (крестикъ) — топка печи.

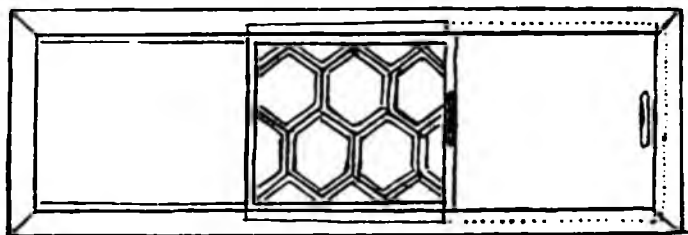
Въ процессѣ дальнѣйшаго развитія верхняго этажа, послѣдній получаетъ и вѣжу и кухню, т. е. очагъ. Но ранѣе его, повидимому, выдѣлилась печь для отапливанія верхняго помѣщенія. Иными словами, устроивъ, вслѣдствіе роста семьи, верхнее жилье, хозяева помѣщали туда часть своихъ сочленовъ, не выдѣляя ихъ въ обособленное хозяйство. Разросшаяся семья продолжала еще въ теченіе долгаго времени собираться, такъ сказать, вокругъ одного очага и лишь впоследствии дробилась на двѣ единицы съ двумя очагами. Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить домъ въ дер. Верхнее Горье, выстроенный въ 1786 году (цифра года на стропникѣ) и изображенный на рисункахъ 29-А и В. Второй рисунокъ представляетъ хозяйственную часть дома — скедень, а первый —

жилую часть. Скедень обычнаго устройства: съ гумномъ, сѣноваломъ и галлереею на верху и съ конюшнею и хлѣвомъ внизу. Что касается жилой части дома, то слѣдуетъ первымъ дѣломъ отмѣтить, что внизу его (см. два окна на рисунокѣ 29-А) находятся два небольшихъ помѣщенія: одно съ очагомъ и безъ оконъ, а другое съ печью и двумя окнами (см. чертежъ 29, III). Собственно, главное жилье находится наверху (домъ на склонѣ горы): здѣсь, какъ видно на планѣ чертежа 29, I, вѣжа, кухня, хиша, камра и чумнаты. Надъ этимъ верхомъ въ чердачномъ помѣщеніи находятся (надъ вѣжой и хишей) еще двѣ комнаты (см. чертежъ 29, II), изъ деревяннаго сруба, выходящія на верхнюю галлерей (перила послѣдней видны на рисунокѣ 29-А). Одна изъ этихъ комнатъ содержитъ очагъ съ топкою печи и не имѣетъ оконъ; другая, съ печью, освѣщается тремя узкими арханчонъ в уже описанной

ранѣе формы волоховыми окнами. Въ этомъ домѣ, слѣдовательно, не два а даже три очага, что указываетъ, какъ можно думать, на выдѣлъ и обособленіе двухъ молодыхъ семействъ. Домъ, пожалуй, можно считать трехэтажнымъ. Но низъ занимаетъ, строго говоря, подвальное помѣщеніе, совершенно не соответствующее, по размѣрамъ, главной части жилья. Верхъ (чердачное помѣщеніе), въ свою очередь, не развитъ еще въ полный этажъ.

Характернымъ въ смыслѣ развитія, доходящаго до раздвоенія, является старинный домъ въ дер. Влѣдъ, изображенный на рисункѣ 30-А. Домъ этотъ считается 400-тъ лѣтнимъ. Въ пользу весьма значительнаго возраста его говорятъ его мощныя стѣны. Надо имѣть въ виду, что дома въ названномъ селеніи въ 150—200 лѣтъ не представляются рѣдкостью. Поэтому молва о четырехсотлѣтнемъ возрастѣ описываемаго дома имѣетъ, какъ можно предполагать, свои основанія. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ, не признающимъ своего родства, но допускающимъ, что между ихъ предками существовала родственная связь. Въ виду этихъ особенностей представляется важнымъ рассмотреть данный домъ съ возможной подробностью. Домъ длинной своей стороной выходитъ на улицу деревни. Одинъ фронтоны, видный на рисункѣ 30-А, обращенъ въ усадьбѣ сосѣда, а другой, главный, выходитъ на усадьбу дома. Она отгорожена полуразрушеннымъ каменнымъ заборомъ отъ улицы. Часть занята фруктовымъ садомъ, другая представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ скедень обычнаго типа въ совмѣстномъ пользованіи обоихъ владѣльцевъ дома; да еще свинюшники. Весь домъ стоитъ на склонѣ горы такъ, что спускъ идетъ съ одной стороны по улицѣ, а съ другой по фронтоны. Размѣры дома громадны: съ фронтона онъ 10,25 м., а съ длинной стороны—14,25 м. На длинной сторонѣ четыре окна внизу и пять наверху. На главномъ фронтонѣ по три окна внизу и наверху, на заднемъ же фронтонѣ имѣются лишь два окна, изъ которыхъ одно задѣлано (см. рисунокъ 30-А). Съ этой стороны чердачное помѣщеніе имѣетъ два окна, а съ противоположной мѣсто оконъ заступаетъ прорѣзъ—липа. Съ улицы ведетъ широкая (1,63 м.) съ аркою дверь черезъ двѣ ступени внизъ въ обширную вѣжу. Дверь помѣщается не въ серединѣ передней стѣны вѣжи, а съ праваго бока (см. планъ на чертежѣ 30, I). Вѣжа представляетъ почти квадратное (около 6 м. въ длину и ширину) свободное помѣщеніе, въ заднемъ лѣвомъ углу котораго помѣщается очагъ (см. рисунокъ 30-В). Вѣжа находится подъ сводами, упирающимися въ каменные столбы. Направо отъ вѣжи находится клѣтъ, темное и сырое помѣщеніе. Налѣво отъ вѣжи—хиша и камра. У задней стѣны вѣжи находится каменная заворачивающая направо лѣстница на верхъ. Черезъ восемь ступеней приходишь на площадку (см. чертежъ 30, II); съ

нагнѣво наружу—дверь въ противоположную улицѣ сторону, въ откосъ горы. Здѣсь домъ образуетъ нишу, изъ правой сторонѣ которой идетъ входъ въ низъ, въ скрамбу (или кевдеръ) съ однимъ маленькимъ окномъ. Это небольшое, почти темное помѣщеніе подъ коробковымъ сводомъ, всего высотой въ 1,7 м., принадлежитъ къ верхнему хозяйству. Далѣе съ указанной площади лѣстница заворачиваетъ снова направо и черезъ четыре ступени приводитъ въ верхній этажъ. Здѣсь (см. чертежъ 30, III) прежде всего попадаешь въ вѣжу, но безъ очага; изъ нея идетъ лѣстница на чердакъ. Къ вѣжѣ примыкаетъ въ откосъ—кухня, а съ боковъ: съ одной стороны—хиша и камра, а съ другой—помѣщеніе, соответствующее нижней клѣтѣ.

ЧЕРТ. 36. Волоковое окно дома изъ деревни Верхнее Горье съ внутренней стороны (см. рис. 19).

Въ этомъ домѣ (см. подробности въ объясненіи плановъ), слѣдовательно, два хозяйства, при чемъ въ нижнемъ кухня не дифференцировалась отъ вѣжи, а въ верхнемъ имѣется обособленная кухня. Можно думать, что домъ строился на большую семью, сдѣлавшую первый шагъ къ распаденію, выделивъ молодую чету въ самостоятельное хозяйство, но подъ общимъ отцовскимъ покровомъ. Въ настоящее время, какъ сказано, домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ. Нижнее хозяйство (мужъ, жена, двое сыновей и дочь) вполне благоустроенное. Верхнее же хозяйство разоренное. Хозяевами состоятъ старики: братъ и сестра, при чемъ первый занимаетъ лишь камру, а вторая помѣщается на чердакъ. Все остальное сдается: вѣжа, хиша и кухни, а равно погребъ садовнику, помѣщеніе же, соответствующее нижней клѣтѣ—жандармамъ, подъ арестную камеру. Съемщикъ—садовникъ съ женой и четырьмя дѣтьми — и является фактически представителемъ верхняго хозяйства.

VI. Заключение.

Изложенное убѣждаетъ, что въ Верхней Крайнѣ имѣются на лицо постройки разныхъ степеней развитія. Низшіи типъ, однокамерный, подверженъ нѣкоторымъ колебаніямъ, частью въ связи съ той или другой мѣст-

ностью, частью въ связи съ тѣмъ, для кого изъ обитателей онъ служить. Тѣмъ не менѣе онъ твердо сохраняетъ свою характерную фазіономію. Типъ этотъ представляетъ то жилище, которое одновременно служить и помѣщеніемъ для очага и собственно жильемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очагъ находится въ серединѣ внутренняго помѣщенія, но въ большинствѣ случаевъ онъ сдвинутъ, ради удобства, въ сторону. Однокамерныя верхне-крайнія постройки, какъ бы онѣ не назывались, лишены оконъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а также потолка и пола. Онѣ представляютъ типъ первобытнаго жилья. Нѣкоторый шагъ впередъ представляетъ постройка, называемая сираринцей, имѣющая сверхъ помѣщенія для очага еще собственно жилое помѣщеніе. Однако, и здѣсь, какъ и въ чисто однокамерныхъ сооруженияхъ, кроватей не имѣется, и роль ихъ исполняютъ весьма примитивныя нары. Въ сираринцѣ найдена и древняя, какъ можно думать, форма очага, въ видѣ круга. Не смотря на всѣ эти архаизмы, первобытныя зданія въ Верхней Крайнѣ близки по своему внѣшнему строенію къ зданіямъ уже развившимся до степени болѣе сложнаго дома.

Въ отношеніе наименованій слѣдуетъ замѣтить, что названія, встрѣчающіяся въ простѣйшихъ строеніяхъ, не повторяются въ развитыхъ жилищахъ. Однако они не чужды сельчанину. Такъ, подъ именемъ кочне подразумѣваются хозяйственные строенія (для сѣна или для сѣна и скота); кочани именуются весьма рѣдко встрѣчающіеся въ деревняхъ однокамерные дома; байта кибетъ значеніе хижины или хаты вообще, куча—значеніе дома. Съ другой стороны, названія частей сложнаго дома не совсѣмъ чужды и первобытнымъ постройкамъ. Такъ, камрой (камерцой) называются дополнительныя части архаичнаго жилья въ двукамерной сираринцѣ; въ ней же помѣщеніе съ очагомъ называется вѣжой. Внутреннее помѣщеніе тамора именуются коча. Лишь слово таморъ стоитъ какъ бы одиноко, будучи связаннымъ съ своеобразнымъ жильемъ чединна. Эта своеобразность станетъ яснѣе, если вспомнить, что типичною для него формою является двухэтажная постройка, съ хлѣвомъ внизу, съ жильемъ въ верхнемъ этажѣ и съ четырехскатною пирамидальною крышею. Подобнаго рода таморъ стоитъ среди построекъ Верхней Крайны совершенно обособлено. Можно поэтому думать, что эта постройка, въ свое время, быть можетъ, и весьма обычная, пошла на вымираніе, не получивъ дальнѣйшаго развитія. Ближайшихъ родственниковъ тамора слѣдуетъ искать въ Крайнѣ, повидимому, дажѣ на югѣ: въ Босніи и среди вассовичей въ Черногоріи.

Всѣ современныя постройки Верхней Крайны, отъ низшихъ (за исключеніемъ упомянутой формы тамора) и до высшихъ — двускатны. Въ процессѣ развитія къ однокамерной постройкѣ присоединяется новая ача, дѣлящая домъ двурядѣльнымъ. При этомъ одно помѣщеніе содержитъ очагъ

другое служить собственно жильемъ. Последнее присоединилось къ основному помещенію со стороны фронтона, удлинивъ тѣмъ самымъ зданіе. Вопросъ конечно въ томъ, развились ли верхне-крайніе сложные дома въ своихъ внѣшнихъ формахъ непосредственно изъ описанныхъ первобытныхъ зданій или же эти формы внедрились въ страну или развились въ ней независимо отъ первоначальныхъ элементовъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною опредѣленностью на основаніи наличнаго матеріала не представляется возможнымъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ низшіе типы жилья Верхней Краины въ ихъ характерной формѣ имѣютъ входную дверь со стороны фронтона. Описанный и изображенный на рисункѣ 4 и чертежѣ 4 таморъ, въ виду существованія иной его обычной формы, не можетъ считаться, по внѣшности своей, типичнымъ. Развитыя же постройки, начиная отъ двураздѣльнаго и кончая четырехраздѣльнымъ домомъ, имѣютъ входъ съ длинной стороны зданія. Это указываетъ какъ бы на перерывъ въ развитіи мѣстнаго жилища, указываетъ какъ бы на то, что горныя архаичныя постройки не имѣютъ генетической, въ отношеніе архитектурныхъ формъ, связи съ постройками сельчанина. Въ противорѣчіи съ этимъ стоитъ однако ихъ схожіе съ двускатною крышею внѣшній видъ. Признавая на основаніи этого родственную связь между постройками перваго и постройками второго рода, мы должны теоретически предположить, что были нѣкогда болѣе сложные, чѣмъ однокамерный домъ, постройки, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли входную дверь со стороны фронтона. Теоретическое это предположеніе подтверждается строеніемъ сирарицы, а также и другими реальными примѣрами. А именно: описанными выше двураздѣльными домами близъ деревни Зазеро и изъ деревни Млино (см. планъ на чертежахъ 31 и 35 и рис. 31). Если въ отношеніе перваго изъ этихъ домовъ нами и были высказаны сомнѣнія относительно характера двураздѣльности и вообще его типичности, то домъ дер. Млино долженъ считаться безусловно (за исключеніемъ мѣста положенія входной двери) совершенно нормальнымъ.

Сопоставляя послѣдовательно центральную часть описаннаго тамора, жилое кочие, сирарицу, только что упомянутый домъ въ Млино и остальные болѣе сложные дома Верхней Краины, возможно, повидимому, съ полною правдоподобностью утверждать слѣдующее. Въ основу современнаго верхне-крайскаго дома легло первобытное жилище — зданіе съ двускатной крышей и съ входомъ со стороны фронтона. Образовалось это жилище, какъ можно предполагать, изъ двухъ навѣсовъ, покрывавшихъ естественное углубленіе въ почвѣ. Къ этому жилью присоединяется новое помещеніе со стороны фронтона. Входъ продолжалъ оставаться съ фронтона и въ этомъ видѣ постройка имѣла свое внутреннее развитіе. А именно: очагъ, уже ранѣе отодви-

нутый, ради удобства, въ сторону дагъ начало къ выдѣленію особаго помѣщенія—кухни. Обособленіе послѣдней шло очень медленно, совсѣмъ безъ зависимости отъ общаго развитія дома и не закончено и по настоящее время.

Входная дверь съ фронтона, сохраняясь первоначально и въ двураздѣльной постройкѣ, мѣняется съ теченіемъ времени свое положеніе и переходитъ на длинную сторону. Ближайшей причиной такого перемѣщенія могло служить стремленіе оградить теплую хину отъ непосредственнаго проникновенія холоднаго воздуха; кромѣ того желаніе удлинить домъ со стороны вѣжи, противоположной хинѣ, не могло въ свою очередь не вызвать перенесенія входной двери на длинную сторону зданія.

Въ Крайнѣ были разныя этническія населенія и, очевидно, всѣ они въ большей или меньшей степени приняли участіе въ созданіи началъ, послужившихъ для развитія современнаго сложнаго дома. Неизвѣстнаго происхожденія аборигеновъ страны смѣнили въ Крайнѣ иллиры, подвергшіеся вліянію кельтовъ, уступившихъ, въ свою очередь, господство римлянамъ. До осѣданія славянъ черезъ Крайну проходили и въ ней оставались остготы, лангобарды и авары. Выбравшіеся въ страну славяне подвергались разновременно вліянію франковъ, саксовъ и баварцевъ, такъ или иначе колонизировавшихъ Крайну. Въ результатѣ же страна оказалась славянской, населенной потомками хорутанъ—словинцами. Не смотря на разнородность нашествій, завоеваній и колонизацій, въ жизни Крайны важнѣе всего отыскать иллирійскій фонтъ, славянское расселеніе на этомъ фонтѣ и германское воздѣйствіе на словинскихъ колонизаторовъ. Поэтому мы въ правѣ въ первую очередь искать въ постройкахъ современной Крайны духовныя начала этихъ трехъ племенъ. Въ связи съ этимъ правильнѣе всего взглянуть на жилище какъ съвѣртіе, такъ и вѣжи Крайны, не стѣсняясь прямыми ея границами. Въ этомъ отношеніи удобно остановиться, съ одной стороны, на одной изъ тѣхъ провинцій Австріи, въ которой славянъ не существовало, напримѣръ, на Зальцбургской провинціи, а съ другой—на славянской странѣ, на которой германское вліяніе, какъ можно думать, не отражалось, напримѣръ, на Босніи ¹⁾.

¹⁾ Аборигенами Босніи были иллиры. Въ IV в. до Р. Х. въ страну вторглись кельты. Вліяніе ихъ отразилось, какъ показываютъ археологическія изслѣдованія, преимущественно въ сѣверо-западной части страны. Во II в. до Р. Х. начинается колонизація римлянъ. Ихъ формальное господство длится до паденія Западной Римской имперіи (476 г. послѣ Р. Х.) Въ V в. нашей эры страна подпадаетъ власти остготовъ и остается въ ихъ рукахъ до 535 г. Въ 548, 551 и 553 гг. въ Боснію впервые появляются славяне. Въ 598 г. на Боснію, стоявшую въ это время подъ властью Византійской имперіи, нападаютъ авары. Настоячивое наступленіе славянъ продолжается въ теченіе всего VI в., а главное ихъ расселеніе падаетъ на VII в. Изъ этого видно, что Боснія была свободна отъ германской колонизаціи такъ какъ господство остготовъ, болѣе, вѣроятно, номинальное, было очень краткоимъ.

Последняя страна для сравненія въ отношеніи жилища съ Крайной и потому еще важна, что иллирійскій элементъ, который и здѣсь послужилъ фономъ для образованія современной народности, узнается во многихъ чертахъ быта страны. Наконецъ сопоставленіе Зальцбурга и Востни съ Крайной и въ томъ еще отношеніи удобно, что какъ первая провинція, такъ и вторая страна служили полемъ изслѣдованія для одного лица. Поэтому наблюденія и тутъ и тамъ однотонны и поддаются сравненію съ нашими наблюденіями въ Верхней Крайнѣ съ большою легкостью.

Обратимся сначала къ Зальцбургу. Наблюденія производились ¹⁾ въ поселеніи Альтъ-Аусзе (Alt-Aussee). Дома здѣсь преимущественно старинные, восходящіе по своему возрасту до конца XVI в. Къ сожалѣнію изслѣдователь не приводитъ ни описанія, ни изображенія внѣшняго вида домовъ. Поэтому о ихъ внѣшности невозможно получить какое либо представленіе, и въ этомъ отношеніи дома изъ Альтъ-Аусзе сравненію съ нашими подлежать не могутъ. По соотношенію отдѣльных помѣщеній авторъ изслѣдованія раздѣляетъ дома на двѣ категоріи, соотвѣтствующія двумъ типамъ. Одинъ типъ — «крестовый» домъ (Kreuzhaus), а другой — «проходной» (durchgängiges Haus). Первый типъ называется Мерингеромъ, по нашему мнѣнію, безъ достаточныхъ основаній, «двураздѣльнымъ» (zweitheiliges Haus), а второй — «трехраздѣльнымъ» (dreitheiliges Haus). Крестовый типъ Мерингеръ считаетъ алеманскимъ, а проходной — франкскимъ, въ частности мѣстнымъ варіантомъ его, отличающимся отъ основного типа, непримѣннымъ отсутствіемъ очага въ сѣняхъ (вѣжѣ), т. е. дифференціація кухни. Типъ этотъ, т. е. такъ называемый франкскій, по мнѣнію изслѣдователя, какъ и Банвахари, строго говоря, совсѣмъ не германскій, а «до-германскій», заимствованный, по мнѣнію Мерингера, у кельтовъ. Характерно для домовъ въ Аусзе обоихъ типовъ то, что хозяйственные постройки децентрализируются, чего не замѣчается въ Крайнѣ. А именно: какъ хлѣвъ, такъ и кладовая, хлѣбная кухня и печь для печенія хлѣба стоятъ отдѣльно отъ жилого зданія. Обычный въ Аусзе проходной домъ представляетъ (см. планъ на чертежѣ 32) слѣдующее. Передъ домомъ крыльцо (Brückl), черезъ которое входятъ въ сѣни (Haus, то, что въ другихъ мѣстностяхъ называется Flur). Справа и слѣва двери: одна въ кухню, другая въ избу (Stube, Stubn); какъ то, такъ и другое помѣщеніе могутъ находиться безразлично справа или слѣва отъ сѣней. Въ концѣ ихъ справа или слѣва находится лѣстница навѣрхъ. Въ задней стѣнѣ сѣней находится дверь, либо прямо

¹⁾ Dr. R. Meringer.—Studien zur germanischen Volkskunde. Das Bauernhaus und dessen Einrichtung. Mit. d. anthr. Ges. in Wien. B. XXI. Wien, 1891.

ведущая наружу, либо при посредствѣ галлерейки (Laube). Какъ отъ избы, такъ и отъ кухни отдѣлены стѣной по одной комнатѣ съ каждой стороны; это Stubenkammer (при избѣ) и Hauskammer (при кухнѣ). При взглядѣ на домъ этого типа, нельзя не найти сходственныхъ черты съ домами Верхней Крайны смѣшаннаго, какъ нами названо, четырехраздѣльнаго типа. А именно: сѣни проходныя съ лѣстницей наверхъ, съ одной стороны изба и камра, а съ другой—чумната. Но въ домѣ дер. Аусзе есть существенный признакъ, который рѣзко отличаетъ его отъ дома Верхней Крайны, именно то, что кухня вовсе не входитъ въ составъ сѣней, а является совершенно самостоятельнымъ придаткомъ къ дому, имѣющимъ его виѣшнія формы. Быть можетъ, при болѣе глубокомъ изученіи жилья, при изслѣдованіи всѣхъ фазисовъ его развитія и удалось бы установить генетическую связь между зальцбургскими домами «проходного» типа и домами въ Верхней Крайнѣ, но на основаніи имѣющихся данныхъ ближайшее родство между этими домами установить трудно.

Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ дѣло съ такъ называемымъ Мерингеромъ «крестовымъ» домомъ. Типъ его слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 33). Съ крыльца входишь въ сѣни съ лѣстницей наверхъ; затѣмъ прямо изъ сѣней входишь въ кухню; слѣва (или справа) отъ сѣней—изба, а къ ней примыкаетъ горница (Stubenkammer). Въ этомъ типѣ нельзя не узнать нами описанный крайскій трехраздѣльный широкій домъ. Можно сказать, что оба совершенно тождественны. Тождественность усиливается, если разсмотрѣть внутреннее устройство дома въ Аусзе. Сѣни либо совсѣмъ не имѣютъ оконъ, либо имѣютъ одно небольшое. Въ углу избы стоитъ зеленая изразцовая печь ¹⁾ со скамьями на свободныхъ сторонахъ; наискосокъ отъ печи въ углу—кюль, подъ нимъ обѣденный столъ; оконъ по два со стороны фронтона и со стороны боковой; по наружнымъ стѣнамъ избы—скамейки. Входитъ въ домъ обыкновенно съ длинной его стороны, на рѣдка съ фронтона. Горница (камра) рядомъ съ избой, съ однимъ окномъ со стороны фронтона, служитъ въ качествѣ спальни; кухня обыкновенно каменная, даже если весь домъ деревянный; окна въ домѣ обыкновенно малой величины, но часто вполнѣдствіи прорублены большихъ размѣровъ. Правда, едва ли не большинство приведенныхъ чертъ свойственны не только Аусзе и Крайнѣ, но и многимъ другимъ мѣстностямъ, въ томъ числѣ и Россіи. Тѣмъ не менѣе отмѣтить ихъ здѣсь представляется уместнымъ. Надо, впрочемъ, оговорить, что народонаселеніе Аусзе, по заявленію изслѣдователя, германскаго типа не несетъ, и что языкъ ихъ представляетъ много особенностей въ выговорѣ. Поэтому можно

¹⁾ Впрочемъ, много, чѣмъ въ Верхней Крайнѣ, устройства.

думать, что если домъ «крестоваго» типа и алеманскаго происхожденія, то онъ занесенъ въ Аусзе въ народу не германскаго происхожденія, а лишь германизовавшемуся.

Обратимся въ югу, къ Босніи. Страна эта представляетъ въ отношеніи народо-вѣдѣнія вообще и въ частности въ отношеніи построекъ кладохранилище. Постройки Босніи и своеобразны и сложны. Здѣсь, существуетъ нѣсколько типовъ домовъ. Одинъ изъ нихъ ¹⁾, часто встрѣчающійся, слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 34). Дверь ведетъ въ сѣни (аракуъ), въ которыхъ на задней ихъ сторонѣ примыкаетъ кухня (куча) съ очагомъ. Часть ея занята небольшою кладовою. Изъ кухни есть выходъ наружу, а направо отъ нея помѣщеніе для прислуги. Направо отъ сѣней находится комната для дѣтей (собаджикъ), а налѣво—изба (соба) съ печью. Домъ этого типа нельзя не признать весьма близкимъ съ домомъ въ Верхней Крайнѣ трехраздѣльнаго длиннаго типа, съ которымъ онъ почти тождественъ.

Подобную тождественность между трехраздѣльнымъ длиннымъ и четырехраздѣльнымъ домами Крайны и домомъ въ другихъ, кромѣ Босніи, славянскихъ земляхъ мы находили, напримѣръ, и въ Моравіи. Здѣсь ²⁾ черезъ крыльцо (podšinek) и входную дверь попадаешь прежде всего въ сѣни (sin). Въ нихъ находится очагъ, который можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухню (kuchyn, kuchupa). Въ сѣняхъ же находится лѣстница, ведущая на чердакъ. Отъ сѣней направо (или налѣво) изба (izba), съ двумя окнами на фронтонной сторонѣ и съ однимъ или двумя на длинной сторонѣ дома. Изъ избъ можетъ примыкать совершенно такъ же, какъ примыкаетъ камра къ вѣжѣ въ Крайнѣ—пристѣнень (pristenek), помѣщеніе съ однимъ окномъ на фронтонѣ и съ однимъ же на длинной сторонѣ дома. Съ противоположной отъ избы стороны сѣней помѣщается одна или двѣ комнаты, по своему расположенію совершенно соответствующія чумнатамъ Верхней Крайны. Тождественность плана моравскаго дома съ планомъ трехраздѣльнаго длиннаго крайнскаго дома усиливается тѣмъ, что сѣни и въ Моравіи могутъ быть проходными, и что въ нижней части дома находится хозяйственное помѣщеніе съ входомъ со стороны фронтона. Эта нижняя часть, какъ и въ Крайнѣ, сооружается при деревянныхъ домахъ изъ камня. Того же типа, что и моравскій домъ, представляется домъ русскихъ въ Галиціи ³⁾, въ которомъ съ одной стороны проходныхъ сѣней находится такъ называемая велика хата, соответствующая крайнской хитѣ, а съ другой мала хата, занимающая мѣсто чумнаты. Тоже-

¹⁾ Dr. R. Meringer.—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Hercegovina. Wiss. Mit. aus Bosn. u. d. Herc. B. VII Wien, 1900.

²⁾ Národopisná vystava česko-slovanská v Praze, 1895.

³⁾ Dr. R. Kaindl.—Haus und Hof bei den Rusnaken. Globus, 1897. B. LXXI. № 9.

ственный (съ планомъ крайнскаго длиннаго дома) планъ мы встрѣчаемъ и въ домѣ словаковъ. И здѣсь направо (или налѣво) отъ сѣней (pitvor) находится изба (izba), а слѣва дополнительная пристройка: побочна или бочна изба (побочна izba). Къ главной избѣ можетъ примыкать, какъ и у словинцевъ, камра (кашота). Далѣе, домъ близкаго къ славянамъ племени литовцевъ ¹⁾ представляетъ въ планѣ то же построение. Изъ сѣней ведетъ дверь прямо въ кухню съ выходомъ наружу. Съ одной стороны сѣней дверь ведетъ въ обширную комнату—избу, съ прилегающей къ ней небольшой комнаткой, а съ другой—вдоль сѣней и кухни—находится комнатка и кладовая. Здѣсь, слѣдовательно, какъ и въ нѣкоторыхъ домахъ Верхней Краины, изъ двухъ добавочныхъ помѣщеній съ противоположной избѣ стороны сѣней одна отведена подъ хозяйственныя надобности, а другая служитъ жильемъ. Наконецъ нашъ великорусскій крестьянскій домъ съ проходными сѣнями, отъ которыхъ на одну сторону лежитъ изба, а на другую горница или клѣтъ съ отдѣленіями для домашняго скарба, ничто иное, какъ та же (по взаимному расположенію помѣщеній) трехраздѣльная длиннаго типа пристройка. что и въ Верхней Краинѣ, Босніи, Моравіи, Галиціи, у словаковъ и литовцевъ.

Во всѣ приведенные примѣры тождественныхъ типовъ домовъ не могутъ не навести на мысль, что основы верхне-крайнскаго дома слѣдуетъ искать въ глубокой древности, что родственники крайнскаго трехраздѣльнаго длиннаго дома, находясь у разныхъ славянскихъ племенъ и на югѣ и на сѣверѣ и востокѣ, узнаываютъ на единое происхожденіе ихъ, и что первичные элементы этого дома надлежитъ одинаково искать какъ въ самой Краинѣ, такъ на Балкавѣ, у славянъ западной вѣтви и у насъ въ Россіи. При первомъ взглядѣ на внѣшность обычнаго верхне-крайнскаго дома, онъ представляется столь несхожимъ съ домами другихъ славянскихъ племенъ, что сравненіе его съ ними можетъ показаться безцѣльнымъ. Планъ верхне-крайнскаго дома убѣждаетъ въ противоположномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ деревянные дома, сохранившіе много архаизмовъ, сохранившіе и больше, чѣмъ каменные, своеобразныхъ чертъ и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ и рѣзбой и другими деталями, не скрываютъ своей генетической связи и съ домами Моравіи и Галиціи и Россіи. Что касается боснійскаго дома, то и онъ, при всей своей своеобразности, не потерялъ генетической связи съ жилищами постройками Верхней Краины.

Въ виду наличности въ Верхней Краинѣ двухъ основныхъ типовъ домовъ и въ виду существованія одного изъ нихъ, именно: болѣе часто встрѣ-

¹⁾ Dr. F. Tetzner.—Haus und Hof der Litauer. Globus, 1897, B. LXXII, № 16.

чающагося трехраздѣльнаго длиннаго въ Босніи, Моравіи, Галиціи, у литовцевъ и словаковъ, а также въ Россіи, возможно высказать, что одной изъ главныхъ основъ современнаго словинскаго четырехраздѣльнаго дома былъ трехраздѣльный славянскій. Этотъ послѣдній, типичный своими сѣнами (вѣжей), отопляемымъ помѣщеніемъ—избоу (хишей), съ одной стороны, и неотопляемымъ — клѣткою (чумнатою) съ другой, имѣетъ долгую исторію развитія, и основныя его восходятъ вѣроятно въ эпоху еще пра-славянскую. Что касается другого типа, какъ указано, болѣе рѣдко встрѣчающагося трехраздѣльнаго широкаго дома, то онъ, какова бы происхожденія онъ ни былъ, вѣроятно былъ занесенъ въ Крайну съ сѣвера отъ германскихъ сосѣдей. Главнѣйшая его роль въ Верхней Крайнѣ заключалась въ томъ, что онъ, принеся съ собою новое помѣщеніе—камру и сочетавшись съ длиннымъ типомъ, оживилъ и развилъ его до четырехраздѣльнаго, повидимому, національно-словинскаго дома. Во всякомъ случаѣ верхне-крайинскій домъ представляетъ выдающійся интересъ, какъ домъ, стоящій на рубежѣ германскаго и славянскаго міровъ. Интересъ въ верхне-крайинскомъ домѣ заключается и въ томъ еще, что онъ въ своемъ развитомъ видѣ очень сложенъ, и что при этомъ основныя его части поддаются наблюденію на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія мѣстнаго жилья. Эти отдѣльныя части показываютъ, что домъ сложился на славянскихъ началахъ и что заимствованія со стороны были сравнительно незначительны. Въ этомъ убѣждаютъ наименованія частей дома ¹⁾, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ уже указывалось выше, славянскаго происхожденія и находятъ себѣ обыкновенно соотвѣтствующія наименованія преимущественно въ сербскомъ, но и въ болгарскомъ, чешскомъ и русскомъ языкахъ.

Выше была отмѣчена генетическая связь, въ отношеніи архитектурныхъ формъ, существующая въ Верхней Крайнѣ между низшими и высшими типами жилья. Изъ этой связи, однако, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что современный сложный словинскій домъ развился именно изъ первобытнаго наличнаго типа жилья. Иными словами: и коча, и станъ, и т. п. постройки могли въ

¹⁾ Не отрицая чуждыхъ вліяній на образованіе и развитіе словинскаго дома вообще и верхне-крайинскаго въ частности, нельзя не обратить особеннаго вниманія, что не только такія слова какъ коча, вѣжа, хиша, изба, чумната—слова, передающія понятія о частяхъ дома, свойственнымъ другимъ славянскимъ народамъ и поэтому славянскія, но что вообще громадное большинство словъ, передающихъ понятія о сложеніи постройки и ея частей, равнымъ образомъ славянскія. Достаточно вспомнить, что словинцы называютъ славянскими именами крышу, чердакъ, крыльцо, двери, окна, печь, потолокъ, полъ, очагъ, а равно постройки къ дому и всю его существенную утварь и т. п. Это повидимому указываетъ, что то, что заимствовалось (если оно заимствовалось) перерабатывалось на національныхъ началахъ.

свое время имѣть и иную, чѣмъ нынѣ форму. Съ этими первобытными постройками могло произойти то превращеніе, о которомъ мы говорили ранѣе въ отношеніи тамора, мѣстами утратившаго свою архаичную внѣшность двухэтажнаго съ пирамидальною крышею зданія и приобрѣвшаго внѣшность обыкновеннаго для деревни дома. Можно даже думать, что наприимѣръ коча, бывши когда то вѣроятно обычнымъ жильемъ для всей массы предковъ современныхъ словинцевъ, была со временемъ заброшена и замѣнена новымъ зданіемъ. Коча, какъ постоянное жилье, перешла въ горы, къ населенію полукочевому, т. е. тому, которое ведетъ образъ жизни, свойственный когда то всѣмъ пра-словинцамъ.

Относительно тамора можно высказать совершенно другія мысли. Слово это, повидимому, совершенно неизвѣстно другимъ славянскимъ племенамъ въ противоположность словамъ: коча, станъ, хиша, вѣжа, изба. Таморъ—слово, истати будь сказано, совсѣмъ не славянское и не имѣетъ даже на словинскомъ языкѣ—производныхъ. Со словомъ этимъ, какъ уже неоднократно указывалось, связано своеобразное жилье, своеобразное и по формѣ, и по функціямъ его обитателей. По внѣшности таморъ съ своей двухэтажностью и пирамидальностью крыши приныкаетъ къ постройкамъ босняковъ и васоевичей. Поэтому невольно навязывается предположеніе, что таморъ есть иллирійское жилище, хотя конечно оно могло быть и кельтическимъ. Допустима такая дальнѣйшая мысль: иллиры, вытѣсненные пришедшими славянами, удалились въ горы и занялись чадничествомъ, породивъ и среди словинцевъ этотъ особаго рода промыселъ. Въ исторіи племенъ не рѣдкою является, что та или другая профессія сохраняется среди потомковъ оттѣсненнаго покореннаго народа. Эти явленія могли быть и въ Краинѣ. Имъ то и объясняется, быть можетъ, что таморъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ среди архитектурныхъ мотивовъ Верхней Краины. Иначе дѣло обстояло въ Босніи, гдѣ иллирійскія вліянія прослѣжены во многихъ сторонахъ быта современнаго населенія, какъ и въ его языкѣ. Что касается васоевичей, то племя это, повидимому, лишь по языку славянское. Во всемъ своемъ обликѣ физическомъ и моральномъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ, какъ и въ одеждѣ, васоевичи рѣзко отлчаются отъ остальнаго черногорскаго населенія. Освѣтить вопросъ и о таморѣ, и о его происхожденіи, могли бы лучше всего наблюденія въ Албаніи, населеніе которой едва ли не чисто иллирійское.

Однако допустима и иная мысль, а именно мысль о томъ, что таморъ ничто иное какъ древней формы коча, принявшая лишь чужое наименованіе. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ томъ, что внутреннее нѣщеніе тамора, какъ было отиѣчено выше, несетъ наименованіе «коча». Быть можетъ именно въ таморѣ слѣдуетъ видѣть пережитокъ древняго словинскаго жилища (кочи); быть можетъ, словинская принадлежность тамора лишь маскируется этииъ чуждымъ славянскимъ языкомъ наименованіемъ. Какъ бы то ни было коренное по формѣ различіе верхне-краинскаго тамора съ нынѣшними мѣстными постройками остается въ силѣ, и архитектурныхъ родственниковъ его слѣдуетъ искать не въ Краинѣ, а на Балканскомъ полуостровѣ и въ частности въ Босніи и среди васоевичей.

Что касается стана, то подъ постройкой этого имени, повидимому, у большинства славянъ подразумѣвается нѣчто временное. Лишь въ Босніи и въ нѣкоторыхъ другихъ сербскихъ мѣстностяхъ станъ означаетъ жилище, домъ вообще. Слово станъ не перешло въ видѣ наименованія въ часть прочной постройки. У словинцевъ оно означаетъ временное мѣсто убѣжища пастуха. Можно поэтому думать, что въ Верхней Краинѣ оно не приняло участія въ созиданіи жилища и, въ современныхъ своихъ формахъ, отразило господствующіе въ странѣ архитектурные приемы.

Байта, въ свою очередь, повидимому, не имѣла участія въ образованіи словинскаго дома. Байта, какъ указано, означаетъ хижину вообще. Слово это (байта) неизвѣстно ни остальнымъ славянскимъ народамъ, ни нашему языку. Быть можетъ, байта только словинское слово, внѣдрившееся въ словинскій языкъ въ сравнительно недавнее время. Байта и въ Верхней Краинѣ не представляетъ вполне опредѣленнаго понятія о томъ или иномъ зданіи. Оно выражаетъ болѣе убогость постройки, чѣмъ характеръ ея.

Возвратимся къ кочѣ. Слово это, хотя и въ разныхъ вариантахъ (коча, куча, кутя, кутья, куша, хышта, куть), извѣстно всей южнославянской семьѣ ¹⁾, извѣстно и русскому народу. Южные славяне подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ съ одной стороны жилье лицъ, ведущихъ первобытно-подобный образъ жизни, а съ другой стороны, домъ вообще и наконецъ основную часть дома, т. е. помещеніе съ очагомъ или выдѣленную съ очагомъ кухню. Это обстоятельство позволяетъ думать, что если коча какъ таковая и не получила дальнѣйшаго развитія, но что понятіе о ней настолько внѣдрилось въ сознаніе населенія, что оно не было въ состояніи разстаться со словомъ коча и перенесло это понятіе на новое жилище и въ частности на существенную часть его. Дожидаться, какого происхожденія корень слова коча—трудно, да въ данномъ случаѣ и безцѣльно. Во всякомъ случаѣ слово это вполне воспринято громадной массой славянъ и поэтому существуетъ какъ слово славянское съ массою производныхъ. Варіаціи слова коча и его производныхъ, сложенныхъ по законамъ языка каждаго даннаго народа, въ состояніи убѣдить, что коча какъ жилище извѣстна, по крайней мѣрѣ части славянъ, съ весьма давнихъ временъ. А производные глаголы и на словинскомъ и на русскомъ языкахъ (кочевати, кушевать, кочевать) позволяютъ высказать мысль, что коча была извѣстна еще кочевымъ пра-словинцамъ или, быть можетъ, вообще пра-славянамъ ²⁾. Оставляя здѣсь другія славянскія племена въ сторонѣ, можно допустить, что собственно у словинцевъ коча какъ жилье была заброшена съ переходомъ отъ чисто кочевого къ полусѣдлому быту. Къ этой мысли приводитъ между

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 264. ²⁾ Сл. кочевать, кочевникъ не въ связи съ кашта куча, Словянское коча. Дрслв. юсь, замѣн. а, соотв. Слов. б. у Русск. же и Серб.—у. Да и кочевати, кочевнице примѣняются въ древне- и старо русск. пам. только къ Татарамъ. Древнѣйшее же названіе кочевника было Тялковникъ, срвн. толкотня, толкучій рынокъ... Кашта слов. коѣа образов. изъ дрслв. катъ (уголь), словин. коі—наше куть, Польск. кад, у Балт. слав. было сл. сонтіа (такъ въ Щетинѣ по слов. Зефр. (Ж. Отт Вамб.) были четыре кутинны (общественныя зданія—храмы). Гильфердингъ. Исторія Балт. Слав. S XXXIX.

прочимъ то, что подъ кочей или кочне подразумѣваютъ и сѣнной сарайчикъ. Главное же, что склоняетъ къ этой мысли это то, что въ двураздѣльномъ зданіи кочи не существуетъ. Ее (даже въ сирарницѣ) замѣнила вѣжа. Коча у словинцевъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Краинѣ, заключаетъ понятіе однокамерности, будь то отдѣльная постройка для жилья или внутреннее помѣщеніе, какъ напр. въ таморѣ.

Коча не сохранилась въ Краинѣ въ своей первобытной формѣ. Факторы развитія жизни словинцевъ выдвинули новыя жилища. Они не только оттѣснили, такъ сказать деградировали кочу, но и навязали ей чуждыя внѣшнія формы. Древняя коча однако не вымерла еще среди южныхъ славянъ. Она сохранилась въ Босніи подъ наименованіемъ куча, что означаетъ и домъ вообще ¹⁾. Въ этой странѣ развитіе жилища шло во многихъ отношеніяхъ совершенно инымъ порядкомъ, чѣмъ у словинцевъ вообще и въ частности въ Верхней Краинѣ. Четыре стѣны, не превышающія роста человѣка, покрытыя четырехскатной, вытянутой крышей—вотъ прототипъ боснійскаго дома, прототипъ, встрѣчающійся и по настоящее время достаточно часто. Стѣны такого дома нерѣдко сплетены изъ вѣтвей, крыша—соломенная. Внѣшность такого дома (см. рис. 46) до того ясно шалашевидная, что происхожденіе его именно изъ шалаша не можетъ подлежать сомнѣнію. Хотя въ домѣ по его малымъ размѣрамъ едва можно повернуться, тѣмъ не менѣе онъ помѣщаетъ цѣлое семейство. Куча (коча) Босніи не была вытѣснена. Она развивалась и усовершенствовалась, сохраняя свои основныя внѣшнія черты. Ступенью выше отмѣченной стоитъ та куча, которая обмазана глиной и покрыта крышей изъ мелкихъ досокъ. Подобная куча видна на рис. 47 ²⁾. Домъ этотъ двураздѣльный. Черезъ входную дверь попадаешь въ помѣщеніе съ очагомъ, которое называется кучей; рядомъ съ ней собственно жилье—соба съ печью. Въ дальнѣйшемъ развитіи подобная коча дала характерный боснійскій домъ, ранѣе уже упомянутый (см. рис. 49). Процессъ развитія жилья въ Босніи очевидно сводился къ тому, что предокъ боснійца, переходя отъ кочевого къ осѣдлому состоянію, не забросилъ свою кочу (кучу), а усовершенствовалъ ее и, прикрѣпивъ ее къ землѣ, остался въ ней жить. Куча, переставъ быть переноснымъ шалашемъ, сдѣлалась домомъ шалашеподобной формы.

Что касается вѣжи, то слово это, какъ и слово коча, хорошо извѣстно многимъ славянскимъ племенамъ ³⁾.

Умѣстнымъ представляется вспомнить, что слово вѣжа сохранило у насъ (въ формѣ вежка, вѣжка) въ Курской губерніи понятіе о шалашѣ, сто-

¹⁾ Вспомнимъ, что понятіе о кочѣ, какъ о домѣ, не утеряно и словинцами, и что въ Болгаріи подъ кыштой понимаютъ домъ, жилье вообще, въ частности деревенскій домъ въ нѣсколько комнатъ.

²⁾ Рисунки двухъ домовъ—кучей Босніи заимствованы изъ статьи Мерингера: Meringer—Das Volksthümliche Haus in Bosnien und der Hercegovina. (Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herc. B. VII. Wien, 1900).

³⁾ См. примѣчаніе на стр. 292.

рожекъ, балаганъ, и что на языкѣ хорватовъ вѣжа означаетъ между прочимъ навѣсъ. Изъ приведенныхъ ранѣ сравненій видно, что слово вѣжа, какъ понятіе о современномъ славянскомъ жилищѣ, вообще не сохранилось. Слово это употребляется либо въ смыслѣ кочевоваго жилища у инородцевъ (угры, половцы), либо въ смыслѣ первобытнаго, хотя и неподвижнаго жилья инородцевъ (лопари), либо въ значеніи укрѣпленія, башни, тюрьмы (у насъ, поляковъ, чеховъ, словаковъ), либо въ смыслѣ части современнаго славянскаго дома (у словинцевъ и хорватовъ), либо въ смыслѣ навѣса (у хорватовъ). Лишь, повидимому, въ одной Курской губерніи вѣжа удержала понятіе о жилищѣ не инородческаго, а русскаго населенія (вѣжка). Тѣмъ не менѣе нѣтъ, повидимому, основанія сомнѣваться, что вѣжа когда то представляла самостоятельное славянское жилье. Спутанность понятій, связанныхъ со словомъ вѣжа, показываетъ лишь на древность этого слова. Что вѣжа когда то дѣйствительно была жилищемъ славянъ, хотя бы и не всѣхъ, доказывается, съ одной стороны, распространенностью слова, а съ другой тѣмъ, что слово вѣжа, въ формѣ *visa*, означало на языкѣ полабскихъ славянъ домъ¹⁾. Каковъ онъ былъ—сказать съ вѣроятностью очень трудно. Быть можетъ, освѣтитъ сомнѣніе въ состояніи хорватское понятіе о вѣжѣ, какъ о навѣсѣ и сѣняхъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что вѣжа словинцевъ совершенно соотвѣтствуетъ нашему понятію о сѣняхъ (чешская *šip*, польская *šien*, нѣмецкая *Fur*, *Haus*). Подъ словомъ сѣнь или сѣнница у насъ подразумѣвается и наметъ, и палатка, и шатерь, далѣе навѣсъ, легкое жилье. Въ старину подъ сѣнью, сѣнницей понимали навѣсъ у дома на столбахъ. Въ настоящее время сѣнью называютъ и балдахинъ (надпрестольная сѣнь). Въ церковно-славянскомъ языкѣ сѣнь—есть шатерь. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать евангельскій текстъ «сотворимъ здѣ три сѣни» (Мате. 17, 4). На русскомъ языкѣ «сѣнь» евангельскаго текста переводится словомъ *куша*, на французскомъ—*tente* (палатка), на нѣмецкомъ—*Hütte* (хижина), на словинскомъ—*žotog* (шатерь), на польскомъ *przdztki*, (обиталище, жилище). Все сказанное даетъ основаніе считать вѣжу и сѣнь синонимами и придавать имъ значеніе первобытнаго жилья, вѣроятно, въ первоначальномъ видѣ связаннаго съ навѣсомъ и поэтому, хотя и легкаго и временнаго, но скорѣе не передвижнаго.

Впрочемъ на основаніи слова вѣжи допустимы многочисленныя догадки. Одной изъ такихъ догадокъ могла бы быть слѣдующая. Переходя къ полустѣдлому быту, словинецъ не нуждался болѣе въ шалаши (кочѣ). Умѣстнымъ представлялось болѣе прочное не сдвигаемое съ мѣста жилье. Удобнымъ для устройства послѣдняго представлялись естественныя углубленія почвы. Приспособленіе ихъ кромѣ большей прочности гарантировало и большую теплоту въ зимнее время. Шалаши (кочи) надо было покрывать на зиму шкурами звѣрей или

¹⁾ Именно въ этомъ смыслѣ, смыслѣ дома, жилища, слѣдуетъ, повидимому, понимать слово вѣжа въ выраженіи Бѣлая Вѣжа или Саркель. Этотъ хазарскій городъ или укрѣпленіе или станъ хазарскаго правителя, извѣстный уже въ IX в. и лежавшій вѣроятно на Дону, по своему имени «Саркель», какъ его объясняетъ Константинъ Багрянородный. означаетъ «бѣлый домъ», «бѣлую гостиницу», т. е. бѣлое жилье.

заваливать снѣгомъ, какъ то дѣлають наши кочующіе инородцы со своими чумами. Новое жилище въ углубленіи почвы требовало лишь крыши изъ бревенъ, покрытыхъ дерномъ, или навѣса, или того и другого. Это новое жилье могло получить новое наименованіе—вѣжа. Она въ первичномъ своемъ видѣ могла представлять и сочетаніе стараго начала съ новымъ. А именно: надъ углубленіемъ почвы, такъ или иначе приспособленнымъ для жилья, ставился старый шалашъ (коча), какъ то мы видимъ у нѣкоторыхъ нашихъ финскихъ племенъ, сохранившихъ съ большою яркостью первобытныя формы жилья. Первоначальная вѣжа могла быть лишь временнымъ, въ зимнее только время, жильемъ. Лѣтомъ пра-словинецъ могъ продолжать пользоваться кочей, ведя зимою осѣдлый, а лѣтомъ еще кочевой образъ жизни.

Вѣжа въ современномъ быту словинцевъ есть помѣщеніе съ очагомъ въ дву-раздѣльной или болѣе сложной постройкѣ. Вѣжы, какъ однокамерной постройки, словинецъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Крайнѣ, не знаетъ. Словинскій языкъ не признаетъ за вѣжей значенія дома: вѣжа—это сѣни, передняя и тому подобное помѣщеніе, понятіе о которомъ предполагаетъ, какъ и понятіе нашихъ сѣней, еще какія то другія помѣщенія въ зданіи. Поэтому допустима, въ противоположность высказанной, и другая мысль, что вѣжа не замѣнила, какъ самостоятельная постройка, кочу, а замѣнила ее при появленіи болѣе сложнаго сооруженія—хиши, при которой вѣжа первоначально была только сѣнями безъ очага. Последний въ этомъ случаѣ продолжалъ оставаться въ кочѣ, и лишь впоследствии перешелъ, одновременно съ исчезновеніемъ кочи, въ вѣжу. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ слѣдующемъ. Хозяинъ той кочи, которая изображена на рисункѣ 1 и чертежѣ 1, называлъ переднее помѣщеніе (А) своей кочи вѣжей, а помѣщеніе съ очагомъ (А₁)—хишей. Возможно ли придавать этому единичному случаю обобщающее значеніе—сказать съ опредѣленностью невозможно. Хиша, какъ понятіе помѣщенія съ очагомъ, нигдѣ, кромѣ даннаго случая, нами не встрѣчена. Но если придавать упомянутому заявленію значеніе, то на основаніи его возможно высказать слѣдующую догадку. Первоначальная хиша въ Крайнѣ есть, какъ и въ Болгаріи (хижа, ижа), помѣщеніе съ очагомъ, а вѣжа при ней—есть дополнительная постройка, имѣющая характеръ и значеніе сѣней. Въ дальнѣйшемъ развитіи вѣжа принимаетъ очагъ, а хиша очищается собственно для жилья.

Въ созиданіи основныхъ частей словинскаго дома кромѣ вѣжи или, быть можетъ, вѣжи съ кочней приняло участіе строеніе, съ понятіемъ котораго связана прочность, домовитость, осѣдлость. Это—х и ш а или и з б а. Когда эти слова сдѣлались въ Крайнѣ синонимами—доказать на основаніи наличнаго матеріала невозможно. Хиша, какъ реальное зданіе, сохранилась, повидимому, лишь въ Болгаріи, у словаковъ, да, отчасти, у насъ. Среди другихъ славянскихъ племенъ хижа, какъ домъ, повидимому, совсѣмъ невѣстна. Въ восточной Болгаріи, хижа или ижа есть деревянный, обыкновенно неотапливаемый, но съ очагомъ домъ; въ западной Болгаріи—землянка; у словаковъ хижа (или изба) есть крестьянскій домъ. На Лонч хижка—есть землянка. Можно поэтому думать, что словинцы приобрѣли хишу въ періодъ осѣд-

лости, но недостаточнаго еще матеріальнаго обезпеченія и культурнаго развитія. Какимъ путемъ шло появленіе хиши у словинцевъ—остается вопросомъ открытымъ. Въ виду распространенія слова хиша (въ разныхъ вариантахъ) у разныхъ славянскихъ народовъ ¹⁾, можно полагать, что словинцамъ хиша была извѣстна очень давно. Хиша отличается отъ вѣжи, какъ и отъ кочи, стана и байты тѣмъ, что она не имѣетъ очага. Хиша въ настоящее время дополнительная пристройка къ основному (съ очагомъ) помѣщенію. Съ присоединеніемъ къ вѣжѣ хиши вводится въ постройку двураздѣльность ея. Она встрѣчается уже въ весьма простыхъ постройкахъ, сравнительно не далеко ушедшихъ отъ первобытныхъ. На болѣе низкихъ степеняхъ своего развитія хиша есть срубъ. Что хиша когда-то представляла въ Крайнѣ или вообще у словинцевъ особое жилище, повидимому, доказывается между прочимъ тѣмъ, что слово это (*hiša*) на словинскомъ языкѣ по настоящее время не утратило значенія дома. Напротивъ того, словинецъ передаетъ понятіе дома въ нашемъ смыслѣ именно словомъ хиша. Въ переносномъ смыслѣ хиша означаетъ очагъ. Что уже первоначальная хиша представляла срубъ, видно изъ того, что именно эта часть современнаго дома наиболѣе упорно сохраняетъ срубъ. Уже раньше отмѣчалось, что прежде всего камень появляется въ вѣжѣ и кухнѣ, что даже камра, болѣе новая часть дома, сооружается изъ камня, тогда какъ хиша продолжаетъ состоять изъ бревенчатого сруба даже въ богатыхъ, хотя и старинныхъ, домахъ. Наконецъ та верхняя комнатка, о которой упоминалось уже многократно выше и которая занимаетъ часть чердачнаго помѣщенія, именуясь обыкновенно камерцей, называется *gognja hiša*, т. е. верхняя хиша. Между тѣмъ, какъ указывалось, она даже въ капитальныхъ каменныхъ домахъ выстраивается изъ сруба. Если хиша есть срубъ, то она могла, очевидно, появиться лишь при осѣдломъ и довольно культурномъ состояніи народа. Однако, упомянутая верхняя хиша наводитъ на мысль, что первичная хиша не отапливалась печью. Последняя, какъ усматривается изъ приведенныхъ выше примѣровъ, въ горней хишѣ совѣмъ не обязательна. Поэтому то она въ настоящее время и называется часто камрой или камерцей, т. е. именемъ того помѣщенія, которое обыкновенно лишено печи.

Не смотря на сказанное, невозможно вполне отрицать, что первичная хиша Крайны была не срубомъ, а землянкой, получившей срубчатый характеръ по мѣрѣ своего поднятія, въ связи съ развитіемъ, изъ подъ земли. На эту мысль наводитъ развитіе болгарской ижи (хижи). Въ своихъ первобытныхъ формахъ, сохранившихся въ западной Болгаріи, ²⁾ ижа есть землянка. Этого рода жилище на низшей ступени (бордель) состоитъ изъ ямы (трапъ) и схода (гривица). Болѣе развитая землянка, именуемая ижей, содержитъ отдѣльныя комнаты (стая) и покрыта двускатной крышей ²⁾.

Современная хиша, какъ указывалось, имѣетъ характерную особенность—наличность печи. Уже по этому самому она въ правѣ носить другое наимено-

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 298.

²⁾ Д. Мариновъ.—Градиво за веществената культура на западна България. (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина; книга XVIII. Материали. София, 1901.

ваніе—наименованіе избы ¹⁾. Она въ дѣйствительности называется и этимъ именемъ, но, повидимому, лишь потому, что, слившись съ избой и получивъ отъ нея печь, она тѣмъ самымъ сдѣлалась однозначущимъ съ нею помѣщеніемъ.

Что касается избы, то она у словинцевъ, повидимому, никогда не служила отдѣльнымъ жильемъ. Въ настоящее время въ словинскомъ языкѣ подъ словомъ изба понимаютъ лишь комнату, жилую комнату, горницу, въ частности хишу, но никогда словомъ изба не называютъ дома. Въ этомъ отношеніи развитіе словинскаго жилища шло инымъ путемъ, чѣмъ напр. у словаковъ и у насъ русскихъ. У насъ, очевидно, первобытное, предшествующее избѣ, жилище было замѣнено избой. Последняя сама по себѣ усовершенствовалась, превращаясь изъ «черной» въ «бѣлую» и изъ этой послѣдней въ «красную». Изба извѣстна у насъ и въ видѣ однокамернаго низко развитого жилья, и въ видѣ усовершенствованнаго дома, и въ качествѣ комнатъ, до дворцовыхъ покоевъ царя Алексѣя Михайловича включительно. У словинцевъ, повидимому, изба сдѣлалась какъ бы синонимомъ печи, давъ свое имя отопляемому помѣщенію, какъ печка соба Балканскаго полуострова дала въ Босніи свое наименованіе отопляемой печью комнатѣ. Изба извѣстна всѣмъ славянскимъ народамъ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣмъ и обыкновенно въ одномъ смыслѣ: въ смыслѣ отопляемой половины дома, рядомъ съ сѣнями, содержащими или не содержащими очагъ. Исключеніе представляетъ Черногорія и Герцеговина, да отчасти Болгарія, гдѣ подъ избой понимаютъ кладовую или конюшню или погребъ нижняго этажа. Изба однако не обуславливаетъ обязательной дву-или многокамерности постройки. Въ Сибири, напримѣръ, у старожильческаго населенія избыю называется именно однокамерное, низшаго порядка зданіе. Если послѣднее имѣетъ не одну, а нѣсколько комнатъ, то оно, по терминологіи старожильческаго населенія, уже не изба, а домъ. Однако и простѣйшая сибирская изба имѣетъ печь и при томъ весьма усовершенствованную, извѣстную у насъ подъ названіемъ русской. Какъ бы ни обстояло дѣло съ вопросомъ о возникновеніи и развитіи вообще избы, у словинцевъ Крайны появленіе избы составляетъ тотъ же прогрессъ, что появленіе ея и у большинства другихъ славянъ: жилое помѣщеніе начинаетъ отапливаться печью.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго дома шло въ связи съ образованіемъ камры и чумнаты. Появленіе именно ихъ породило два типа домовъ. Помѣщеніе, соответствующее камрѣ словинцевъ, очень распространено, но подъ разными наименованіями. Однако, назначеніе этого помѣщенія всегда одно и то же—служить спальней. Устроивъ комфортабельное жилище изъ вѣжи и хиши, словинецъ, двигаясь далѣе по ступенямъ культурнаго развитія, образовалъ особую спальню. Она была необходима въ многолюдномъ семействѣ. Зачатокъ помѣщенія, соответствующаго камрѣ, сохранился у насъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ той части избы, которая соответствуетъ мѣсту, занимаемому

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 300.

камрой, помѣщаются палаты для сна. Начиная от такой ступени, могла развиваться и крайнская спальня—камра. Однако, камра могла вѣдриться въ Верхнюю Крайну уже въ качествѣ совершенно готоваго помѣщенія извнѣ, отъ сосѣдей. Къ этой весьма правдоподобной мысли приводитъ само названіе камры, а также и то обстоятельство, что она встрѣчается въ трехраздѣльномъ домѣ широкаго типа, тождественнаго съ типомъ «крестоваго» дома нѣмецкаго населенія. Камра могла быть заимствована такимъ образомъ у германскихъ сосѣдей, но она могла быть занесена въ Крайну и инымъ порядкомъ. Слово камра и ему подобныя, въ смыслѣ комнаты дома, какъ уже было указано, очень распространены среди славянскихъ населеній. У насъ камера употребляется, какъ извѣстно, болѣе въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ древней палаты; допетровская Русь камеры не знаетъ. Слово камера (самега)—латинское и означаетъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ комнату со сводомъ. Лишь впоследствии слово это было обобщено: итальянская самега, нѣмецкая Kammer, французская—chambre. У словинцевъ камра, въ свою очередь, получила, какъ указывалось, распространенное значеніе въ смыслѣ дополнительной въ домѣ комнаты, вообще говоря, не отопляемой, но жилой. Можно думать, что камра появилась въ Верхней Крайнѣ сравнительно очень поздно, быть можетъ отчасти, въ связи съ каменнымъ матеріаломъ. Къ послѣдней мысли приводитъ то обстоятельство, что камра часто, даже въ деревянныхъ домахъ, выстраивается изъ камня. Во всякомъ случаѣ въ Крайнѣ она не утратила и по настоящее время характера дополнительной пристройки, обнаруживающей ея юное происхожденіе. За юный возрастъ камры въ Крайнѣ говорить, повидимому, и то, что она встрѣчается преимущественно въ сложныхъ, вполне развившихся домахъ четырехраздѣльнаго типа, или же въ рѣдко сравнительно встрѣчающемся трехраздѣльномъ широкомъ типѣ.

Происхожденіе чумнаты, въ противоположность происхожденію камры, вѣроятно, сравнительно древнее. Чумната въ типичномъ своемъ мѣстоположеніи имѣетъ, какъ можно думать, длинную исторію развитія. Лишь впоследствии положеніе ея становится менѣе определеннымъ, въ связи, вѣроятно, съ появленіемъ посторонняго новаго типа дома—трехраздѣльнаго широкаго, принеснаго съ собою, повидимому, камру. Наименованіе послѣдней постепенно начинаетъ вытѣснять наименованіе чумнаты, и она въ настоящее время нерѣдко называется то камрой, то камерцей. Эта замѣна одного слова другимъ въ данномъ случаѣ особенно понятна, такъ какъ въ развившемся бытѣ и чумната и камра, два обыкновенно не отопляемыхъ помѣщенія, исполняютъ одну и ту же функцію—служа спальней. Уже раньше высказывалось, на основаніи существующихъ типовъ домовъ, предположеніе, что чумната стала на мѣсто схрамбы, а эта послѣдняя—на мѣсто клѣти, занявшей, въ свою очередь, мѣсто хлѣва. Здѣсь уместнымъ представляется отмѣтить, что слово клѣть, повидимому, постепенно вытѣсняется въ крестьянскомъ быту Верхней Крайны словомъ схрамба, употребляемымъ въ видѣ синонима клѣти. Эта послѣдняя хорошо извѣстна славянскимъ народамъ и въ ча-

стности намъ русскимъ. У насъ она занимаетъ совершенно то же положеніе что и въ Верхней Крайнѣ чумната или схрамба или первоначальная клѣтъ. Именно она обуславливаетъ характеръ столь знакомаго славянамъ трехраздѣльнаго длиннаго дома. Клѣтъ есть дополнительная, неотапливаемая обыкновенно и предназначенная для хозяйственныхъ надобностей часть дома съ противоположной избѣ (хишѣ) стороны сѣней (вѣжи). Въ качествѣ кладовой она соотвѣтствуетъ схрамбѣ и отождествленіе ея съ послѣдней поэтому законно. Но клѣтъ у насъ въ старину, да и теперь въ крестьянскомъ быту, служить спальней. Поэтому въ этомъ своемъ значеніи она соотвѣтствуетъ чумнатѣ. Кромѣ того, есть еще функція клѣты для нея очень характерная. А именно: она отводится новобрачнымъ и служить, слѣдовательно, въ качествѣ дополнительнаго помѣщенія для разросшейся, но не распавшейся семьи. Ту же роль играетъ въ Верхней Крайнѣ и чумната. Интересно отмѣтить, что въ сербскомъ языкѣ слово клет означаетъ не кладовую, а комнату. Это послѣднее слово ничто иное, какъ чумната словинскаго языка; въ смыслѣ помѣщенія оно извѣстно уже древней Руси. Древняя комната есть пристройка къ избѣ. Она служила разнымъ цѣлямъ, напр. для обѣдовъ, пировъ, невѣстныхъ смотринъ и между прочимъ въ качествѣ брачнаго помѣщенія. Лишь впоследствии, впрочемъ, еще въ допетровской Руси слово комната получило у насъ обобщенное значеніе, въ частности значеніе кабинета. Именно въ этомъ значеніи слово чумната понимается въ современномъ словинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ изъ изложеннаго съ полною очевидностью явствуетъ, что наша древняя комната—равнозначущее помѣщеніе со словинской чумнатой, что чумната, какъ и русская комната, замѣнила собою клѣтъ, и что и то и другое помѣщеніе удѣлялось новобрачнымъ. Поэтому чумната и камра, хотя и носятъ иногда одно и то же наименованіе (камра), не по существу составляютъ совершенно разные помѣщенія и по своему мѣстоположенію и по возникновенію своему и по тому назначенію, которому они служатъ.

Развитіе словинскаго дома отъ простой двураздѣльной постройки до четырехраздѣльной и двухэтажной слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь съ жизнью и развитіемъ семьи. Ютась первоначально совмѣстно въ хишѣ, часть семьи пользовалась для ночлега и хлѣбомъ и ставшей на его мѣсто клѣткою. Последняя, вѣроятно, и у словинцевъ, какъ и у насъ, уже давно получила значеніе того помѣщенія, которое отдѣлялось для новобрачныхъ, передавъ это свое назначеніе замѣнившей ее чумнатѣ. Другія взрослые дѣти въ многочленныхъ семьяхъ пользовались для ночлега, какъ то дѣлается и теперь, чердакомъ. Это постоянное использование послѣдняго въ качествѣ жилья не могло не привести къ оборудованію части его въ видѣ коморки—горней хиши, или въ видѣ нѣсколькихъ такихъ коморокъ. Горнія хиши, расширяясь и усовершенствуясь, дали верхній этажъ. Ими, очевидно, пользовались и женатые сыновья, остававшіеся въ составѣ семьи родителей и образуя съ ними задругу. По мѣрѣ эмансипаціи молодой семьи, она получала наверху свой очагъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ

образовывались не одна, а двѣ молодыхъ семьи, совмѣстное сожитіе которыхъ давало три очага. Эти предположенія подтверждаются тѣмъ, во первыхъ, что чумната и въ настоящее время отдѣляется для новобрачныхъ, что за отсутствіемъ ихъ чумната имѣетъ значеніе дѣтской спальни, что взрослые дѣти живутъ наверху, что верхній этажъ въ настоящее время, когда большія семьи представляютъ уже рѣдкость, обыкновенно сдается въ наемъ. Въ отношеніи плана дома интересно отмѣтить, что верхній этажъ появляется уже въ трехраздѣльномъ домѣ, при этомъ въ обоихъ его типахъ. Однако, какъ весьма обычное явленіе верхній этажъ представляется въ четырехраздѣльномъ домѣ. Изъ этого правильнымъ представляется заключить, что верхній этажъ появился въ Верхней Крайнѣ до начала сочетанія двухъ трехраздѣльнаго типа домовъ. Присутствіе верхняго этажа, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи, какъ въ широкѣмъ, такъ и въ длинномъ трехраздѣльномъ домѣ, затрудняетъ рѣшеніе вопроса—принадлежитъ ли верхній этажъ въ своемъ возникновеніи тому или другому типу или же обоимъ.

Что касается хозяйственной части дома, то въ ней, вѣроятно, уже издавна обнаруживалась скорѣе централизація, чѣмъ децентрализація жилья. Хлѣвъ весьма обычно примыкаетъ къ жилой части дома, даже на первыхъ ступеняхъ его развитія. Погребъ и кладовая входятъ непосредственно въ составъ жилья. Гумно и сѣноваль, образуя скедень то съ хлѣвомъ, то безъ него, весьма часто дополняютъ домъ. Свинушникъ, въ свою очередь, примыкаетъ либо къ дому, либо къ его скеденю. Кухня никогда не выдѣляется изъ дома. Лишь такіа спеціальныя сооруженія, какъ паштба для сушки плодовъ или конопля, ута, лопа, дырвеница и т. п. ставятся отдѣльно на усадьбѣ, а чисто селско-хозяйственныя сооруженія, какъ козолоцъ, стогъ и т. п. относятся въ поле. Словинецъ Верхней Крайны старается, на сколько то позволяютъ мѣстныя условія, соединить все нужное въ одномъ зданіи. Это соединеніе, повидимому, тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ меньше пространства въ его распоряженіи. Владѣлецъ болѣе крупнаго клочка земли устраиваетъ усадьбу, раскидывая на ней скедень, свинушникъ, дырварницу, лопу и паштбу. Не располагающій пространствомъ крестьянинъ собираетъ всѣ постройки, по возможности, подъ одну крышу. Именно такой сборный домъ съ хлѣвомъ, конюшней, скеденемъ, навѣсомъ и свинушникомъ несетъ много своеобразныхъ чертъ. Онъ такъ, съ перваго взгляда, сложенъ, что разобратъ въ его отдѣльныхъ частяхъ представляется труднымъ (см. напр. рисунокъ 26). Лишь постепенно, изучая домъ въ его отдѣльныхъ частяхъ, приходишь къ убѣжденію, что основы его болѣе просты, чѣмъ то представляется при первомъ знакомствѣ.

Какимъ образомъ у словинцевъ могла одна постройка замѣняться другой и новое зданіе примыкать къ старому—отвѣтъ на это мы можемъ найти въ современномъ бытѣ нашихъ инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ переходятъ въ настоящее время отъ кочевого быта къ осѣдлому; многіе изъ нашихъ инородцевъ, подъ вліяніемъ русскихъ крестьянъ заимствуютъ ихъ способы построекъ жилья..

Переходъ къ осѣдлости происходитъ на нашихъ глазахъ между прочимъ у киргизовъ и бурятовъ. У нихъ можно наблюдать всѣ стадіи этого процесса. Киргизъ былъ когда то исключительнымъ обитателемъ подвижного шалаша (аблайча), развившагося до сравнительно сложнаго сооруженія—кибитки (монголь.—гиръ, геръ, тюркс.—юртъ). Затѣмъ киргизъ сталъ устраиваться на зиму въ ямѣ—землянкѣ. Эта землянка, поднимаясь въ связи со своимъ развитіемъ надъ почвой, дала глиняную зимовку. Въ этихъ зимовкахъ киргизы-полукочевники проводятъ зимнее время. Лѣтомъ, когда имѣетъ еще мѣсто кочеваніе, киргизъ продолжаетъ жить въ кибиткахъ. Зимовка даже въ томъ случаѣ, когда она воспроизводитъ внѣшнія формы первоначальнаго обиталища—кибитки, не несетъ уже этого наименованія. Она называется кустау (кыстау).

Подобныя явленія могли имѣть мѣсто и у предковъ словинцевъ. Кочевники пра-словинцы жили въ кочахъ. Переходя къ полуосѣдлому образу жизни, они сооружали вѣжу, пользуясь ею, какъ болѣе прочнымъ, чѣмъ коча, жильемъ въ зимнее время и спускаясь, быть можетъ, съ горъ въ долины. Впослѣдствіи по мѣрѣ развитія самой вѣжи пра-словинцы забрасывали кочу. Съ одной стороны, они сдали ее той части населенія (чедникамъ и пастухамъ), которая сохранила формы первичнаго образа жизни, а съ другой—приспособили ее для надобности своего осѣдлаго хозяйства, примѣнивъ кочу въ качествѣ сѣнного сарайчика или сарайчика съ хлѣвомъ. Очевидно, напримѣръ, что если первичная коча была шалашемъ, а вѣжа состояла изъ естественнаго углубленія почвы съ навѣсомъ или крышей, то жилища эти были по существу различны и носили поэтому и разные наименованія.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго жилья можетъ примѣрно быть объяснено развитіемъ жилищъ у нашихъ бурятовъ. Народность эта еще сравнительно недавно жила сплошь въ шалашахъ изъ жердей и звѣриныхъ шкуръ — бухэке. Со временъ (уже въ XVIII в.) шалашы развились въ распространенную теперь у нихъ форму жилища: бревенчатую шестигранной формы юрту, не скрывающую по внѣшности своего происхожденія изъ шалаша. Эта юрта въ значительно большей степени гарантируетъ тепло, чѣмъ бухэке, которое на зиму забрасывается для тепла снѣгомъ. Интересно дальнѣйшее развитіе бурятской юрты. Желая расширить жилое помѣщеніе и доставить себѣ большія удобства, состоятельный бурятъ приставляетъ къ задней части своей шестигранной юрты бревенчатый срубъ съ двускатной крышей. Заимствовавъ эту пристройку у русскихъ, онъ называетъ ее русскимъ именемъ—изба. Въ настоящее время у нашихъ бурятовъ можно наблюдать три главныя степени быта: часть ведетъ кочевой образъ жизни и живетъ въ бухэке, часть перешла къ полуосѣдлости, обитая описанными юрты, и наконецъ зажиточная часть сдѣлала еще шагъ впередъ, приставивъ къ юртѣ избу.

Не менѣе рельефно, чѣмъ у бурятовъ, выступаетъ исторія развитія жилища у финскихъ племенъ. Растянувшись отъ Балтійскаго моря до Иртыша и стоя на разнообразнѣйшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, финны хранятъ бога-

тѣйшій матеріалъ для изученія ихъ жилищъ въ постепенномъ ходѣ развитія. На основаніи его можно заключить, что первичнымъ жильемъ финновъ служилъ шалашъ: kota ¹⁾. Нѣкоторые подъ этимъ словомъ или подобными словами подразумеваютъ временное, лѣтнее жилище, другіе—кухню, иные—часть современнаго, усовершенствованнаго жилья. Подымаясь по лѣстницѣ культурнаго развитія, финны переходили къ землянкѣ ²⁾, въ основу которой легла яма. Сауна и теперь еще называется у нѣкоторыхъ финновъ и яма, и землянка, и баня. Лишь впоследствии, научившись дѣлать срубы, финны стали строить дома, первой ячеей которыхъ сдѣлалась пиртъ.

Подобный ходъ развитія могъ быть и у предковъ словинцевъ. Когда часть еще кочевала въ своихъ вочахъ ³⁾, а другая полуосѣла въ своихъ вѣжахъ, наиболѣе состоятельные и потому наиболѣе культурные могли расширить свои жилища. Расширеніе могло произойти и подъ вліяніемъ сосѣдей и въ силу личной изобрѣтательности. Жилище расширилось пристройкой къ вѣжѣ—хиши. Первичная хиша, какъ можно думать, была безъ печи. Ее дало другое зданіе, общее почти всѣмъ славянамъ—изба. Последняя у словинцевъ однако не вытѣснила хиши и не замѣнила ее, она ее лишь усовершенствовала. Поэтому то изба и хиша, два первоначально разныхъ понятія, сдѣлались у словинцевъ синонимами.

Процессъ развитія шелъ медленно, конечно, не одновременно у всего народа. Были очевидно періоды, когда часть еще кочевала, другая въ полуосѣленномъ состояніи обитала вѣжу, многіе болѣе прогрессировавшіе имѣли рядомъ съ вѣжей и хишу, но еще не отопленную, и наконецъ наиболѣе культурная часть населенія, примѣнивъ отопленіе, свойственное избѣ, усовершенствовала хишу, сдѣлавъ изъ нея избу. Наряду съ этими разными по культурному развитію слоями словинскаго населенія, въ горахъ вели свой особый образъ жизни остатки абортеновъ страны, вѣроятно илировъ, упорно державшихся старины, ютясь въ своихъ таморахъ.

¹⁾ Kota—тавастовъ и кареловъ, koda—эстовъ, kata—скандинавскихъ лопарей, kuvaksa—русскихъ лопарей, kud—черемисовъ и мокши, kudo—ерзя, koda и kuoda—ливовъ, kodі—вепсовъ, gid, kua и kva—вотяковъ, hot—остяковъ.

²⁾ О временномъ (зимю) пользованіи финнами землянокъ свидѣлствуютъ и преданія и историческія свидѣтельства, какъ, напримѣръ, арабскаго писателя X в. Ибнъ-Даста. (См. подробности относительно тюркскихъ, монгольскихъ и финскихъ племенъ: Ник. Харузинъ—«Очеркъ развитія жилища у финновъ», М. 1895 г. и «Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи», М. 1896 г.).

³⁾ Шалашъ, какъ обычное, хотя и временное жилище, встрѣчается еще въ Черногоріи подъ названіями: савардак—въ Дробнянахъ и бирог—у васосвичей. И то и другое конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой и содержащій очагъ. Наряду съ шалашемъ въ Черногоріи (въ Колошинѣ и у Никшича) сохранились первобытныя мазанки—землянки съ бревенчатымъ остовомъ и рѣшетчатыми стѣнами. Слово шалашъ въ формѣ салашъ извѣстно и сербскому языку, но въ иномъ, чѣмъ у насъ значеніи, а именно: въ смыслѣ сарая для плодовъ. Въ Черногоріи (въ Морачѣ и у васосвичей) салашъ означаетъ корзину для кукурузы, т. е. то же что въ остальныхъ мѣстностяхъ Черногоріи называется кош, кошар, въ Босніи—кош и кукурузникъ, въ Болгаріи—кошь, житница, амбаръ.

Первичная коча пра-словинцевъ могла быть, какъ сказано, шалашемъ; вѣжа—пещеркой, ямой съ навѣсомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, хиша—срубомъ. Впослѣдствіи каждая изъ нихъ развивалась подъ вліяніемъ появившихся со временемъ болѣе совершенныхъ формъ. Такъ куа (kva) вотяковъ, бывшая, по ихъ собственнымъ преданіямъ, нѣкогда ихъ единственнымъ жилищемъ и означающее и нынѣ еще шалашъ, представляетъ въ современныхъ формахъ срубъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ вѣжа, какъ можно думать, требовала, если не осѣдой жизни, то по крайней мѣрѣ частаго возвращенія въ одному мѣсту и длительного на немъ пребыванія. Измѣненный образъ жизни требуетъ и измѣненнаго жилья, а это послѣднее съ измѣнившимися формами выдвигаетъ и новое наименованіе. Старыя названія переносятся на тѣ постройки, временныя, или для специальныхъ цѣлей, которыя ни что иное, какъ первоначальное жилище. Однако, часто старыя названія вкореняются въ понятіе народа такъ глубоко, что онъ не отказывается совершенно отъ нихъ и при новыхъ постройкахъ, употребляя эти старыя наименованія въ обобщенномъ или отвлеченномъ значеніи жилья, дома, жилого строенія. Старыя названія живы и тогда, когда первичная постройка вошла въ составъ новаго жилища. Поэтому куча въ нѣкоторыхъ сербскихъ мѣстностяхъ ни что иное какъ кухня; такъ, у черемисовъ kud—кухонная часть избы; въ томъ же значеніи употреблялось у эстовъ еще въ 40-хъ годахъ XIX в. слово koda; у словинцевъ сѣни называются вѣжей, а домъ именуется кучей; буряты, пристроивъ въ своей юртѣ отмѣченный выше срубъ—избу, не перестаетъ называть юртой и измѣнившееся жилище; мало того, онъ и русскіе домъ и избу называетъ юртъ, понимая это слово въ общемъ значеніи дома, жилища.

Такимъ образомъ отмѣтить можно, что въ созиданіи дома словинца, таморъ какъ и станъ и байта не играли, повидимому, прямой роли; коча связывалась, повидимому, съ передвижнымъ, кочевымъ образомъ жизни; вѣжа дала, быть можетъ нѣкоторую устойчивость, прочность; хиша—осѣдность, а изба—извѣстный комфортъ. Дальнѣйшее развитіе послѣдняго стояло въ прямой связи съ появленіемъ клѣтки, перешедшей въ чумнату, а равно съ появленіемъ камры и схрамбы. Всѣ эти пристройки, развитіе которыхъ нами указано выше, имѣли и имѣютъ подчиненное значеніе. Существо жизни крестьянина разыгрывалось и продолжаетъ разыгрываться въ вѣжѣ и хипѣ-избѣ. Онѣ—средоточіе источниковъ существованія: огня и происходящаго отъ него тепла; въ нихъ именно выражается весь характеръ существованія; онѣ именно содержатъ очагъ, печь, обѣденный столъ, Распятіе; въ нихъ, въ частности въ хипѣ-избѣ, собирается семья, принимаются гости, происходятъ собесѣдованія. Въ вѣжѣ—источники жизни: огонь и пища, въ хипѣ—сама жизнь согрѣтыхъ печью и накормленныхъ за общимъ столомъ людей, ютящихся подъ сѣнью Распятія.

Ал. Харузинъ.

¹⁾ Куа—означаетъ на вотятскомъ языкѣ и жилье и храмъ (срав. вѣжа у словинцевъ, означающая равнымъ образомъ храмъ—veža božja).

Былинная поэзія на Печорѣ.

I.

Въ іюні 1901 года мнѣ удалось на Низовой Печорѣ въ селѣ Устьцыльмѣ записать семь былинъ. Былины эти были приняты для напечатанія въ «Извѣстія 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ» ¹⁾, а весной 1902 года Императорское Русское Географическое Общество и 2-е отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору, уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ. Такимъ временемъ бываетъ обыкновенно время отъ Пасхи до Петрова дня, собственно, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры, т. е. время распути, такъ какъ по вскрытіи Печоры часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончается это занятіе глубокой осенью, когда Печора встанетъ. Принимая все это во вниманіе и наученный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, когда я пріѣхалъ на Печору чуть не къ Петрову дню, и потому только и успѣлъ записать семь былинъ, а не 70, нынче я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было разсчитать время такъ, чтобы пріѣхать въ самый разъ—не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непременно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-раскольники, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Устьцыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздникоу пѣвшаго только по воскресеньямъ. Я разсчиталъ, какъ мнѣ пріѣхать на Печору къ самой Пасхѣ и, выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ въ Архангельскѣ, а 6-го уже выѣхалъ по самому послѣднему пути на лоша-

¹⁾ Томъ VII (1902) . . . стр. 277—355.

дяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагоприятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма и др.), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и по-синѣлъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Возможно быстрѣе подвигаясь все впередъ и впередъ, отдыхая на станціяхъ только при перепряжкѣ лошадей и за питьемъ чая, эти 800 верстъ я сдѣлалъ въ шесть дней и, сильно разбитый, 12 апрѣля пріѣхалъ на Печору въ Устьцыльму. Дорога разбила меня страшно, но пріѣхалъ я какъ разъ во время—лучше нечего было и желать. Три дня отдохнувъ съ дороги, со второго дня Пасхи я уже могъ приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не надо: въ Устьцыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Устьцыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти поистощились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля, выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижемѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала «перенѡва», и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совицахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижемѣ, по зимней дорогѣ было очень прельстительно: путь во всѣ деревни укорочался на половину, и вдвое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшими жилищемъ, гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинь, 26 апрѣля я пріѣхалъ обратно въ Устьцыльму, гдѣ и сталъ переживать распуту, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого «событія» на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю фizioномію, пришлось нынче очень долго. Высчитано, что Печора въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а нынче въ Устьцыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а по настоящему пошелъ ледъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. нижнихъ селеніяхъ Печора тронулась нынче 26—28 мая! Все время распуты я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Устьцыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные буруны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Устьцыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печорѣ не полагается. Въ отношеніи записи новыхъ былинь все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ Устьцыльмскіе старинщики были мной всѣ использованы. Все это время я записывалъ въ Устьцыльмѣ историческія и другія пѣсни и сказки, заполнялъ академическую программу говоровъ, знакомился съ архивомъ Устьцыльмскаго собора, знакомился съ старинными рукописями въ частныхъ рукахъ и частью пріобрѣталъ ихъ. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Устьцыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—

дня моего выезда съ Печоры обратно—провелъ въ разъздахъ то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадахъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ. За это время я проѣхалъ Устьцыльмскую и Пустозерскую волости, съѣздивъ въ Ижемско-зырянскій край, селенія котораго разбросаны по р.р. Ижмѣ и Печорѣ, отъ впаденія въ нее Ижмы вплоть до границъ Вологодской губерніи, а также побывалъ въ оседломъ самоѣдскомъ селеніи—Колва, которое стоитъ на р. Колвѣ-же, впадающей въ р. Усу, главный притокъ Печоры. Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обследовать только село Устьцыльму и селенія по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, уже многихъ изъ хорошихъ сказателей я не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся о гремящемъ по всей Печорѣ старинникѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я съѣздить на рыбную тоню и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагоприятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше—нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валить чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Во всему этому нужно прибавить, что человекъ 20—30 рыболововъ толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлаютъ работу въ концѣ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморекъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ дѣло еще можно было вести до Петрова дня. Этотъ праздникъ—последній день, въ который печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на поляхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ, и въ лѣсныхъ рощистяхъ, начинается большими массами идти вверхъ по рѣкѣ семга, болѣе или менѣе богатая добыча которой означаетъ болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Устьцыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы ото льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты или ловлей семги или отправляются въ губу за рыбной и звѣриной ловлей. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ. И вотъ, съѣздивъ послѣ Петрова дня къ ижемцамъ-зырянамъ и къ оседлымъ самоѣдамъ, 4-го іюля я выѣхалъ изъ Устьцыльмы Тайболой-же обратно. Конечно, морскимъ путемъ—изъ Буи на Архангельскъ—было-бы ѣхать гораздо удобнѣе и скорѣе, но первая половина лѣта была нынче такъ холодна на Печорѣ, и все время стоялъ такой «сѣверъ», что никакой надежды не было, что морской пароходъ придетъ въ Бую 15 іюля—по росписанію. Проѣхавъ Тайболу и доѣхавъ берегомъ Мезени до села Ниссагоръ, я не свернулъ на городъ Пинегу, куда идетъ трактъ на Архангельскъ, а поѣхалъ на городъ Мезень, такъ какъ слышалъ, что могу тамъ застать морской пароходъ на Архангельскъ. Этимъ я, во первыхъ, избавился отъ необходимости сдѣлать лишнихъ верстъ 300 на лошадахъ, а во 2-хъ и глав-

ное, надѣялся найти въ селеніяхъ по р. Мезени немало старинныхъ рукописей, въ чемъ и не ошибся: $\frac{3}{4}$ приобретенныхъ мною рукописей куплены въ селеніяхъ по р. Мезени.

Чтобы покончить общій обзоръ моей поѣздки на Печору, послѣ котораго я попытаюсь сдѣлать болѣе подробный очеркъ былиннаго эпоса на Печорѣ, я долженъ еще привести цифры записанныхъ мною былинъ и пр. Всего былинъ по содержанію записано мною нынче 46, а съ вариантами (считая былинны не полныя и отрывки) 82. Если причислить сюда записи прошлаго лѣта, то получимъ цифру всѣхъ былинъ по содержанію сохранившихся доселѣ на Печорѣ. Цифра эта будетъ равна 50 ³⁾. Вариантовъ съ прошлогдними записано мной 89. Духовныхъ стиховъ—по содержанію 9, а съ вариантами—15. Историческихъ, разбойничьихъ, горочныхъ и обрядовыхъ пѣсень записано мною 44, сказокъ—50.

Для будущихъ экскурсантовъ на Печору можетъ быть небезынтересны будутъ цифры сдѣланныхъ мною во время нынѣшней поѣздки верстъ; на Печорѣ сдѣлано мною всего 1825 верстъ, изъ нихъ на пароходѣ 1400, на лодкѣ 117 верстъ, на лошадахъ 284 версты, пѣшкомъ 24 версты. Такъ какъ путь на ошадяхъ и въ лодкѣ—путь самый утомительный и орогой, то я приведу цифры верстъ, сдѣланныхъ мною указанными способами передвиженія всего, между Петербургомъ и Печорой и на Печорѣ: на лошадахъ всего сдѣлано мною 1600 верстъ, въ лодкѣ 125 верстъ, остальное количество изъ 5000 слишкомъ верстъ падаетъ на пароходы и желѣзныя дороги.

II.

Ставя записываніе текста былинъ главной цѣлью поѣздки на Печору, я рѣшилъ выяснитъ: 1) Какія былины на Печорѣ сохранились и 2) въ какомъ видѣ онѣ сохранились. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая мало-

³⁾ Свитогоръ. Вольга Всеславьевичъ. Первая поѣздка Ильи Муромца. Бой Ильи М съ сыномъ (Застава Богатырская). Илья М. и голи. Илья, голи и Угарище. Илья М. въ опалѣ. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни. Бой Добрыни съ Маринкой. Добрыня и Змѣя. Бой Добрыни и Дуная. Олеша Поповичъ, Екимъ и Тугарикъ. Олеша и сестра двухъ братьевъ Долгополыхъ. «Маево» побовище. Дунай Ивановичъ. Иванъ Гостимовичъ. Иванъ Горденовичъ. Потапъ Артемоновичъ (онъ-же Ивановичъ) 12-ти лѣтъ. Чурило Пленковичъ. Дюкъ Степановичъ. Ставеръ-бояринъ. Данилко Старонильевичъ. Василій Казимировичъ. Василій Игнатьевичъ. Соловей Будимировичъ. Потыкъ. Идолъ Жидойловичъ и племянница Влади міра. Васька Окуловъ и Солѣманъ. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. Василій Буслаевъ въ Іерусалимѣ ѣдетъ. Садкѣ. Фатенко Влудовичъ. Димитрій Вранской. Михаило Казаринецъ. Михаило Карамышевъ. Скопинъ. Вутманъ Колыбановичъ. Иванъ Грозный и сынъ Ѳеодоръ Лука Даниловичъ. Данилко Денисьевичъ. Князь Долгоруковъ и ключникъ. Егорей, мать и жена. Смерть Александра І-го. Кострюкъ. Горс. Отрывокъ неизвѣстной былины. Васька Захаровъ. Небылица І-я, II-я и III-я.

извѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода, и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ покоящихся по сборникамъ былинахъ, а вѣдь и самые незначительные намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ, что такъ блестяще доказалъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василиѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же былины въ сборникахъ Гильфердинга, не говоря уже о классическомъ Киришѣ. Но если припятъ во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кириши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайней мѣрѣ, полтора-два столѣтія, а отъ времени, когда записывалъ А. О. Гильфердингъ все-таки 30, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У приема записывать старины все впередъ и впередъ были, конечно, и свои недостатки: записывая старины все впередъ по содержанію, мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, впоследствии, когда большая часть бытового обихода Низовой Печоры была уже записана, при дальнѣйшихъ встрѣчахъ, иногда у лучшихъ старинщиковъ, мнѣ пришлось записывать только-то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Всѣ старины записывались мною непременно съ голоса, и исключенія я сдѣлалъ только для «Свитогора», спѣтъ котораго никто изъ встрѣчавшихся мнѣ старинщиковъ не могъ, и еще трехъ отрывковъ старинъ, записанныхъ мною отъ пустозерскаго волостного старшины, который, послѣ долгихъ упрашиваній согласившись разсказать, что знаетъ, рѣшительно отказался пѣтъ мнѣ старины.

Первую изъ поставленныхъ мною себѣ задачъ: какія старины существуютъ на Печорѣ, мнѣ сдается я выполнилъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 32 лица, отъ которыхъ я записывалъ старины, безъ сомнѣнія, знаютъ всѣ старины на Печорѣ, хотя-бы по наслышкѣ. Вторую задачу: въ какомъ видѣ старины сохранились, я едва-ли рѣшилъ удовлетворительно, такъ какъ, повторяю, мнѣ не всѣ старины пришлось записывать въ лучшемъ видѣ, отъ лучшихъ старинщиковъ-сказителей.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ - ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцылемская и Пустозерская; самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былинъ со-

всѣмъ не знаютъ ³⁾), зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значить старина или былины. Совсѣмъ не записывая старинъ у зырянъ, я все-же скажу по поводу ихъ два три слова.

Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ ижемцы старины знаютъ. Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго «пѣсни про богатырей»: Илью Муромца и др. Но видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомина въ 1890 году удалось записать «среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинь, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ». Это заставило г. Истомина предположить, что «былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—устыцyleмовъ». Но когда поиски г. Истомина былинь у устыцyleмовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, «откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ» ⁴⁾.

Теперь дѣйствительно можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряно-ижемцы заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи, и въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что всѣ пѣсни зыряно-ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей русскихъ, т. е. устыцyleмовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слышалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ устыцyleмовъ—громаднѣйшая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни центральныхъ губерній Россіи («Ахъ вы сѣни», «И вечеръ молодая», «Снѣжки бѣлы и пушисты»), поющіеся здѣсь такими-же напѣвами, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: «Хазь-Булатъ удалой», «Гляди на лучъ румянаго заката», «По синимъ волнамъ океана», самоновѣйшая знаменитая «Разлука» и др. «Ваньку Ключника» ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами; въ Устыцyleмской волости про «ключничка» поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Дол-

³⁾ Академикъ Озерцовскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»:... «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдвопцѣ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки рассказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа: Увеселительныя пѣсни (хынопцѣ) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». «Путешествія акад. Ивана Лепехина», т. VI, стр. 204. Знающие по самоѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ устыцyleма А. Чупрова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда. Не зная самоѣдскаго языка я, конечно, и не приступалъ къ самоѣдамъ. Н. О.

⁴⁾ «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

горукова, а дѣйствіе приурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсень ижемцами отъ устьцылемовъ не могли быть обильны, если они и были—за это-же говорить и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максиму въ 1856 году такъ рассказывалъ объ этомъ одинъ устьцылемъ: «Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, изъ старины во враждѣ и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ»...⁵⁾). Едва-ли такая «до смертоноснаго побитія» исконная вражда служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины Ижемцы. Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вытегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму, а потомъ на Печору былины. Затѣмъ ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины въ любомъ мѣстѣ при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи Ижемской церкви написано: «По устнымъ преданіямъ старожиловъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфриевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Готовой-слободѣ два-три семейства. Эти послѣдніе были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ—Ижемско-Зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ». Церковный лѣтописецъ (священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ поселщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерцовскій въ 1772 году: «Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія російскія семьи, вышедшія изъ устьцылемской слободки»⁶⁾. «Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски». Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго⁷⁾. Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: «Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Готовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему прѣхали изъ Устьцылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколеніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы». Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто

⁵⁾ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

⁶⁾ «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году» часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 148.

⁷⁾ «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

реальную почву: 1) Зыряне-ижемцы разительно отличаются от зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ блѣдны съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ—устыцyleмцевъ. 2) Языкъ зырянъ вообще изобилуетъ руссизмами, вслѣдствіе бѣдности его, языкъ же ижемцевъ почти на половину состоитъ изъ русскихъ или извращенныхъ русскихъ словъ и по своимъ формамъ такъ рѣзко отличается отъ языка зырянъ вологодскихъ, что ижемецъ и зырянинъ съ Вычегоды плохо понимаютъ другъ друга. Съ другой стороны, ижемское нарѣчіе такъ приближается къ русскому, что, не зная совершенно языка ижемцевъ, но начиная вслушиваться въ него, всегда можно уловить, по крайней мѣрѣ, тему разговора. Вотъ не предки ли русскихъ засельщиковъ Ижины, выходящія изъ Устьцыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разъѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться нѣтъ былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣстахъ. Въ третьихъ въ Ижму, въ свою очередь всегда прѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерецковскій такъ говоритъ объ этомъ: «Для покупки мягкой рухляди прѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди»⁸⁾.

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцылемская и Пустозерская располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Устьцылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ и Нерицѣ, а Пустозерская—по одному селенію на рѣчкѣ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуи). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; само собой разумѣется, что объѣхать всѣ селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы чрезвычайно трудно въ два мѣсяца, да и въ этомъ я не видѣлъ никакой необходимости для моей дѣлы: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ. Посѣщеніе каждаго селенія, можетъ быть необходимое бы для изысканій другого рода, довольно легко можно сдѣлать только зимой «по дорогѣ», какъ здѣсь называютъ зимній санный путь. Зимой посѣщеніе каждаго селенія было-бы вполне возможно, не трудно и не дорого, лѣтомъ-же по отношенію къ нѣкоторымъ селеніямъ это прямо-таки невозможно⁹⁾.

⁸⁾ «Пут. ак. Ив. Лепехина». Т. IV, стр. 284.

⁹⁾ Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго раскольниковскаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г. хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора—въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Устьцыльмы. Ъзда туда лѣтомъ въ лодкахъ, на шестикахъ, верстъ 200, по совершенно не заселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ—возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, прѣзжаютъ разъ въ годъ въ Устьцыльму за хлѣбомъ, во время прѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ тележныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Шылецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздятъ исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Занеся на Печору нѣкоторые названія хозяйственныхъ предметовъ, печорцы постепенно, не примѣняя, извратили ихъ: кореткой, напр., зовутъ маленькія крашенныя зимнія санки, телегой зовутъ таратайку-двухколеску и пр. и пр. На Печорѣ завелись теперь пароходы, и есть даже почтово-пассажирское пароходство, такъ что изъ конца въ конецъ или между главными селеніями можно проѣхать скоро, легко и удобно. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней—во первыхъ, во вторыхъ, переездки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, но все-таки, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ—бичевой, если нѣтъ попутнаго вѣтра. Но не бѣда-бы еще, если-бы всегда Печора была доступна для ѣзды по ней въ лодкахъ: какъ только поднимется сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики нигде не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также нигде не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ѣхать въ вѣтеръ нельзя—все равно «прижметъ» къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше. Вотъ почему, еще по зимнему пути посѣтивъ всѣ почти селенія Пижмы, я не могъ того-же сдѣлать на р. Цылымѣ, Нерицѣ и не могъ объѣхать всѣхъ селеній по Печорѣ. Да въ этомъ, повторяю, и не было нужды: старинниковъ по имени знаютъ въ каждомъ селеніи, знаютъ даже приблизительно, какія старины кто поетъ, и такой списокъ на основаніи разсказовъ мной составленъ.

Въ Пустозерской и Устьцылемской волостяхъ старины записывались мною въ 17 различныхъ селеніяхъ отъ 32 различныхъ сказателей. Такъ какъ я считаю нужнымъ строго различать старины обѣихъ волостей—почему, скажу подробно ниже,—то здѣсь приведу въ отдѣльности и цифры по волостямъ. Изъ

согласится везти къ себѣ посторонняго человека, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Дер. Омелиной очень заинтересованъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцылымѣ, и все-таки въ цѣлыя шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ еще ни разу.

И. О.

17 селеній, въ которыхъ записывались старины, 11 селеній, съ 23 пѣвцами падаютъ на долю Устьцылемской волости ¹⁰⁾ и 6 селеній съ 9-ю пѣвцами приходится на долю Пустозерской волости ¹¹⁾. Изъ всѣхъ 32 пѣвшихъ мнѣ старины лицъ было 10 женщинъ и 23 мужчины. Почти всѣ старинщики и старинщицы—старики, свыше 60 лѣтъ, и только одинъ мужчина и одна женщина—въ возрастѣ 40—45 лѣтъ. Изъ 10 женщинъ грамотная одна, изъ 23 мужчинъ грамотныхъ—два. Одна женщина и 4 мужчины—слѣпцы. Составленный мною списокъ старинщиковъ и старинщицъ въ обѣихъ волостяхъ не пѣвшихъ мнѣ по разнымъ причинамъ, состоитъ изъ 38 лицъ, проживающихъ въ 24 различныхъ селеніяхъ ¹²⁾.

¹⁰⁾ Селевія Устьцылемской волости суть: 1) Устьцыльма, въ ней старинщики: Петръ Родіоновичъ Поздѣвъ, Иванъ Петровичъ Поздѣвъ, Аксиныя Поздѣва, Димитрій Карповичъ Дуркинъ, Игнатій Михайловичъ Дуркинъ, Григорій Ивановичъ Чупровъ, Алексѣй Носовъ, Иванъ Рочевъ, Екатерина Торопова, Алексѣй Васильевичъ Чупровъ. 2) Рошвинскій ручей: Игнатій Васильевичъ Тороповъ. 3) дер. Уеть: Анисимъ Ѳедоровичъ Вокуевъ. 4) дер. Верхнее Бугаево: Василій Шишоловъ. 5) село Среднее Бугаево: Анна Шишолова. 6) Нижн. Бугаево: Иванъ Кисляковъ. По рѣкѣ Пижмѣ. 7) дер. Боровая: Анна Осташева. 8) дер. Аврамовская: Василій Авр. Чупровъ. 9) село Замезное: Тарасъ, Анна Поздѣва, Устинья Чупрова, Анкудинъ Осташовъ. 10) дер. Чуркина: Ѳедосія Емельяновна Чуркина. 11) дер. Замогилины: Афанасій Васильевичъ Кирилловъ.

Н. О.

¹¹⁾ 1) Село Великая Виска: Алексѣй Васильевичъ Дитятевъ, Николай Шальковъ, Степанъ Везумовъ, Парасковья Дитятева. 2) дер. Цылемецъ: Степанъ Ѳедоровичъ Хабаровъ. 3) дер. Вѣдовая: Павелъ Марковъ. 4) дер. Устье: Маремьяна Филиппева, 5) село Куя: Парасковья Шевелева и 6) дер. Нарыга: Василій Никоновъ.

Н. О.

¹²⁾ Конечно, и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ я былъ лично, не всѣ старинщики были использованы мною, отчасти потому, что я не засталъ ихъ дома, отчасти по другимъ разнымъ причинамъ.

Привожу здѣсь списокъ селеній и лицъ: Въ селѣ Устьцыльмѣ знаютъ старины, но не спрошены мною—Никита Алексѣевичъ Рочевъ (знаетъ Сокольника, Васку Окулова) и Семенъ Родіоновичъ Поздѣвъ (знаетъ Данилка Староильева и Данила сына Борисова). Въ дер. Алексаевой: Перфиль. Въ селѣ Замезномъ: Афанасій Максимовъ; въ дер. Аврамовской: Иванъ Петровъ Поздѣвъ; въ дер. Боровской: Тимофей Семеновъ и Парасковья Прововна Чупрова (Соловей Будимировичъ). Всѣ эти селенія на р. Пижмѣ, гдѣ так. обр. нѣтъ деревни, кромѣ трехъ верхнихъ, гдѣ не знали-бы старинъ.

Въ селеніяхъ на р. Цыльмѣ старины знаютъ, но мнѣ не удалось ни побывать тамъ, ни записать имена старинщиковъ.

Въ селеніяхъ на р. Нерицѣ населеніе полурусское, полузырянское, старины знаютъ тамъ мало, хотя мнѣ указывали на начетчика Марка, въ дер. Большой Нерицѣ, знающаго старины. Несомнѣнно одно: на Цыльмѣ, и особенно на Нерицѣ старины знаютъ несравненно меньше, чѣмъ на Пижмѣ.

Затѣмъ пойдуъ селенія по Печорѣ въ Устьцылемской волости: въ дер. Полушиной старины поютъ. Въ дер. Щелиной живутъ старинщики Гаврилъ Филипповичъ Кисляковъ; въ Верх. Бугаевѣ: Ѳедоръ Алексѣевичъ Кычинъ, родомъ съ Мезени; въ дер. Росвинской: Григорій и Яковъ Макаровичи Кисляковы; въ дер. Ховриной: Корнилъ Афанасьевичъ; въ дер. Климовкѣ: Иванъ Ивановичъ Горенка и Василій Ефимовичъ Чупровъ; въ дер. Аврамовской: Афанасій Калиновичъ Дуркинъ; въ дер. Чурвинской: Семенъ Степановичъ Овчинниковъ; выселокъ Крестовскій: Родіонъ Авдѣевъ Поташевъ, родомъ съ Пижмы. Такимъ образомъ въ Устьцылемской волости мнѣ указали 18 человекъ, поющихъ старины, которыхъ я не видалъ.

III.

Записи былины нынѣшняго лѣта я считаю нужнымъ строго раздѣлить на 1) старины Устьцылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того на старины Пижемскія и Печорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Между Устьцылемской и Пустозерской волостями есть разница не только въ говорѣ (хотя обѣ волости твердо окаютъ, цѣкаютъ, не знаютъ мягкаго : [h]), что сейчасъ-же видно при сравненіи старинъ той и другой волости, но разница есть и въ содержаніи старинъ: одніѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространенѣйшимъ, напр. Женитьбѣ Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Устьцылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Устьцылемской волости былины Пустозерской: Вольгу, Потапа Артемоновича, Идолица и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про шуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не поютъ былины Устьцылемскихъ: про Давила Староильевича, Дмитрія Бранского, Бугмана Колыбановича, Луку Даниловича, Князя Долгорукаго. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполне понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Что касается Пустозерской волости, то въ ней указаніи мнѣ были сдѣланы на слѣдующія лица: въ дер. Бѣдовой: Афанасій Сидоровичъ Марковъ; Андрей Савичъ Богдановъ; въ дер. Сопкѣ: Николай Васильевичъ Марковъ; въ дер. Лабазской: Василій Михайловичъ Тарабарѣвъ; въ с. Великой Вискѣ: Иванъ Ивановичъ Дятятевъ; въ дер. Устьѣ: Авдотья Андреевна и старуха Маремьяна; въ дер. Голубковой: Терентій Григорьевичъ Марковъ; въ селѣ Оксинѣ: Ѳедоръ Алексѣевичъ Сумароковъ; въ селѣ Тельвискѣ Ѳедоръ Ивановичъ Банинъ; въ селѣ Куѣ: Евлампій Гавриловичъ Логиновъ, Егоръ Васильевичъ Тарасовъ и Аксинья Степановна Шевелева; знаетъ старины: Дюкъ, Кострюкъ, Святогоръ, ссору Ильи и Владиміра, Ставеръ, бой Добрыни и Дунья, Добрыня и змѣя, Добрыня и Маринка, Скопинъ, Садко, Потыкъ, Васька Буслаевъ, Васька Игнатѣвъ, Васька Турецкій, Василій Казимировъ, сорокъ Калинъ, Илья и Голи, Илья и соловей, Мученія Егорія, Егорій и Александра, голубиная книга. Аксинѣ всего 21 годъ, говорятъ, это замѣчательная пѣвица. Списокъ старинъ, которыя она знаетъ, полученъ мною отъ матери ея «Пойловчанки», скверно спѣвшей мнѣ одну старину. У Аксиньи, по словамъ-же матери, знаетъ старины и братъ, а ея сынъ Яковъ 13 лѣтъ! Особенно славятся знаніемъ старинъ въ Пустозерской волости лежащія въ сторонѣ деревни: Большая и Малая Нарыга; въ первой мнѣ указали на: Степана Васильевича Корепанова, Егора Ивановича Корепанова, Василя Ѳедоровича Корепанова и Никифора Васильевича Макарова; въ дер. Малой Нарыгѣ: Артамона Семенова Корепанова и Прокопія Семенова Корепанова. Такимъ образомъ въ Пустозерской волости кромѣ спрошенныхъ мною знаютъ старины еще 19 человекъ, а въ той и другой волостяхъ 37 человекъ. И можно навѣрное сказать, что не всѣ старинщики еще попали въ составленный мною списокъ.

Первый засельникъ Устьцyleмской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Устьцyleмъ въ 1542 г. ¹³). Къ первымъ засельникамъ мало по малу стали приходить пришельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшіе вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Важно для насъ то, что все населеніе слободы было, повидимому, изъ представителей чистой «земли», т. е. земледѣльческаго сословія,—крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій военный острогъ. «Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ» ¹⁴). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: «здѣсь имѣли мѣстопребываніе воеводы» ¹⁵).

Затѣмъ, «городокъ (Пустозерскъ) со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, павшимъ подъ царскую опалу» ¹⁶). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ безвѣстныхъ въ исторіи, бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семень Щербатовъ. Эти опальные лица прѣзжали сюда не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человекъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ суровомъ краю первыя русскіе посельники. И всѣ бы они, первыя засельники, безусловно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянками ¹⁷), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа послѣ чего они и окрѣпли, стали плодиться и расселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ родственныя кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и устьцyleмовъ по одному рядовому

¹³) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

¹⁴) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. П. Семенова.

¹⁵) П. П. Семеновъ. Геогр. словарь.

¹⁶) С. Максимовъ: «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

¹⁷) До сихъ поръ указываютъ на кр-нѣ Дитятевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшихъ отъ чуди.

и сразу-же бросится въ глаза большая разница; устьцылемъ вообще выше среднего роста, строенъ, силенъ, блѣлокуръ, непремѣнно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозеръ всегда ниже среднего или низкаго росту, черноволосъ, смуглъ, глаза непремѣнно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ не глубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозеръ говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умѣ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ «земля» одной волости и «служилое сословіе» другой не могли не отразиться въ былинахъ обѣихъ волостей. Устьцылемъ поетъ старину увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но потомокъ новгородцевъ—онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозеръ. Онъ твердо знаетъ, что значить царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозеръ не запутается и въ хронологіи: не споетъ, напр., что, положимъ, Кострюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былинной онъ расскажетъ преданіе и послѣ еще что нибудь дополнитъ и объяснитъ. Его очень интересуеетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ едва ли пользуется его сочувствіемъ. Устьцылемъ—раскольникъ, весь ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые рассказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто это было всего лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеро́въ—московскіе служилые люди, смѣшавшіеся впоследствии съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой Павелъ Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры — новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа нѣтъ данныхъ; противорѣчитъ ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости—пустозерами что значить, что всѣ они вышли когда то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители устьцылемской волости называются—устьцылемами, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки устьцылемовъ. Но Павелъ Марковъ не придумалъ мнѣ легенду. Она записана Озерцковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходятъ отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». («Путешеств. акад. И. Лепехина» Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеро́въ говоритъ и В. Н. Латкинъ въ своемъ «Дневникѣ путешествія по Печорѣ: «заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодыности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго» (стр. 59)... «У пустозеро́въ передается преданіе, что они потомки выходцовъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычай и домашній бытъ

Выше я говорилъ, что старины Устьцылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижемѣ и на старины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ напѣвахъ, во вторыхъ—немного въ говорѣ. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными устьцылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами—громадна. Дѣло въ томъ, что на Пижемѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ ¹⁹⁾ существовалъ раскольникій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія раскольники, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которыя въ скиту свершались благолѣпно. Теперь даже, 58 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогилиникъ, образовавшіяся на мѣстѣ упраздненнаго скита, извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе раскольникіи пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогилиникѣ и Скитской;—лучшіе чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ пѣвцы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей Пижемѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго раскола (на ста верстахъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ—исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а другой ѣздитъ съ требами въ предѣлы Вологодской губерніи), то пижемскія дѣвницы слывятся лучшими пѣвцами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Устьцыльму и являются на горкѣ, устьцылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни.

Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые,—былины, которыхъ пижемцы знаютъ больше, чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ, и почти въ каждой деревнѣ.

Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными устьцылемами и припечорцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не

рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ Устьцылемцевъ и Ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ г. Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры-новгородцы, такъ какъ уже въ всякихъ сомнѣній, что Устьцылемцы-то именно и есть новгородцы и если они рѣзко отличаются по типу другъ отъ друга, то... Нельзя также никакъ сблизать Устьцылемцевъ и Ижемцевъ, такъ какъ послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и безъ сильной струи русской крови.

Н. О.

¹⁹⁾ Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ по возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. «Живая Старина» 1901 г. вып. II—4 Н. Ончукова: «О расколѣ на низовой Печорѣ». стр. 441.

больше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цѣканья, она больше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита—Пижда не мало приносить въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Устьцылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащія волости не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ—когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особенныя причины. Во первыхъ, обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ—стали почти прикасаться другъ къ другу селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга ²⁰⁾, а такъ какъ сотни двѣ версты разстоянія приходилось по такой большой и неспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и устьцылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему... «И теперь дѣло съ пустозерами не можемъ рѣшить: загребли Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло!..» ²¹⁾. О томъ-же говорить и г. Истоминъ... «граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Устьцылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодьи и устьцылемы и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки» ²²⁾. Мнѣ лично самый старый въ Устьцыльмѣ человекъ Лазарь долго и много рассказывалъ нынче, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопотать передъ пріѣхавшимъ на Печору «землемѣромъ» о выгодахъ своего общества. Устьцылемы дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждаго домохозяина и вручили ихъ Лазарю на взятки «землемѣру». Но пустозеры были богаче устьцылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился «съ супругой землемѣра» и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и

²⁰⁾ Озерцовскій въ 1772 г. говоритъ: «Домовъ въ самой Устьцыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней четырехъ деревняхъ—20». «Путешествіе академика Ивана Лепехина». Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Устьцыльмы, никакъ не больше 20 версты, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Устьцылемской волости 200 версты.

Н. О.

²¹⁾ «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 36—37.

²²⁾ О. М. Истоминъ. «Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край» стр. 17.

дѣло выиграли устьцылемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще устьцылемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ семгу пустозеры и устьцылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Теперь можно затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведеніемъ профессиональных пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но, конечно, въ высшей степени трудно даже и предположить, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятые отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Выше было уже говорено, что Пустозерскъ издавна служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатымъ, иногда даже временщикамъ, и что они жили на Печорѣ не безъ своихъ людей. Что же удивительнаго, что изъ 30 человѣкъ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знатоковъ старинъ. Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собою побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ суровой «странѣ льда и ночи». То же можно сказать и про Голицына и про Щербатова и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговля сношенія съ Пустозерскомъ. Озерецковскій говоритъ въ 1772 году: «Для покупки мягкой рухляди бывають въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они прѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ» ²³). Такимъ образомъ по два мѣсяца жилали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы, и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. В. Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что «по сохранившемуся списку съ указа даннаго Пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняпе, Устюжане и Пинежане промыслять моржей и окуль» ²⁴)... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ Пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами Пустозеры прежде «производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби ²⁵). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

²³) «Путешествіе академика Ивана Лепехина». Т. IV, стр. 277.

²⁴) «Дневникъ Путеш. по Печорѣ», стр. 37, ч. II.

²⁵) Тамъ же, стр. 58.

Вогъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если устьцылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Н. Озерецковскій на свой вопросъ: «пріѣзжаютъ-ли въ Устьцыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣстъ?» отвѣчаетъ: «Въ Устьцыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскъ» ²⁶⁾. Но тогда почему устьцылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ. Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что неоправившійся, напр., «Кострюкъ» устьцылемами и не запоминался. Но вѣроятно все же, что устьцылемы, заимствовали свои старины не этими путями. Дѣло въ томъ, что устьцылемы кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи, гдѣ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую устьцылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-раскольники, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести старины на Печору. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Устьцылемскую волость: Великопоженскій скитъ, какъ одинъ изъ столповъ древняго благочестія, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни не переставая, сносился съ другими центрами раскола. Особенно часты и обильны были сношенія Пижмы съ знаменитыми Выгорецкими скитами ²⁷⁾, находящимися въ Олонецкой губерніи, которую В. Θ. Миллеръ не даромъ называлъ «Исландіей русскаго эпоса».

Выше было сказано о слѣдахъ профессиональных пѣвцовъ въ печерскихъ старинахъ. Ихъ очень не много. Старинщикъ изъ Устьцыльмы Петръ Поздѣвъ три изъ 11-ти спѣтыхъ имъ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросилъ тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкомъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишеніе,
Кабы всѣмъ намъ молодцамъ на послуханье,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

²⁶⁾ Тамъ-же стр. 281.

²⁷⁾ Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: «Симеона Діонисіевича» (Денисова) и «Петра Прокопьевича»; нашелъ списки посланія вѣтѣватога поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и видѣлъ одинъ пѣвческій октоихъ замѣчательной работы, съ раздѣланнымъ красками и золотомъ первымъ листомъ.

Если все вышеприведенное и. б. показывает на приемъ кончать такъ подходящія старины профессиональными пѣвцами,—такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ объ концѣ старины,—то послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полушутливо желающія себѣ долгой жизни. Иначе не понятно—почему только однимъ старухамъ слѣдуетъ это пожеланіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ «братцами», что вѣроятно слѣдъ уже чисто мѣстный.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій, съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессиональных пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ—тамъ всѣ равны. Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность ото всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ всего бая жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца 17-го вѣка. Въ области религиозной пылкость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквѣ св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религиозной области въ сторону рационализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ²⁸⁾. Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, въ пѣніи Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формамъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, невольно приспособляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая.

Конечно, печорецъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не задается вопросомъ—правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ то же, что для насъ газеты, также доставляющія всю суть необыкновеннаго и важнаго, совершающагося въ мирѣ. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ рассказываютъ старины, старины, конечно, потеряли-бы всякій интересъ и, конечно, давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вни-

²⁸⁾ Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штундисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, а они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ раскольникъ рассказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія. Н. О.

маніємъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіеся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя; опять приходится сравнить съ газетами, жадно прочитываемыми по утрамъ нами. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь—міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой хозяйничаетъ домовая, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишкѣ, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гвѣдога тура.

Въ Страстной Четвергъ печорцы гоняютъ плетью и палками верхомъ на лошадяхъ шишковъ, которые въ послѣднее время совсѣмъ въявь начинаютъ дѣйствовать передъ всѣми: кто-же, какъ не шишкó, сидитъ подъ палубой парохода, двигаетъ рычагами стальной машины и заставляетъ пароходъ шти вверхъ по Печорѣ, да еще тащить за собой десятокъ баржъ съ грузомъ? Кто, какъ не шишкó, со екоростью вѣтра переноситъ вѣсти по телеграфу или, наконецъ, кто-же иной еще запрятанъ въ маленькій ящикъ и выкрикиваетъ и завываетъ разными несуразицы въ мѣдную трубу, съ шипомъ и свистомъ. Міръ, окружающій печорца, теперь нисколько не менѣе чудесенъ, чѣмъ прежде, міръ былинный. И то, что на первый взглядъ казалось-бы чудомъ, совсѣмъ и не чудо. Напр., кажется невозможно узнать, что уготовано человѣку на томъ свѣтѣ. Но при знаніи и это возможно узнать и совсѣмъ ужъ не такъ трудно. Упорно говорили нынче при мнѣ слѣдующее: у мѣстнаго богача умеръ единственный сынъ. Родители страшно его жалѣли, много плакали, молились, подавали милостыни, заказывали сорокоусты и пр. И вотъ, чтобы узнать, угодили-ли ихъ молитвы Богу, и уготовано-ли мѣсто ихъ сыну, черезъ 40 дней раскопали могилу и смотрѣли: тѣло все еще не побѣлѣло, значитъ молитвъ, и милостыни было мало. И стали снова упорно молиться. Что-же удивительнаго, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Печора совершенно не утратила вкуса ко всѣмъ произведеніямъ старой поэзіи и письменности, а новой, пожалуй, она и не пойметъ. Какъ, видя телеграфные столбы, поставленные въ послѣднее время по Печорѣ, между Устьцыльмой и Архангельскомъ, и слыша о порожжающей умъ печорца быстротѣ передаваемыхъ извѣстій, раскольникъ попрежнему объясняетъ это нечѣмъ инымъ какъ дѣйствіемъ шишка (чорта), съ быстротой молніи переносящаго извѣстія по дырачкамъ внутри соединяющихъ телеграфные столбы проволокъ, такъ точно отъѣзжая на пашню раскольникъ по прежнему беретъ съ собой прологъ, повѣсть о новгородцѣ Щилѣ, «повѣсть объ іереев содѣявшемъ тяжкій грѣхъ съ дѣвицею, бѣжавшемъ въ Казань и поступившемъ въ татарскую вѣру». Такой литературой печорецъ совершенно удовлетворяетъ свою пытливость и свои духовные запросы. По этому же самому печорецъ до сихъ поръ поетъ и былины, благо для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это—большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или какъ отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ.

Этот досуг на работѣ невольно является, напр., у устьцылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ устьцылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше сплываются на особыхъ мѣстахъ Печоры, «тоняхъ», гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, слѣдующей очереди долженъ ждать, когда закинуть остальные слѣдующіе за нимъ 49 человекъ. Такимъ образомъ получается большой промежутокъ совершенно свободного времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тони народу. Вотъ въ это то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни устьцылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное, часто сопровождающееся ссорами, дразгами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тони, и гдѣ, слѣдовательно, ловить немного народу, иногда такъ немного, что свободного времени чуть чуть хватаетъ на отдыхъ.— Совершенно другой характеръ носитъ ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ осеновьяхъ. Осеновья—это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зины на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6—7—10 человекъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновья такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество, старинщики же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то, что обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковые есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ, угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старин-

щина возможно чаще стараются угостить алабышами—(особаго рода блины), а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился маслянище, а старинщикъ охотнѣе и лучше пьетъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Иш-зовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: «О, онъ сказитель!» служить большой похвалою. И только молодяжники въ большихъ центрахъ, напр., въ Устьцыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ. Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, зависть къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодяжника не искренне даже и въ Устьцыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Устьцыльмѣ мнѣ предлагали пить старины два молодые парня, желая заработать на «половинчикъ». Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору, напр. имя Ивана Ивановича Горенки, извѣстно положительно всей Печорѣ. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подъѣжая зимой по тайболѣ къ Устьцыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ старинщиковъ, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Нечего и говорить, конечно, что стоитъ пріѣхать даже въ такое огромное село какъ Устьцыльма, какъ почти первый встрѣченный расскажетъ вамъ, кто поетъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно—какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слышали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерцовскій и путешественникъ 40 годовъ 19 вѣка В. Н. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ не понятно какимъ образомъ о старинахъ не слышали этнографы—С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истомина, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ²⁹⁾. Неуспѣхъ г. Истомина можно

²⁹⁾ «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня, что это

объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его побѣдокъ: «желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ, — писалъ онъ, — вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю побѣдку на долю мою почти не выпадало» ³⁰⁾).

Много значитъ, конечно и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ разспросамъ у пещерцевъ-раскольниковъ о старинахъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. О. Гильфердингомъ: «Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ ³¹⁾, была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ». «Какъ можно меньше «божественности»! Тонко замѣтилъ все по поводу того-же одинъ наблюдательный, знающій народъ печорскій чиновникъ.

Совершеннѣйшею новостью моихъ открытія десятковъ былинъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть одинъ — дѣйствительный членъ Географическаго общества по отдѣленію этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинъ на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служа десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждые, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не представляетъ чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что Горенку знаетъ вся Печора, если собиратель «Бѣломорскихъ былинъ» г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамилии особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

но былинъ, а рассказы и записи объ устьцыломской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былинъ не увѣчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о побѣд. на Печору», стр. 3.

³⁰⁾ «Предв. отч.» стр. 2.

³¹⁾ «Олонецкая губернія и ея народныя расказы» Вѣсти. Евр. 72 г. № 3.

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ центрахъ жизни на Печорѣ, казалось-бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ новыми культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только вообще говоря. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрняка можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ Низовой Печоры—Устьцыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податнаго инспектора и пр.; въ ней всегда много пріѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранію и полному забвенію устьцыльмами старинъ.

И однако это не такъ: въ Устьцыльмѣ я записалъ старины отъ 9 чело-вѣкъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше. Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ устьцыльмы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Устьцыльма преобразуется въ настоящій городъ, устьцыльмы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ, напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока устьцыльмы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Устьцыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Устьцыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Устьцыльмѣ ведетъ къ тому, что устьцылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Устьцыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр., на рѣкѣ Пижмѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: устьцыльмы мужики почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть, гдѣ и какъ провести время и безъ того: лѣтомъ, во время пріѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ

нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что то же привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнью стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. Въ ловлѣ-же рыбы, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, устьцылемки участія не принимаютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10 дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвки, а парней нѣтъ: частью переженились, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка—какой-же тутъ хороводъ! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспримчивые, какъ парни, такъ и дѣвки, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Устьцыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Устьцыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ (двѣ изъ нихъ ужасно плохи) и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Устьцылемской, гдѣ женщина положительно равноправна мужчине³²⁾. Собираясь въ гости въ какойнибудь домъ, женщины - пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ³³⁾—условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагопріятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, когда умственная воспримчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительныя исключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣвъ, слѣвшій мнѣ старинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе.

³²⁾ «Живая Старина» вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: «О расколѣ на Низовой Печорѣ».

Н. О.

³³⁾ Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры—потомки московскихъ служивыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой долѣе всѣхъ носилъ Новгородъ, конечно, не знала того, что явилось послѣ татарскаго вѣла въ Москвѣ.

Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣвъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочу-ли я отъ него прослушать новую старину «О Лукѣ и змѣѣ». Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ящикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ящикъ не слышалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отпѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а «читаетъ, какъ по книжкѣ». Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную крышку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ крышку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Аврамовская) или на тетку Катю (село Замежное). Иногда этотъ знатокъ старинъ служить учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣва старинщикомъ былъ отецъ, и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семенъ поютъ старины, а одинъ, хотя и неграмотный, ушелъ въ книжную мудрость раскола; у Петра Поздѣва есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины, а 20 лѣтняя грамотная дочь Аграфена типъ грамотной раскольницы-начетчицы: она уже теперь читаетъ по покойникамъ, поетъ панахидки и пр. Замужъ она, вѣроятно, не выйдетъ, и теперь уже и отецъ и мать ею гордятся. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, опять съ сильною склонностью къ расколу и, можетъ быть будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Дмитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины, и проч. и проч.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ?—можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, а одинъ изъ нихъ говоритъ: «Подя-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку—рука прочь, схватитъ за ногу,—нога долой». А то вотъ на сельскомъ

сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а все молчали, одинъ мужичекъ сказалъ; «У насъ, когда дѣла коснется—меньшой хоронится за средняго, средній за большаго, а и отъ большаго отвѣту нѣтъ».—«Ты дари намъ что-ле—сказалъ одинъ устьцылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать», а тутъ-же бывшая его жена дополнила: «Кунью шубу въ пятьсотъ рублей». Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, «вонъ на улицу». Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставлялись мѣстные крестьяне; я списалъ два отрывка пародій, и вотъ одинъ изъ нихъ:

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было не уѣдено,
Не баско хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походить Васинька на царевъ кабакъ,
Поносить шапочку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнями онъ принахлащивать,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькивать, (приразглядываетъ).
Приходить Васинька да на царевъ кабакъ,
Отдавать шапочку пуховъ калпакъ,
Просить за шапочку петьсотъ рублей,
А даютъ ему пять копеечекъ.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ надаетъ, не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ все и говорятъ: «Вотъ пріѣхалъ-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы нацѣлъ! А мы што»...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личные наблюденія. Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинницы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Авдотья Чуркина много уже путается, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо и отчасти, кажется, сочинила. О большинствѣ-же нечего и говорить: путаютъ, перевираютъ извращаютъ старины сильно. Таковъ, напримѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всехъ Петръ Поздѣвъ. Все старины онъ поетъ однимъ «ясакомъ» (папѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ, во все старины вноситъ однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцылемѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ. про Святогора

никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынче конца, нѣкоторые старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатьева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Старомльевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Юлыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина мнѣ никто не могъ спѣть сначала въ Устьцылемской волости, всѣ начинали:

«Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ»...

То-есть начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Устьцылемской волости начинаютъ старину непременно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного устьцылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно Низовая Печора. Моему предшественнику на Печорѣ г. Истомину, бывшему тамъ 11 лѣтъ назадъ, еще пришлось стѣздить по Печорѣ въ лодкѣ, я уже благополучно вояжировалъ на пароходѣ. Въ Устьцыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы морскіе пароходы. Три года, какъ уже на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки за границу, и ими у устьевъ Печоры поставленъ лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Другой заводъ такой-же строится теперь еще русскимъ купцомъ изъ Архангельска, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, идутъ усиленныя подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и подчища «бродячей руси» изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь,—единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я имѣлъ наблюдать напримѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ Кутимскаго горнаго завода населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣсколько грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ безшабашно-дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и необходимо, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

Н. Олчуковъ.

Рис. 1. Обѣдъ пустозеровъ на тони на берегу Печоры; впереди былинщикъ Степанъ Хабаровъ изъ дер. Пыземца.

Рис. 2. Деревянная церковь во имя Архангеловъ Михаила и Гаврііла въ селѣ Юромѣ, на р. Мезени. Постр. въ 1685 г.

Рис. 3. Деревянная церковь во имя прор. Іліи въ селѣ Юромѣ, на р. Мезени. Постр. въ 1743 г.

Рис. 4. Старая деревянная церковь (Рождества Пресвятой Богородицы) въ городѣ Мезени; построена въ 1717 г.

Рис. 5. Рельефная икона (изъ дерева) Св. Георгія Побѣдоносца (до 2 аршинъ въ вышину) въ церкви Рождества Богородицы въ г. Мезени.

Манджуры—кто такіе и гдѣ они?

Выясненіе точнаго значенія словъ «Маньчжурія» и «маньчжурь», полагаю, имѣетъ интересъ для насъ, русскихъ, уже по тому, что изъ всѣхъ странъ, которыми Китай на протяженіи 9.100 верстъ ¹⁾ соприкасается съ Россіей, Маньчжурія является наиболее важной по значенію.

Самостоятельное употребленіе этого географическаго термина возбуждаетъ во многихъ представленіе о ней, какъ о странѣ, пользующейся нѣкоторою автономностію и находящейся съ Китаемъ какъ бы въ отношеніяхъ униіи или вассальной зависимости. Другіе же, и такихъ еще больше, представляютъ себѣ Маньчжурію какъ нѣчто національно самобытное, а потому и отличное отъ восточныхъ владѣній богдыхана. Всѣ географы ²⁾ говорятъ о китайской имперіи, что она состоитъ изъ собственнаго Китая, Маньчжуріи, Монголіи и Тибета. Такое отдѣленіе Маньчжуріи отъ собственно Китая и сближеніе ея съ Монголіей и Тибетомъ имѣло еще нѣкоторый смыслъ до введенія въ Маньчжурію гражданской администраціи Въ 1876 ³⁾ же году было введено гражданское управленіе въ Мукденской провинціи; въ 1878 г. та же реформа была произведена и во второй, Гиринской, провинціи Маньчжуріи; вскорѣ затѣмъ и сѣверная, Хэйлунцзянская, провинція была устроена по образцу первыхъ двухъ. Послѣ этихъ реформъ Маньчжурія стала отличаться отъ провинцій внутренняго Китая только тѣмъ, что въ ней остались еще не упраздненными прежнія военно-административныя учрежденія, такъ какъ среди населенія ея много военнообязанныхъ. Правда, эта страна представляетъ окраину китайской имперіи, гдѣ всего лишь какихъ нибудь 25 лѣтъ какъ разрешена официально ⁴⁾ китайская колонизація. Но если мы примемъ во

¹⁾ Лееръ. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Томъ VI. Выпускъ III, стр. 386.

²⁾ Elisée et Onesime Reclus. L'empire du milieu. Paris 1902.—Новѣйшее популярное сочиненіе о Китаѣ, трактуетъ лишь о провинціяхъ внутренняго Китая, ничего не упоминая о Маньчжуріи, хотя эта страна и находится въ тѣсной связи съ ост. имперіей.

³⁾ Барабашъ. Записка о Маньчжуріи (по даннымъ, добытымъ при поѣздкѣ въ Гиринъ въ 1882 г.). Сборникъ матеріаловъ по Азіи, выпускъ I, изд. Военно-ученаго комитета 1883 г. стр. 107.

⁴⁾ Путята. Записка о запрещеніи китайцамъ селиться на маньчжурскихъ земляхъ.

вниманіе, что окитаеніе ¹⁾ Маньчжуріи началось еще до завоеванія Серединой имперіи маньчжурами, и что нынѣшняя маньчжурская династія, владѣя китайской имперіей по праву силы, должна была для поддержанія своего престожа съ самаго начала размѣщать по многочисленнымъ и многолуднымъ китайскимъ городамъ вѣрные ей маньчжурскіе отряды, то станеть понятнымъ, что страна уже давно стала терять свою этнографическую обособленность ²⁾).

«Въ случаѣ войны или народнаго мятежа, когда требовалось увеличить императорскія войска, постояннымъ источникомъ комплектованія ихъ всегда служили оставшіеся въ Маньчжуріи маньчжуры. Подобнымъ образомъ лучшіе и наиболѣе способные изъ маньчжуръ уже издавна навсегда уходили изъ страны, а на мѣсто ихъ мало по малу стали являться тысячи и десятки тысячъ выходцевъ изъ Чжи-ли, Шаньси и другихъ ближайшихъ провинцій сѣвернаго Китая. Выходцы эти въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходили въ Маньчжурію холостыми и, водворившись въ ней окончательно, женились на маньчжуркахъ. Происходившія отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ дѣти становились уже совершенными китацами. James, производя наблюденіе надъ маньчжурами солдатами, установилъ виѣшнія отличительныя черты маньчжурскаго типа. Meadows, человекъ весьма наблюдательный, но видѣвшій маньчжуръ только въ (Мугденской) провинціи, ближайшей къ собственному Китаю, утверждаетъ, что во виѣшнихъ физическихъ чертахъ положительно не видно никакой разницы между маньчжуромъ и уроженцемъ сѣверныхъ провинцій Китая. Рихтогофенъ свидѣтельствуетъ, что, путешествуя по Маньчжуріи, онъ неоднократно принималъ за китайцевъ лицъ, которые считали себя маньчжурами, какъ впоследствии оказывалось изъ вопросовъ».

Позволю себѣ привести также и свои собственные наблюденія, явившіеся плодомъ пятилѣтняго пребыванія въ Китаѣ, изученія китайскаго языка и постоянного общенія съ туземцами. Ни на Квантунѣ, который я извѣздилъ весь при сборѣ податей въ 1899 г., ни въ южной и средней Маньчжуріи, гдѣ во время военныхъ дѣйствій мнѣ пришлось сдѣлать верхомъ около 3.000 верстъ, нигдѣ я не встрѣчалъ другого типа кромѣ китайскаго.

Въ сѣверной, хейлунцзянской, провинціи Маньчжуріи встрѣчаются мѣстности, гдѣ инородческое населеніе преобладаетъ надъ китайскими переселенцами. Тамъ находятся ³⁾: дауры орочоны, манегры, гольды и солоны, племена тунгусской крови, а потому и родственные маньчжурамъ. Солоны часто смѣшиваются съ маньчжурами по сходству ихъ языковъ, а также и потому,

¹⁾ В. Горскій. Начало и первый дѣла Маньчжурскаго дожа. Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ.

²⁾ Описаніе Маньчжуріи. Подъ редакціей г. Позднѣва.

³⁾ См. Зиновьевъ. «Пріамурскія Вѣдомости» № 102—1895. Кирилловъ, стр. 73, 123. 237, 378. Рубиновъ, стр. 54, Стрѣльбицкій, стр. 40, Овсяный, стр. 40.

что они, какъ и послѣдніе, обязаны военной службой въ восьми знаменахъ (ша ци). Въ сѣверо-западной части Маньчжуріи, смежной съ Монголіей, живутъ, въ небольшомъ числѣ, принадлежащіе къ монгольскому племени бучаты, чичины в олоты ¹⁾. По долинамъ рѣкъ Ялу-цзяна, Тумынь-ула и чхъ притоковъ, т. е. въ зонѣ Маньчжуріи, пограничной съ Кореей, живутъ корейцы. Изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Маньчжурію наиболѣе многочисленными являются китайцы и совершенно окитаевшіеся маньчжурь, въ наиболѣе же крупномъ изъ остальныхъ инородческихъ племенъ, обитающихъ по окраинамъ страны, въ корейскомъ едва ли насчитывается болѣе 50 тысячъ душъ обоого пола ²⁾.

По мнѣнію James ³⁾, на долю маньчжуровъ приходится изъ всего населенія Маньчжуріи не болѣе 5%. Между тѣмъ по справкамъ, собраннымъ Д. В. Путатой ⁴⁾ на мѣстѣ 15 лѣтъ тому назадъ, главнымъ образомъ у служащихъ лицъ, маньчжурское населеніе составляло въ то время въ Гиринской провинціи 71% и въ хэйлуцзянской 29%, а слѣдовательно, во всей Маньчжуріи по меньшей мѣрѣ 30%.

По поводу этихъ чиселъ, а также и самыхъ названій маньчжурь и Маньчжурія слѣдуетъ замѣтить, что китайцы статистики движенія населенія не ведутъ, и названія «Маньчжурія и Маньчжуръ» у нихъ не употребляются. Свѣдѣнія о численности китайскаго населенія, почерпываемыя обыкновенно изъ податныхъ списковъ, весьма не полны, потому что:

1) подушная подать (жэнь-динъ) вносится лишь частью населенія и при томъ не лично, а за известное число семействъ (дворовъ);

2) податные списки содержатъ въ себѣ главнымъ образомъ указаніе лишь на незначительное, сравнительно со всѣмъ населеніемъ число лицъ, за которыми числятся земельные участки;

3) и населеніе и администрація имѣетъ свои основанія стремиться къ тому, чтобы въ податныхъ спискахъ число плательщиковъ не увеличивалось безъ особо побудительныхъ причинъ.

Военно-обязанное населеніе состоитъ на учетѣ, но послѣдній не отличается точностью и систематизаціей. Поэтому выводъ какихъ-либо процентныхъ отношеній въ населеніи Маньчжуріи представляется дѣломъ почти совершенно лишеннымъ документальныхъ основаній.

Что же касается слова Маньчжурія, то оно въ китайцѣ никакого пред-

¹⁾ Стрѣльбицкій, стр. 40, Овсяный, стр. 84, 85.

²⁾ Описаніе Маньчжуріи подъ ред. г. Позднѣва.

³⁾ James. The long white Mountain.

⁴⁾ Отчетъ о путешествіи въ Маньчжурію въ 1888 г. Сборникъ матеріаловъ по Азіи, выпускъ XXXVIII. Изд. Военно-ученаго комитета Главнаго штаба, 1889 г.

ставленія не вызываетъ. Маньчжурія по китайски называется Дунь-сань-шэнь (три восточныхъ провинціи) или Гуань-дунь-сань-шэнь (т. е. три провинціи въ востоку отъ прохода Шань-хай-гуань). Китайское слово Маньчжоу, изъ котораго и образуются употребляемые нами слова Маньчжурія и маньчжурь, является въ китайскомъ языкѣ архаизмомъ и понимается какъ историческій терминъ. Въ первый разъ это названіе встрѣчается въ исторіи Китайской и Корейской въ 1480 году. Нурхачи (род. 1553), родоначальникъ настоящей Маньчжурской династіи, утвердилъ за своимъ домогъ названіе Цинь, т. е. чистый. Последнее названіе и замѣнило устарѣвшее Мань-чжоу ¹⁾. „Маньчжурскій языкъ, говоритъ „Описаніе Маньчжуріи“, въ настоящее время сталъ языкомъ почти мертвымъ, на немъ говорятъ только при китайскомъ дворѣ, да кромя того развѣ 10% наличныхъ въ Маньчжуріи природныхъ маньчжурь. Что касается маньчжурскаго письма, то оно въ такой степени забыто среди населенія страны, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ для обученія ему въ Гарниѣ солдатскихъ (?) дѣтей, пришлось вынестъ двухъ учителей изъ Пекина“.

Въ разъясненіе этой выдержки изъ почтеннаго труда, издавнаго Министрствомъ Финансовъ подъ редакціей г. Позднѣва, слѣдуетъ добавить, что при дворѣ Маньжурской языкъ употребляется, лишь когда этого требуетъ этикетъ, обыкновенно же богдыханъ, князья и дворъ говорятъ на китайскомъ языкѣ. Этотъ фактъ настолько повѣстный, что всякій китаецъ и европеецъ, жившій въ Пекинѣ, подтвердитъ это. Представляясь два раза богдыхану, я лично имѣлъ случай убѣдиться, что при дворѣ обычный языкъ китайскій. Князья, сановники, дворцовые чины и прислужники говорили съ нами и между собой исключительно по китайски. Вкругомъ насъ слышалась только китайская рѣчь. Маньжурскую рѣчь мы услышали, лишь когда предстали предъ трономъ богдыхана. Такъ въ одномъ изъ представлений рѣчь декана дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ, американскаго посланника г. Демби (Demby), сказанная по англійски, была переведена по китайски старшимъ драгоманомъ Россійской дипломатической миссіи П. С. Поповымъ, а затѣмъ доложена богдыхану старшимъ изъ князей Гунь-цинъ-ваномъ на маньжурскомъ языкѣ. Богдыханъ также отвѣчалъ по маньжурски, а затѣмъ этотъ отвѣтъ былъ переведенъ Гунь-цинъ-ваномъ на китайскій языкъ и переданъ П. С. Попову, который перевелъ его по французски. Въ другомъ случаѣ, въ маѣ 1897 г., князь Э. Э. Ухтомскій, вручая богдыхану письмо Государя Императора, говорилъ, обращаясь въ сыну Неба, по русски, а затѣмъ его рѣчь такимъ же порядкомъ была переведена по китайски и доложена богды-

¹⁾ П. Е. Поповъ. Китайско-русскій словарь, ч. I, стр. 388.

хану на маньчжурскомъ языкѣ. Богдыханъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, отвѣчалъ по маньчжурски, и его отвѣтъ былъ переданъ Гунъ-цинъ-ваномъ по китайски. Архивы высшихъ государственныхъ учреждений ведутся на маньчжурскомъ языкѣ; доклады, непосредственно представляемые богдыхану, по закону должны писаться исключительно по маньчжурски. Такимъ образомъ можетъ показаться, что императоръ Китая не знаетъ другого языка, кромѣ маньчжурскаго. Но оказывается, что въ обычной жизни, внѣ официальныхъ пріемовъ и официальной переписки, богдыханъ употребляетъ почти исключительно китайскій языкъ. Вопросъ, какимъ языкомъ обыкновенно пользуется Сынь Неба, особенно интересовалъ секретаря Итальянской дипломатической мисіи въ Пекинѣ, барона Guido Vitale, и отъ, подробно изслѣдуя этотъ вопросъ, долженъ былъ придти къ убѣжденію, что нынѣшній Императоръ Китая пользуется маньчжурскимъ языкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, указываемыхъ придворнымъ этикетомъ, и при томъ владѣетъ этимъ языкомъ не вполне свободно. На вопросъ, предложенный барономъ Витали дядѣ императора Гунъ-цинъ-вану, на какомъ языкѣ обыкновенно говорить царствующій богдыханъ, послѣдній отвѣчалъ: „по китайски“.

Административныя учрежденія Маньчжуріи и Монголіи, слѣдуя архаическимъ традиціямъ, ведутъ официальную переписку на маньчжурскомъ языкѣ, но съ приложеніемъ китайскаго текста, которымъ собственно и руководятся. Сношенія китайцевъ съ нашими пограничными властями должны вестись, по буквѣ устарѣлыхъ дипломатическихъ соглашеній, также на маньчжурскомъ языкѣ. На практикѣ же къ маньчжурскому тексту всегда присоединяется китайскій, и зачастую должность переводчика маньчжурскаго языка при пограничныхъ комиссарахъ замѣщается лицами, которые, кромѣ русскаго, знаютъ только китайскій языкъ.

Въ Пенкинскомъ университетѣ маньчжурскій языкъ преподается, какъ иностранный, наравнѣ съ европейскими языками. Высшія официальныя учрежденія, а также ямыни (канцеляріи) Монголіи в Маньчжуріи въ случаѣ необходимости пополняются знатоками маньчжурскаго языка изъ Пекина.

Относительно упомянутого указанія „Описанія Маньчжуріи“, что по маньчжурски говорятъ не болѣе 10% наличныхъ въ Маньчжуріи маньчжуръ, слѣдуетъ напомнить, что:

1) всякаго рода статистическія свѣдѣнія о населеніи Китая весьма гадательны,

2) что китайцы не выдѣляютъ маньчжуръ изъ особую группу, какъ это дѣлаютъ европейскіе этнографы,

3) что нигдѣ въ населеніи Маньчжуріи не слышно маньчжурской рѣчи

Никто ¹⁾, кого я не разспрашивалъ, не могъ мнѣ указать на существованіе въ Маньчжуріи и вообще гдѣ-либо въ Китаѣ лицъ, для которыхъ Маньчжурскій языкъ былъ бы роднымъ. А потому подсчетъ процента говорящихъ на этомъ языкѣ представляется мнѣ дѣломъ весьма затруднительнымъ, а указываемая въ цитируемомъ трудѣ цифра лишеной всякаго основанія.

Китайцы, не признавая этнографической обособленности маньчжуръ, дѣлятъ себя на двѣ социальныя группы ²⁾: Ци — (знаменные или военно-обязанные) и минъ (народъ). Возникновеніе этого дѣленія относится ко времени завоеванія маньчжурами Китая. Въ первую группу вошли всѣ маньчжуры, а также китайцы и монголы, содѣйствовавшіе маньчжурамъ въ завоеваніи Китая. Вторые, минъ, составились изъ покоренныхъ витайцевъ. Ци обложены меньшими податями; получивъ значительно большіе земельные наделы и права на достиженіе ученыхъ званій и служебныхъ должностей, они были обязаны военной службой и выдѣлились такимъ образомъ въ социальную группу, особенно покровительствуемую правительствомъ, а потому в особенности обязанную ему. Такимъ образомъ дѣленіе на ци и минъ хотя и выросло на почвѣ племенной розни, но имѣетъ чисто социальное значеніе.

Невозможность точно опредѣлять эти термины безъ знанія китайской письменности и невѣжество большинства переводчиковъ, какъ китайцевъ, такъ и русскихъ, повидимому, были причиной того заблужденія, въ которое впалъ извѣстный изслѣдователь Маньчжуріи Д. В. Путята. Изъ официальныхъ источниковъ онъ получилъ свѣдѣнія, близкія къ дѣйствительности, о числѣ ци, т. е. военно-обязанныхъ, которые и были приняты имъ за маньчжуръ. Что же касается James ³⁾, то приведенныя имъ цифры, по всей вѣроятности, ни на чемъ другомъ не обоснованы, какъ на поверхностномъ наблюденіи.

Резюмируя вышесказанное, я позволю себѣ придти къ заключенію, что слѣдуетъ признать фактъ административнаго и этнографическаго единства Маньчжуріи съ внутреннимъ Китаемъ. На вопросъ же, существуютъ ли маньчжуры, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно.

„Необходимо признать, — говоритъ Описаніе Маньчжуріи, за безусловный фактъ, что маньчжуры успѣли къ настоящему времени окитаться, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь частныхъ, въ отношеніи всѣхъ сторонъ своего быта, точно также и въ отношеніи языка“.

¹⁾ По словамъ г. Ладыгина, сопровождавшаго капитана Козлова въ его послѣдней экспедиціи въ Тибетъ, маньчжуры встрѣчаются въ Западной части Китая, въ такъ называемомъ китайскомъ Туркестанѣ. Но не принимаетъ-ли г. Ладыгинъ за маньчжуръ племена Солонъ, которыя дѣйствительно тамъ находятся и несутъ военную службу въ восьми знаменахъ (па—ци).

²⁾ Русский Китай. «Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. П. Россовъ.

³⁾ The long white Mountain.

Другой изслѣдователь Маньчжуріи, генер. шт. полковникъ (нынѣ генераль-лейтенантъ) Барабашъ, наблюдавшій населеніе ея на мѣстѣ, отзывается еще болѣе категорически:

Маньчжуры, пишетъ онъ, давно уже утратили всѣ свои національныя особенности, начиная съ языка, уступившаго мѣсто китайскому, и кончая мелкими подробностями образа жизни ¹⁾).

Какъ извѣстно, понятіе о націи складается изъ трехъ данныхъ: обособленности физическаго типа, языка и территоріи, ею занимаемой. Маньчжуры, какъ указано выше, потеряли особенности своего физическаго обличія; языкъ ихъ сталъ мертвымъ; нѣкогда обособленная страна ихъ въ этнографическомъ и административномъ отношеніяхъ слилась съ собственнымъ Китаемъ.

Такимъ образомъ можно съ полнымъ основаніемъ и твердой увѣренностью сказать: „Маньчжуровъ больше нѣтъ“, а потому и названіе „Маньчжуръ“ не должно нынѣ быть употребляемо для обозначенія какого нибудь этнографическаго типа.

¹⁾ Барабашъ, Записка о Маньчжуріи. Сборникъ матер. по Азіи. Вып. I. стр. 26.

ОТДѢЛЪ II.

Областные слова Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи ¹⁾.

(Деревни Юрцино, Орѣкинская волость. Записаны въ 1901 году).

Б.

Бѣска, и, ж. Денная кофта въ талію. Иначе—казѣкъ, Безперевѣднѣй, ая, ое. Непереводящійся; то, что не переводится. «У насъ куры безперевѣдныя».

Богѣвникъ, а, м. Божница, полка, гдѣ стоятъ иконы.

Бѣговѣй, прилаг. отъ сл. Богъ. Воговая старушка—убогая, Божья старушка. Боговое масло—масло отъ лампадки, что у иконы.

Божѣтка, и, ж. Крестная мать.

Большѣкъ, ѡ, м. Бѣльшій гдѣ либо, въ чемъ-либо. «У меня Ванюха большѣкъ», т. е. старшій изъ дѣтей.

Бринь, нескл. См. Сѣндеври.

Брѣхо. Брѣхо хлѣбъ всегда разыщеть (погов.).

Бѣрмосить, сю, сишь, ситъ, снѣтъ, сите, сятъ. Говорить во снѣ, бредить.

Мальчѣнка вашъ штой-то во снѣхъ бѣрмосить.

Бухѣра, ы, ж. Пчела.

Бѣлотѣлецъ, льца, м. Имѣющій бѣлое тѣло. «Наши ярославцы-бѣлотѣльцы, красавцы: пудъ мыла извели, родимаго пятна не съели».

Бѣлявка, и, ж. Раст.: Пиккульникъ длинноцвѣтный (*Galeopsis Ladanum* L.).

В.

Весѣлка, и, ж. См. Мутовка.

Возмужѣть, ѣю. 1) Возмужать.

2) Стать здоровымъ, выздороветь.

Выкланѣться, яюсь. Съ дат. падеж. Кланяться.

Вѣдрѣбаться, аюсь. Выпачкаться. *Дѣвка какъ по грязи шла, дакъ вся выдрѣбалась.*

Вѣжита, и, ж. Земля, на которой выжегъ лѣсъ.

Гдѣ пахете?—«На выжить».

Вѣмодѣть, ѣль. Изболѣться, захирѣть.

¹⁾ Въ этотъ перечень вошли слова наиболѣе интересныя, т. е. не вошедшія въ словарь Даля, либо вошедшія, но не съ тѣмъ значеніемъ.

Доло то фъ юроди жила?—«Два юдка»... *Ну и вымодѣла!* См. Модѣть.
Вѣтъница, вѣтъница, ы, ж. Женщина, утѣющая вѣть, причѣтать.
Вѣковѣчный, ая, о. Вѣчный.

Г.

Годѣнскій. Въ выраженіи: «годъ-годенскій»—цѣлый годъ.
Годовикъ, а, м. Имѣющій отъ роду годъ; годовалый. «Мальчикъ—годовикъ». Велика у
тебя дочка?—Нѣ, годовикъ!
Гонობбѣдъ, я, м. Какое-то ягодное растеніе.
Гораздо, нескл. Очень, сильно.
Что гораздо у тебя, голубушка,
Скоры ноженки да подходчивы... (причетъ)
Готѣвникъ, а, м. Ягода синяго цвѣта съ маленькими желтыми косточками, поспѣвающая
раньше другихъ ягодъ.
Грохотѣть. Грохочѣ, грохотѣль. Гремѣть.
Телта по улицѣ грохотить. Гармошка грохотѣть зачалъ.

Д.

Дѣдка, и, ж. Папироса.
Дѣдѣня, и, ж. Папироса.
Дѣлжнйй. «Что бережно, то и недѣлжно»—погов.
Дрѣчѣть, чу, чишь. Спать. *Довольно вамъ дречѣть-та!*
Дѣвѣчка, и, ж. 1) Вообще дѣвочка.
2) Молодая дѣвушка.

Ж.

Желанчикъ, а, м. 1) Милый, желанный, любимый человекъ.
2) Любовникъ. «Желанчикъ не процалованный», ибо та, которая его любитъ,
никакъ не можетъ нацѣловаться съ нимъ.
Ср. въ Сборн. Пянкр. (Терск. обл.):
«Было у братца три сестрицы,
Три сестрицы желанницы».
Желанницы, по его объясненію (стр. 126),—жалѣвшія. Кажется, вѣрнѣй будетъ
такъ: милыя, желанныя. Желанница въ прямой связи съ желанчикъ (ср. же-
ланнйй).
Жадѣга, и, общ. Жадный человекъ. *Это ты, жадѣга!* (Ср. Такой жадай былъ, что какъ
увидитъ монету, даже словно обезпамятѣетъ весь. Салт. Невин. разск.).
Жукъ. «Въ чужихъ людяхъ—жукъ и то мясо!» (погов.).

З.

Забѣурмосить. Начать бурмосить (См. сл.). *Бабушка опять забурмосила.*
Заворѣвывать, перех. Совершать первое для извѣстнаго періода времени воровство; дѣлать
починъ въ воровствѣ для дальнѣйшей удачи.—*На Пасху и Благовѣщеніе*
воры заворѣвываютъ, ибо, по поговори, «какъ Благовѣщеніе проведешь, такъ
и весь годъ».

Завѣдѣть. Обозавѣстись вѣщами.

Мальчѣнок завѣдѣлъ (Ср. Развѣ возможно... въ баню не ходить...

Вѣдь этакъ ты насъ всѣхъ обовѣдѣшишь. Садовъ. Смерть модистки).

Завѣнчивать, (Завѣнчать), перех. Обрядомъ вѣнчанія дѣлать что-либо неизмѣнимъ, на вѣки нерушимымъ.

Когда на вѣнчающихся нацѣваютъ вѣнцы и священникъ говоритъ: «Вѣнчается рабъ Божій»..., то женихъ, крестясь, тихо говоритъ: «*Буйну голову тынчаю, а скорби и болѣзни не застычваю*». Невѣста же въ это время тихо говоритъ: «*Мнѣ родить, а мужу мучиться*». Вѣрять, что если женихъ и невѣста вѣнчаются, будучи чѣмъ-либо больны, то ихъ болѣзни никогда не пройдутъ.

Загрохотѣть. Начать грохотѣть (см. сл.).

Закартомить. Дѣйств. соверш. къ глаг. картомить (см.).

Закоковѣть. Начать коковать (см. сл.).

Закомелистый, ая, ое. Имѣющій развитой, утолщенный комель, рѣзко утончающійся на небольшой высотѣ отъ земли.

Закомельный, ая, ое. То же, что закомелистый.

Закукать, перех. Сильно приколотить. См. кукать.

Закурить, неперех. Запить запоемъ; загулять; закутить.

Закуривать. Соверш. видъ къ гл. куривать (см.).

Закустье и закустье, ья, ср. Мѣстность, мѣсто за кустами, позади кустовъ.

Я ходилъ по закустью да зайцевъ сторожилъ.

Закутыкать Соверш. видъ къ гл. кутыкать (см.).

Залѣжный ая, ое. 1) Старый, залежалый. *Егоръ сказывалъ, что у него залежнаго зерна немного есть.*

2) Лишний. *У дяденьки моего залежныя деньги были.*

Залѣтнѣй, ая, ое. 1) Случайно или на короткій срокъ залѣтѣвшій.

2) То же о человѣкѣ (съ отглагольн.: милый, желанный). Залѣтнѣй ты, залѣтнѣй, милый мой. (Шѣсна).

А, пташечка залѣтная, какъ живешь?

Залепетѣться. Заговориться. заболтаться, завраться. *Какъ пошла намъ странница рассказывать, такъ такія ужаси... и—и! Совсѣмъ залечеталась.* См. лепетать.

Заливать (залить) глаза, бѣльма—угощать, поить виномъ, водкой; задобрять кого такимъ угощеніемъ. *Будь ужъ хвалить его. Знаемъ: онъ тебѣ глазища залилъ*

Также: напиваться пьянымъ. *Съ самаго утра зенки (бѣльма) залилъ... здорово!*
Заливать—пьянствовать. *Петройка изнѣйшибко заливаетъ.*

Заливать—много врать, завираться. *Ты дѣло говори, а не заливай.*
(въ двухъ посл. случаяхъ глаголъ неперех.).

Заливаться (залиться). О быстромъ движеніи: бѣжать и т. п.

Я было побѣѣ за зайцемъ а онъ какъ залѣтается...

Заливной дождь—проливной дождь.

Заливѣха, и, общ. Кто много вретъ.

Залишекъ, шка, м. Излишекъ.

Залишнѣй, ая, ее. Излишнѣй.

Залишней птицамъ у насъ нѣтъ.

Залобокъ, бка, м. Фронтонъ у крестьянскихъ построекъ.

Залогъ, а, м. Земля, никогда не паханная. *Залогъ подымать.*

Залой, я, м. См. Набой.

Залупнѣть (залупить). 1) Задирать, заворачивать.

Ногтъ залупила. Залупила платье выше головы.

2) Запрашивать очень дорого. *Больно дорого ужъ залупилъ! Уступи маненько!*

Залупаться (залупить). Заворачиваться, загигаться.

Залучать (залучить). Заманивать, завлекать.

Залучала сокола, удалого молодца!

Залущить. Начать лущить (см.).

Залѣсица, ы, ж. Пространство земли, лежащее за лѣсомъ.

Залѣсье, ья, ср. Пространство за лѣсомъ. *Косили по-подъ залѣсью.*

Залѣтний, ая, ое. Престарѣлый. *Залѣтняя невеста*—дѣвушка, выходящая изъ лѣтъ замужества. См. Перелѣтовый.

Залюбить. 1) Начать любить. 2) Влюбить.

Залядѣшій, ая, ее Хилый, хворый, болѣзненный. *Изболѣлась видно. Залядѣющая стала.*

Залядѣть, ѣю. Заболѣть, захирѣть *Шаговъ пять пройду, и духъ займѣтся: вотъ до чего залядѣла.*

Замазуля, и, общ. Неопрятный, запачканный.

Замолѣться. Наговорить много вздора, завратъся.

Заману́ть. Заманить куда-либо. *Отъ заману́тъ её въ лѣсъ по ягоды.*

Заматерѣть. Начать бранить матерно.

Заматерѣться. Заматерѣшничить (ся)—начать браниться матерно.

Заматюг(к)ать. 1) Начать браниться матерно. 2) Изругать матерно.

Заметюкну́ть. Выругать матерно.

Замерекъ, а, м. Первый снѣгъ въ самомъ началѣ зимы.

Заметѣлить. Начать метелить (о метели). Безл.: *Заметѣлило*—началась вьюга.

Заметѣлистый, ая, ое. Съ частыми метелями.

Заметель и заметѣль, и, ж. Вьюга, метель.

Замиллой, ая, ое. Очень милый, любимый.

Павлуха у насъ замиллой челоушкѣ.

Употр. и какъ существ.

Ахъ, ты, замиллой! Погостить при́халъ?

Замириться (замириться). Мириться, заключать миръ. Употр. и съ пред. на. *Они замירились на этомъ... на часъ времени...*

Заморѣчить. 1) Начать морочить. 2) Обморочить.

Заморушекъ, шка, м. Заморышъ.

Было у насъ только курчонокъ, не курчонокъ, а такъ... заморушекъ.

Замсти́ло, безл. Забылось, не вспоминается.

Вѣрно не скажу тебѣ, стара стала: замстило.

Замуравѣть, ѣль. Начать покрываться маленькою густою травкой

Замуслакать. Замуслить, заслонявить.

Замѣна, ы, ж. Что либо, могущее въ известномъ отношеніи сойти за другое. *Борода не вредѣ, а глазами замѣна (погов.).*

Занапрасный, ая, ое. Напрасный, тщетный, безрезультатный.

Нарѣч.: *Занапрасно* «Занапрасно, мальчикъ ходишь,

Занапрасно ножки бьешь: Ничего ты не получишь»... (пѣсня).

Занарѣкъ, нарѣч. Нарочно, съ умысломъ.

Заноза, ы. переносно (общ.). Обидчивый, придирчивый, задорный человекъ.

Ты, видать, заноза! Ты парень - заноза. Дѣвки—згноза.

Заорать, перех. Взрыть поле (землю) косулей (напр. передъ боронованіемъ его).

Запанъ, а, м. Женскій фартукъ.

Запѣстоватый, ая, ое. Въ серединѣ толстый, а на концѣ круто заостренный.

Заполубѣть, ѣль. Затвердѣть, сдѣлаться жесткимъ.—*Дождя не было, земля и заполубѣла.*

Запросвѣтывать (Запросвѣтать). Уговариваться съ родными невесты (это дѣло свахи) объ условіяхъ брака, приданомъ и проч., а также «пропивать» невесту (дѣлается это въ домѣ невесты. Собираются гости, которыхъ угощаютъ. Невѣста причитаешь). Иначе-справлять сговорки. *«Ееменьишку запросвѣтали ужъ, а рукобитѣе опосля будетъ».* Эта пирушка (сговорки, пропой, слово) и называется «запросвѣтанье».

Запылится. Начать смотрѣть вьнуца глаза; начать смотрѣть пристально, упорно. «Ты чево на меня запылится?»

Заскорбнуть, у. Безличн. Затвердѣть, стать жесткинь.—*Полушубокъ совѣсть заскорбнула. Тряпка ночью оцѣла на морозѣ и заскорбла.*

Заскорѣзнуть, уль Зачерсгвѣть.

Пирокъ-та заскорузмй.

Заснйха, общ. Соня.

Экій барчукъ у васъ! Вотъ засниха: до полудня дрыхнетъ!

Заспориться, русь; рятся. 1) *Наши ребята какъ схватятся, да заспорятся, дакъ хотъ изъ дома бѣжи.*

2) Начать биться (удариться) о закладъ. *Заспорились они о трѣини.*

Застрѣха, и, ж. Конѣвъ у избы.

Засѣвъ, а, м. Первый посѣвъ зеренъ, т. е. начало сѣва, сѣянiя. Засѣвъ дѣлаетъ мужчина или женщина. Выйдя «на полюсу», крестятся, кланяются на четыре стороны и, бросая первую горсть зеренъ, говорятъ: «Уроди, Боже, всѣмъ православнымъ христiанамъ».

Засѣвать (засѣять) перех.—дѣлать (сдѣлать) засѣвъ.

НВ. Въ Кубанск. обл. въ этомъ же случаѣ говорятъ: «Уроди, Боже, жито, пшавицу и всякую ражвицу».

Затирать, (затерѣть), перех. Здавливать, спирать чѣмъ-либо.

«Затѣрло Суворова съ тиромъ»—(тв. пад.)—погов.—говорять, когда не посѣиваютъ сдѣлать что-либо.

— *Ахъ, родная, дѣла-та сколько! Еле посѣишь! Затѣрло Суворова съ тиромъ!*

Затрепескаться, аюсь. Затрястись, затрепыхаться. *Я отъ смѣху дакъ вся и затрепескалась...*

Зафѣркать, аю. 1) Начать фыркать. 2) Начать огрызаться.

Захварывать (захварать). Заболѣвать (Заболѣть).

«И отъ простуды захварываютъ».

Захилѣть. Стать хилымъ, захирѣть. *Совѣсть ты захилѣла... еле ходишь.* (Зам. Не знаю, соберусь ли съ силами написать къ В. Я., такъ морально и интеллектуально охилѣлъ. А. Турген. «Хрон русскаго» Современ. 1836 г. I).

Захлебаться, аюсь. Захлебнуться. *Я на рѣчкѣ чуть ле утопла: совѣсть была захлебалась.*

Захломосгить, мощѣ, мостять, перех. См. хлomosгить.

Заходѣть. Случаться. *Въ чемъ тутъ грѣхъ зашелъ?*

Зацапать и цацацать, перех. Замуслявить, захватать, запачкать руками (отъ чего-либо грязными).

Зачинать, перех. Начинать. *Зачинай, Митрій, пѣсню, а мы ужъ подтянемъ. Зачиать. Зачала (зачала) и это ужъ бѣлье мыть, глѣдь... тетка идетъ.*

(Ср. Иль то капли дождевыя

Зачинающей грозы? (Тютч., 100).

Зачинаться (Зачагься). Начинаться. (Ср. Зачинается разсказъ

Отъ Ивовыхъ проказъ.

Ерш. К. горб.).

Зачумѣть. Одурѣть. *Намедни до того я въ печи напарилась, что было ужъ зачумѣла.* (Ср. «30 верстъ отъ насъ карантинъ; выпрошу позволенiе отправиться туда, зачумѣю... Батюшк. Пис. Гид. 1815 г.).

Зачѣхать, перех. 1) Начать чують. Собака зачухла штой-то. 2) Начать принюхиваться.

Защекотѣть, кочѣ, котятъ; тйшь, тйтъ, тйтъ.

1) Начать щекотать.

2) Защекотать.—*Баринъ ко мнѣ въ подшвенн закатился (забрался) да чуть меня до смерти не защекотилъ.*

Защѣлка, и, ж. Приспособленiе для удержанiя дверей закрытыми, для запиранiя ихъ; дверной запоръ. Уменьш.: *Защѣлочка*, и *Защѣлкивать. Защелкнутъ дверь*—запереть ее защелкой. (Ср.

Сбрякнула защелочка серебрянная.

(Шишонко. Оір изъ нар. тв. 208. Пермск.).

Заявляться (заявиться). Показываться, объявляться, являться. *А, заявился! Давно тебя не было!* (Ср. Да и спросить не у кого.. «Заявился швейцару?»—Заявился. Заточниковъ. Покрывало обм. Еж. Соч. 1900. XII).

Защелушить, перех. Начать лущить. *Дядьки стлечки защелушили.*

Защадать. Кромѣ обычнаго значенія: 1) о какой-либо жидкости—начать щипать.

У меня отъ укусу руки защло. 2) перех. Загрызать; изводить постоянными попреками, замѣчаніями. *Меня свекровь защадаетъ... Поддомъ пстѣ... Она меня совсѣмъ защла.*

Заѣсться. 1) Вести праздную сытую жизнь, излѣниться. *Матрена, какъ была въ дѣткахъ, такъ работала, а теперь ничею не дѣлаетъ: защлась!* 2) Заважничать отъ сытой, лѣнливой жизни. *Ишь, теперь къ намъ глаза не кажутся... защся!*

Звонкій, ая, ое. О звукѣ: 1) высокій по своему тону, пронзительный. *Звонкай у тебя волосокъ-ти!*

2) Громкій, сильно звучащій (имѣется въ виду сила звука). *Мать моя, волосище-то какой звонкай!* (Ср.

Голосъ мой не звонкой.

● Луж. Велк. н. п. III. 357.

Звонкіе ладони: Курск. Тамъ-же. Терск. Сб. 1891 г.

...Прядаетъ фонтанъ надъ звонкими камнями.

Фофан. Больная.

..Сочатся звонкіе ключи.

Фоф. Монологи, 49)

Звонко, прилаг.-сказ. (въ обоихъ знач.). «*А и звонко же онъ поѣтъ. Звонко по мордѣ ея вдарилъ.*» (Ср.

Дѣвка платье мыла.

Звонко колотила.

Самар. Вел. н. п. I, № 452.

Дѣлали гусельцы звонко на звонко.

Рукоп. Собрн. Публ. Библ. XVIII в. № 57.

Вхалъ грушникъ и звонко кричалъ: «Са-адова-ай!».. Горькій. Трое. Онъ звонко распѣловали Ольгу Алекс. Гиппіусъ. Смиреніе).

Звончѣй. Сравн. ст. *Да вы, дядьчки, пѣсню-та звончѣй пойте!*... (Звончѣй: Курск. Вел. н. п. II, 487.

Сопоставъ:

И звенѣлъ раскаты

Соловьевъ ночныхъ...

Фоф. Разлука.

Подъ половьями звенѣлъ снѣгъ. В. Успенск. Странники. Жизнь, 1901 г. (Настя) такъ бывало и звенить какъ птичка. Тамъ-же. (Вѣтеръ) плачетъ въ печныхъ трубахъ, звенить дождемъ въ окна. Гнѣд. Рабъ.

Звонить. Кромѣ обычн. знач. еще: съ вин. п. или предл. о, проболтать. *Буде тебѣ мупости-та звонить. Онъ юраздъ обо всёмъ звонить; языкъ-та у него во какой длинной!* (Замѣть:

Что за рѣчушкой за быстрою

Во новой звонъ бьютъ?

Гроецк. Варш. Г. В. 1891 г.).

Звѣздущка, и, ж. Уменьш. отъ сл. звѣзда.

Эти звѣздущки сила наша...

(Зам. Гроецк. Варш. Г. В.).

Здоровѣхонькій, ая, ое. Очень здоровый. *Молччикъ у насъ здоровѣхонькій.* (Здоровѣхонькій: Пѣсен. 1821 г., III. 216).

Здоровѣшенькій, ая, ое. Очень здоровый. *Она здоровѣшенька!.. Чего ей сдѣлается-та отъ того, что съ воза упала!* (Здоровѣшенькій: Пѣсен. 1780 г. III, 96.

Олон. Г. В. 1868, № 24. Волог. Сб. IV. 355).

Здоровый, ая, ое. 1) Обладающий хорошимъ здоровьемъ. *Здорово*—прилаг.-сказ. *Ты водку не пей: тебѣ это не здорово*. Какъ привѣтствіе при встрѣчѣ: *Здорово старикъ!* *Здоровѣе*: сравнит. ст. *Онъ здоровѣе меня*. (Сравни:

Здорово-ль ночью ночевала...

Курск. Вел. н. п. II. 565.

Здорово, сестрица, здорово!

Іѵ. Кур., Дон., Волог., Самар., Олон. 4, 3, 562, 561, 560.

Только что пообедалъ: сидѣть не здорово, запрещено. Ставк. Пис. Невѣрову 37 г. Душевно желаю, чтобы вы и М. К. здорово и весело кончили свое лѣченіе...

Станк. пис. К. 39 г. Здорово ли у васъ? Какъ ты поживаешь? Батюшк. Пис. Гитд. 1808 г.

Я прихожу домой здоровѣй,

И ночью снится Клара Штихъ.

Ставк. пис. брату, 38 г.)

2) Большой, оказывающійся не по силамъ. *Этотъ дружокъ та здоровый: я его не стащу*. *Здорово*: прилаг.-сказ.—со значеніемъ: сильно, крѣпко, хорошо. *Здорово онъ меня въ ухо треснулъ. Хорошо скупались?*—*Здорово!* (Ср. Соська уроки даетъ. Она—здорово! Рублей по 12 въ мѣсяцъ приносить. Горькій. Трое.).

Здѣлать. Вздумать, задумать, надумать. *Здѣлалъ онъ въ городъ посылать*.

Зѣбалки, локъ, ж. Глаза; То же, что «бѣльма». *Чего зѣбалки та вылаутили?*

Зѣнки, нокъ, м. То же значеніе.

«Ой, у друженьки

Рожа, какъ прѣсло!

Ой, у друженьки

Зѣнки, какъ слязки».

(илл: «глазки, какъ салазки»).

Зимодръ, а, м. Оборванецъ, босикъ. *Куда за него зимужъ итти: онъ зимоуръ*.

Уменьш.: *Зимодрушекъ, шки*.

Злобиться, злоблюсь, злобится (озлобиться, позлобиться). Сердится, питать злобу. *Чего жъ ты на меня злобишься?* (Ср. На всѣхъ злобись... Нонѣ, братъ, народъ не прежній. Короленко. Въ гол. годъ. Арзамасъ).

Зряшнѣй, ая, ос. Дѣлasmusый зря, попустому. *Дѣло-та, я вижу, у васъ зряшное* (Ср. А вотъ, говорю, что зряшной ругани вашей не хочу больше слышать. Горькій. Ѳ. Горд. Замѣты: Да, можетъ, опись эта зрящая? Нужно посмотрѣть ее... Селезневъ. Хуторск. разск. Недѣля 94 г. III).

Зыбнуть. Издать громкій звукъ: громко крикнуть, свиснуть и т. п. *Я какъ зыкну, дакъ замизъ изъ куста-ти выскочилъ и отъ меня кубаремъ и пошелъ, и пошелъ*..

НВ. У Горькаго (Трое): «Потомъ Петруха на меня какъ зыкветъ! Ты, говорить!.. Гони, говорить, вонъ Ильку». «Чего тамъ не смѣла! зыкнулъ воевода». Половой Госуд. Кречатникъ.

Зѣворѣтка, и, ж. 1) Ротозѣйка. 2) Глупая, бессмысленная, простая женщина.

Зѣзя, и, общ. Простофиля. (Ср. Пинеж.: зѣзя—пьяница; веряха. Слов. Подв.).

И.

Изматерѣть, рѣ, перех. Изругать матерно.

Изматерщипничать, аю, перех. Изругать матерно.

Изматерщипничаться. Привыкнуть ругаться матерно.

Измоздлѣть, лѣ, лѣть, лѣль. перех. Натереть мозоли. Измоздлѣлъ руки. То же, что смоздлѣть.

Изнѣчка, и, ж. Спина. *Мнѣ спать либо на боку, либо на изнѣчкѣ*.

Индюха, и, ж. Гордѣливая ж-ница.

К.

Казакъ, а, м. Женская денная кофта въ талію. (Это слово, очевидно, въ связи съ сл. казакинъ).

Казать, кажу, кажутъ Показывать.—*Какъ я буду казать, дакъ глаза назадъ* (погов.). (Ср. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія. Батюшка. Отр. изъ пис. о Финл.).

Казаться. Показываться. *Я ему три дни на глаза не казалась.*

Камѣный, ая, ое. Тоже, что закомѣлистый.

Картоить избу—приготавливать избу для «гулянья» (посидѣлокъ), которыя бывають съ Петрова дня до Покрова. Гуляють все время въ одной избу. Расходы несутъ парни. *Приходите, дѣтцы: нужно избу картоить* (Ср. въ Арханг. г.: ко(а)ртоить—отдавать, брать въ аренду. Отъ зырянскаго кортэмъ—залогъ, прокатъ Слов. Подв.).

Картофельница, ы, ж. Кушанье: печеная картофель съ яндами и молокомъ (всѣ это запекается вмѣстѣ).

Картофница, ы, ж. То же, что картофельница.

Картошва, ы, ж. Увелич. отъ сл. картошка.

Катокъ, тка, м. Землед. орудіе (тяжелый деревян. валь; ва ось котораго насажены оглобли), которыми укатываютъ землю, напр., яровое поле послѣ того, какъ его заборонють.

Катышекъ, шка, м. и катышѣкъ. Круглый кусочекъ, шарикъ изъ чего-либо. Уменьш.: *Катышѣчекъ*, чка.

Кладеный, ая, ое. Холощенный. Кладеный быкъ.

Клѣщи, ей, м. Клещи.

Клокотать, чу, тишь, тять. О волосахъ: путать, ерошнить. «Не клокотать свою голову».

Клокотаться. О волосахъ: сбиваться, путаться. *А ты чеши голову, а то клока-таться будетъ.*

Княжій (княжѣй) столъ—первый «столъ» (обѣдъ) у новобрачнаго. Бываетъ обычно на второй день свадьбы (т. е. вѣнчанія). Если же онъ бываетъ въ одинъ день съ вѣнчаніемъ, то свадьбу зовутъ «обидѣнной» (однодневной, въ одинъ день сыгранной).

Княжница, ы, ж. Раст.: сморолина красная

Кобылице, и, ср. 1. Увелич. отъ сл. кобыла. 2. Бранное слово (относ. къ женщинѣ). *Чего ты, кобылице оканная, орѣшь!*

Коковать, кокую. 1. О кукушкѣ: куковать. 2. Горевать, печалиться. 3. Говорить монотонно.

Колосникъ, а, м. Жердь, положенная на переводахъ въ ригѣ. На колосникахъ сушатъ хлѣбъ.

Колотикъ, а, м. Растеніе болотное или рѣчное; растеть подъ камнями.

Обряжая невясту къ вѣнцу, всыпають этотъ сушеный «колотикъ» въ ея чулки или башмаки (отъ «порчи»).

Иначе зовутъ (тутъ же)—*колотина*, ы, ж.

Колупать, перех. Задирать, заковыривать, отковыривать. Сов.: *колупнуть*.

Колупаться (колупаться). Задираться, заковыриваться, отковыриваться.

У меня стѣмлячки не отъ зада колупаются, а на денежки покупаются.

Колѣть, ѣю. О скотинѣ: умирать.

Корова колѣеть.

Колѣлый, ая, ое. Дохлый. Колѣлая лошадь.

Комель, а, м. Стволъ дерева. У растенія—стебель.

Комлеватый, ая, ое. Закомельный (см. сл.).

Комуха, и, ж. Лихорадка. (Ср. въ Онеж. у.: комдха—лихорадка. Слов. Подв.).

Конфузъ. «Фу-сѣ, какой конфузъ: стѣм арбузъ, отримулосъ рѣдѣкой!» погов.

Говорять, когда вѣсто чего-либо ожидаемаго получается совсѣмъ обратное.

Кончаться (кончиться). Кроме обычн. знач. еще: умирать. *Вчера чуть сътатъ начало, дѣдушка и кончился. До утра не дотянулъ.* (Ср. Онъ (выстрѣлъ) покатылся въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Чеховъ. Свят. ночью).

Конь, м. То же, что конёкъ (у избы), застрѣха.

Ковышпennyй щавель—конскій щавель.

Коробейщикъ, м. Тотъ, кто везетъ приданое невесты (везутъ его въ домъ жениха обычно на 2-ой день свадьбы).

Корѣвка, н, ж. Вѣлмй грибъ.

Коровякъ, а, м. Дурной, скверный, а также безобразный человекъ. *Живучи на елку, придется дать и коровяку* (погов.).

Корѣха, н, ж. Корь. У ребенка-то кориха.

Корявый. ая, ое. 1. Шероховатый, съ сучками, не гладкій. 2. О лицѣ: не чистое, съ рябинами, болячками и т. п. *Что корявые, рябые—мои друи всё мыле...* (пѣсни).

Косѣтъ, ска, м. Косой уголъ, кусокъ чего-либо.

Косѣчекъ, м.—уменьш.

Косѣля, н, ж. Землед. орудіе: плугъ съ космиъ лезвіемъ (отрѣзомъ). Имъ «оршеть» землю. Потомъ её боронуютъ. См. Лемѣхъ.

Косынка, н, ж. Ласкат. отъ сл. коса.

Не бери ты, моя голубушка,

Да мою да русу косынку...

(Изъ причета).

Косякъ, а, м. Подоконникъ. Оперлась я на косякъ, гляжу въ окошечко..

Кочень. Род. п.: коченя и кочнѣ. м. Кочанъ, голова капусты.

Кѣчка, ж. Засохшій на дорогѣ комъ земли.—«Голова не кѣчка, что-нибудь да *зду-маетъ*» (вздумаеть)—погов.

Кошѣночекъ, чка, м. Уменьш. отъ кощей.

Онъ соотсъмъ кошѣночекъ: ровно высохъ. Въ томъ же знач. *Кошѣночка*, н, ж. *Она теперь словно кошѣночка, худенькая стала.*

Красный, ая, ое. Красенъ и красѣнъ, краснѣ, краснѣ. Кроме обычнаго значенія:

1. О погодѣ: хорошій, погожій, солнечный. *Когда краснѣ, дакъ на улици гу-ляютъ.* (Ср.

Я восхпщенъ природой красной...

Батюшк. Воспом. 1807 г.

О, юность красная, цвѣтъ...

Бат. Сов. друзьямъ).

2. О лицѣ: красивый. *Парень этотъ не краснаго лица... «Дакъ што-аъ: съ лица не воду пить!»*

3. Поговорки: *Краснѣ птица перьямъ, а человекъ ученьямъ. Краснѣ поле пшеномъ, а бестѣда умомъ.*

Замѣтъ: *красота.*

«У тебя, голубушка... Вѣлы рученьки подѣмчивы ко моей да ко русской косѣ и къ моей дѣвѣей красотѣ» (причетъ).

Край. «Знай край, да держись — не падай» (погов.)—соблюдай во всемъ мѣру, будь остороженъ.

Кривулѣчка, н, ж. Закорючка, крючекъ.

— *Въ рукахъ у нея палочка, а ручка то у ней кривулѣчкой.*

— *На материи такіа кривулѣчки розоватенькіа.*

Кринка, н, ж. Глиняный невысокій кувшинъ, въ серединѣ утолщающійся.

Уменьш.: *криночка*. Перен.: *криночка снятая* (т. е. со снятыми съ *молода* пѣнками, славками)—дѣвушка, утратившая невинность до замужества.

Крѣшево, а, ср. Нашинкованная капуста.

Кровище, н, ж. Увелич. отъ сущ. кровь.

Крышка. Въ выраженіяхъ: «пришла, сдѣлалась, случилась крышка»—умеръ.

Кудрявиться (закудрявиться). Виться, завиваться. *У нею волосы кудрявятся.* (Ср.

Крупные, головастые кочии капусты кудрявились. Полевой. Челов. предполагает).

Ку́кать, перех. Стукать, колотить. Ужъ я её кукала, кукала.

Кула́къ. *Послѣ драки кулаками не машутъ* (погов.).

Кури́ца. «Ровно курица стоячаго оббѣжить, курица стоячаго оббѣжить» — погов. — гово-
рится, когда хотятъ указать на медленность движенія.

Кури́нкать, аю. 1. О кошкѣ: мурлыкать. 2. Говорить себѣ подъ носъ. 3. Печалиться, горевать.

Кутельба́, и, ж. Заметель (см.).

Кути́нкать, аю. 1. О курицѣ: кудахтать. 2. Говорить вперемѣшку, торопясь, сбиваясь.

Ку́ть, и, ж. Прихожая въ избѣ.

Л.

Лембѣ́, а, и. Большой широкій зубъ, находящійся передъ отрѣзомъ (т. е. левіемъ) косули (плуга). Зубъ этотъ деревянный; иногда для прочности оковывается жо-
лѣзомъ.

Лѣнѣ́. Въ погов.: «*Севодни выпалася я что бѣлый лѣнѣ*!» (Лѣнѣ хорошо усти-
ляется, ложится рядами, а потому тутъ нѣтъ въ виду, что было удобно ле-
жать).

Лепѣ́сть, а, и. Большой листъ (растенія).

Лепета́ть. 1. О говорѣ ребенка: говорить.

2. Говорить быстро, невнятно, какъ бы зашебываясь. *Залепетать* — начать ле-
петать. Въ томъ же значеніи: *лопотать*, почу, почать; *залопотать*.

Ливѣ́вица, и, ж. Улитка. (Замѣть, что объ улиткѣ говорить: «Улитка ползѣтъ, словно
лижетъ»).

Линѣ́вый, ая, ое. Линючій. Ситецъ линявый.

Личи́шко, а, ср. Уменьш. отъ сл. лицо. *Личишко то маленькое, борода́нка чер-
ная...* (Въ Куб. и Терск. обл.: личинько).

Луговѣ́на, и, ж. Нош, цѣлина; земля, еще ни разу не паханная.

Лукѣ́шко, а, ср. Круглая, неглубокая корзина, въ которой несутъ хлѣбныя зерна для
сѣянія. Къ ней прикрѣпляется ремень (или веревка), перекидываемый черезъ
плечо. Иначе — сѣтево, а, ср.

Лу́шить, щѹ, щать. Сдирать скорлупу.

Лушить стѣмьчки — грызть ихъ.

Лѣ́дальнѣй, ая, ое. Хворый, хилый, болѣзненный. То же, что залѣдѣющій.

Мальчѣнка соотѣлѣ лѣдальнѣй... какъ душа еще держится!

Лѣ́пѹшка, и, ж. Какая-либо замазка для залѣпки чего-либо.

*Винъ, стекло съ окнѣ треснуло... Надо какъ-нибудь лѣпѹшку сдѣлать
да замазать.*

Лѣ́дальнѣй, ая, ое. Плохой, негодный, хворый, болѣзненный.

Лѣ́дѣть, ѣю. Хворать, хирѣть, болѣть.

М.

Магазѣ́я, и, ж. Общественный амбаръ.

Маката́шечки, щечекъ, ж. Женскія груди.

Маката́шечки Христови

Прикатали изъ Ростова! (погов.).

Ма́ковый, ая, ое. Красная дѣвочка,

Ситѣй-ка итѣ рубашечку

Изъ маковаго листа;

- Прострочи строчку,
Не прорви листочка... (пѣсня).
Макъ—символь дѣвства. Сравни:
Что и маковый цвѣтокъ,
То молодухи у насъ.
Тул., Волог. (Шейнъ. Великор., вып. I, 75, 77).
Мастерить (смастерить) перех. Дѣлать что-либо, т. е. какую-либо вещь. *Ты что это мастерилъ? Да вотъ повозочку для мальчонки.* (Ср. Никакихъ новыхъ твореній у меня не появилось съ того дня. Я только мастерилъ и отливалъ формы. Ибсенъ. Когда мы мертв. просн. Пер. Бальт. и Полякова).
Матерщинникъ, м. Тотъ, кто матерно ругается.
Женск. р.: *Матерщинница.*
Матюгать. Сов. видъ: *матюгнуть*. Ругать (выругать) матерно.—*Отъ меня здорово матюгнулъ.*
Матюкать (матюкнуть), перех. То же значеніе.
Матѣшникъ, а, м. Тотъ, кто ругается матерно. Такъ же: *матюжникъ*.
Меринѣй. Прилаг. отъ сл. меринъ. (Зам. Мерашка—лошадь. Донъ. День. 1862 № 28).
Мизгѣрь, я, н. Паукъ.
Милкрѣвый, ая, ое. 1. Хорошій, милый; 2. Красивый.
Модѣтъ, ѣю. Хирѣтъ, болѣтъ.
Молодѣхонькій, ая, ое. Очень молодой. *Благослови меня да молодѣхунку...*
Молодѣць, дца, м. Кромѣ обычн. знач. еще: неженатый парень.
Молодка, м, ж. Женщина, недавно вышедшая замужъ. Иначе: *молодѣха*.
Молотѣло, а, ср. Цѣпъ.
Моржѣха, н, ж. Верестъ. Прован.: моржѣхѣха.
Мѣни. См. Шунн.
Муслѣкать, аю. Слюнявить, муслить.
Мальченокъ мой свою куколку всё муслѣкаетъ.
Мутѣвка, н, ж. Деревянная мѣшалка (съ развилками на концѣ) для чего-нб. жидкаго; весѣлка.
Мышѣкъ, а, н. Собачій грибокъ.
Мѣра. «*Когда рожъ, тогда и мѣра*» (погов.), т. е. всему свое время.
Мясина, н, ж. Мясо.

Н.

- Навернѣтъ на что-либо—захотѣться, потянуть на что-либо.
Другой разъ её на такую радость навернѣтъ...
Навѣзница, н, ж. Время, когда вывозятъ со двора навозъ (передъ Петровымъ днемъ).
Наѣшка, н, ж. Наѣтъ. *Сегодня ужъ наѣшка рабочиѣ была.*
На-короткѣ, нарѣчв. выраж. Въ короткій срокъ.
Найчикъ, а, м. Наружный ставень (у окна).
Намной, ая, м. Снякъ. *У меня намной на рукѣ...*
Намѣй, я, м. Низменное мѣсто, затопляемое водою; замоѣй.
Напопримъ, нескл. Напряникъ.
Нѣ-прямо. Совершенно прямо. «Вѣду я нѣ-прямо въ лѣсъ». *Прямо нѣ-прямо.* Совершенно прямо. «Ты это ему нѣ-прямо и сказалъ? —Такъ прямо — нѣ-прямо и сказалъ».
Насандѣливать (насандѣлить). Усиленно, быстро дѣлать что-либо.
Настолѣшникъ, а, м. Скатерть, на которой обѣдаютъ.
Начѣсывать (начесать). Зачѣсывать.
Начѣсываться (начесаться), причѣсываться, зачѣсываться.
Куда мнѣ начѣсываться?—«А што, развѣ простоголовый ходитъ лучше?»

Непереносный, ая, ое. Трудно переносимый. «Боль у меня у животѣ непереносная».
 Неудалый, ая, ое. Гадкій, плохой, неважный.
 Нехворощъ, а, м. Раст.: Полюнь полевая (*Artemisia camp. L.*).
 Низкопоклонливый, ая, ое. 1. Кланяющийся низко. 2. Занскивающий, льстящій.
 Ножище, и, ср. Увелич. отъ сл. нога. «*Подъ старую жоппишу—молодыя ножища*» — погов. (о неравномъ бракѣ, когда мужъ старѣй).
 Ночёвывать (ночевать)—проводить ночь во снѣ, спать.
 Нутрёцъ, а, общ. Холощенный; лишенный янчекъ. *Кошка-нутрёцъ. Птиухъ-нутрёцъ.*

О.

Обложить, перех. Перен.: сильно выругать. *Ну, и хотѣлъ я его обложить!*
 Облапываться (облапаться). Пачкаться, забрызгиваться чѣмъ-либо жидкимъ. Гл. дѣйств. облапывать.
 Обниже, и, ж. Объятіе. *На бесѣдѣ (посидѣлкахъ) та теперь паренъ съ дѣвкой въ обнимку сидятъ.*
 Уменьш.: *Обнимочка.*
 Обирать (оборать). Собирать что-либо всё до-чиста. *Я съ лавокъ всю грязь обобрала* (и обобрала).
 Обормотъ, а, м. Соблазнитель женщинъ; тотъ, кто пристаётъ къ нимъ съ дурными намереніями. Негодай, низкій человѣкъ.
 Презрительно: *обормотина*, ы, м.
 Обоспаться. Заспаться; спать слишкомъ много.
Что это вы обостались сегодни?
 Обуваться (обуться)—съ предл. въ. *Въ сапогахъ обулась.*
 Обшмыгать. Обшарить, обсмотрѣть. «Весь домъ обшмыгалъ, а ключа не нашёлъ».
 Объарывать (объарать). Обходить косулей, сохой, плугомъ вокругъ чего-либо, проводя бороводу. Объарываютъ, напр., деревню при «новѣтрѣ» (повальной болѣзни)—ночью, до восхода солнца.
 Обыданный, ая, ое. Въ одинъ день совершающійся. См. княжіи.
 Оводно, нескл. Много оводовъ (слѣпней).
Холодно, да лучше: не оводно.
 Озимовый, ая, ое. Озимый.
 Одиоконна, и, ж. Косуля, соха (плугъ) въ одну лошадь.—Вообще и какой-либо экипажъ въ одну лошадь.
 (Замѣтъ: Въ Кубанской обл. перекладную, въ которую заложено двѣ лошади, назыв. «цароконна».)
 Одиокдсый, ая, ое. О женщинѣ: съ косой, заплетенной въ одинъ жгутъ.
 Окартомить, нлн, нять. Сов. в. къ гл. картомить (см.). *Что, дѣтицы? Окартомимъ себя избу?*—«Нѣтъ, еще не окартомлена».
 Окутла, и, ж. То, во что кутаются, закутываются; то, чѣмъ окутываютъ что-либо.
 Омолдсниться. Оскоромиться. (Ср. въ Арханг. г. Молодчниться, немолдчниться, обмолдчниться—скоромиться, оскоромиться. Слов. Подв.).
 Опаривать (опарить). Паромъ обжигать. *Я какъ мылась въ печи (въ деревяннѣхъ банѣхъ) да парилась, дакъ спину себѣ всю опарила.*
 Опариваться (опариться). Обжигаться паромъ.
 Опрѣть. Запрѣть. *Болю толста баба стала: мѣтожъ опрѣть.*
 Опустѣть. О почвѣ: нотошиться. *Земля опустала, не родитъ.*
 Отклочить, перех. Отодрать за волосы.
 Откндывать (откннуть) кровь—пустить (пускать) кровь.
 Отовладѣть, перех. Отобрать у кого-нибудь что-нибудь себѣ во владѣніе.
 Отпддичать. Закусать во время перерыва денной работы.
 Отрыгаться (отрыгнуться). Выть отрыжкѣ.
Весь день яйцами отримается.

Отръвъ, а, м. Лезвіе косули (см. сл.).

Отставать (отстать) отъ чего-либо (и безъ предл.). Переставать дѣлать что-либо.

Пока не нахожусь волю, мнѣ не отстать.

Отстань ты отъ кашки! Голодень што ли... Вдѣ облачаешься...

Ощѣтить, перех. Сильно ударить, огрѣть.

Я его такъ по голове палкой ощучила, што домо помнитъ будетъ.

П.

Падкій, ая, ое (съ предл. до). Весьма склонный къ чему-нб., охочій до чего-нб.

Что коротка—коротка,—До роблять она падка (пѣсня).

Палвочникъ, а, м. Полка у стѣны.

Паренина, ы, ж. Паровое поле. Говорится и прямо: «паровде». *Это яровое... Это паровое.* (Зам. Ватюшки нон, родные мои, паровая бѣгуть, паровая бѣгуть! Донъ. День 1862 г. № 28. Паровая—пароходъ).

Пѣужна, ы, ж. Закусна, закусываніе передъ ужиномъ, т. е. въ 4—5 часу.

Пѣрвое Воскресѣнье—первое послѣ Петрова дня воскресенье.

Первохристосованье, а, ср. Яйцо, полученное отъ кого-нб. при первомъ христосованіи («христосванье, христосванье») послѣ Свѣтлой Заутрени.

Переждаться. Замѣдлаться, соскучиться ожидая.

А мы ужъ васъ переждали! Думали, што не придѣте.

Пережидъ, а, м. Родъ колдовства въ полѣ съ хлѣбомъ. Дѣлается для того, чтобы привлечь къ себѣ удачу («спорынь»), а на другихъ напустить обратное. Для этого срѣзываютъ перекрученный пукъ колосьевъ.

Переждъ, а, м. Земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы.

Переждътовый, ая, ое. Престарѣлый.

Переждътовая невѣста—невѣста, вышедшая изъ лѣтъ замужества.

Переждѣтка, и, ж. Чересѣдельникъ.

Переждѣтникъ, а, м. Чересѣдельникъ.

Переждѣ, ѣ, ж. Коровий хлѣба, который каждый, желающій говѣть, даетъ священнику въ тотъ день, когда священникъ приходитъ въ село съ «постной» (см. сл.) молитвой.

Пѣрье, ѣя, ср. собир. Пѣрья.

Красна птица перелѣзъ, а челоука учетаъ (послов.). (Замѣть слѣд. собир.: Найлучшее пневое смолье получается изъ пней лѣтъ черезъ десять. О смолокурениі. Богъ—помочь 1899 г. VI. Кожу выдѣлывать дубовымъ корьемъ—искусство открыто въ Англіи. Памятникъ вѣры изд. 1825 г. Молодое подкорье еще не залубеніло. Слов. Даля).

Петровщина, ы, ж. Сборъ яицъ и сметаны, который производитъ въ свою пользу церковный причетъ въ началѣ Петрова поста (за этотъ постъ).

Пинать (пнѣть) перех. Пихать, толкать. Собаку ногой не пинай: укуситъ. (Ср. Повалили Воздухова на полъ и первый... пиналъ его ногами съ грудь. Нов. Вр. 1901 г. № 8949).

Пленѣнка, и, ж. Племянница.

Плѣшка, и, ж. Большая глиняная чашка, въ которой пекутъ коравай.

Плѣшь, ж. *На—плѣшь каменеъ, ѡ—плѣшь лѣпнеъ, съ плѣши долой.* (Загадка. Влинь).

По-за. Повади. *По-за молодцаъ* (тв. п.) *дѣвушки стоятъ. Я по-за ваъ* (тв. н.) *стану.*

Повдѣйникъ, а, м. Женск. головн. уборъ, который носятъ только молодухи и старухи (въ родѣ чепчика).

Побывнѣться. Помереть, умереть.

Дядо-то мой въ нисѡдѣ побывнѣлся.

Повымотаться. Растратиться. Силушка—та у васъ повымоталась.

Погляженье, я, ср. Погляденье.

Подгъсье, я, ср. Пространство, нѣсто за лѣсомъ. «Мы по подгъсью косили». См. *Залсъе*.

Подножье, я, ср. Кусокъ матеріи, который кладется въ церкви во время вѣнчанія подъ ноги жениху и невестѣ.

Подокъ, два, м. У помела—длинная палка, на которую насаживается вѣникъ изъ прутьевъ.

Подпорашивать (подпорошить). Посыпать, устилать сѣнгомъ (о первой порошѣ).

Замерека (см.) *ишию не было, а такъ подпорошило*.

Подпиркипенокъ, ика, м. Маленькая конна воегъ большой.—*Стоитъ конна съ подпиркипенокъ* (скороговорка).

Подсѣльщина, ы, ж. 1. Поселки и усадьбы, находящіяся подъ селомъ. 2. Общ. Жители этихъ поселковъ и усадебъ.

Подсѣлечникъ, а, м. 1. Подсолиухъ (самое растеніе). 2. во множ. ч.—сѣянцы его.

Подступать, подступаться. Подходить близко.

Свои собаки грызутся, чужая не подступайся (послов.).

Подсубботничекъ, чка, м. Что либо сдѣланное подъ субботу.

Подсыхать. (Подсдохнуть). «*Сегодня охъ да завтра охъ,—ужъ у меня и осмотыго подосохъ*» (т. е. подвело). Погов. Говорится про нужду, бѣдность.

Подсъкъ, а, м. Площадь лѣса, предназначенная къ обращенію въ пашню, съ невыжженныи еще лѣсомъ.

См. *сыжма*.

Подходчивый, ая, ое. 1. Быстро подходящій.

Скоры ноженьки у тебя да подходчивы...

Ко моя да ко русой кость... (притчеъ).

2. Дѣлающій что-нб. не просто, а съ «подходами» (т. е. съ хитростью, предудрежденіемъ).

Подъ. Предл. «*Это мнѣ не подъ лицо,—красное лицо*». Погов., т. е. это нѣтъ по къ лицу, не идетъ мнѣ, для меня не годится.

Подъѣмчивый, ая, ое. Легко поднимающійся.

(Прим. подъ сл. *красный*).

Подъѣбница, ы, ж. Подполье. Въ подѣбницѣ мыши завелись.

Поднимать (поднять) залогъ—распахивать въ первый разъ землю, никогда еще не паханную.

Позажариться. Черезчуръ зажариться. *Поставила я бабу съ утлаъ печки, а она и позажарилась*.

Понизъть. Совершить соитіе.

Пококовать. 1. О кукушкѣ: немного покуковать. 2. Погоревать. 3. Поговорить монотонно.

Покукавать. Немного побить; поколотить слегка.

Покуривать. 1. О кошкѣ помурлыкать. 2. Поговорить подъ носъ, побурчать. 3. Погоревать немного.

Покутывать. О курицѣ: покудахтать.

Подин, ей, м. 1. Перерывъ въ работѣ въ полдень или около него. 2. Ъда, закусываніе въ это время.

Поддичать и поддичать. Закусывать во время полуденнаго перерыва работы.

Въ стенокъ домо полдничать не приходится.

Полугодѣна, ы, ж. 1. Полгода. 2. Въ ед. и множ. ч.—день полугоды чему-либо.

Полусорочкинъ и полусорочинъ, ѣ, ж. 1. Двадцать дней со дня смерти кого-нб. 2. Заупокойн. обѣдня, совершаемая въ 20-ый день со дня смерти.

Помститься. Везлича. Померещиться, показаться.

Да что ты! Нешто это мнѣ помстилось?

Понзъть. Переизать, усонить. *Мы эту пѣсню отъ него слытали и понзали еѣ*.

Поперѣчника, и, ж. Перекладина въ боронѣ, въ которую вставлены «зубы» (зубья).

- Попорошѣть. Мелко посыпать; посыпать чѣмъ-нб. мелкимъ. — *Синъ попорощилъ. Нужно бабу сугариками малость попорощить.*
- Попреть. Начать претить, «*Аппетитъ, пока не попретитъ*» (не омерзѣть, не надоѣсть). Погов.
- Попрѣтчиться. Почудиться, померещиться (употр. безл.). (Ср. Чтобъ тебѣ самому попрѣтчилось, старому лѣшему! проворчала старуха. Гейнце. Новг. вольница).
- Попутникъ, а, м. Раст.: Подорожникъ. (*Plantago media* L.).
- Пораздумать. Раскинуть умомъ, подумать. *Сразу ничто не скажешь: тутъ надо пораздумать... А какъ пораздумаю, такъ скажу тебѣ* (Ср. Мнѣ всегда казалось, что... женщина могла бы повременить... хорошенько пораздумать. Лѣск. Разск. Кстатя. Нива. 99 г. № 30. Видный... вынулъ изъ-за назуки камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросилъ камень на землю... Д. Толст. 1-я кн. для чт. 7.
- «Она порывисто хотѣла прибѣгнуть къ яду... Но пораздумала—и вотъ опять томится и живетъ.
- Фофановъ. Поэтесса),
- Ср. Раздуматься.
- Посадскій, аго, м. Жуликъ, мазурикъ.
- Поскалка, ж. Сплетница.
- Поскрѣбушекъ, шка, м. 1. Кусочекъ какой-нб. їды, соскобленный, выскобленный со дна посуды. 2. Перен. Последний сынъ у родителей, послѣдышекъ. Въ томъ же знач.: *Поскрѣбушъ*. (Ср. въ Холмог. у.: Заскрѣбушъ—небольшое печеніе изъ тѣста изъ оскребковъ отъ стѣны и дна сосуда. Слов. Подвысоцкаго).
- Поскѣлить, лю. Грохно поплакать.
- Послѣдышекъ, шка, м. Последний сынъ у родителей.
- Посочить. Немного выпустить сожъ изъ чего-либо. *Мы наметли березу посочили.*
- Поссориться. Дѣлур.: Поссоривши. *Они все утро ругались и теперь поссорившись сидятъ.*
- Постарѣть. Состариться. *А вы, баринъ, постарѣли...*
- Постная молитва. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ чистаго понедѣльника священникъ созываетъ въ какую-либо избу всѣхъ мірянъ и тамъ послѣ молитвы записываетъ тѣхъ, кто будетъ говѣть.
- *У кого постная молитва? «У Егора Никитича».*
- Постоловать. Соверш. видъ къ гл. столовать (сн.).
- Посидѣнуть. Стать немного мягкимъ, обмякнуть.
- Поточать. 1. Погрызть, понадѣлать дырокъ. Жукъ поточилъ доску. 2. Покусать, испусать (о насѣкомомъ). *Боясь стать тутъ: меня тараканы поточатъ.*
- Похвастаться. Побить себя вѣникомъ, парась въ банѣ.
- Поцѣпать и поцапать. 1. Потрогать руками. 2. Растащить что-либо.
- Почѣтница, ж. Дѣвушка, которую парень выбралъ себѣ въ навѣсты.
- Почухать, верех. Почуять.
- Чухаю—почухаю,
Припаду—попюхаю.*
- Прахъ, а, м. Переносно: нехвѣстная причина.
- «*Отъ какого это праха руки чешутся?*
- На кой прахъ—Для чего-то; Богъ вѣсть, почему.
- «Въ сапоги она обулась,
На кой-то прахъ надулась.
Дулась, дулась, повернулась;
Тутъ стало—разотелась».*
- Преженецъ, нца, м. Пышка изъ тѣста (такъ же: приженецъ).
- Прибодина, м, ж. Прибодина, и, ж. Узкая планка вдоль наружнаго, передняго края (ребра) скамьи.
- Прибывать. Безл. Прибыло—разнесло (какъ пожеланіе дурнаго). «Чтобъ тебя прибыло!»

Прибыль, ая, ое. Оказывающийся прибылью; выросший как прибыль.

«Сколько овечь-то?» — Двадцать, да за эту весну прибавилъ шесть.

Если у молодухи (недавно вышедшей замуж) подолъ залупился (завернулся)—прибылому быть (т. е. сыну).

Привязливый, ая, ое. Привязчивый. Привязливъ ровно муха лѣтѣть. Я чело-
вѣкъ привязливый: пристаю скоро ко всякому

Привѣшувекъ, шка, и. Маленькій привѣвъ. Къ пѣснямъ и привѣшувки биваютъ.

Прискочить. 1. Прибѣжать, неожиданно явиться.

Чего ты прискочилъ суда? Тебя еще не хватало!

2. Привскочить.

Присловка, и, ж. Присловье, прибаутка.

Прихватить, чѹ, тять. Схватить, взять крѣпко.

Она его за руку и прихватила: стой, говорить...

Прихвѣня, и, м. Любование.

Услыхала отъ мамыши ве давно:

Мамаша хвалить прихвѣню моего.

Въ самомъ дѣлѣ, говорить.

Дочка милая моя,

Какой хорошій прихвѣня у тебя!

Причѣрина, ы, ж. То же, что прибоина (см.) уменьш.: Причѣрника.

Пришва, ы, ж. «Голова какъ пришва», т. е. гладкая, низко выстриженная или лысая.

Пробудъ, а, м. Пробужденіе. Спите безъ пробуду.

Простынь, и, ж. Простыня.

Протягать, перех. Протягивать.

Проохотаться, чѹсь: Облегчить себя, наохотавшись; наохотаться до-сыта.— Охъ, го-
лубчики, не проохочусь никакъ!

Процѣловать. 1. Перех. Совсѣмъ зацѣловать. 2. Провести время, цѣлуя кого-нб. 3. «Же-
ланчикъ не процелованный» — милый, желанный другъ, котораго все хочется
цѣловать и съ которымъ никакъ не нацѣлуешься.

Прѣсло, а, ср. «Рожа какъ прѣсло», т. е. нѣтъ рожи хуже.

Прѣшеть. Говорить во снѣ.

Пупырышекъ, шка, и. 1. Прищипъ, волдырьчикъ. 2. Пузырекъ въ закипающей водѣ.

Пустошъ, и, ж. Сѣновосное мѣсто.

Пустырь, ѣ, м. Пахотная земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы. См.
Перелогъ.

Пухавка, и, ж. Что-либо мягкое, какъ пухъ.

У нею волоса, какъ пухавка.

Пѣлиться. Смотрѣть выпуча глаза.

Что онъ тутъ ходитъ да пѣлится?

Р.

Разбосѣться. Ходить много босикомъ. Что-то сегодня я разбосѣлась.

Разваливать (развалить) дорогѹ — устранять на дорогѣ препятствія, мѣшающія проѣзду
по ней (напр., дѣлаемые свадебному поѣзду).

НВ. Заваливать (завалить) дорогѹ — дѣлать на дорогѣ загражденія.

Раззава, ы, общ. Разиня, ротозѣй.

Разламывать (разломить). Ломать (о болѣзненномъ состояніи тѣла, напр., во время ли-
хорадки). Употр. безл. Такъ меня и разламываетъ... Всю меня разломило.

Разломило всѣ мои косточки. (Ср.

Моготы моей нѣтъ за тобой бѣжать,

Разломило мнѣ несть знамя царское!

Донъ. День 1862 г. № 29).

Разодраться. Подратся, передратся. «До-пьяна напьемся, всѣ раздережся».

Раздѣлаться. 1. Раскинуть умомъ; подумать, взвѣсивъ обстоятельства. 2. Раскинуться въ думѣхъ, разсѣяться. 3. Раздумать, перерѣшить.

Разжигать (разжечь). Безличн.: разжигаетъ, разожгло—о повышенной температурѣ тѣла—есть жаръ. «Мальчѣнку такъ и разжигаетъ».

Разорвать. Безл. разорвало—какъ пожеланіе дурного.—*Чтобъ тебя разорвало!*

Разругаться. Дѣпр.: разругавши. *Онъ о ту пору былъ съ ней разругавши.*

Разсѣхнуться. Разсѣяться.

Онъ мнѣ только слово сказалъ, а я и разсѣхнулся.

Разцвѣтъ, а, м. Цвѣтъ, цвѣтеніе. *Что цвѣтетъ безъ разцвѣта?* (Заг.—Сосна).

Разъѣба, ы, ж. Непотребная женщина, блудъ.

Разъярё, ья, ср. Разня, роготѣй.

Раскумекивать, аю. Тоже, растобаривать, точить ласы, болтать попусту.

Да ты не раскумекивай: говори прямо, что надо-то?

Распахать, перех. Кромѣ обычнаго значенія («Распахать полюсу») еще: разбросать, раскидать что-нб. *Вы всё въ комнаты распахите.*

Распрѣшиваться (распроситься)—просить о чемъ либо долго, усердно, надовдливо.

Распѣтушьё, ья, м. Пѣтухъ, лишенный яицекъ.

Молодка, а куда отъѣхъ наши распѣтушьё? (Замѣтъ любопытное Поморское слово—Арханг. г.—Размужѣе, т. е. женщина съ сильными, подобно мужчине приёмами: Слов. Подвыс.).

Растяпа, ы, общ. Неловкій человѣкъ, разня, неуклюжій человѣкъ.

Экая ты мамина растяпа: ничего сдѣлать не умѣешь!

НВ. Мамина, т. е. находящійся на попеченіи матери; о которомъ заботится мать.

Родъ, а, м. Семь батокъ на іоду, одна мать на роду. (Погов.).

Рудъ, ы, ж. Кровь.

Изъ копыта руда бѣтъ...

Рукобѣтъ, ья, ср. Первое пированіе у неvěсты за недѣлю или дня за три до вѣнчанія.

Ручникъ, а, м. Длинное полотенце и вообще полотенце (личное). Иначе: *Утиральникъ.*

Рядный, ая, ое. Совершающійся, дѣлаемый подрядъ.

Мы по покойничку ряднѣ обидню попу заказали; значитъ—до сорочинъ самихъ.

С.

Сазнѣ, а, м. Человѣкъ отиѣнный по своимъ дурнымъ качествамъ (равнозначуще слову «варась»).

А у ней помобовникъ... Да, хорошаго сазонъ завела!

Такъ же: *Созонъ.*

Салазки, окъ, ж. Глазки, какъ салазки (погов.).

Сбдрникъ, а, м. То же, что повойникъ (см.).

Свистодѣрка, и, ж. Сплетница.

Свѣтець, тца, м. Подставка для лучины.

Свѣтъ, а, м. При названіи человѣка: милый, дорогой.—*Свѣтъ ты моя родная матушка!*

Свѣтикъ, а, м. Милый, дорогой, любимый.

— *Свѣтикъ ты мой ясный, касатикъ ненаглядный!* (Ср.

Свѣтъ ты, моя волюшка;

Свѣтъ ты, моя вѣгушка;

Свѣтъ ты, моя дѣвчья красота!

Терск. обл. Сб. Панкр. 100).

«Свѣтъ, моя сѣни». «Свѣтъ, мой соловей». Сказ. р. нар. 142.

Сендєврі. Нескл. Въ припѣвѣ:

Какъ на морѣ-морѣ
Дѣвчка платье мыла,
Громко колочила,
Сухо выжимала,
На берегъ кидала.
Сендеврѣ, бринь душа,
Фельмъ—ферентъ,
Кумъ Лаврентій, кумъ Иванъ!

А что значитъ это сендеври?—«Да ничего! Такъ припѣвушкѣ». (Проввн.: сендеурѣ).

Скисать (скиснуть). 1. Напр. о молокѣ. 2. «Скиснуть» — какъ пожеланіе дурного. *Да уходи ты отъ меня, чтобъ тебя скиснуть!*

Складчина, и, ж. Складчина.

Скѣрбнуть. Твердѣть, дѣлаться жестыиъ. *Мокрая тряпка на морозъ скорбнеть.* Скрѣкъ, нескл. На спину, за спину.

Скѣлить, лю, лять. Громко плавать.

Славѣнка, и, ж. Богатая дѣвушка (слава о богатствѣ которой пошла далеко).

Сладкій, ая, ое. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Милый, желанный, любимый.

«Сладкій ты, сладкій, милый мой»!

2. Пріятный, хорошій. *У нихъ то жить было хорошо... Житье сладкое было. Сладко, прил.-сказ. Кромѣ обычн. знач.: хорошо, пріятно, отрадно, радостно. Тебѣ, поди, въ городѣ не сладко жилось?—Стелетъ онъ мягко, да спать то не сладко.—Вста да пьетъ сладко, всегда одѣта, обута...—А и сладко же я цѣловался съ ней!*

Слезовой, ая, ое. Слезливый. *Да и слезовой онъ человекъ: чуть что, сейчасъ плачетъ.*

Смастачить, чу, чать. Перех. сдѣлать, смастерить.

Смозолить, лю, лять; лилъ. Соверш. перех. Натереть мозоли. «Пакеда къ вамъ шолъ, всѣ ноги смозолил. За этой работой всѣ руки смозолилъ».

См. измозолить.

Смордний, ая, ое. Сирадный. Смордно: прилаг.—сказ.

Смордѣ, а, м. Сирадѣ.

Смѣхъ. м. Въ косв. пад. удар. на концѣ. *Не для смѣху это говорится.*

Мн. ч.: *Смѣхъ*—въ знач. смѣшки, усмѣшки, пересмѣхиванье.

Снизки; зокъ, ж. Вусы, завязывающіяся лентами. — *Ишь, въ низки обрядилась, словно въ праздникъ.*

Созонъ, а, м. См. Сазонъ.

Созонецъ, нца, м. Уменьш. и презрит. отъ сл. созонъ.—*Сидѣла въ дѣвкахъ до сонца и высидѣла созонца* (О разборчивой, засидѣвшейся невѣстѣ).

Совѣла, и, общ. Тотъ, кто много спитъ, соня. Иначе: *заспѣла*.

Сорочины, ѣ, ж. 1. Сорокъ дней со дня смерти. 2. Сорокоустъ.

Такъ же: *сорочины*. См. полусорочины.

Сорѣчка, и, ж. Раст.: Поповникъ обычн.

(*Chrysanthemum leucanth. L.*).

Сочить, перех. Извлекать, пускать сокъ изъ чего-нб. *Весной березу сочатъ.*

Спокой, ая, м. Покой. *Мнѣ отъ неѣ спокою нтъ.* (У Ватюшк. къ Муравьеву: Спокойся! Съ первыми громами

Къ знаменамъ славы полетишь).

Спориться 1. О дѣлѣ: идти хорошо. 2. Спорить. «Коли такъ, я не спорюсь».

Спорыиый, ѣй, ж. (въ связи съ гл. спориться). Удача, удачливость.

«Будь у меня спорыиый, а по деревнѣ лѣнь!» говорятъ, дѣлая пережикъ (см. сл. провнн.: Спорыиый).

Спровѣдывать (спровѣдать). Провѣдывать, навѣщать. *Гдѣ была?—«Сосѣда спровѣдалъ».—Я его спровѣдала.*

Стандѣ, нца, м. Остовъ боровы.

Старшій, ая, ея. О возрастѣ: съ дат. над.

У насъ въ семьѣ я старшая вѣтъ: и братьямъ и сестрамъ (т. е. старше всѣхъ).

Стѣкъ, а, м. Выступъ крыши надъ стѣной (отъ сл. стекать).

Столовать (сов.: постоловать). *Дѣвка столуетъ*, или *дѣвкой столуютъ* — такъ называется столъ (т. е. обѣдъ, пирушка) у отца невѣсты до вѣнчанія. — *Тутъ свадьба плохая: дѣвка столовала.*

Суц.: *Столованье*, ья, ср.

Сторонѣ, м, ж. Родина — *У насъ такъ въ сторонѣ всё не такъ!*

(То же въ Терск. и Кубан. обл.: *У насъ на сторонѣ какъ рождъ родится!*)

Стоячій, ая, ея. Спертый (о воздухѣ). «*У комнатъ воздухъ (духъ) стоячій*».

Строчить, чѣ, чать. Щелушить, лущить.

Стымячки строчить.

Ступица, м, ж. Ступа въ колесѣ.

Счастье. Погов.: *Счастье не рождъ, въ подолъ не упрѣбѣтъ.*

Сѣренокъ, пка, м. Сѣрная спичка, сѣрникъ.

Сѣтево. См. Лукошко.

Т.

Тананѣ, ѳвъ, м. Срамныя части тѣла.

Таскивать (таскать). Кромѣ обычн. значенія: теревить, трясти.

«Моя мачиха лиха, не ласкова:

Комуха (см.) её не таскивала!»

Тенятникъ, а, м. Паукъ. *Тенятникъ съ потолка свалился... Глянь! Да какой большой!*

Теплячѣкъ, чка, м. Простой и ласковый человекъ.

Тѣнкій, ая, ея. О голосѣ: высокій. *Дѣвочки поютъ пѣсню тонкимъ голосомъ.*

Топникъ, ѳ, м. Глиняный, нивкій и широкій горшокъ съ длиннымъ, широкимъ носикомъ и съ ручкой (въ немъ топятъ масло).

Торопомъ, нескл. Торопливо. *А я пошелъ къ нему торопомъ; думалъ—застану.*

Тошѣй, ая, ея. Тошій. *Да какой ты тошой!*

Травѣна, м, ж. 1. Травка, былинка (иногда съ отгѣнкомъ увеличенія).

Выдерни травину, она только рѣдку глѣшитъ.

2. Собираетъ, увеличитъ. *Ну и травина на луку! По поясъ!*

Трѣпаный, ая, ея. Растрепанный. *Ишь, какая ты трѣпаная!*—«Съ огорода пришла»...

Трепескаться, аюсь. Трястись, трепыхаться.

Трѣпнуться. Сразу свалиться, упасть, бухнуться. — *Какъ я это трѣпнулась на кроватъ, такъ ровно мѣртвая заснула.*

Трирядка, н, ж. Матерная брань.

Будетъ тебѣ трирядкой ругаться! Я ему трирядку загнулъ.

Трясучка, п, ж. Лихорадка.

«Трясучка тебя заведи!» (какъ бранное выраженіе).

Тукманка, н, ж. Тумахъ, ударъ по затылку.

Онъ мнѣ за эту тукманку дастъ.

Тяжелая. Беременная.

Батюшки вы мои, она опять тяжелая! Какъ это её уязвило.

У.

Увадить. Въ выраженіи: «Сколько я на это времени-то уважу (увелъ)» — какъ много тратчу (потратилъ) времени.

Углядка, и, ж. Вглядъ.

Умалди не безъ уватки.

Угребать (угрѣсть). Забирать, загребать. *Угреби-ка уполья въ пачи.*

Угрожать. Сов.: угрожать. Грозить, дѣлать угрозы.

Удобность, и, ж. Удобство. «Въ вашей набѣ никакой удобности нѣту».

Улипнуть. Пропастъ. Безл.: *Улипло*—пропало. (Употр. только безличн.).

Умазаться, умажусь. Вымазаться. *Мазала избу да и вся умазалась.*

Утиральникъ, а, м. Личное полотенце.

Ушеничко, а, ср. Уменьш.—ласк. отъ сл. ухо.

Ушеничко мнѣ надумо.

Ущупать, перех. Соверш. в. въ глаг. щупать; выщупать.

— *Штой-то тамъ въ мшикъ есть!*—«Я ущупалъ: не то яблоко, не то мотокъ нитокъ».

Ф.

Фельмъ—ферѣять. См. Сендеври.

Фыркать (фыркнуть). Кромѣ обычн. знач. переносно: огрызаться.—*А ты не фыркай, а то у меня живо получишь!*—«Да я такъ».

Х.

Хварывать (хворать)—болѣть, недомогать.

Хвастать. 1, перех. Бить вѣникомъ по тѣлу, парясь (т. е. въ банѣ).

2, непер. Имѣть половое сношеніе съ женщиной.

Хвастаться, аюсь. Бить себя вѣникомъ, парясь (т. е. въ банѣ). (Въ Арханг. г. въ томъ же знач.: хващиться. Слов. Подвыс.). (Зам.: въ лѣтоп. Нест. «хвдщутся»)

Хломоштить, мошѣ, мошѣть, перех. Заваливать, загораживать, загромождать.—*Всю дорожку хворостомъ захомоштили ктой-то.*

Хлыстать (хлыснуть), перех. 1. Бить хлыстомъ. 2. Бить рукой или чѣмъ-либо; бить сильно. *Мотри, подь руку не подворачивайся, а то я какъ хлысну!*

Хлыснуть.

Хлѣвъ, а, м. Помѣщеніе, куда загоняють скотину. Произн. такъ же: *клевъ*.

Хозяинъ, а, м. Такъ зовутъ домового.

Холѣра, и, ж. О человѣкѣ, который всегда недоволенъ, всегда брюзжитъ: «У, холера листопадная!»

Храбрый, ая, ое. Храбѣрь, бра, бро. «Храбѣрь пѣтухъ на пепелищѣ. Погов». (т. е. пѣтухъ храбръ тамъ, гдѣ никого нѣтъ).

Хохель, я, м. Кошель, кошелекъ.

Хохлиться, аюсь, лятся. Сунуться. «Чего ты хохлишься?» *Нахохлиться*—насунуться.

Хрѣнь, а, м. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Старый человѣкъ (о мужчинѣ). *Ахъ ты, старый хрѣнь!*

2. Мужской половой членъ.

Ц.

Цапать и цапать (цапнуть), перех. Трогать, хватать руками.

Цѣпь, и, ж. Ремешокъ у молотила (цѣпа), прикрепляющій къ длинной палкѣ маленькую, которой колотятъ.

Ч.

Черныленка, и, ж. Черное пятно, пятнышко.

Чумливый, ая, ов. Упрямый.

Чухать, перех. Чуять.

Чухаю, почухаю, припаду, — понохаю.

Ш.

Шашня, и, ж. 1. Оглобля. 2. Множ. ч. Амурныя походженія. — *Ты эти шашни оставь. Онъ завелъ шашни съ двѣчками.*

Шесть, а, м. Переносно: «Шесть получили» — получили отказъ въ сватаньи за дѣвужкой.

Шехомъ, нескл. О звукѣ: издавая звукъ ш—ш—ш...

Шдрснуть, перех. Больно ударить.

Шдрснуться. Больно удариться. *Хорошо—таки я шдрснулась локтемъ.*

Шумѣть. «Что шумитъ безъ оттра?» (загадка.—Вода).

Шуни-муни, нескл. Тряпье; рваное бѣлье, одежда; обноски.

Щ.

Щекотѣть, вочѣ. Щекотать.

Щекотный, ая, ов. Чувствительный къ щекотѣ.

Щекотно—прил.-сказ.—*Ай, не трожь: щекотно!*—«Да ты щекотная... Ишь!»

Щекотъ, а, м. 1. Щекотаніе. *А ты щекотомъ не занимайся.* 2. Щекотка. *Я боюсь щекоту.*

Щелушѣть, перех. Лущить, сдирать скорлупу. *Шшалушѣть.*

Щечинька, и, ж. Уменьш. отъ сл. щека.

Я.

Ядрѣный, ая, ов. 1. Крѣпкій, здоровый.

2. *Ядрѣна мать*—бранное выраженіе.—*По Сенькѣ и шапка, по ядрѣнѣ матери колпакъ* (послов.).

Языкъ. «Какъ съ языка снятъ» — погов.—угадалъ мою мысль; сказалъ именно то, что я хотѣлъ сказать.

Яйцо, ср. Въ поговоркѣ: «*Это мнѣ не подѣ лицо, — красное яйцо*», т. е. что-либо для меня не годится, слишкомъ дорого, хорошо, роскошно для меня.

Сообщилъ Вячеславъ Водарскій.

Матеріалы для изученія говоровъ могилевской губерніи ¹⁾.

Могилевская губернія въ наибольшей чистотѣ сохранила бѣлорусскій типъ и бѣлорусскій языкъ. Отдѣленная отъ восточной и южной Россіи витебскими, смоленскими и черниговскими бѣлоруссами и находясь въ большой отдаленности отъ Польши, она подверглась чуждымъ вліяніямъ меньше, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ бѣлорусскихъ губерній. Меньше, чѣмъ витебская губернія, соприкасающаяся на сѣверѣ съ сѣвернорусскими племенемъ и на западѣ съ латышами, и даже меньше, нежели минская, которая, несмотря на дебри и болота, подверглась, благодаря сосѣдству съ Вильной, сильному вліянію полонизма и литвы, а за Припятью вліянію южнорусскаго племени. Не говоримъ уже о виленской губерніи, гдѣ славянское населеніе разъединено большими островами населенія литовскаго, и о гродненской, населеніе которой представляетъ интереснѣйшій конгломератъ съ потомками ятвяговъ, литовцевъ и мазуровъ на сѣверѣ, съ буявами и волинянами на югѣ, и которая, какъ этапный пунктъ между польской Варшавой и литовской Вильной, подверглась сильному вліянію и Литвы и Польши. Точно также подверглись болѣе сильному постороннему вліянію и бѣлоруссы черниговской, орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерній, живущіе рядомъ съ сильными великорусскими племенемъ.

Вотъ почему говоры могилевской губерніи имѣютъ особо важное научное значеніе.

Для руководства лицъ, желающихъ принять участіе въ дѣлѣ собранія матеріаловъ по говорамъ могилевской губерніи мы даемъ нѣкоторые общія указанія.

Извѣстно, что признаки современныхъ русскихъ нарѣчій опираются на черты древнихъ говоровъ, которыми различались древнерусскія племена. Могилевская губернія, по Нестору, населена радимичами, занимавшими бассейнъ Сожа, и кривичами двухъ вѣтвей: смоленской — въ сѣверовосточной части, и полоцкой — въ сѣверозападной (полочанамъ). Такимъ образомъ, населеніе губерніи должно дѣлиться по говорамъ на три вѣтви. Это дѣленіе въ дѣйствительности существуетъ и до сихъ поръ, и особенности говоровъ еще довольно рѣзки, несмотря на сильную нивелировку школы и военной службы.

Если мы возьмемъ область радимичей — Присожье, то есть нывѣшніе гомельскій, рогачевскій, быховскій, отчасти могилевскій, чаусскій, черниковскій и климовичскій уѣзды, то отличительными чертами говора этой области будутъ:

1, Отсутствие дзеканья.

Круть-верть, у чарапочку смерть.

2, Твердое р.

Годи, годи кучараваго любить.

Была ў бабкі кўрка-рабка.

Зара зарала, ключи патирала.

Якъ памромъ, дакъ пахаваютъ.

¹⁾ Изъ «Мог. Губ. Вѣд.» 1902 г. Перепечатаемъ эти матеріалы съ разрѣшенія издателя — Редактора «Могилевскихъ Вѣдомостей», извѣстнаго этнографа Рогаяскаго.

3, Отсутствие флексии *ть* не только въ глаголахъ перваго спряженія, но и въ *тѣхъ* втораго спряженія, гдѣ удареніе находится не на окончаніи.

Хто *кѣтъ* да *матѣтъ*,
Тамъ *Вогъ* *памагѣтъ*. (Воровская).

Хѣдѣ, хѣдѣ, да *й* ни *шѣмѣтъ*.

Гавѣра, гавѣра—а *ў* рѣти *хѣладѣтъ*.

Лѣбѣ, ни *лѣбѣ*,
Пацалѣтъ, наплѣтъ,
Къ сѣрцу *прѣжмѣтъ*,
Къ чѣрту *пашлѣтъ*.

Но подъ удареніемъ флексія сохраняется во 2 спряженіи:

Лѣжѣтъ—*маўчѣтъ*,
А *вѣзьмѣтъ*—*заплѣтъ*.

4, Значительныя лексическія особенности и нѣкоторыя фонетическія и грамматическія. Въ другихъ *могилевскихъ* говорахъ, напр., невозможны формы:

Я *паўзѣ* *кузьню* *йшлѣ*,
Вугалѣкъ *знайшлѣ*.

Бѣвъ-бѣвъ, *пакѣлъ* и *юди*.

Хѣба *шо* *такѣтъ*.

Дѣдава *казка* *даўгаа*, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ *говоръ* раньше имѣлъ здѣсь болѣе значительное распространеніе, чѣмъ теперь, и, вѣроятно, захватывалъ все *Присожье*, *средній Днѣпръ* и *Придурье*. Но когда *радимичи* потеряли свою независимость, и когда образовалось сильное *смоленское княжество*, въ *радимичскую* область широкими потоками хлынулъ *кривичскій* *говоръ* и оттѣснилъ его на югъ. Въ *уѣздахъ* *пограничныхъ* съ *Смоленскомъ*—*Климовицкомъ*, *Чериковскомъ*, и даже *Чаусскомъ* и *Могилевскомъ*, вышеуказанные признаки наблюдаются теперь только *спорадически*.

Но примыкая къ другимъ *южнорусскимъ* *говорамъ*, онъ имѣетъ громадное распространеніе по *Черниговской*, *минской*, *вѣленской*, *гродненской* и другимъ *губерніямъ*.

Съ другой стороны, если мы возьмемъ область *полочанъ*, то есть—въ *могилевской губерніи*—*нынѣшній сѣвѣнскій уѣздъ*, часть *оршанскаго*, *могилевскаго* и *чаусскаго*, то увидимъ тамъ слѣдующія особенности:

1, Сильнѣйшее *дзеканье*.

Дзѣдъ *бабу* *тапѣтъ* *вѣдзѣтъ*,
А *баба* *крычѣтъ*—*ня йдзѣтъ*.

Дзѣнихъ *мѣнѣтъ*, *вѣтку* *пѣнѣтъ*,
Дзѣвакъ *любѣтъ*, *жѣнку* *бѣнѣтъ*.

2, Твердое *р*.

Я *ў* сѣрадѣ *радзѣлася*,
Гѣрка *май дѣля*.

Каша *брѣха* *завѣруха*.

Чаразѣ *мѣра* *катѣў* *хвѣстъ*, и т. п.

3, Постоянное присутствіе флексии *ть* во всѣхъ глаголахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Говоръ этотъ можно назвать чистымъ бѣлорусскимъ. На югѣ онъ соприкасается съ радвиничскимъ, на востокѣ съ кривичскимъ и простирается на западъ и на сѣверъ въ минскую и витебскую губерніи.

Наконецъ, въ восточной части нашей губерніи, прилегающей къ области смоленскихъ кривичей, слѣдующіи особенности:

1, Сильное дзеканье.

2, Мягкое *р*, даже съ усилениемъ смягченіемъ, въ родѣ: крапчѣй старайся, трыбочку пукуриць и т. п.

3, Постоянное присутствіе флексіи *тъ* въ глаголахъ.

Говоръ этотъ въ моголевской губерніи употребляется въ уѣздахъ мстиславскомъ, горюховскомъ и оршанскомъ, въ большей части кликовичскаго и черниковскаго и спорадически въ чарскомъ. Онъ нѣтъ громадный районъ распространенія въ смоленской, калужской, тверской, псковской и витебской губерніяхъ.

Всѣ эти говоры моголевской губерніи относятся къ числу акающихъ, хотя это названіе въ отношеніи ихъ не совсемъ точно, такъ какъ въ полачанскомъ и кривичскомъ говорахъ безударное *о* въ извѣстныхъ случаяхъ произносится какъ *е*:

«Выбрали кырабѣльщики тывару и наѣхали. Выхли были таго острова, а на токъ спокъ на вострыѣхъ и наѣхъ у горытъ» (сказка «Сынъ Хораборъ» въ «Удѣл. Сб.», III).

Если мы скажемъ, что каждый изъ этихъ говоровъ дѣлится на нѣсколько подговоровъ, и что доселѣ у насъ точно не установлены тѣ границы, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ даже главные говоры, то важность собранія на мѣстахъ образцовъ мѣстныхъ говоровъ выяснится сама собою.

Дѣло же записыванія—немудреное дѣло. Надо только со всею точностью слѣдовать рѣчи рассказчика и не позволять себѣ мудрствовать лукаво надъ формами и словами, непонятны для записывателя. Этотъ совѣтъ мы даемъ въ особенности тѣмъ лицамъ, которые записываютъ образцы говора не на роднѣхъ и которыми, какъ мы знаемъ по многочисленнымъ опытамъ, склонны при записяхъ уклоняться въ сторону своего родного языка: говорящіе съ твердымъ *р* не замѣчаютъ мягкаго *р*, дзеканшіе не замѣчаютъ отсутствія дзеканья и т. п.

Что касается лицъ, отъ которыхъ надо записывать образцы говора, то это зависитъ отъ рода записываемыхъ произведеній. Сказки напр. звѣринаго вноса (о медвѣдѣ, волкѣ, лисѣ, собакѣ, котѣ, быкѣ и т. д.) лучше записывать отъ старухъ, такъ какъ подобныя сказки спускали въ разрядъ дѣтскихъ. Отъ старухъ же лучше записывать толкованія смоль, приѣзды и обряды: родинные, крестинные, обиходные, религиозные, свадебные и погребальные. Пѣсни удобнѣе записывать отъ дѣвушекъ. Пословицы, загадки, сказки бытовые и богатырскія—отъ стариковъ. Заговоры отъ знахарей (знахарки очень плохо знаютъ заговоры); духовные стихи—отъ нищихъ (наѣстровъ). Сказочниковъ набѣгать надо грамотныхъ и бывшихъ въ военной службѣ. Ихъ сказки отношенія къ Бѣлоруссіи не вѣдѣны и во всякомъ случаѣ внушаютъ доверенія.

Затѣмъ, надо слѣдить, чтобы рассказчики говорили своимъ обыкновеннымъ языкомъ, не стараясь говорить «по-наски».

Каждое произведеніе должно быть снабжено записью—гдѣ, отъ кого и кѣмъ оно записано. О пѣсняхъ непременно надо сказать, когда онѣ поются: въ Коляды, на масленицѣ, въ гуканье весны, на Купалѣ, на свадьбѣ, на крестинахъ и т. д.

Хорошій опытъ такихъ записей сдѣлалъ въ селѣ Высокомъ І. П. Миткевичъ-Далецкій, пользовавшійся личными указаніями нашими и привлеченій къ этому хорошему дѣлу деревенскихъ грамотеевъ, окончившихъ курсъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ. Этотъ записанъ мы и даемъ здѣсь мѣсто.

Село Высокое Оршанскаго уѣзда.

1. Примѣги и повѣрья. Кыли кѹраца трѣплить хвостомъ, то будить мятелица ¹⁾

Сколько у Марцы вадѣ, столько у Пралѣ травы

(Фома Ермоленокъ).

Кыли пятѹхъ выпяеть у лишку, то будить атлѣга, а кыли у цотѣ—тады будить марось.

Кыли ворынѣ увлятитъ ны нагѣльникѣ крычучѣ, то будить мартѣвецъ у народѣ.

Кыли варѣна лѣтитъ ны пуѣднѣ и крычѣтъ, дыкъ будить тѣпла, а кыли на поѹнычѣ, то будить сытѣно.

Кыли ны Удакѣи (1 марта) сытѣхъ мятѣтъ, дыкъ и с пѹни вымѣтѣтъ чыста.

(Лукьянѣ Шакуро).

Ны Раштѣо нада на кутѣ сымѣтѣ мѣсѣ, то рай ны будуть утѣкать.

У Кылады нилѣва прѣсѣти, а то карѣвы ны будуть тѣлицѣ.

Кыли ў Кыладѣ што пѣлна нада дѣлѣтъ, дыкъ нада на тоѹстѣю Кыладѣ имѣ ставитъ вѣникѣ дыгарѣ у кычарѣжнику и пѣрядѣ тѣтъ якѣ дѣлѣтъ, нада ны аго пѣглядѣтъ.

Кыли жыдоѹськими празньниками будить халѣдна, то наша будить тѣплая Вѣлкѣ-кыдѣна.

На Русалиный нѣдѣля нилѣва братѣ кыли што найдинѣтъ: ета русалка на бѣдѣ потѣныла.

(Полик. Мартусевичѣ).

Нирѣдинѣтъ чѣрѣсъ крухѣ, на лицѣ будить крухѣ (лишай).

(Герас. Коржичѣи).

Кыли ны Раштѣо мѣтелица идѣтъ, дыкъ и ѹлѣтку радѣ нѣиди будить дѣтъ.

Искрыя с пѣчы сѣплюцца—гости будуть.

Тры сѣрадѣ мылѣднѣвыхѣ, кажуть, нада выласѣ пѣдырѣватѣ, капѣ расѣлѣ большѣ.

Кыли йдѣтъ с поля напѣриди рѣжѣя карѣва, дыкъ пагѣда будить, а кыли чѣрѣныя—дыкъ дожѣ; кыли рѣбыя—дыкъ дожѣ пѣраѣѣнѣи, а кыли бѣлыя—дыкъ туманѣ будить.

Кыли ка Мѣсьяинѣку пагѣда, дыкъ нада пашаницѣ сѣитѣ, будить уруджай карѣшѣй.

Кыли гарѣлку пѣють дѣ пупирѣяющѣ, ета кажуть, што й налѣта такей парѣи будишѣ цѣтъ.

Кыли у вѣдинѣтъ мѣсѣцы тѣтарѣлкѣ зѣбалѣбѣчѣтъ, тады у другѣмѣ мѣсѣцы на-стѣхѣ зѣрабѣчѣтъ (замѣраетѣ въ рѣжокѣ). Или: пѣстѣхѣ зѣгагѣчѣтъ (зѣкричѣтъ: го го-го).

Кыли карѣва тѣлна, на трѣба ѣсъ акѣранѣцѣ.

Кыли нѣмѣ зѣрымѣ на ѹси тры Кыладѣ на небѣ. дыкъ грѣбоѹ ны будить, а лѣгѣды и арѣхи будуть.

Кыли будуть зѣрки на пѣрѣвыю Кыладѣ, то будуть грѣбы, якѣ жѣта нѣлѣивѣанѣтъ; а кыли ны сѣрѣдѣвию Кыладѣ—то будуть, якѣ жѣта пасѣпѣивѣанѣтъ, а кыли ны пасѣ-лѣдѣвию, тады будуть, якѣ авѣсъ высыпѣанѣтъ (или: асѣньскѣя грѣбы).

Кыли што лѣонѣитѣ, то нѣхѣта сылѣгаѹ.

Кыли на Русалиный нѣдѣля што дѣлѣишѣтъ, то вѣвцы будуть радѣица то сѣ пѣтѣ нѣтѣни, то грѣбѣтиѣ, то дѣрѣнѣ—бо авѣчки ны Русалиный нѣдѣля бѣгѣющѣ.

На тоѹстѣю Кыладѣ дѣвки бѣлѣны пѣкѣтъ, ны парѣхѣ клѣдѣтъ, сѣбаку мѣнѣютѣ; чѣй бѣлѣнѣ упѣротѣ сѣбака схѣвѣтитѣ, тѣя скарѣй зѣмѣушѣ зѣйдѣитѣ.

Кыли нѣтѣлушка лѣтанѣтъ, дыкъ кажуть: пѣмѣники сѣни чѣмѣ нѣбѣтъ.

Кыли бутѣнѣ сѣкѣинѣтъ дѣтѣнкѣ, дыкъ будить гѣлѣдѣный гѣтъ, а кыли яѣцо, дыкъ будить уруджай.

(Гѣ. Бѣсъ и др.).

¹⁾ Дѣ надо читѣтъ какѣ *оѣз*, тѣ—какѣ *мѣс*.

II. Толкованіе сновъ. Кыли видишь ва сьнѣ—мѣнись, дыкъ твадъ абыд-
шныи гаворють абы твабъ нихарашо, ало мысляють ны твабъ.

Кыли видишь мардось, будить пагода.

Кыли пажаръ видишь, мардось будить.

Кыли ва сьнѣ видишь грѣбъ, гѣбъа будить.

Грѣбъи ясь вѣ сьнѣ, балачи будуть, скѣля.

Грѣбъи, мѣдъ—дыкъ слѣзы, а кыли грѣбъи—сѣрибръ, дыкъ радось.

Кыли видишь журавѣвъ, дыкъ мятелица будить.

Кыли кыишишь ямки, дыкъ алодьвики твадъ нахлѣпють ны твабъ.

Кыли ва сьнѣ гарѣдишь платѣнь, дыкъ ны твабъ алодьвики бунтѣють.

(Захарій Голясь).

III. Пословицы. Ти нада краўцѣй?—Дальши кракчѣй!

Ти нада шыпувалы?—Дальши пышывалы!

Краўцу бувайтъ, што на 'двумъ дни три пѣчы хлѣба спѣтыты.

Дыбрахѣчыи усяды глядѣть скупому у вѣчы.

Мыладець, ды ни хычаннѣ.

(Лукьянъ Шакура).

Хырашѣ у людѣхъ, ды хрыпѣть у грудѣхъ.

Хырашѣ та тамъ, идѣ вась нина, а идѣ ны пабудѣи, дыкъ усѣ пагудѣи.

Хто парася ўкравъ, у того ў вѣшшу пинчѣть.

Якъ жаниўся—гѣлиўся, а жаниўшися каюся.

Жыи якъ брѣтьѣ, а рахѣи якъ жыть.

Пѣсьи насъ ня будить насъ.

Рабѣта ни мѣдѣвѣдъ, мѣжна заўтра пыглядѣть.

Вѣшш пидыи, а скрѣсь палцы ни гляди.

Пѣсьишь дятѣи на вѣли, дыкъ самъ будишь у ня вѣли.

Якѣи пѣнь, такѣи и атурѣстыкъ.

Тая карѣва малѣшна, катѣрю прѣдѣли.

Адиагѣ пасѣдишь, а сѣмъ рѣдица, а ўсѣ владѣи ня свѣдица.

Пѣтьиикъ ня пѣтьиикъ, а лѣпѣть ахвѣтьиикъ.

(Осѣа Ермоленовъ).

Хаўтѣры—дѣбрыи натурѣ; хутъ галѣсють, ды гарѣлки падиѣсють.

Твоѣ дѣла—ѣ нѣса капъ, а рѣтаѣ халъ.

Твѣи сила г—о мясѣла.

Ны чужѣи шѣи вѣдѣ сѣбѣкъ бы, а ны свѣи и вѣдѣи бѣица забѣть.

Чужѣи бѣиции усякѣи свѣи дѣдѣ пунѣиу бы.

Скѣльки у дѣрѣи рѣдѣ. стѣльки мѣ гѣдѣ.

Капъ ни 'дѣжа ды ни ѣжа—адиѣкъ бы лѣжа.

Вѣдиу, якъ ганѣчѣрь гарѣи лѣишь, ды самъ ни наўчѣиуся.

Табѣ 'сѣ 'дѣа (все одно) што пѣтай на вѣдѣ.

Табѣ кажѣи якъ пѣиу, табѣ 'сѣ рѣиуа.

Табѣ такъ гѣвѣрка прѣстаѣть, якъ гарѣкъ ѣ сѣиѣи.

Твѣи гѣвѣрка—якъ вѣдѣ вѣдѣть на гарѣ, а вѣдѣ ни вѣдѣть.

(Полик. Мартусѣвичъ).

Кѣиу лѣдѣкъ, а кѣивалѣи мѣдѣкъ.

Ны двѣрѣ лѣтъ—кѣивалѣи мѣтъ.

Кыли устѣиитъ Кѣтай, тады жысь (жизнѣ, жѣсть) кѣидѣи.

Дѣридѣ што прѣзѣиикъ, а ўрѣку ни знаю.

Гѣрѣ гарѣишь, а бѣды никудѣ ни мѣиуишь.

Хѣди мѣкѣа—бѣдѣи гѣиѣа.

Я сѣ табѣи буду зѣиѣиъ, а ў кѣиѣи бѣдѣи рѣиѣиъ.

Кѣивалѣи куѣтъ, жѣнка пѣтъ; шѣвѣць шѣиъ, а жѣнка кул' угадѣи вѣиъ.

Зѣбѣдѣиѣиу сѣбаку хутъ хвѣсть атѣчѣи, а бѣи усѣ пу вакѣиѣи лѣиъ.

Вѣдиѣиу шѣиу Вѣгъ торѣу, а бѣгѣиѣиу дѣиъ.

Хѣи бѣгѣтъ, тамѣи ѣи лѣдѣа, сѣбака кѣиѣиъ, яиу ѣи тѣиѣа.

Што пакъ, дыкъ сыбѣка.
Што жыть, дыкъ палка.
Цыганъ ни цыганъ, только тѣла зыкашѣла.
У вяйкыи рѣди удѣсца кур.. и злодѣи.
Ты знаишь тѣи калѣцѣ, што сѣмъ ны ияцѣ.

(Тим. Ериомеюкъ).

Мятѣль пывивѣать—пастухъ усыпывѣать (воспѣивасть).
Ды Микола на вывадѣ кони на поля, а да Юрья наринъ ўсѣкыга дурня.
Вывала и варѣна лѣти абывала, а ганѣрь и гракъ ходитъ такъ.
У гаду дѣвъ Микола, два Юрьи, а ободва адинъ халодный, другѣй галодный.
Дѣти, жыта ў клѣти, а на поли ящѣ бѣли.
Хто ў трѣнки гуляеть, тѣи сарѣчки ни мѣить.
Клади гной густа; ня будить у клѣти пуста.
Адинъ быў сыбачка брахѣиный, и таго воўкъ зѣў.
На што мѣи праўдѣи, кыли нима аўдѣи.
Чѣ ты худѣи, ти хварѣў?—Нѣ, ни хварѣў, а нѣтъ хворыи сѣдѣў.

(Ефремъ Вудисъ).

У каго даўгѣи языкъ, дыкъ шырока дарѣга уи 'адинъ канѣцъ, а ў другѣи дыкъ
и вѣтъи нима.

Гни бярѣву пакѣль гнѣцца, а якъ ни сагнѣшь, дыкъ сѣмъ павѣсьиный.
Мала даѣтъ—бярѣ, а нѣдалѣка шлютъ—ня йди.
Бисъ праўцы ни зѣасѣи кылача.
У Вятѣбѣску кѣпска, у Вѣршы ящѣ гѣршы, а Дуброўна ня ўскѣи роўна.
Дарѣга сѣиска, ды гырѣи ня йска.

(И. Полукишкисъ).

Рыба йщѣи глыбаты, а чѣлавѣкъ дыбрѣти.
Капъ ня плѣшь, дыкъ ба гѣла ни булѣ.
Чѣго ни ясѣи, у ротъ ни нѣсѣи.
Працѣишь—працѣишь, и смѣху ня чѣишь.
Ни бутъ ни вѣйтѣи, ни свѣтъи—ни будѣи чѣлавѣкыи прыкѣтъи.
Кѣбѣи ни стѣтъи, дѣўки ня люди.
Што лопъ вынатѣишь, дыкъ пуза вынатѣишь.
Улѣтку нагой ногѣ, а узѣмку рукой хомѣ.
Авѣчка кругѣи чѣлавѣчка.
Дѣбрыи жѣнка хату пригѣдѣи, а худѣи й рукави рѣстрѣсѣи.
Якъ дамъ табѣи пѣдѣ дѣвѣтъи рѣбрѣи.
Зыдавиў бы бѣка, капъ были вѣроўи.
Атѣи нѣшѣи парѣгу вѣлися ўсю дарѣгу.
Вѣцца ни гѣдѣцца, а толькои пѣхѣиў, капъ ни дѣхѣиў.
Прутъ, дыкъ якъ ня ўмрутъ—нѣтъ лѣдонѣи.
Я шѣи пѣшѣдѣи, вѣи ни руўна.
Кыли конѣ, дыкъ вѣзи, а кыли карѣва, то дѣвѣи нѣмѣи.
Адинъ сѣвѣи ня зѣдѣишь.
Сколькои ўи нѣры глыбаты, столькои да нѣба вѣсѣи.
Да нѣба столькои вѣрѣтъи, сколькои ны канѣи шарѣтъи.
О, ты нѣ та касѣи, капъ хто касѣи насѣи.
Што вѣи бабы дѣлѣютъ?—А што дѣлѣютъ: таўкѣи дѣи мѣлѣютъ, ядѣи дѣи с—тъ..
Дрѣнѣи дѣти ни быѣцца кѣи, а сѣлѣи дыкъ быѣцца кѣи.
Намѣида вѣи ни вѣлѣи чѣи: ня будѣи быгѣи, ды будѣи пѣзѣи.
Али ты лѣдѣи; ўсѣи рѣвино якъ сѣвѣи пѣлѣи кѣи.
Усѣи цѣганъ свѣи дѣи хѣи: о, бѣтъи! надѣи бѣлѣи.
Хутъ я нѣи, а зѣи тѣи вѣлѣи хуѣцца ня будѣи.
Вѣи мѣица у цѣрку, а абѣдѣи кѣи пѣи.
Сѣи пѣи на сѣи абѣи ни сѣи.
Хутъ мѣи, ды присѣи.

Хто зь языкомъ, тэй и съ пирашкомъ.
Хто крадѣть, тэй самъ сабѣ вѣку кырычанѣ.
Мы тады к вамъ прѣидиѣ, якъ ны сталѣ блины увѣидиѣ.
Сыбака веллѣть хвастомъ, а амманьщикъ языкомъ.

(Дарья Ермоленкова).

Ни ў кўсѣти сядѣть, ни с кўста лятѣть.
На'дношъ, па'дношъ уси памрѣмъ.
Ны чужѣй стыранѣ кланѣйся быранѣ.
Воха ня ўчѣть, якъ хлѣбъ радѣть.
На тѣхыга Бохъ нынясѣть, а жѣсткѣй самъ ныбязжѣть.
Кыли ё—дыкъ ни папѣть, а нима—дыкъ ни купѣть.
Хто хлѣбъ нѣсѣть, тэй ѣсъ ня прѣсѣть.
Старѣга кынѣ ганѣ, ды на дворѣ манѣ, а мыладѣга хвали, ды з двырѣ галѣ.
Старый воўкъ звѣдѣть толкѣ.
Старый воўчышча знанѣть порядишча.
Ни стыявшы у парѣзи, ня бѣдишъ сядѣть ны кутѣ.
Дай Вожа прыдѣть у дварѣ, а купѣть ны бызѣры.
Ласка ни кылѣска: ни ўсьсѣднѣшъ, ни паѣднѣшъ.
Доўгъ ни равѣгъ, а спатъ ни даѣть.
Душѣ ўпитѣау, дыкъ якъ Бохъ даў.
Вялѣкѣй кусачыкъ ротъ дярѣть.
Чужѣя сирабрѣ колѣть пыдѣ рабрѣ.
Мнѣжъ тѣсныхъ двярѣй пѣлца ни кладѣ.
Пашѣўшы ны тнянѣкѣ, бѣдишъ хадѣть тры дянѣкѣ.
Ни надѣйся Рымѣнъ ны чужѣй кырманѣ.
Гўстыя каша дятѣй ни рызгынѣяць.
Сѣнныга лабѣдѣсѣся, лянѣвыга дашлѣсѣся.
Каму кыпатнѣ, а панѣ пылатнѣ.
У быгѣтыга чортъ дятѣй калѣшыть, а у бѣдныга зъ лѣўкѣ выкидѣнѣть.
Куды, воўча, бязжѣшъ?—Ны ўдавинѣ карѣўку.
Сыбаччыи брохъ да неба ни даходѣть.
Усѣ поклѣбники кырашы.

(Л. Рохлина).

Карѣста ни папѣўства, семъ гадѣў одбѣдѣть, таты ни бѣдѣть.
Кишкѣ ня зѣркыла. што ўпѣрѣ—абы ня кѣркыла.
Пу матѣли уси рѣўны, а пы шкѣтѣли панѣ.
Абъ вашихъ малцыў здарѣўя гыварѣть сарѣмна.
Самъ на зыясѣ, а другѣмъ рыздасѣ.
А я я быранѣку зъ гѣлыду падѣў.
А дѣ Иванѣйка?—С—а зѣўла, и ны тябѣ зѣўы найстрѣла.

(Гр. Вусъ).

У дѣўки семъ скулѣ ны бакѣ и то ни ў знакѣ, а замушъ зѣйдѣть, адна сѣдѣть и тая вѣлѣть.

Кыли живѣцца, дыкъ живѣся, а кыли самкнѣцца, дыкъ толькѣ дяржѣся.
Дѣбѣрѣму чылавѣчкѣ ё мѣста в у зашѣчку, а бѣмѣятѣ нѣмѣ мѣста и на кутѣ.
Макъ чорный, ды салѣткѣй, а рѣўтка бѣўныя, ды гѣрѣкыя.
Кыли ёсь у кылѣтѣ, дыкъ сѣдѣють ны кутѣ, а кыли увѣидѣють хатѣў, дыкъ пы-
гаюцца: аткуль?

(З. Голясь).

Дай Вожа спажѣть, што ў чужѣй клѣти ляжѣть, а ў сваѣй нѣхѣй дали пы-
ляжѣть.

Спѣрня ў дязжѣ!—Спасибѣ, сто рублѣй табѣ ў машѣў и жаниха (или нѣвѣсту)
ны вѣсяў.

Пѣнь тваѣ малину.

У кагѣ Раштов, а ў насѣ ня што.

Нидумѣлый дуракъ хѹжи злѹга злѹбника.
Рывизаѹся шѣхъ ни на сѣхъ. (Утѣшеніе родильницѣ).
Аднѹ сѹбака пѣсьню ѹмѣѹ, а ты и тую атыбраѹ.
Канѣ ты ат вѣтру мѣтаѹся ды за згарѹду диржаѹся.
Кыли пыработуѹ, ня грѣхъ и аддыхѹть.
У в аднѣ часть усѣ лѹныла. (О пожарахъ).
Семь гѹтъ у запичку сядѣла, ищѣ ны свадьбу зыхатѣла. (Или: пасыпѣла).
Пакулѹ на вѹкुरазьѣ атмалѹся, дыкъ ны истрабѣ забѹся. (Стихи нящихъ о скотницѣ и о птицѣ).

Ты вѣдыишь пять, ды ни вѣдыишь якъ считѣть.
Вѹнгра сѣ прѹнгрый на 'дѹимъ канѣ ѣдѣть.
Мая систра ни ѹдува, пыдывай сѹла рубля сирыбра.
Мой швагрѹ ни ѹдавецѣ, пыдывай сѹда чырванецѣ. (Объ первоначально свадебныя).
Азѣ, буки, вядѣ, глаголь, дабрѹ—баба разѣбила вядрѹ, клѣпычки у печѣ, ня бѹ-
дѣть течѣ.

Купи касѹ зы дваццѣть капѣникъ: ня бѹдишь касѣть, бѹдишь гыласѣть.
Будуць дарѹги камѣнныя, будуць судѣ ишправидныя.
Вѹдѣть то, што агѹнь можна ѹ кырмѣни диржаѣть. (Древнѣя предсказанія).
Маѣ сынѣ ѹдайсѣ: аднѣ у шѣры, другѣй у Сибѣры, а третѣй на сѣвѣгу ходѣть
ды людей зводѣть.

Ня бѣмъ никая варѹна: ни диравѣньскыя, ды гырыцкая.
Ня бѣмъ тры гады, ня буду ѣсь никадѣмъ.
На Юрѣя выпускай усѣкыга дурня. (О скотѣ. Но можетъ быть и историческая).
Хто наѣѹся кышапѣль, тѣй ударуѹся апѣ пѣнь. (Отказъ въ конопляхъ).
Отъ крупѣни дѣти паглупѣли, а якъ ни стала крупѣ, стаѹ батька глупѣ.
Зыгыдаѣмъ кабылу, а кабыла жырыба.
Якъ нѣмѣ вадѣмъ, дыкъ ни купѣть, а якъ ѣсь вадѣмъ, дыкъ ни папѣть.
Питьтѣ—сѣмятьтѣ, а пысадѣнка дѹрыга.
Хто зѣ бырадѹмъ, тамѹ зы вадѹмъ.
Пашлѣй дурука за бѣкамѣ, а ѣнѣ привядѣть тѣлку.
И я ищѹ гнилѹму тѣлѣнку атарвѹ хвостѣ.
И ракуѹ ни хатѣмъ, и с—и ни машѣмъ.
Морѣ на водѣмъ!—Спорѣ на грѹшы! (Взаимныя пожеланія).
А зы вашы гавѹрки вѣмъ на шѣмъ вярѹѣки.
Лѣпыть ни кнѣсь, абѹѹ ды ѣ грѣсь
Кыжанѹва матка пляшѣвыя, сырѣя капуста ня лѹбѣть.
Ягѹ ѣ стѹпу усадѣѹшы, у семѣ туѹжачѹѣ ни пупадѣмъ.
Куды ѹлѣсь, такѣ и атвѣтъ.
Кипѣ ни пыгѣатыя, дыкъ бы ни былѣ пыкивирѣтыя.
Лѹччы ѣ лѹжыну ѹтапѣнца, нячѣмъ саплѣвыю лѹбѣть. (Изъ пѣсни).
Ну, штѹчка: ня зѣсьсѣ ни воѹкъ, ни сѹчка.
Кипѣ счаслѣѹ быѹ, вѣялѣкъ росѣ, батьку-матку зы хахѹлѣ трѹсѣ. (Шутливое по-
желаніе на крестинахъ).

Братѣ нѣтъ сѣсѣрѹю, якъ воѹкъ нѣтъ казѹю.
Сидѣть ны канѣ и кнѣмъ пытанѣть.
У тѣбѣ сумурѣдѣки ѣ нѣси, трѣба ихъ выгнѣть.
Кроѹ чылавѣчка ня вѣчка—ни прынадѣть.
Вѣдинѣ пу вычѣхъ што влѹдѣй.
Дираѹшѣмъ дыраѹшѣмъ пѣ пахнѣть. (Деревенщина).
Ни пыдняѹшы, ни кѣмъ б...
Я самѣ Марко, жынѣ мѣмъ Варка: лѣтымъ касѣть былѹ жарка, а зимѹ марѹсѣ,—
усклаѹ на вѹсѣ ды ѣ навѣсѣ. (О лѣнящихся работѣть).
Нѣѹратѣ, ты вѣйдѣть рѣшыта бѹбу.
Дамѣ табѣ шѣтыкъ кыла нѹхъ.
Идѣмъ и зѹлыта дивѣлысѣ, капѣ ни ѹпадѣлысѣ.

Кыли бўдишъ знатъ ды кыпча, сыстаринысья якъ аўча.
Якъ ударю, дыкъ цыблы рассыплюща.
Из Богдашъ Хадоска, яйцомъ дарошка.
Цытты дѣти: рыжжывѣмъся, якъ у пустухѣ найѣмъся, тады намъ усь винуваты
будуть.

Дажъ уранку пы быранку, а ўдень пить, а ўвечыры буду кѣмъ бытъ. (Пугають
дѣтей нищими).

Музыка ды крууца никалай ни пашыцца бырызна ды кыпча.

Хто Богу ўгодинъ, ни бўдитъ галодинъ.

Два дѣрни на сьвѣти: одѣнъ, што кѣни поючы сьвѣичытъ, а другѣй—ни цытиравышъ
ѣшчытъ.

Заўтры свистуноў будуть сушытъ, тѣртъ и ў ж... пѣртъ. (Свистать въ домѣ
нельзя: запусѣтъ, вѣтеръ только будетъ свистать).

Што ты, пустѣня, свѣичышъ: тутъ вубравы ѣсь. (Тоже).

Рыстунѣся змыля матъ—пѣйдитъ пѣяница гулятъ.

Наѣўся пупъ крупъ, зыхатѣў сала.

Зыгу... няў чю сваю пырахаю.

Плюватъ ны карѣту, што лышадѣй нѣту, сымъ пувязѣтъ.

Удавына кѣрыца и прѣсла лѣмѣтъ.

Аччагѣ грыжа (ссора) стала: кыли хлѣба ни стала.

Нихай расьтѣтъ бѣтъку—ѣацы ны патѣху, а лѣдинъ ны зѣйздырьсѣ. (Крестинное
пожелание).

(І. П. М.-Далецкѣй, К. Говакъ и др.).

IV. Скороговорки. Ча ты к намъ прышдѣ: зы прысьмихаѣствѣшъ, ти за
выпрысьмихуѣствѣшъ?

Я тѣбѣ прысьмихаѣствѣю и выпрысьмихуѣствѣю.

И выкруѣю и выпрымяю, зы варѣты дажъ и ў вакнѣ пыдажъ.

Пайдѣ ў лѣсь пы рѣбыю карѣву. (Шыпка пиригнѣтъ двынѣнцытъ разѣѣ).

(К. Говакъ).

V. Загадки. Два кагѣ адѣнъ комъ масла лѣжуть.

Зывалѣлыся бярооска ны кажный дворъ пу сучаў.

Чѣрныя карѣва пувалѣла трасѣнѣкъ, а бѣлыи быкъ пыднѣў трасѣнѣкъ.

Сѣмсогъ вуюваѣла, адна матка пухуваѣла, а дѣвѣ и тяперъ вайють.

Чѣрну чарнѣўшку гѣпъ пыдъ валѣўшку.

Ня 'гонь, ды пѣчѣтъ.

Перакѣсьтѣся ды ѣ лѣсь ны мянѣ.

Громъ грымавѣнъ, дожъ зыливѣнъ, выдѣ пы калѣни, а напѣцца нѣйди.

Мала малѣнька, зѣ лѣсьмъ раўнѣнька, и зѣ лѣсу ни видѣтъ.

10. На дѣнь зыгнѣнѣють, на нычъ выпускають.

Ишоў кылы шупуѣнныя хѣтки, выскычыли шупуѣнныя рѣбѣтки, якъ стали мянѣ
шупуѣитъ, чутъ ни зушупуѣили.

Ни свѣтъ-ни зыря бжѣтъ носъ зыдѣра.

Два галѣнѣй у ѣѣти скачуть

Ишоў дарѣгѣй, ишоў шырокіѣй, вѣдажу—дабрѣ у дабрѣ хѣдитъ. Я ўзяў, дыбра
вырѣвуў и дабрѣ дабрѣмъ выгнѣуў и ўзнѣва дабрѣ у дабрѣ ўкнѣнуў.

Бярѣтъ у рыгѣтыга, прупускають скрось пысканнѣя, ильѣють у глининыя, а з
глининыга у кытѣлѣкъ.

Бочка стѣгнѣтъ, былѣры мѣтъ пѣють.

Пашѣў дѣндра ў лѣндру, узѣў с сабой пасѣѣнѣника; выскычыў с кѣндры пу-
тѣтънѣкъ, ухапѣў пасѣѣнѣника; дѣндра ўхапѣў пѣндру а адыранѣй пасѣѣнѣника.

Сѣлѣтъ дѣндра на пѣндры, крычѣтъ на кѣндру: нѣ лѣсь, кѣндра, ў пѣндру, у
пѣндры стѣйтъ кѣндра. (Объ—видѣ условныхъ языковъ).

Узѣйдѣ на гѣрку, аччѣнѣ камѣрку; кап ни дытъ, дык бы сыбаки зѣѣли.

20. А ў тѣмнѣй тѣмнѣцы ткуть панны красѣнѣнѣцы—ни вузѣла, ни пѣтыѣнѣцы.

Идѣтъ мѣлѣмѣдъ пытъ зѣмѣльѣю, зѣмѣлѣ дѣрѣтъ и вонъ кладѣтъ.

Сидѣть мядымѣдъ на кўпинцы у сваѣй халўпинцы. трясѣнца, колѣтица, аб усѣхъ клапѣтица.

Ишла баба лѣгымъ, сустрѣла Бога: «итиний ат мянѣ тоя, чаго ў тебе нима».

Стайть рузрубѣха, ў рузрубѣси рызвалаѣха, ў рызвалаѣси хѣхыла, у хѣхыли вѣхыла, у вѣхыли бѣўтикъ, у бѣўтику тѣхыла.

Прышѣў хто, узѣў што; ганѣся за имъ, нима вѣдыма за кимъ.

Пу вадѣ йдѣтъ—ни пѣлѣщица, ны салѣмн йдѣтъ—ни шалѣхнница.

Лѣсиньвій жирибѣчикъ с-пыт павѣтъя глядѣть.

Што у хѣти бизы днѣ?

Пять пунъ, аднѣ варѣты.

30. Стайть чилавѣкъ и крычѣтъ, а зѣ ягѣ жѣшка бяжѣтъ. У сирѣтки зыгарѣ-
лыся ў сярѣтки, а ў дѣбрыга мылыца пыкатѣлыся с кынци. Рыскрасѣўся, рыспых-
тѣўся якъ из лѣзѣни, а с кынци капъ-капъ.

Карѣна кывалѣва, а быкъ гынчарѣў, абнялѣси, пувялѣси прѣма ў роў.

Сидѣть мядымѣдка ны красныхъ яѣчкахъ.

Пѣўна балѣца кычарѣжычкы.

Бѣхыла былгары, узѣли маю пѣчу ны сани, а я крычу: аддай маю пѣчу.

Дрыги дрыгають, жѣлы ўстывають, голый дѣвчѣ дѣрки шукають.

Чатыры чатыринчѣи, пѣтыя лубѣшычка, шыстѣя живѣшычка.

Бѣду-бѣду ны старѣмъ дѣду, якъ прыбѣду к броду—шѣсь у вѣду.

40. Прашу пакѣрна пумачѣтъ у чѣрна, вынуть—патѣрти ды й ящѣ упѣрти.

Мядымѣдъ стайть, а вушы плѣшуть.

Пѣня шырьстѣнѣя, замкѣи зѣлѣзѣнѣя.

Што збѣўница с тѣй варѣной, кыли минѣтъ сѣмѣй готѣ?

Пыть капѣй мышы дѣхнѣтъ.

Ишла рѣбина да Кѣюва, сваѣ кѣсьти покѣныла.

Дупѣ, дупѣ, дупѣ и вѣсь, исянѣвый пытпирѣсь, а у бакѣ дѣрка, а ў задѣ
шинѣлка.

Пиндрѣкъ вялѣкъ, а пиндрѣчка нивялѣчка.

Плѣшъ на плѣшъ ящѣ капѣшъ, усѣнуў пу пѣри и вѣнюў аѣнѣ.

Дѣсѣтъ брѣтуў Пынкратѣуў ны пир—вѣду гарѣ невѣтъ тягнуть.

50. Ишѣў, дѣвѣ дарѣги нашѣў и ў вѣбѣдѣви пашѣў.

А ў нашѣга пана пысарѣтъ пуза яма.

Лѣтѣли бѣлыя галѣби, сѣли ны пирѣрѣби.

Синѣнѣкѣй клѣбѣчкы шымыкъ пудѣ лубѣчкы.

Ны якѣмъ дѣрюп дѣвѣ шукумъ?

Што ў лѣси, а што ў пѣли?

Што ў доми, а што ў вадѣ?

Сидѣть бабѣся у сѣмѣй кажѣся (хѣ), хто яе зачѣпитъ, тѣй зыплаачитъ.

Бѣтъка толькѣ-што радѣўся, а сынѣ ужѣ на крѣшы.

Лѣжѣтъ лѣжанка, ны лѣжанцы бяжѣтъ зѣмѣ.

60. Стайть аѣйна, ны аѣинѣ пысканѣйна, ны пысканѣинѣ аржавѣйна.

Адѣнѣ идѣтъ, а двѣдѣцѣтъ сѣлядѣў дѣлѣитъ.

Ишоў на пѣлю хадѣнѣ—ны двѣдѣнѣцѣтъ нохъ адѣнѣ ступѣнѣ.

Чѣтыры кытанѣчкѣи пѣбѣгли ны пѣдѣнѣчкѣи, ухватѣли вутѣчку, нысадѣли ны за-
кѣтычку.

Што расѣтѣтъ дыгарѣ карѣнѣнѣмъ?

Сухѣя кабылѣ ўсѣ сѣна пѣла.

Мой братъ прукѣратъ скрѣсь сѣянѣу грѣшѣмъ лѣчитъ.

Дѣва сѣбакѣ дарѣгу лѣжѣтъ.

Мѣтка таўсѣгѣха, дычка краснѣухѣ, а сынѣмъ вѣсылѣнѣкѣи.

Мѣз дѣба мѣзѣ ели тѣлѣ уѣвѣзла.

70. Клѣнѣница, клѣнѣница—брыкъ и вѣтигѣнѣница.

У пѣчы мѣчыница, у вадѣ сѣшыница.

Паткѣну шранѣкъ патъ тѣмный лясѣкъ, върысѣтитъ кѣпкымъ пыт зялѣнымъ дѣпкымъ.

Хто ны сябѣ грась тѣгнитъ?

А ўсе пѣля ў лѣдчыкыхъ.

А ўсѣ пѣля ў свѣчкыхъ.

А ўсѣ пѣля ў мутовкахъ.

У зямлѣ крошки, а въ зямлѣ лепѣшки.

Улѣтку ни ель ни сынѣ, а ўзимку карѣўцы систра.

Адно палѣна у дѣвюхъ пѣчыхъ гарѣть.

80. Матка вирыѣтка, дѣчки пылизѣхи, сыны лыпутуны, бѣтька шарсѣтѣны.

Силихѣнѣ, убярѣсь вонѣ.

Абѣдыў, абѣдыў, а жывѣтъ ня вѣдыў.

Гось — сыласѣтѣй, ѣсь мяса биз касѣтѣй, гось сытъ, мяса пѣла.

Скручѣ, зъварчѣ, за шѣря пушчѣ.

Ты братъ нѣи туды, а я пойдѣ сюды: на пѣпавый гарѣ сѣйдѣнѣ.

На ели сѣдѣтъ, скрось клѣнѣ глядѣтъ, бирѣзы шытанѣ.

Туды рохѣ, сюды рохѣ, баслѣў Вожа, лѣсь ны мянѣ.

Чиризѣ миску струнка.

Ѣхѣў плухѣ на чорный лухѣ, за нѣмъ пара слухѣ, тудѣ Ѣхѣў вѣсилѣ, аттѣль гылавѣ звѣся.

Лѣтѣла пава, въ камѣнныя пала, камѣнныя пабила, мѣртвыхъ узбудѣла, мѣртвыя ўстаѣли, ў пѣшчыки зайграна.

90. У чыстыхъ поли лѣжѣтъ люди забѣиыя, мѣс тыхъ людей стѣйтъ вѣтылка, а ў вѣтылцы сѣмѣй — краса; прыбѣхъ бутѣтъникѣ, ўхвѣтѣў сѣмѣй — красу; мой милый дружокѣ, карий пѣсѣйника, бирѣй суха дѣрева, дыганѣй бутѣтъника, адбирѣй сѣмѣй — красѣ.

Дѣвѣ Гапѣли, адинѣ Гапѣнѣ.

У выднѣгѣ вупрѣ два лычѣ.

Мѣз дѣвюхъ лѣсицѣ парсѣкъ висѣтъ.

Пѣмѣрѣ каптѣрѣ, вина хаўтѣрѣ.

Лѣтѣў тѣнѣ ны Пятрѣў дѣнѣ, шѣитъ волю нудѣ усими, нѣтъ царѣни, нѣтъ кырыѣни, толькѣ ня шѣитъ воли што у шѣри.

Рыгазѣлька шы краснѣй гарѣ скачѣтъ, а чортѣ мѣхнѣтый сѣмѣецѣца. Ни радѣисѣ, чортѣ мѣхнѣтый — бѣдитъ и табѣ ѣта.

Тры сѣстрѣи на печь лѣзѣтъ, ды нѣрѣзу ня ўзылѣзѣтъ.

Адынѣмъ снапѣжѣ ѣвню нысѣджѣ, а два снапѣ мѣньшыхъ выстѣаниѣца.

Быў я ны пѣкѣнѣцы, быў я ны лѣжѣнѣцы, быў я ны пѣжѣры, быў я ны таргѣ.

Стѣрыя баба на печь лѣзѣтъ, ды ня ўзылѣзѣтъ.

Сѣмѣ мѣкѣкѣй, а хвѣстѣ кыланѣнѣй.

(І. М.-Далѣцкѣй, Г. Коржѣпкѣй, И. Мѣлюкъ, Л. Шакура, В. Берѣстѣнѣ, В. Мѣська, Е. Смѣльянѣ, Г. Вѣусѣ, Н. Субѣтѣникѣ и др.).

О т г а д и м.

1, Сани. 2, Дорога и стѣжки. 3, Ночь, дѣнь и люди. 4, Дѣревѣя лѣственѣниы, хвѣйныя и снѣгѣ. 5, Горшокѣ. 6, Вѣдка. 7, Сорѣчка. 8, Вѣдѣнная мѣльница или печь въ банѣ. 9, Сердѣцевѣна. 10, Лапти. 11, Пчѣлы. 12, Стрѣлѣцѣ. 13, Толкаѣи въ стѣпѣ. 14, Конѣ во рѣжѣ. 15, Кѣрова, мѣлоко, цѣдѣлка, кувшѣнѣ, рѣтъ. 16, Свинѣя и поросятѣ. 17, Дѣдѣ, лѣсь, собѣака, куштѣ, волкѣ, пѣлка. 18, Дѣдѣ, печь, кошѣка, кашѣ. 19, Пчѣлы. 20, Пчѣлы. 21, Кротѣ. 22, Мѣльница. 23, Грѣхи. 24, Хѣта, печь, огѣнь, горшокѣ, вѣда, лѣжка. 25, Смертѣ. 26, Солѣнѣ. 27, Вѣтошокѣ. 28, Скамѣйкѣ. 29, Перчатѣка. 30-32, Самѣварѣ кипѣнѣщѣй. 33, Ухвѣтъ, горшокѣ, печѣка. 34, Горшокѣ на углѣхѣ. 35, Чѣшка и лѣжки. 36, Скѣворѣда и колбѣса. 37, Крѣсна, пошѣжи, чѣлюнокѣ. 38, Лѣюлька съ ребѣнкомѣ. 39, Вѣдра. 40, Дѣгѣтка. 41, Стѣпа и толкаѣи. 42, Цѣрѣ-

мага и пуговицы. 43, Пойдетъ восьмой. 44, Уголья въ печуркѣ подъ золой. 45, Пенька. 46, Воченокъ. 47, Чепельникъ и чепела. 48, Блявѣ. 49—50, Надѣванье брѣжъ. 51, Корыто. 52, Зубы. 53, Глаза. 54, На бережѣ. 55, Кленъ и левъ. 56, Клинь и линь. 57, Лѣкъ. 58, Огонь и дымъ. 59, Желѣзная дорога. 60, Столъ, скатерть, хлѣбъ. 61, Борона. 62, Колесо. 63, Телега, хлѣбъ, гумно. 64, Волоса на головѣ. Также: сажа. 65, Розвины (орудіе). 66, Буравъ. 67, Сани. 68, Ъвня, токъ, цѣны. 69, Цѣпъ. 70, Топоръ. 71, Воскъ. 72, Рѣпа. 73, Колесо. 74, Слѣды копытъ. 75, Ржище. 76, Межи. 77, Рѣпа. 78, Конопля. 79, Ось. 80, Ъвня, метлы, цѣны и токъ. 81, Дымъ. 82, Грудной младенецъ. 83, Письмо. 84, Поясъ. 85, Пряха. 86, Сорочка. 87, Почепка въ ведрѣ. 88, Пѣтухъ. 89, Цыплята. 90, Младенецъ въ люлькѣ на полѣ, воликъ. 91, Лавки и столъ. 92, Ночевки. 93, Косикъ. 94, Горшокъ. 95, Комаръ. 96, Кочерга и помело. 97, Беременность. 98, Горшокъ. 99, Печурка. 100, Щетка.

VI. Заговоры.

Атъ кривѣ

1, Ишѣу Максимъ шырѣкый дарѣгай, ишлѣ Вудѣяна кылы кампѣ. Якъ Вудѣяна кампѣ ни стрѣныла, копъ такъ кроѹ ни канула.
(Тры разы кызѣть и мѣзинимъ пѣлцимъ апчѣркывать).

Атъ круга (лишая).

Намазываетъ оконнымъ потомъ:

2, Крухъ, крухъ, дабрѣ-днѣ—прыпадѣ за дѣны! Крухъ, крухъ, дабрѣ-вечирѣ—прыпадѣ за вечирѣ. Крухъ, крухъ, дабрѣ-нычѣ—прыпадѣ за нычѣ. (Смотря по времени произнесения заговора).

Нада да сѣнца расѹ сѣбирѣть изъ вакна и мѣзинимъ пѣлцимъ кругѣмъ лишѣй мѣзыть и кызѣть:

3, Крухъ, крухъ—лишай! пашѣу сѣвинѣямъ мишай!

(П. Мартусевичъ).

VIII. Духовные стихи.

У марцы мѣсцы у воскресный дѣнь Мать Присвѣтая Быгарѣдица спычывала на Вѣлгій гарѣ тры дѣни, тры ночѣи, тры часѣи Прышѣу ды яѣ Сусъ Хрыстосъ.

— «Мать Присвѣтая Быгарѣдица 'Ладѣчыца! Тѣ спышъ, тѣ зрышъ, тѣ спра-сѣнку вѣсѣ ни видѣишъ»?

— Сѣику мой любезный! Я сплю и зрю, спрасѣнку вѣ сѣни видѣю: 'зѣли Хры-стѣ на шѣку, рысѣли на кѣтры, на пѣдры, ны святѣмъ кѣтарѣси, ны 'Дѣмывѣй галѣуцы, прѣбѣли правѣй бѣчѣкѣ кѣпѣмъ, пыткаѣ пѣ 'Дѣмывѣй галѣуцы тры кѣрѣвы: пѣрѣшая кроѹ гарѣча, другѣя кроѹ нягрѣшна трѣтя кроѹ нисмѣртѣлна (бѣзгрѣшна, бѣз-бѣзмѣртна).

— «Мать Присвѣтая Быгарѣдица. Што вѣдила ва сѣнѣ, тѣ бѣдѣть на ѣви: зѣдѣмъ зѣ хрыстѣаньскѣю кроѹ на шѣку!»

Мать Присвѣтая Быгарѣдица зыплакыла- зырыдала.

— Сыику мой любезный: сѣ кимъ мянѣ кѣдѣишъ?

— «Ни плачѣ, ни рыдаѣ, Мать Присвѣтая Быгарѣдица: вѣ тры дѣни ныскрасѣу и на ныбѣси ѹступлю и тѣбе, мать Присвѣтая Быгарѣдица, з душѣю-тѣлымъ вѣзымѣу, ѹ субѣры ны прыстѣли пылажѣу, на ѹвѣсь бѣлый сѣвѣтъ у грѣмѣту ѹишѣу. Ацѣи ны прѣроки стѣяли ны вѣдѣхъ, ны рыкахъ, ны святѣхъ Ирѣдѣнѣхъ, сѣ сѣвинѣями, сѣ кѣрѣжѣями, чѣснѣными абрызѣями, и тѣбѣ, Мать Присвѣтая Быгарѣдица, 'спынинали и нинѣ, Сѣса Хрыстѣ Сѣна Бѣжа, ѹзѣвѣличѣти».

Хто Присвятаѣя Быгародицы совѣ 'спомнить, таму Бохъ грахѹ уволить, атъ агниыга пыжару, атъ напасѣти, атъ напросъницы, сыхранить Бохъ и памѣлыть на многыя лѣта.

Отъ кр. с. Высокаго Ст. Шавеля, 80 лѣтъ, запис. г. М.-Далецкій.

А ў дужочку, на крѣтныкнѣ бираждочку,
 Стаить цѣрква муруваная.
 А ў тѣй цѣрквы прыстѣль стайть
 Зы прыстѣлытъ Божья Матя сядить.
 Ина сядить, листѣ пѣшыть.
 Сѣлно плачыть, тѣшко уздыхаить,
 Тѣшка ўздыхаить, узрыгыить.
 Ирышла ды яѣ свѣнта Марѣя,
 Свѣнта Марѣя пытанца:
 — «Чаго, Божья Матя, силна плачышь,
 Сѣлна плачышь, тѣшка ўздыхаишь,
 — А якъ жа ш миѣ ни плакыть, нв
 ўзрыпывать:
 Што майгѣ Сына жды ўзяли,
 На крѣишь ручки рысьпывалы,
 Капѣишь сѣрца прыбивалы,
 Гарфчу каоу рызливалы,

На сѣмъ сажынь у зѣмлю пушчалы.
 Дарнѣўныиъ прыкладылы,
 Камѣньиыкнѣ зыкычалы...
 — «А блѣ, Божья Матя, къ свайму Сыну,
 Вазми ключѣ пѣкельныя,
 А пусьти дѹшы нягрѣшныя.
 Адну дѹшѹ ни выпушчай,—
 Тая дѹша грѣшнѣй за ўсѣхъ:
 С апцѣмъ, з маткѣй пысварылыся,
 З бѣлыиъ сѣстрѣ крѣў спустьтыла—
 Вотъ тѣй дѹшѣ рай зычыиѣный,
 Рай зычыиѣный, пекса мчыиѣныя».
 Пашла дѹшѣ узрыгаючы.
 Апца-мѣти прыклинаючы:
 Быдай прѣклиты апцѣ—мѣти,
 Чаму мянѣ мѣлыю ня учѣлы,
 Маѣ тѣла ни дѣвишѣлы¹⁾

(Зап. М. Матюкѣ).

VIII. Причитанія.

Причитанія матери по ребенкѣ. 1. А мой жа ты сынѹличка! А мой же ты любяюличка! А чаго ш ты, мой сынѹличка, ат мяне утикѣишь? А ти я ш табѣ надаѣла?

2. А скажы ш, скажы, мой сынѹличка: а кѣли ты ка миѣ прѣдишь у госьтѣйки? А ти з вѣсхѣду, а ти з зѣхѣду? Кап я знѣла, мой ты любядѣчикъ, пѣли ты прѣдишь ка миѣ, тады и я ничѣга и ни работыла..

3. А ты ш пѣдишь, мой сынѹличка, у хѣтычку дѣжа тѣшныю,—бизвакѣишныю. А тамъ жы дѹжа тѣмна, мой сынѹличка! А тутъ жы ты дѹжа быѣўся тѣшныга, а тыпѣрь жы ты вѣдѣшь у хѣтычку тѣшныю и бизвакѣишныю и ни байсься..

4. Гасѣтѹй, гасѣтѹй, мой ты сынѹличка! Нямѣишка ш табѣ ўжѣ у насъ гасѣтѹвати. Прасѣ ш, прасѣ, сынѹличка, свѣйхъ тѣтнѣиъ и дѣднѣиъ, кап яны тѣбѣ прыбрѣли..

5. Прышчай, прышчай, мой сынѹличка! Прыхѣдица нѣсѣ табѣй рыстрайца на вѣкѣ,—мой ты сынѹличка, мой любяюличка!..

6. Упруѣлыиъ жа мы тѣбѣ, маѣ дѣтѣтычка, прѣти лѣтячка, прѣти тѣпыга! А ўси ш дѣтычки бѹдуть ѡа вѹлицы гуляти и красѣычки ирѣвати, а майгѣ ж жы дѣтѣтычки ня бѹдуть вѣдѣти!..

7. Агарчѣў жа ты мяне, маѣ дѣтѣтѹхна!.. Знѣть жы ты ны мяне дѹжа разгнѣвуѣўся,—што ты са мной ничѣга ни гавѣрышь... Знѣть жы ты, маѣ дѣтѣтѹхна, дѹжа Ъѹху ўгѣднѣвъ, што Енъ тѣбѣ ат насъ атнимѣишь, къ Сабѣ у высѣўжнѣиыкнѣ...

8. Пытнѹсиныкѹ вы. мѹѣ дѣдчыкѣ, ягѣ вы сѣнимѣиѣты. Ягѣ ш кѣстычки дѹжа бѣлыны...

9. Ти прасѣў жа ты, мой сынѹличка. свѣйгѣ тѣтѹличку, какъ ѣнъ табѣ запрѣхъ свѣйгѣ конѣиъ заѣхыть у хѣтычку, дѹжа тѣшныю, бизвакѣишныю? Замкнѹть жа тѣбѣ, маѣ дѣтѣтычка, трѣиъ замѣчыкнѣ. Первый жы замѣчыпъ—грабѣиы дѣшчычѣиъ; другѣй жы замѣчыкъ—жѣўтыиъ пѣсѣчыкъ, а трѣтѣиъ замѣчыкъ—грабѣычка муравѣычка...

10. А я ш к табѣ, маѣ дѣтѣтычка, бѹду хѣдѣть кѣжнѣиъ дѣнѣчыкъ. Я ш бѹду ны табѣ кукувати, тѣбѣ ў госьтѣйки к сабѣ звѣти... Якъ жа миѣ забѣиыца ѣтыга дѣтѣтычку, ѣтыга любнѣыкѣыга? Енъ жы висѣлѣў жы нашу ўсѣю симѣнѣычку... Мой ты дѣтѣтычка! мой ты любнѣыкѣиъ сынѣчыкъ...

(Запис. кр. Гонакѣ).

¹⁾ Ср. подвижнѣиъ.

IX. Пѣсни родинныя и крестинныя.

Ай у нядѣлку вѣльма ранилька
Што ў неби зызьвинѣла?
— Госпыть Богъ идѣть и долю нясѣть
Егиму дитяти.
А пытанца ў Вугурѣдны:
— «Якую долю даць дитяти?
Ты грышавю, ты дыжжавю,
Ай ти тую виньчальную?»
Вабычка сядіть и Бога прѣсать:
— «Дай, Божа, усякю!»

Ай у нядѣлку вѣльма ранилька
Што у неби зызьвинѣла?
— Госпыть Богъ идѣць и долю нясѣть
Егиму дитяти...
А пытанца ў Вугурѣдны:
— «Якую долю даць дитяти?
Ты грышавю, ты дыжжавю,
А ти тую виньчальную?»
Кумьчка сядіть и Бога прѣсать:
— «Дай, Божа, усякю!»

Ай у нядѣлку вѣльма ранилька и т. д.
Кумѣчык сядіть и Бога прѣсать:
«Дай, Божа, усякю!»

Кап я знала—вѣдыла.
Што ты ў мяне бабый бѣдишь—
Пысала и я тябѣ
У гарѣдны ны грядѣ,
Пысала и я тябѣ
Ни вадю, ды сытою,
Кап сыты ни стала,
Я и маду дыстала.

Кап я знала—вѣдыла.
Што ты ў мяне кумѣй бѣдишь—
Пысала и я тябѣ и т. д.

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты ў мяне кумѣй бѣдишь—
Пысала и я тябѣ и т. д.
Я й мѣду и дыстала.

Кылы двыра сѣтѣжычка,
Кылы двыра дарѣшка,
Туды ишла бабѣуска,
Туды ишла любѣуска,
Сустрѣкають Госпыть Богъ,
Сустрѣкають Духъ Святѣй.
— «Куды идѣшь, бабѣуся,
Куды идѣшь, любѣуся?»
— Ай на ксѣтѣнны, Госпыть Богъ,

Ну муравѣнны, Духъ Святѣй!
— «Што ты нясѣшь, бабѣуся,
Што ты нясѣшь, любѣуся?»
— Пялѣнны, Госпыть Богъ,
Пялѣнны, Духъ Святѣй!

Кылы двыра сѣтѣжычка,
Кылы двыра дарѣшка.
Туды ишла кумѣчык,
Туды ишла гулѣбчык.
Сустрѣкають Госпыть Богъ и у. д.
«Што ты нясѣшь, кумѣчык,
Што ты нясѣшь, гулѣбчык?»
— Чирвѣнны, Госпыть Богъ,
Чирвѣнны, Духъ Святѣй.

Кылы двыра сѣтѣжычка,
Кылы двыра дарѣшка.
Туды ж ба йшла кумѣся,
Туда ж ба йшла любѣся!
Сустрѣкають Госпыть Богъ,
Сустрѣкають Духъ Святѣй:
— «Куды идѣшь, кумѣся,
Куды идѣшь, любѣся?»
— Ай на ксѣтѣнны Госпыть Богъ,
Ну муравѣнны, Духъ Святѣй.
— «Што ты нясѣшь, кумѣся,
А што нясѣшь, любѣся?»
— Ныпрѣтычык, Госпыть Богъ,
Ныпрѣтычык, Духъ Святѣй!

А кап я ѣта знау,
А кап я ѣт вѣдуу—
Я ж бы тябѣ бабый ни узѣу:
Ина й гарѣлки ня пѣть,
Ина й пѣснѣ ни пѣть.

А кап я ѣта знау,
Кап я ѣта вѣдуу—
Я ж бы тябѣ кумѣй ни узѣу:
Ина й гарѣски ня пѣть,
Ина й пѣснѣ ни пѣть.

— А кап я ѣта знау,
Кап я ѣта вѣдуу—
Я ж бы тябѣ кумѣй ни узѣу!
Енѣ гарѣлки ня пѣть,
Енѣ и пѣснѣ ни пѣть.

А сядѣли ў бясѣдѣ
Мужы чѣсныя,
А радѣли яны раду,
Раду дѣбрыю:

Ачгад а сьвѣтъ—Мыска
Зыгарѣлся?
Зыгарѣлся сьвѣтъ—Мыска
Атъ удвухи.
А згарѣла тры цѣркуѣи,
Тры суборниньныхъ;
А згарѣли тры папѣи,
Тры духдуниньныхъ;

А згарѣла тры дякѣи,
Тры наудчиньныхъ.
А ни жалѣ жа трѣхъ папоу,
Трѣхъ духдуниньныхъ,
А ни жалѣ жа трѣхъ дякоу.
Трѣхъ наудчиньныхъ—
А я жалѣ жа тры цѣркуѣи,
Тры суборниньныхъ.

(Д. Ермоленкова).

Х. Пѣсни колыбельныя, дѣтскія, игорныя, шутивыя.

Лѣли-лѣли-лѣли,
Прылятѣли вѣли;
Сѣли-пѣли ны варотыхъ
У чырвонныхъ бѣтыхъ.
Стѣли янѣ брукуватѣ:
Чымъ Иваньку гудуватѣ?
Адинъ кажытѣ: пиражокѣ;
Другѣи кажытѣ: мылачокѣ,
Трѣтѣи кажытѣ: сытою,
И паложытѣ спатѣ с сабою.

Лѣли-лѣли, спатѣ-мыучѣтѣ,
Я сѣ (я жѣ) тѣбе буду кылыхѣтѣ
Кап табѣ булѣ смѣшна спатѣ.

Иди, кѣтикѣ, ни вурчѣи,
А Иванька сѣпи—маучѣи;
А ны катѣ вуркытѣ,
А ны Иваньку дрымытѣ.

А псикѣ, кѣтикѣ, ны таржокѣ!
Прынясѣ Иваньку пиражокѣ,
И самѣ трѣшку укусѣ,
И Иваньку прынясѣ!
А псикѣ, кѣтикѣ, на вулку,
Прынясѣ Иваньку хлѣба булку,
И самѣ трѣшку укусѣ
И Иваньку прынясѣ!
Иди, кѣтикѣ, на рыныкѣ,
Прынясѣ, кѣтикѣ, сварыныкѣ,
И самѣ, кѣтикѣ, ни зысѣ,
Асталинѣ прынясѣ!
Иди, кѣтѣ, ни вурчѣи,
А Иванька, зѣбѣ, маучѣи!

Зайчикѣ дровы сячѣтѣ,
Казѣлѣ дровы нѣсѣтѣ,
Кыза хату тѣпитѣ,
Ауца мукѣ сѣитѣ,
Сѣвиньнѣ джѣу нѣситѣ,
Крѣликѣ нѣшитѣ столикѣ,
Кауки нѣють лѣуки,
Кошки нѣють лѣшки,
Лѣски нѣють нѣски,

Блѣхѣ хату мѣтѣтѣ.
Зайчикѣ атысѣкѣ пѣльчикѣ,
Казѣлѣ з драуни пувалисѣ,
Кыза хату спѣила,
Ауца мукѣ рассыпыла,
Сѣвиньнѣ у джѣу нѣзѣла,
Крѣликѣ нѣшитѣ столикѣ,
Кауки пылымѣли лѣуки,
Кошки пышитѣли лѣшки,
Лѣски пѣбѣли нѣски,
Блѣхѣ вѣнникѣ рассыпыла.
(Каждая строка два раза).

Мужыкѣ—вѣжыкѣ
Прадау ножыкѣ,
Купѣу мыла,
Памѣу рыла.

Латки латки
Джѣкѣвы рыбѣтки
Гарѣхъ мылатѣли,
Цапѣи пулумѣли,
За вѣнтѣ зыкидѣли,
Джѣу ни скизѣли.
Джѣкѣ зыбранѣисѣ
И с пылатѣ звѣлѣисѣ.
Джѣйха сѣ пѣчи—
Пѣбѣла пѣчи,
Пѣтѣхъ зѣ лѣмки—
Пѣбѣу клѣмкѣи,
Курица с пѣлѣцы—
Пѣбѣла шкѣлѣнѣицы.

А чи-чи сарѣка,
Куды лѣтѣшѣ далѣка?
Сѣла-пѣла ны такѣ
У чурвѣнымѣ кылпакѣ.
Нѣ бѣи нѣанѣ пы бакѣ.
Буду табѣ гѣтѣ слѣжытѣ,
Сахѣ на пѣла насѣтѣ.
Прышѣу у пѣла—сахѣи нѣмѣ,
Прышѣу у дворѣ—жанѣи нѣмѣ.
— А вѣдѣ жана?—У нѣжѣни!
Шѣто радѣла?—А Лѣжѣи!

— Кто купает? — Сыбака!
— Чимъ завутъ? — Кымбака!
— Идѣ ляжыть? — Пыд лаўкый!
— Чимъ накрывся? — Кырайкый!
— Идѣ пыкладли? — Пут кутомъ!
— Чимъ накрывся? — Лускутомъ!
И припѣуцы канецъ,
А инѣ шѣду карэцъ.

Питушѣкъ, питушѣкъ,
Зылатѣй грыбянѣкъ!
Ны саломцы спау,
Ёнъ рана устау,
Пу вадичку пашѣу,
Мыладичку нашѣу;
Мыладичка дыбра,

Яшў штобники дыла,
Ёнъ и тѣи ни знасѣу
И другѣя пупрасѣу.

Мати сына радѣла,
На коника садѣла,
Шаўковыя пувады,
Вядѣ кынѣ ды вадѣ.
Арѣхува карыта
Пѣна вадѣ налѣта.
Тамъ малычкы ногы шѣли,
А дѣвычкы вадѣ пѣли.
А дѣвычкы чатыры,
Кап ихъ чѣрвыи стачѣли,
А малычкыу пѣть, пѣть —
У зѣлыти сыпѣть, сыпѣть.

Епическія пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дъиновскаго ¹⁾).

Марко кралевић и Арапини.

- Градил Марко седомдесетъ цркви,
И ми градил той свети манастир.
Ми пособрал си-те сиромаси,
Да му чинит нему ангарія,
5. В рока зело куршумлія камцик,
Удрит, тълчет по главе, по очи.
Поплак пойде во града Стамбола:
«Врућо сълнце Сълтан Паязите!
«Що с'о ови зулуми големи,
10. «Од оного Кралевића Марка;
«Градит Марко седомдесетъ цркви,
«И ми градит той свети манастир;
«Ми пособрал си-те сиромаси,
«Да му чинит нему ангарія:
15. «В рока зело куршумлія камцик,
«Удрит, тълчет по главе, по очи».
От си выкна Сълтан Паязите:
«Ве ће камо да се найметъ юнак.
«Да го фатит Каурина Марка,
20. «Ња му дада по море скелнија,
«Ња му дада три градови тимар,
«Ња му дада три товари азно».
Си-те ми се в зем'и опуніе.
Бог го убил црнего Арапа,
25. Му излезе цару на дивани:
«Врућо сълнце Сълтан Паязите!
«Ј ти фаћа Каурина Марка.
«Направи ми руво ка'ућерско.
«Направи ми од срма петраилъ,
30. «Направи ми крсте позлатено,
«Направи ми котленце стребрено».
Царска рака мошне беше дълга:
Му направи руво каућерско,
Му направи од срма петраилъ,
35. Му направи крсте позлатено,
Му направи котленце стребрено.
- От си яфна црна Арапина,
От си яфна своя брза коня.
Право тргат во Прилепа града,
40. Во Прилепа на Марковы порты.
Клукум кљукат, а на име выкат:
«Отвори ми господаре Марко!»
А пак Марко не се згоди дома.
Ми излезе Марковица млада,
45. Умна беше Марковица млада,
Веднуш порты млада не отвори,
Од призирка млада ми погледа,
Си го виде црнего Арапа,
Пак му велит Марковица млада:
50. «Ид' одтуе црни Арапине,
«Ты шо сакаш с кралевића Марка?»
Бог го убил црнего Арапа.
Си порони сълзи по образи:—
«Господарке Марковице млада
55. «Защо вера наша ни я турчиш?
«Да я несу Арапина црна,
«Токо су си каућера црна;
«Еве имать деветъ годиницы,
«Как манастир ми го поплениле.
60. «Ј до сега в зондани сум лежал,
«Од верени я сум поцрнало,
«Дури сега мене ме пуције.
«Пак сум чуло да ми градил Марко,
«Да ми градил седомдесетъ цркви,
65. «И да градил той свети манастиръ.
«Ј сум дошол до твой господаря.
«Да ме кла'етъ негде да се 'ранамъ».
Пакъ му велить Марковица млада:
«Неборете Арапине црни,
70. «Марко ми е во Скопъ широко,
«А во Скопъ при свети манастиръ,
«Иди тамо, шо сакаш, чините».

¹⁾ См. «Живая Старина», г. IX, в. 1, отд. II, 113—129. В. II. отд. II, 236—250.

- Си се врати црна Арапина,
Право търгат на свети манастирь,
75. Ми приближи до свети манастирь.
Го догледа едно црно ѱаче
Писна ѱаче колъку го глас държит:
«Господаре Кралевѱне Марко!
«Нешо идет по бели друмови.
80. «Се задале могли и праови.
«Да ни ми е некоя делѱя?
«Да ни ми е, Богъ ме, силна войска?
«Право идетъ на свети манастирь».
Како зачу кралевѱне Марко,
85. От си зеде своя остра сабя,
Од ягонис гола Шарца яфна,
Одоколу Марко го забиде,
Го престрети на бели друмови,
Селам му даде Марко Кралевѱне,
90. Селамъ му даде црнему Арапу.
Бог го убил црнего Арапа.
Си порони стълзи по образи:
«Господаре Кралевѱне Марко!
«Защо вера наша ни и турчиш?
95. «Да я несу Арапина црна,
«Токо сум си калуѱера црна.
«Еве имать девет годиницы,
«Какъ манастирь ми го поплениле,
«Я до сега во зондан су лежал
100. «Дури сега мене ме пуцие.
«Пакъ сум чуло да ми градиш цркви,
«Да ми градиш седомдесетъ цркви
«И да градиш той свети манастирь.
«Пак я идам до твое колено,
105. «Да ме клѱеш негде да се 'ранам».
Му извади од срма петраилъ.
Му извади крсте позлатено,
Му извади котленце стрѱбрено,
Дури тога Марко заверува.
110. От си слезе од коня бързего.
Трѱ-потѱ му метанѱ стори,
И трѱ-потѱ рока му цалива:
«Прости мене дуовниче Божьо!
«Прости мене, я що ти прегрѱшиф!
115. «Веднуш тебе я не те припознаф!»
От си яфна своя брза коня,
Отидоъ во свети манастирь,
Ми слегоъ од брзи-те конѱ
Изговори црна Арапина:
120. «Господаре Кралевѱне Марко!
«Айде нме в црков да влеземе,
«Да влеземе въ црков у олтара,
«И молитва тебе да ти стора».
Ми влегое въ црков у олтара,
125. Изговори Арапина црна:
«Господаре Кралевѱне Марко!
«Наведи си глава ничкум в земн
- «И завърти роцы наопаку
«Ты со роцы книга да му държиш
130. ѱа ти пѱя (господска) простена
молитва».
Се излога Кралевѱне Марко,
Си наведе глава ничкум в земи,
Си завърте роцы наопаку,
Си му даде книга да я държит.
135. Арапин си Арапски говорят,
А пак Марко чинит да ги пѱйт;
Бог го убил црнего Арапа!
Не му пѱйт (господска) простена
молитва,
Ток извади тесны белеѱи.
140 Си му върза роцы наопаку,
А на гуша—оной дробен синцир
{ Си му викна с клоцы да го биет, }
{ Да го биет как некое куче. }
Го изводи од манастирь надвор
145. Си го върза коню за опашка.
Го поведе по бели друмови.
Пицит Марко, како ѱута змиѱ,
Марко пицит од манастирь надвор
Шарец пицит внотра во манастирь.
150. С' уѱдисаъ оба-два гласѱви,
Пицитъ оба на далек се чуе,
Ми дочуло Янкула войвода:
А пак нему му се учинало,
Дал' го Турцы манастирь плениле;
155. Пак си яфна своя брза коня,
Право търгат кон свети манастирь,
Кога виде, що ѱа видит чудо?
Го вързала црна Арапина,
Го вързала Кралевѱна Марка.
160. Отдалеку Янкула му выкат:
«Чекай море прии Арапине!
«Коде водиш мойго побратима
«Чекай, кафлем да се обидеме
«Бар за мене боздоган однеси»
165. Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе дедио незнойна!
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Янкула войвода:
«Чекай кафлем море црна гламно
170. «Чекай кафлем тешка боздогана».
Исѱофрли Янкула войвода
Исѱофрли с' тешки боздогана.
Бог го убил црнего Арапа!
В' роцы му го боздоган дочека,
175 И пак назат боздоган му врати.
Си го удри Янкула в' рамена,
От си падна од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
Се поврати и него го върза;
180. Се сториъ дваница юмаци.

- Пийцит оба како љути змиѝ,
Пийцит оба на далек се чуѣт,
Ми дочуло Радула войвода.
Ей Радула с мустаѝ' преку рамо.
185. А и нему му се учинало,
Даль манастирь Турцы го плениле;
Отъ си яфна своя брза коня,
Право търгат на свети манастирь.
Кога виде, що ѝа видит чудо!
190. Ы врзала црна Арапина
Ы врзала дванаѝ юнацы.
Отдалеку Радула си викат:
«Чекай, море црни Арапине,
«Коде водиш мои побратими?»
195. Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе делю незнойна
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Радула войвода:
«Чекай кафпем мори црна главно
200. «Чекай кафпем тешка боздогана».
Испофрли с тешка боздогана
Си го удри црнего Арапа
Си го удри в' десна узеньгя.
Бог го убил црнего Арапа.
205. С узеньгя боздоган му врати,
Си му удри коня Радулова,
Си го удри меѝу два колана
И конь падна и Радула падна.
Се поврати црна Арапина,
210. Се поврати и него го врза.
Се сториѝ тронца юнацы.
Пийцит си-те како љути змиѝ,
Пийцит си-те на далек се чуѣт,
Ми дочуло Рело шестокрило.
215. А и нему му се учинало,
Даль манастирь Турцы го плениле.
Пак си яфна коня крилатего,
Право търчат кон свети манастирь,
Кога виде, що ѝа видит чудо!
220. Ы врзала црна Арапина,
Ы врзала тронца юнацы,
Отдалеку Рело токо викат:
«Чекай, море црни Арапине!
«Коде водиш мои побратими?»
225. Пак му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе, делю незнойна!
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Рело шестокрило:
«Чекай, кафпем црни Арапине!
230. «Чекай, кафпем, тешка боздогана,
«Бар за мене боздоган однеси».
- Испофрли Рело шестокрило,
Испофрли с тешка боздогана.
Бог го убил црнего Арапа!
235. В' роцы му го боздоган дочека,
И пак назад боздоган му врати
Си го удри Рела шестокрила;
Падна Рело од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
240. Се поврати и него го врза,
Се сториѝ четири юнацы.
Пийцит си-те, како љути змиѝ,
Пийцит си-те на далек се чуѣт:
Ми дочуло Матуфка детенце,
245. А детенце—дванаѝест години,
А и нему му се учинало,
Даль го Турцы манастирь плениле;
От ѝгонис гола коня яфна,
И си зеде своя остра сабја,
250. Право търгатъ кон свети манастирь,
Кога виде, що ѝа видит чудо!
И врзала црна Арапина,
Ы врзала четири юнацы,
Кой одкако юнак над юнака.
255. Пак си викат Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Коде водиш мои побратими,
«Бар и мене, тамо однеси ме».
Пак му велит црна Арапина:
260. «Ид' одтуе дете аѝамия!
«Как прежали твоя пуста младось;
«Дали зноеш, дали ми не зноеш?
«ѝа ѝ носам овие юнацы,
«ѝа ѝ носам во града Стамбола,
265. «ѝа ѝ сечам парче и по парче,
«ѝа си 'равам чарпешки загари».
Пак му велит Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Почекай ме, да се обидеме:
270. «Коде водиш мои побратими,
«Бар и мене тамо однеси ме».
Се поврати црна Арапина,
Со зоби го дете подплашуват,
И си фрли с' тешка боздогана.
275. Аль да видиш Матуфка детенце!
В роцы му го боздоган дочека,
И пакъ назад боздоган му врати,
Си го удри црнего Арапа.
Падна Арап од коня на земи.
280. Си дотърча Матуфка детенце,
Му пресече глава од рамена:
Си ѝ пуци четири юнацы.

Марко кралевин и Беле од Костѹра.

- Во Собота, а спроти Недельа,
Во Солуна на 'ладна меана,
На меана на демир-капиа,
Сон соневал Кралевине Марко,
5. А од сон се мошне уплашило.
Скочил Марко на нози юначки,
Пак ѓ викат кърчмарице младе:
«Посестримо, Невено девојко!
«Нель запали свећа и борина
10. «Да ела си при мене в одая
«Да ти кажа', що сон су' соневал.
«Ты си, жена, од сон ми разбираш
«Да ми кажеш, що ѓа бѹдет сончок
«Ем да ти плата' що сум ти пил вино
15. «Шо сум ти пил вино вересиа,
«Вересиа три години време;
«Да ти плата', и да ти надплата'.
От' си стана кърчмарица млада,
Си запали свећа и борина
20. Си отиде при Марка в одая.
Зеде Марко да ѓ приказуват:
«Посестримо, Невено девојко!
«Как' да се згодиш во Прилепско поле,
«Како да фати еден темен облак,
25. «А из облак—една ситна роса,
«А из роса—еден сиви сокол;
«А по сокол—еребица сива,
«А по неа—пилеце шарено». Тога му велит кърчмарица млада:
30. «Побратиме, Марко Кралевине!
«Нель ме прашаш, право ѓа ти кажа.
«Тея що е, Марко, темен облак,
«Тая ми е, богме, силна войска:
«А из облак що е ситна роса,
35. «Ты ми се майкины ти сълзы
«А из росы що былъ сиви сокол,
«Тея ми е Беле од Костура:
«А по сокол—еребица сива,
«Тая ми е Марковица млада:
40. «А пленце—твое мошко дете:
«Ти ѓ пленил Беле од Костура». Како зачу Марко Кралевине,
От си скочи на нози юначки,
Си отиде долу въ конюшница,
45. Си подседла коня шареного.
Му се згоди Шарца некована,
Немаше време Шарца да подковет,
Дека ми беше време на полноћна.
Некована Шарца си го яфна,
50. Во полноћни Марко си излезе,
Си киниса по тесни сокацы,
Се приближи до порты Вардарски.
- Од далеку Марко токо викат;
«Тако ти Бога, капиця млади!
55. «Отвори ми порты од бедеми
«Зере си имам голема не'ола
«ѓа си търчам по поле широко». Одговори капиця млади:
«Так' ми Бога, делно незнойна!
60. «Во полноћни порты не отворам.
«Големи тембиф кралъ ми учинило,
«Ак' отворам порты во полноћни.
«ѓа ми земет глава од рамена». Се налути Марко Кралевине
65. Дупна коня с' обе узеньги.
Си прескочи кади ем бедеми.
От си летна по поле широко,
Се обзори в Тиквешки баири,
Сълнце го бълсна на чука Плетвара,
70. От Плетвара Марко се опули,
(Се опули на високи Диван),
Дане нешто Марко ѓа догледат,
Да ми шетат по високи Диван:
Нищо немаат Марко да догледат,
75. Да ми шетат по високи Диван.
Дури тога Марко заверува.
Дупит коня с' обе узеньги,
Търчат Марко колку що си может,
Право търгат на порты витицы.
80. На порты најде своя стара майка,
Коде кукат како кукавица.
Ѣ говорит Марко Кралевине:
«Добро угро моя стара майко!»
А майка му не му одгаварат.
85. Ток со роцы по главе се тепат.
Тога ѓ велит Марко Кралевине:
«Леле майко, леле стара майко!
«Кой ны стори оваква страмота?» Тога му велит Маркова-та майка:
90. «Леле сынок, Марко Кралевине!
«Еве имат две недели време,
«Овде ми дойде Беле од Костура,
«Овде ми дойде той со силна войска,
«Ти я плени Марковица млада,
95. «Ен ти плени твое мошко дете,
«Ен ти плени седом тавли кони,
«Ен од кулы азно ти исцърпи;
«Ме остави како што ме гле-
даш». Тога ѓ велит Марко Кралевине:
100. «Учи майко, сега научи ме,
«Научи ме я како да 'ода,
«Ил да 'ода со мое юпа'ство?
«Ил да 'ода со мое и'трина?»

- Тога му велит Маркова—га шайка.
105. «Лелей сыно, Кралевине Марко!
«Со юна'ство не можеш да по'еш:
«Беле ми градила три години кали,
«Кали му се вара и камена.
«Ты не можеш в کالا да му влезеш.»
110. «Ток да 'одиш со твоя 'итрина,
«Бте си ми, сыно, небричено,
«Малу-многу книга ми разбираш,
«Промени се в кау'ѣрско руво.
«На глава клан си шапка егуменска,
115. «Учини се църна кау'ѣра,
«Да яфни си тая крива моска,
«Таке ак' можеш в کالا да му влезеш.»
Я послуша Кралевине Марко,
Се промени в ка'у'ѣрско руво,
120. На глава кладе шапка егуменска,
От си зеде од сърма петранль,
Ем си зеде кърсте позлатено,
Ем си зеде котленце стробрено,
Се учини ка'у'ѣра църна,
125. От си яфна тая крива моска,
Си киниса по бели друмови.
Оту си поиде во поле Костурско.
Туте си најде деца малечкави,
Малечкави деца си игра'е,
130. Им говорят ка'у'ѣра църна:
«Добро утро, деца малечкави,
«Коде ми биет тешка дабувана?»
Му говорат деца малечкави:
«Дай Бог добро, ду'овниче Вожј!»
135. «Ево имат три недели време,
«Свадба чинит Беле од Костура,
«Му я пленил Марковица млада,
«Ама немаат поп за да го венчат,
«Токо поиди Белета, венчай го,
140. «Голем пешкиш Беле ђа ти да'ет».
Право търгат црна ка'у'ѣра
Право търгат на Белеви порты.
Отдалеку Беле го догледа,
Изговори Беле од Костура:
145. «Ядите, пите, гости приятели,
«Ядите, пите, ем веселите се.
«Три недели сум ве гоцавало
«А уще три я ђа ве гоцава,
«Ене ми идет поп за да ме венчат,
150. «Да ме венчат с' убава невеста.
Од радости Беле од Костура
Търчаница порты сп отвори,
Си отвори порты од бедеми,
Го пречека црниго ка'у'ѣра,
155. Три-поти му метанія стори,
Ем три поти рока му цалива.
«Добре ми дойде, Вожји дуовниче
«Добре ми дойде как' добра година!
- «Да ме венчаш с' убава невеста,
160. «Голем пешкиш тебе ђа ти дадам».
Си го зеде црниго ка'у'ѣра,
Си го качи на високи диван,
Си го седна на чес'на търпенза (sic),
Си го слуга љутица ракиа,
165. По ракиа тея църно кафе,
А по кафе той господски ручек,
Ми ручае, що ми поручае,
Ми зедое вино да ми пиет
Извадие убава невеста,
170. Да даруват китени сватови:
И дарува, що ѝ дарувала:
А Белета що го дарувала?
Го дарува Маркова-та сабя.
С' двана'есет ясни огледала,
175. С' двана'есет камна безценати:
И го дарува Маркова-та чаша,
Що ми брала двана'есет оки.
Ми зедое китени сватови,
Ми зедое вино да си пиет
180. Да ми пиет с' Маркова-та чаша,
«Си-те ми се редум изреди'е;
Юнак немаат чаша да я начнет,
А камо ли чаша да испиет;
Ред му дойде църнему ка'у'ѣру,
185. Една испи и друга повтори.
Ми зедое китени сватови,
Да гледаат Маркова-та сабя,
«Си-те ми се редум изредие,
Юнак немаат сабя да истъргент (от-
ворит).
190. Ред му падна църнему кау'ѣру,
Со два пѣрста сабя я истѣрга.
Тога рече Беле од Костура:
«Так ти Бога, ду'овниче Вожьо!
«ђа те праща, право да ми кажеш.
195. «Ты си шетал зем'я и градови,
«Дане негде за Марка си разбрль,
«Даль е живо, да ли е умрено?»
Тога му велит кау'ѣра църна:
«Господаре Беле од Костура!
200. «Нель ме прашаш, право ђа ти кажа:
«На Велигденъ я си се погодиѣ,
«Се погодиѣ я во Света Гора,
«Тамо абер ва Марка су разбрал,
«В'о Арабиستان Марко е загубен,
205. «Го загубила църна Арапини».
Се зарадва Беле од Костура,
От си стана оро да си играт.
Тога му рече църна кау'ѣра:
«Господаре Беле од Костура!
210. «Изни дай ми и я да поиграм,
«Да поигра' 'оро кау'ѣрско».
Изни му ладе Беле од Костура.

- От'у си стана църна кауђера,
От'у си стана оро да си играт:
215. Не ми играт оро кауђерско,
Ток се развърте налево ѝ надесно,
Си и'сече кигени сватови.
А Белета жив го въ роцы фати,
Си го сона у поле широко,
220. Го однесе на две раскърс'ницы,
Му пресече пози до колена,
Му пресече роцы до лакоти,

- Му извърте обе църни очи,
Го остави живо да се мочит.
225. Оту се врати во Белеви двори,
Си я зеде Марковица млада.
Ем си зеде свое мошко дете,
Ем си зеде седом тавли кони,
Ем си зеде свое дробно азно
230. И Белево азно му испърпи.
Оту се врати дома на дворови.

Секула Детенце и Корунъ Арамія.

- Кинисала Секулица млада,
Да ми 'одят на студена вода.
Кога 'одеша, беше зарадвана,
Кога се врати, мошне ујадена.
5. Я догледа Секула детенце,
Е говорят Секулице млада:
«Ай ти тебе, Секулице млада:
«Кога 'одеше за студена вода,
«Ты ми беше мошне зарад'вана,
10. «А сега си мошне ујадена;
«Да не некой тебе се подсмеял?
«Иль ти сторил некая страмота?»
Му говорят Секулица млада:
«Господаре, Секула детенце,
15. «Никой мене не ми се подсмеял,
«Ни ми сторилъ некаква страмота;
«Ток го видоф поповиѣ Іована,
«Си 'одеше с'убава невеста,
«Я посеше у майка на гости;
20. «Мене ми се мошне дожалило,
«Еве иматъ три години време,
«Од как' сме се с тебе ћердосале,
«Ты у майка носи ме однесолъ,
«Да си вида' моя стара майка,
25. «Да си вида' мои деветъ браћа». Тога ё велит Секула детенце:
«Ай ти тебе, Секулице млада,
«Нель замеси две бели погачи
«И наточи две здравицы вино,
30. «И подседлай до два бързи коня,
«Промени се, как' кога си дошла,
«Ња т' однеса у майка на гости». От си стана Секулица млада,
Си замеси две бели погачи,
35. И наточи две здравицы вино,
И подседла до два бързи коня,
Се промени, како кога дошла.
Си яфнае оба бързи коня,
Кинисае юнак и невеста,
40. Кинисае по бели друмови,

- Кинисае на гости да 'одить.
Одеѣ ми що ми по'одеѣ
Накачѣ Дупничка планина,
Ми влекое во тесна клисура.
45. Секула го дремка навалила,
Ё говорят Секулице млада:
«Секулице, невесто 'убава!
«Нель попей ми една лепа песна,
«Кольку да е песна гласовита,
50. «А две тольку да е разборита,
«Зар ме мене дремка надоллила,
«Да не падна од коня бр'зего». Му говорят Секулица млада:
«Господаре, Секула детенце!
55. Страф ме мене я да ти поменя,
«Овде (ми) шетат Корун арамія,
«Той ме мене п'рвин посакало,
«И познават мон-те глѣсеви,
«Да не ни сторит некая страмота».
60. Ё говорят Секула детенце:
«Секулице, невесто убава!
«Дур ми стоит глава на рамена,
«Ни од кого ти да се не боиш;
«Ток попей ми една лепа песна,
65. «Кольку да е песна гласовита,
«А две тольку да е разборита». От си викна Секулица млада.
От си викна песна да си пеѣтъ.
Си я дочу Корун арамія.
70. Пак говорят Корун арамія:
«Ай ви вами, дружино веровна!
«Кой ѣа се на'ет юнак над юнака,
«Да ми фатит юнак и невеста;
«Ња му дада' мое дробно азно,
75. «И ѣа му дада' токи од шес'ь оки,
«И ѣа му дада' моя остра сабя». Си-те ми се в зем'и опуѣе.
Бог го уби тѣя клето Влаше!
Тѣи му се право в очи пулит.
80. «Кашидане, Корун арамія:

- «Дай ми мене твое дробно азно,
«Дай ми мена токи од шесъ оки,
«Дай ми мене твоя остра сабя,
«Я ѿ ли фаѿа юнакъ и невеста».
85. Се му даде Корун арамїя.
От си слезе тея клето Влаше,
От си слезе долу на друмови,
Се учина слепо улогово.
Туй поминна Секула детенце,
90. Го дарува три жълти дукати.
Изговоря тея клето Влаше:
«Ай ти тебе, делю назнойна,
«Не е чудо ты що ме дарува,
«Ме дарува три жълти дукати:
95. «Ток е чудо делю незнойна,
«Да ме качиш зад тебе на коня,
«Да ме сонеш во поле широко,
«Да м' однесеш на две раскръсници,
«Да м' оставиш туге да си питам,
100. «Да си пита' туге да се ранам».
Му говорят Секулица млада:
«Господаре Секула детенце!
«Во клисуре добро не се чинит,
«Токо терай да си изминеме».
105. Не послуша Секула детенце,
Ток го фати тея клето Влаше,
Ток го фати за десна-та рока,
Си го качи зад себе на коня.
Одеѿ ми що ми по 'одеѿ.
110. Бог го убил тея клето Влаше,
Си извади свое фрушко ноже,
Му пресече гайтани од сабя.
От си скокна од коня (брзого) на земи.
И фати сабя да си вртит,
115. И си фати коня под невеста,
От си викна, кольку го глас държит:
«Трчай сега Корун арамїя.
«Я ти фатиф коня под невеста».
Ми дофтаса Корун арамїя,
120. Со негови триесет дружина,
А Секула летна да си бегат.
Тога рече Секулица млада.
«Капидане Корун арамїя.
«Изни дай ми, да му се подсмеѿ
125. «На оная лудо ацамїя».
От си викна Секулица млада:
«Ай ти тебе, Секула детенце!
«Кога ѿа ти се за мене дожалит,
«Ти да слезаш од коня брзого,
130. «Да погледаш коню под чултара,
«Туй ѿа на'еш китка босилкова
«Я в пазува китка су носила,
«Помприсай, как мене мирисат.
А Секула не си поверува.
135. Токо му се нему учинало,
- Даль невеста шега му се биет.
Пак си викна Секулица млада:
„Ай ти тебе, Секула детенце,
«Кога ѿа ти се за мене дожалит,
«Ты ди слезеш од коня брзого,
140. «Да погледаш коню под гривница,
«Туй ѿа на'еш китка невенцова,
«Я в пазува китка су носила,
«Помприсай, как мене мирисат».
145. А Секула тога заверува,
От си слезе од коня брзого,
Си погледа коню под чултара,
Туге найде сабя зглобовита
С дванаесет ясни огледала,
150. С дванаесет камва бесценати.
Кога дете сабя си я найде,
От си яфна своя брза коня,
Оту назад дете се поврати,
Си разигра своя брза коня,
155. Си и'сече три'есет яйдуцы,
А Корун жив го в роцы фати
И го фати тея клето Влаше;
Си им върза роцы наопаку,
Си и' върза коню за опашка,
160. Си и' сона во поле широко
И однесе на две раскръсници,
Им извърте нифни црни очи,
Им пресече роцы до лакоти,
Им пресече нози до колена
165. И остави туге да питает.
Да питает, живи да се мочат.
Пак им велит Секула детенце:
Нех е чудо, Корун арамїя,
Во клисуре превара да правиш,
170. Ток е чудо юнаство да кажеш,
Со юнаство невеста да отнеш.
Умна беше Секулица млада,
Им и'сече на три'есет яйдуцы,
Им и'сече три'есет юзицы
175. И си зеде очи Корунуви
Си и' зави во тенка ма'рама,
Си и' кладе в шарени дисази,
Пак пойдое у майка на гости.
Излегое девет мили браѿа
180. И излезе нифна стара майка,
Излегое, си и' пречекае.
Тога велит девет мили браѿа.
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Що ли ти е оная детенце?
185. «Да ли ти е внуче од девера?
«Да ли ти е по-мало деверче?»
Одговори нифна мила сестра:
«Ай ви вами девет мили браѿа,
«Нито ми е по-мало деверче,
190. «Нито ми е внуче од девера,

- «Токо ми е мой мили юнак,
«Мили юнак Секула детенце.
Тога велит девет мили браћа:
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
195. «Нешке ные тебе да даефме,
«Да даефме Корун арамін,
«Да имаше юнак спроти тебе».
Тоги ми велит Секулица млада:
«Ай ви вами, девет мили браћа,
200. «Погледайте в шарени дисази,
«Ња на'ете очи Корунови,
«Ња на'ете триесет јозицы,

- «Що н'секол Секула детенце».
Тога велит девет мили браћа:
205. «Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Ты направила си овае юнаство.
«Зар си юнак и ты како нами».
Тога велит Секулица млада:
«Трайте, браћа, да ве Бог убиет,
210. «Да не чуе Секула детенце,
«Да не чуе, да не се наљутит,
«Си-те девет да не ве погубит».
Ми седнае ручек да ручает.
-

Роль мѣсяца при распредѣленіи работъ у Литовцевъ Поневѣжскаго уѣзда.

Почти ни одной работы не начинается, литовецъ не посовѣтовавшись съ мѣсяцемъ. Въ самомъ мѣсяцѣ видитъ онъ стоящаго человѣка, появленіе котораго поясняетъ онъ слѣдующей сказкой, очень распространенной.

Вышелъ однажды (это было давно) изъ бани нагой человѣкъ, чтобы принести себѣ воды. Держа коромысла съ ведрами на плечахъ онъ спросилъ у людей, стоящихъ возлѣ рѣки:

— Отчего сегодня такъ темно?—Люди ему отвѣчали:

Какже можетъ быть темно? Развѣ не видишь, какъ ярко мѣсяцъ свѣтитъ?

— Мой задъ свѣтлѣе мѣсяца!—воскликнулъ человѣкъ, но едва онъ успѣлъ сказать эти слова, какъ вдругъ исчезъ.

Люди не могли понять, что съ нимъ случилось, оглядывались, но его нигдѣ не нашли. Только когда взглянули на мѣсяцъ, увидѣли тамъ того же человѣка нагаго съ коромыслами и ведрами на плечахъ.

Богъ, очевидно, наказалъ его такимъ образомъ, и теперь онъ долженъ будетъ стоять въ мѣсяцѣ до суднаго дня. (Винцкунене и. Іоганишкели. 5 марта 1901).

Jŕejo vieną ŕyki seriau iš pirties nuogas žmogus, noris sau vandens atsinešti. Laikydamas ant pečių-našcius su vedrais, tare i kitus žmones stovinčius paupyje:

— Kodel šendien teip tamsu?—Žmonės atsakė:

— Kaip-gi bus tamsu? Ar nematai kaip mėnesėlis gražiai šviečia?

— Mano subinė švicesnė už mėnesį!—atsakė žmogus, bet vos spėjo ištarti tuos žodžius kaip pranyko. Žmonės, negalėdami suprasti, kaip tai su juo galejo atsitikti, dairėsi bet jo niekur nematė. Tik kaip žvilgterėjo jie i mėnesį, išvydo jie tą patį žmogų su naščiais ir vedrais ten bestovinti.

Dievas, mat, ji tokiu budu nubaudė, ir jis turės dabar mėnesyje stovėti iki sudnai dienos.

Распредѣленіе работъ.

1. Свиной колоть надо въ полнолуніе или въ самомъ началѣ его, потому что тогда мясо увеличивается въ размѣрѣ; если же заколотъ какое нибудь животное не въ указанное время—тогда мясо стягивается, какъ губка. (Винцкунене 11 февраля 1901).

2. Удобнѣе всего рѣзать животныхъ на лѣто въ третій день новы, потому что тогда мясо бываетъ бѣлое, какъ свѣжее, никогда не горькнеть. (Винцк. 11 февраля 1901).

3. Горохъ сѣютъ обыкновенно во время новы, ибо тогда гораздо больше стручковъ

1. Kiaules skersti reikii priešpilnyje, arba pačiam pilnatyje. Ant pilnačio skersto gyvolio mėsa pučiasi; ne laiko skersto susitraukia kaip pagine.

2. Jauname trijų vakarą skerdžia dažniausiai ant vasaros. Mėsa esanti tada visuomet balta, kaip švieži, niekuomet nerudija.

3. Žirnius sėja jauname mėnesyje (penkia, septynią vakarą): mezga tada daugiau.

завязывается. (Магдалема Баіорась дер. Валдейки Іоганишкельскаго прихода 5 декабря 1897).

4. Если свинья имѣть поросать во время нови, тогда они родятся съ клыками. Такіе поросата не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше если свинья опоросивается въ послѣднюю четверть. (Магд. Баіор. 5 декабря 1901).

5. Во время перешны мѣсячныхъ фазъ лучше всего садить огородныя сѣмена. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

6. Хлѣбныя растенія надо сѣять слѣдующимъ образомъ: если во время нови, то рано утромъ; если во время полни, то въ полдень; если въ послѣднюю четверть, то вечеромъ. Тогда всегда хлѣбъ будетъ хорошъ. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

7. Картофель надо садить во время перешны лунныхъ фазъ въ день погодно облачный, когда сады цвѣтутъ.

Если картофель садить во время нови, тогда корни не свиваясь въ плодъ, растутъ въ длину. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

8. Всѣ дерева надо рубить во время послѣдней четверти, тогда они сильные и червь ихъ не точитъ; только осину, березу и черную ольху во время нови. (Казимаръ Карновскій изъ мѣст. Іоганискели, 3 января 1901).

9. Навозъ надо везти въ послѣднюю четверть; лучше огороды растутъ (Каз. Карн. 19 января 1901).

10. Веревки и канаты надо вить въ послѣднюю четверть — тогда они крѣпче. (Каз. Карн. 3 января 1901).

11. Покупки надо дѣлать во время послѣдней четверти. Вещи купленныя во время нови, скоро портятся. (Бонифація Якубовски, мыза Подзишкп, Клованскаго прихода. 1-го марта 1901).

12. Граблямъ зубья надо вкладывать на послѣднюю четверть (изъ дерева дикой яблони) — тогда они крѣпче. (Бон. Як. 1-го марта 1901).

13. Бѣлье надо мыть на послѣднюю четверть: мытое во время нови скоро марается. (Бон. Як. 1 марта 1901).

14. Въ баню надо итти во время послѣдней четверти: во время нови скоро можно получить сыпь. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

15. Скирды лучше всего начать во время послѣдней четверти складывать — тогда мыши не грызутъ. Вообще все что складывается на болѣе долгое время, надо начинать въ

4. Kad kiaulė turi paršus jauname mėnasyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie paršai negali žisti. Reikia norint, kad jie augtų, iltis išlaužyte. Geriausiai, jeigu kiaulė atveda senugalyje.

5. Pačiam persivertime geriausiai sodinti visokius daigus.

6. Visus javus reikia taikyti tokiu būdu sėti: jeigu jauname, tai nuo ryto; jeigu pilnatyje, tai vidudienyje; jeigu senugalyje, tai ant vakaro. Tada visuomet javai gerai tarps.

7. Bulbes reikia sodinti persivertime rinkti dieną giedriai debesuotą, kaip sodnai mirga.

Jauname sodintas bulbės labai i barzdas išeina.

8. Visus medžius reikia kirsti senugalyje; stipresni, kinivarpai neėda, uekirmija. Tik apušę beržą, juodelksni jaunam menesyje.

9. Mėsą vežti reikia daržams senugalyje; geriau daržai auga.

10. Virves roikia vyti senugalyje, bus stipresnės.

11. Pirkti viską reikia senugalyje; jaunam pirktu daikta greičiau genda.

12. Grebliams dantis reikia dėti senugalyje (laukinės obelės medžio), stipresni.

13. Drabužius roikia plauti senugalyje; jauname plauti greičiau susitapa.

14. J. pirti, geriau eiti senugalyje; jaunam lengva gauti išbėrimą.

15. Stirtos krauti geriausiai pradėti senugalyje, Tada pelės neėda. Visą ant ilgo laiko susikrauja geriau senugalyje.

последнюю четверть. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

16. Зданіа надо начать строить во время последней четверти, чтобы было крѣпче. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

17. Гусей не надо рѣзать во время нови, потому что вся кожа будетъ переполнена развивающимися перьями. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

18. Овецъ надо стричь на последнюю четверть, потому что тогда шерсть бываетъ мягче и не сыплется. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

19. Волосы мужчины стараются стричь во время нови, чтобы скоро росли. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

20. Если деньгъ виденъ мѣсяцъ, то не надо сѣять хлѣбныхъ растений, потому что тогда много бываетъ спорней. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

21. Кто начинаетъ пахать землю во время последней четверти, тотъ будетъ имѣть чистое поле безъ травъ. Если нельзя во время последней четверти начать пахотни, тогда надо хоть нѣсколько бороздъ сдѣлать. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897 и Вон. Як. 1 марта 1901).

22. Кто начинаетъ пахать во время нови, у того много будетъ травы въ полѣ и пырей размножатся. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

23. Капусту надо садить, когда около мѣсяца нѣтъ круга и когда небо немного облачное, тогда тли (лиственная вошь) не будутъ точить. (Вницкунене 2 февраля 1901).

24. Капусту надо садить, когда лозы развиваются; если садить во время нови, то она будетъ высокая, хрупкая, если же во время полнолуны или же во время последней четверти, то тогда бываетъ низкая, толстая, крѣпкая. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

16. Triobą reikia pradėti statyti senugalyje; bus stipresnė.

17. Žasu jauname mėnesyje nereikia plauti, bus padaigsluotos.

18. Avis reikia kirpti senugalyje: vilna šviesesnė, nebira ir nešurkšti.

19. Plaukus vyrai taiko kirpti jaunam mėnesyje, geriau auga.

20. Kad mėnuo dieną matosi, tai nereikia sėti java, jie esti tada kulėti. (Juodi trūdai).

21. Kas pradeda senugalyje arti, tas turi žemę čystą, be žolės. Jeigu negalima senugalyje pradėti dirbti žemę, tai reikia nors kellas vagas išvartyti.

22. Kas pradeda arti jauname mėnesyje, tam žels labai žolės ir varpis kabasis.

23. Kopustus reikia taikinti sodinti, kada apie mėnesi nėra drignes ir kada dangus truputi debesėtas, tai niekuomet sprages neės.

24. Rasodą reikia sėti, kaip žilvičiai sprogsta. Jauname gale sėta yra aukšta, nustilbus, greitai lužta. Pilnam, arba senugalyje tai kresna, mažesnė, stipresnė.

Роль мѣсяца относительно зарожденія и развитія новыхъ тварей.

25. Если свинья имѣеть поросятъ во время нови, тогда они родятся съ клыками. Такіе поросята не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше всего если свинья опоросивается въ последнюю четверть. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

26. Телята рожденные на нови, скорѣе развиваются, зубы у нихъ сильнѣе. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

25. Kad kiaulė turi paršus jauname mėnesyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie paršai negali gerai žisti. Reikia, noriant, kad jie augtu, iltis išlaužyti. Geriausiai, jeigu, kiaulė atveda senugalyje.

26. Veršiai geriau tarpsta gimę jauname. Dantis stipresni.

27. Когда на полнолуны случаются кобылицы, то рождается жеребец; а если на последней четверти, то кобылка. (Каз. Карнов. 3 января 1901).

28. Боровики растут обыкновенно во время новы или на последнюю четверть, когда мглы бывают. (Каз. Карнов. 19 февраля 1901).

27. Kad jaunamo mėnesyje leidžia kumelę, tai gimsta kumeliukai; kad senamo—tai kumelytės.

28. Baravykai daugiasiai dygsta jauname arba pačiame senugalijo, kaip rukai yra.

Роль мѣсяца въ народной медицинѣ.

29. Всякую твердую наростъ на тѣлѣ человѣческомъ надо на новолуніи ¹⁾ обвести кругомъ косточкой мервеца или безымяннымъ пальцемъ, тогда скоро пропадетъ. (Винц. 2 февраля 1901).

30. Бородавку надо помочить тоже на новолуніи ¹⁾ водой, которая во время дождя течетъ съ воротъ, тогда исчезнетъ. (Винц. 2 февраля 1901).

31. Можно еще исчезновить бородавку, потеревъ ея на новолуніи ¹⁾ о камень, объ который прежде терлась свинья. (Винц. 19 февраля 1901).

29. Naujikauli reikia apskrioti ant delčios su nabašpinko kaulu, arba pirštu bevardžio, tai greitai išdilsta.

30. Karpą reikia patepti teipo gi ant delčios vandeniu lašančiu por lietu nuo var-tikšlio, tai išdils.

31. Galima dar išdildyti karpą patrynus ją per delčią i akmeni, kur kiaulė pirm trynėsi.

Примѣты, предсказанія погоды.

32. Когда весь борщъ выкупаютъ, не оставивъ на завтра, будетъ ясная погода. (Магдалена Ваіорасъ, дер. Валдейки, Іоганншкельскаго прихода, 5 декабря 1897).

33. Если свистѣть въ трубѣ—быть дождю или снѣгу. (Бонифацій Якубовскій, мыза Подзишки, Клаванскаго прихода. 1 марта 1901).

34. Если послѣ дождя болота зеленѣютъ указаніе что будетъ еще дождь. (Матеушасъ Баукасъ, дер. Ситкуны, Клованскаго прихода, 9 апрѣля 1901).

35. Если весною снѣгъ кусками остается, не раставши на долинахъ, на берегахъ рѣкъ, люди говорятъ, что будетъ еще снѣгу. (Эльжбета Петрушайтисъ, дер. Гайляны, Іоганншкельскаго прихода, 4 апрѣля 1901).

36. Если земля послѣ дождя зеленѣетъ, точно обгнанутая плѣснью, указаніе, что будетъ еще дождь. (Магд. Ваіор. 5 іюля 1891).

37. Если вскрикнуть и лѣсъ отъ голоса очень звучитъ—быть дождю (Магд. Ваіор. 5 декабря 1901).

38. Если луна не свѣтлая, не ясная, будетъ дождь или снѣгъ. (Винцкунене, мѣстечко Іоганншкеле 19 марта 1901).

39. Если виденъ кругъ около луны—быть снѣгу или дождю. Если близко луны

32. Kad visus baršcius išsrebia, ant ry-tojaus nepalicka, tai bus giedra.

33. Kamine švilpia prieš lietu arba sniegą.

34. Jeigu po lietaus balos žaliuoja, tai dar bus lietaus.

35. Jeigu pavasari sniegas šmotais užsi-lieka neištirpęs slenyse, paupiais, tai žmo-nės sako, kad laukia dar sningant.

36. Jeigu po lietaus žemė kaip aptaukta pelėsiais, žali, tai dar bus lietaus.

37. Kada surikus miškas nuo balso labai skamba, tai prieš lietu.

38. Jeigu mėnuo nagiedrus, apsiblandęs—tai bus sniegas arba lietis.

39. Jeigu drignis apie mėnesi, taipogi prieš sniegą arba lietis. Jeigu arti mėnesio,

¹⁾ Ant delčios правильнѣе перевести «въ послѣднюю четверть луны». (Зап. г. Бал-тратійтиса).

будетъ скоро снѣгъ или дождь, если далеко, будетъ еще за нѣсколько дней. (Винцукуне, м. Јоган. 19 марта 1901).

40. Если Рождество во время нова, будетъ дождливое лѣто. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

41. Предъ вѣтромъ небо при закатѣ солнца бываетъ всегда очень красное. (Магд. Ваіор. 5 июля 1897).

42. Передъ дождемъ солнце закатывается въ облака. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

43. Когда солнечные лучи во время заката отражаются на другой сторонѣ неба, будетъ перемѣна воздуха. (Бон. Як. 1 марта 1901).

44. Когда солнце скоро восходитъ, видно даже, какъ оно поднимается вверхъ и чаще всего прячется за облако—указаніе, что будетъ дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).

45. Передъ бурей и вѣтромъ воробьи собираются въ стан и каркаютъ. (Бон. Як. 1 марта 1901).

46. Если весной загремѣть въ первый разъ съ юга—будетъ теплое лѣто, если съ сѣвера холодное, если съ запада—дождливое. Каролина Пежалисъ, м. Јоганишкели 1-го (марта 1892).

47. Въ то время, когда зимой деревья покрываются инеемъ, лѣтомъ будутъ дожди. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

48. Если мыши свиваютъ свои гнѣзда на самыхъ верхушкахъ полевыхъ травъ, или высоко въ бабкахъ сноповъ на поляхъ, тогда будетъ слѣдующая осень дождливая, или глубокая зима. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

49. Если рябина изобилуетъ красной ягодой—слѣдующее лѣто будетъ дождливое. (Бон. Як. 1 марта 1901).

50. Если дикія гуси весной возвращаясь летать низко, тогда скоро согрѣется воздухъ, будетъ ранняя весна; если наоборотъ, они летать высоко, тогда—поздняя. (Бон. Як. 1 марта 1901).

51. Градъ крупный обыкновенно появляется между 2 и 3 часомъ по полудни. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

52. Радуга показываетъ, что еще будетъ дождь. Винцк. 10 февраля 1901).

53. Когда осенью замерзаетъ и подъ ледяной скорлупой еще кишатъ лягушки—указаніе, что будетъ еще дождь. (Юзапась Жидонисъ, мыза Пузынишки, Смильговскаго прихода, 5 ноября 1902).

Ковенск. г., мыза Пузынишки
(Почт. ст. Розалинъ).

tai bus greitai sniegas arba lietus; jeigu toli, tai dar už keliu dienu.

40. Kad jauname mėnesyje kalėdos, tai bus lietinga vasara.

41. Prieš vėją sauloleidžiai visuomet labai raudoni.

42. Prieš lietu saulė leidžiasi į debesius.

43. Kada saulei leidžiantis spinduliai atsivėizi kitam dangaus krašte, tai bus permaina oro.

44. Kada saulė greitai užtoka, net matosi, kaip ji aukstyn kopa ir dažniausiai isimeta į debesi—tai visada prieš lietu.

45. Prieš audrą ir vėją varnos renkasi į būrius ir kranksi.

46. Jeigu pavasarį sugriaudžia pirmą sykį nuo pietu, tai bus šilta vasara, jeigu nuo žiemtu—tai šalta; jeigu nuo vakaru—tai lietinga.

47. Tame laike, kada žiemą medžiai ūną traukia, tai vasarą bus lietus.

48. Kada pelės guštas susineša pievose žolėse ant pat viršūnių, laukuose teipogi augštai tarp rugių, arba augštai gubose, tai bus lietingas ruduo, arba gili žiema.

49. Prieš lietingą vasarą dang uodgu turi šermukėnis.

50. Pavasari jeigu žąsis atlėkdamos žemai skrieja, tai greitai bus šilta, bus ankstybas pavasaris; jeigu jos skrieja augštai—tai vėlybas.

51. Ledai didieji iškrinta dažniausiai tarp 2 ir 3 valandos po pietu.

52. Laumės juosta kad pasiroda, tai bus dar daugiau lietaus.

53. Kad rudeni užšąla, ir varlės tūbėra, griovyse gyvos po ledu, tai dar bus lietaus.

Габр. Ив. Петкевичъ.

Народныя пѣсни, сказанія, сказки и проч., (записанныя въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ).

1. Свадебная.

Оженився щыдлыкъ и думку думас,
Оженився—втратыся, а жинки нэ мае... Тамъ дывочокъ таночокъ
Сивъ на колочку и въ долоны плещэ... Мэжы нмы Павлюсѣ,
А воробци въ конопляхъ: «пимо, братья, Мэжы нмы молодой,
ещэ!»... Все дивоньки розогнавъ,
Пылы-жъ воны, пылы и щыдлыка вбылы.. Найхоришшу соби взивъ.
Вороны на той чпсѣ коровай угнэлы: Просылася Юхися,
Комаръ мисыть, муха воду носыть, Просылася молода:
А сорока-билобока на вэсылѣ просыть... — «Пусты мэнэ, Павлюсю,
А комаръ въ лисы лысть обывае, Пусты жэнэ, молодой!»
Чмилъ мѣду додае, бо своего нэ мае... — «Роспустъ косу, то пушу»..
А шпаки-галки угнулы кибалки ¹⁾, — «Тогды я сама нэ схочу,
А чаечка зъ косэчкомъ на вэсылѣчкочко рачкомъ...
Заросывся щыдлыкъ по самы колыньця, И до таночка нэ прыймуъ,
Шукаючы на сыныцю доброго полиньця... И дивонькою нэ назвуть»...

Мни гвездэчка нэ вовьють.
И до стадэчка нэ прыймуъ...
Въ Копытовы на коньци,
Тамъ дывочокъ таночокъ
Мэжы нмы Павлюсѣ,
Мэжы нмы молодой,
Все дивоньки розогнавъ,
Найхоришшу соби взивъ.
Просылася Юхися,
Просылася молода:
— «Пусты мэнэ, Павлюсю,
Пусты жэнэ, молодой!»
— «Роспустъ косу, то пушу»..
— «Тогды я сама нэ схочу,
Во дивоньки нэпрыймуъ,—
Мни вѣночка нэ вовьють,
И до таночка нэ прыймуъ,
И дивонькою нэ назвуть»...

(Поется во многихъ селахъ Подлясья; поется и на свадьбахъ).

2. Весенняя при хороводахъ.

На синѣму озэры,
Эй, грай, морэ водяное!
На синѣму озэры... (Хоровой при-
пѣвъ послѣ кажд. стиха, съ повтор. того-
же стиха.
Тамъ галочокъ радочокъ.
Мэжы нмы соколыкъ,
Мэжы нмы яснѣнкій,
Все галоньки розогнавъ,
Найчорнишшу соби взивъ.
Просылася галовька,
Просылася чорнѣнька:
— «Пусты мэнэ, соколыку,
Пусты мэнэ, яснѣнкій!»
— «Роспустъ пирѣ; то пушу»..
— «Тогды сама нэ схочу,
Во галоньки нэ прыймуъ,—

¹⁾ Обручикъ деревянный на головѣ для скручиванія волосъ.

3. Свадебная весенняя.

Молодая молодыця кивала на мэнэ:
— «Покинь, покинь молотыты, а ходы до
мэнэ»..
— «Нэ покину молотыты, нэ покину ципа,
Жы-бъ ты добра господыня-мила-бъ чело-
вика»..
Молодая молодыця кивала на мэнэ:
— «Прыды, прыды, вражый сыну, зъ нэ-
длю до мэнэ...
Прыды, прыды, вражый сыну, на часъ—
на годыну,
То я своего мылѣнького вышлю по калыну»..
Пуйшовъ старый, бородатый калыны ла-
маты,
А я своего полюбчыка впустила до хаты...
Идэ старый-бородатый зъ калыною до хаты
А я своего полюбчыка выпустила зъ хаты.

А сама дэ стояла, тамъ унала,
Унала и стала стогнаты:

— «Иды, иды, муй мыленькій, вколупны
меду,
Бо я така нэ дужая—головки нэ зведу»...
Доставъ-же муй мыленькій дубового сала,
Якъ прыложывъ того сала, то шкура од-
стала...

4. Весенняя,—по адресу б. солдата.

— «Якъ я нхавъ зъ Украины—
Згубывъ люлька у хвойны.
Оглянувся у долины—
Лажыть люлька у хвойны.
Якъ я люлька тай знайшовъ,
То до жывки нэ пуйшовъ,
А пуйшовъ я зъ чумакамы,
Зъ двома въ торбы троякамы.
Якъ я йшовъ—нэ оглядався,—
Кинувъ жинку—самъ остався».
Отъ—жажъ, жинко, хочъ ты гинь:
Вжэ нэ прыдэ гицлювъ сынт!...
— «Ой выйду-жъ и на гостынэцъ,—
Чы нэ йдэ нуб пыхотынэцъ?—
Сякій-такій мужычыщэ—
Смокчэ люлька, въ цыбукъ свыщэ...
Ой чы смокчэ, ой чы свыщэ...
Алэ мэнэ вжэ нэ выщэ!...
Якъ одрикся ты одъ мэнэ,
То прыстану жъ до Сэмэна!»...

5. Свадебная.

Якъ жывивъ—нэ любыла,
Якъ умэръ—нэ тужыла
И не буду тужыты:
Нэ хтивъ добрэ жыты.
Якъ на лавцы лэжавъ,
То було троку жалъ.
А якъ въ лавки зыйшовъ,
Такъ и жалъ одыйшовъ.
Якъ вывелы за сэлэ,
То мни стало вэсэлэ...
Я въ саганъ ¹⁾ зазвоныла
И мерквою подкадыла
И тупнула ногою,
Зоставшыся вдовою...
Поховала на цывтары,
Черэвчыкомъ прыдоптала.
Черэвчыкомъ: тупъ, тупъ,—
Лажы, мылий, тутъ-тутъ.

¹⁾ Чугун. горшокъ.

6. Весенняя.

— «Чы ты нэ будэшъ, дивчынонько, ту-
жыты,
Якъ я пуйду на Вкраину служыты?»
— «Ой не буду, козачэньку, не буду:
Ты ва ворота, то я тэбэ й забуду»...
— «...Якъ ты будэшъ ораты вайматы,
То ты будэшъ, що дэнькъ, спомянаты.
А якъ ты пуйдэшъ космы просыты,
То ты будэшъ, що дэнькъ, говорыты:
«Ой мыла мни та сторононька, мыла,
«Въ которуй мэнэ матюнка родыла!..
«Ой страшна мни та сторинка, страшна,
«Дэ моя долэнька лыхая згасла!»

7. Тоже.

Я въ сэреду родылася,—
Горэ мое, горэ!
Нэ пуйду я за старого,—
Вородою колэ...
А пуйду я за такого,
Шо нэмае гуса:
Вивъ до мэнэ заговорыть,
А я засмыюся...

8. Весенняя ¹⁾ (старая).

Ярая рутонько, якъ у тэбэ вэрхи гуицьця!
Молодая Марысю, якъ за тэбэ молодци
бьюцьця!

— Нэхай бьюцьця, нэхай ладяцьця,
Тай ва мэнэ нэхъ нэ надяцьця!
Во якъ-же я зросту, зросту,
То я пуйду за старосту:
За старосту, за старшэнького—
За пысара молодэнького.
А той пысаръ богачъ, богачъ,—
Купывъ мни суквю и кабачъ ²⁾.
А въ кабаты—ковопли браты,
А въ суноньця-той погуляты...
До конопэль голова болыть
А до таньцю-ажъ душа горыть!
До ковопэль той болять боки,
А до таньцю—на едвыгъ пальцю!

¹⁾ Подъ именемъ «весенняя» значить та, которая поется въ Пасхальн. праздники.

²⁾ Кабачъ—женск. или мужск. кафтанъ вродѣ жилетки.

9. Весенняя, тоже стар.

(Поютъ два хора попеременно).

— Ой, молодая молодыца,
Ой выйды, выйды на улыцю...
Ой выйды, выйды на улыцю,
Выведе дивонькамъ ругулицю з)!...
— Ой не могу я выходыты,
Вамъ ругулоньки выводиыты,—
За кушильцёмъ тонюсенькимъ
И за дыгятомъ малюсенькимъ.—
— Нехай кужадець Господь родыть,
Малэ дыгятко—самэ ходыть.—
— Въ мэнэ свэкорко—не батэнько,
Мому дыгятку не радэнькій.—
— Ой можэ, можэ дытя спаты,
Нэхъ идэ маты погуляты.—
— Свэкоръ малого не колыхнэ..
Кулакомъ тильки ёго двыгнэ..
— Ой можэ дытя спаты,
Бо пуйшла маты погуляты...

10. Старая пѣсни, весенняя.

Ой черезъ Дунай
Хибкая кладка...
А я, молодэнька,
Пэрэйдутыхэнька,
Всё зтыхэнька
Ступаючы,
Золоты ключи
Пэрэймаючы,
Жыбъ такъ голосно
Не звонили,
Мого свэкорка
Не збудылы.
Бо якъ—и збудять,
То й не прыспаты,
А мни молодэнькуй
Не погуляты.
А я молодая
Гуляты радаю.
А якъ стара буду,—
Гуляты не буду.

11. Свадебн.

Положу я кладку вэрбову, вэрбову,—
Часть намъ, дивоньки, до дому, до дому.
А ты, Югасю, тутъ застань,— 2 и т. д.
Прыдэ Пэтрусё, ручку дасть.

Прывэзе вэночка зъ лилин,—
То тоби, Югасю, гъ надылы.
Прывэзе вэночка зъ чэбрэцю,—
Кобъ була готова до вэньцю.
Прывэзе вэночка зъ кадыла,—
Кобъ есы здорова сходыла.
Прывэзе вэночка зъ гороху,—
Кобъ прывэла хлопця до року...

12. Весенняя, веселая, хоровая.

Чэрэзъ нашэ сэлцэ
Вэвэно дэрэвцэ. Гэя, гэя—вэвэно дэрэвцэ...
(Прийтвэъ).

А зъ того дэрэвця
Цэрковку будуцють. Гэя-гэя... и т. д.
Цэрковку будуцють
Й навколо малюють.
Ой вымалювалы
Тры мисяцы въ нэбы.
Тры мисяцы въ нэбы:
Тры молодцы въ сэли.
Тры мисяцы ясныхъ,—
Тры молодцы красныхъ.
А першый молодчыкъ—
Молодый Павлюсё.
А другій молодчыкъ—
Молодый Мыхалко.
А третій молодчыкъ—
Молодый Сэмьинко.

(Повтор.) Чэрэзъ нашэ сэлцэ.
Вэвэно дэрэвцэ,

А зъ того дэрэвця
Цэрковку будуцють,
Цэрковку будуцють,
Навколо малюють,
Ой вымалювалы
Тры зороньки въ вэбы.
Тры зороньки въ нэбы:
Тры дивоньки въ сэли,
Тры зороньки ясныхъ—
Тры дивоньки красныхъ.
Пэршая дивонька—
Молода Юхися.

Другая дивонька—
Молода Югася.
Третья дивонька
Молода Ганулька.

А Павлюсё кажэ:
— «Я Юхисю люблю,—
На жывэчко пуйду,
Всэ жытэчко зожну,
Всэ жытэчко зожну
И въ копоньки зложу».

*) Оживление.

А Мыхалко кажэ:
 — «Я Югаску люблю,
 До цэрковки пуйду
 Й Богу ся помолю».
 А Сэмивко кажэ:
 — «Я Гавульку люблю,
 До корчмоньки пуйду
 Й горилоньки выпью,
 Горилоньки выпью,—
 Зь ен дурня выплю»...

13. Свадебная

Нэ росты, кропэ, нэ росты, зелённы,
 Коло мого города— (2 р)
 Нэ хозы, старый, нэ ходы, нэвдалый,
 Коло мого двора, (2 р.)
 Во я тэбэ старый, бо я тэбэ, нэвдалый
 Зь давыных лить не любыла:
 Я тоби до пояса гонучу повисыла,
 Я твои слэдыща камэнёмъ навалыла,
 Камэнёмъ навалыла й шандою ¹⁾ обсадыла,
 Я тоби за шапчыцэ шандыща натыкала;
 Я тоби на сніданьне половы напарыла.
 Я тэбэ самого зь падвирья своего сучкою
 напёковала.
 Выросты, кропэ, выросты, зелённы,
 Вышны мого города,—
 Походы, молодой, походы, хороший,
 Коло мого двора.
 Во я молодого, бо я хорошего
 Зь давыных лить полюбыла,
 Я ёму до пояса хустоньку учэпыла,
 Я ёму на сніданьне яецэ наварыла.
 Я ёго снідоньки перстэнемъ обкружила
 Й барвынкомъ обсадыла,
 Я ёму за шапоньку рутоньки натыкала,
 Я ёго самого зь падвирья своего зь
 скрипкамы проводыла.
 Зь скрипкамы, зь цымбаламы,
 Зь пышнымы боярамы,
 Зь гардэю сванэчкою,
 Зь хорошэю спывачкою.

14. Шутливая—свадебная.

Стоять, стоять чиркутонька
 Насэрэдъ сэлонька.
 Ой—а вь тэи чиркутоньки
 Було тры сыноньки,
 Ой першый сыночокъ—
 Молодый Гаврылко

Ой жалэ чаркутоньцы. (Припѣвъ пос.
 На чужій стороныны. каж. купл).
 А другій сыночокъ—
 Молодый Пётрусё,
 А трэтий сыночокъ—
 Молодый Сэмивко,
 А Гаврылко идэ
 И дивоньку вэзэ,
 А Пётрусё идэ
 Й стадо кони жэнэ,
 Сэмивко идэ—
 Вь ёго торбы трасуцця,
 Зь ёго дынки
 Смыюцця,
 На ёму лахи сяюць,
 А торбы нэ пускають,
 Вь ёго шипка бочия
 Зь пэрэлятьнёго ¹⁾ клочья.

15. Свадебная.

— «Одай, сваню, оддай, нэбожэ,
 Свою дочку-робитночку
 За мого сынка, за Васылька».—
 — «Нэ ддамъ, сваню, нэ ддамъ, нэбожэ,
 Свай дочку-робитночки
 За твого сынка, Васылька, до т бэ.
 Моя дочка-робитночка
 Товчэ й мэлэ, й крупы дэрэ,
 Й упалаэ, й усываэ у мэнэ».—
 — «Нэ будэ вь мэнэ ны товчы, ны молоты,
 Й нэ крупъ драгы, й нэ ушалаты,
 Й нэ усываты у мэнэ,
 Оно будэ оришкамы пятатыся
 Й яблычкамы вытатыся,
 Якъ вь тэбэ, такъ завжды у мэнэ»...
 — А бачъ, сваню, а бачъ, нэбожэ:
 Моя дочка-робитночка
 Товчэ й мэлэ, й крупы дэрэ,
 Й упалаэ, й усываэ у тэбэ,
 Й оришкамы нэ цятаецця,
 Й яблычкамы нэ вытаецця у тэбэ».—

17. Веселая.

Мэла дивча сини й хату
 Й засмыялася...
 — «Зь кимъ ты, доню, зь кимъ ты, сукко,
 Зь кимъ ты вузналася?»
 ...По—тамтой бикъ огонь горыть,
²⁾ По-си-той бикъ дымно,—

¹⁾ Сорная трава.

¹⁾ Прошлогодняго.

²⁾ На этомъ.

Тільки того мильняного
Буднички видно...
Черезь тин буднички
Оролѣ воду носить,—
Ой тамъ маты свого сына
На вечеру просить.

— Ой вѣчэрай, моя маты,
Колы наварыла,
А я пуйду на той коцэць,
Дэ дивчына мыла...
Дивчынонько моя мыла,
Шо ты мни вчыныла?—
Влычэ маты вѣчэраты—
Вѣчэра нэ мыла..
Порадѣ жэнэ, дивчынонько,
Якѣ ридяня маты:
Чы мни кажэшъ жэннытыся,
Чы на гицшу ждаты?»
— «А я тѣбэ, муй ясянѣкый,
Раджу й нэ поражду:
Я зъ тобою раджу, раджу—
На другого гляджу»...
— «Бодай тѣбэ, дивчынонько,
Зъ твоею порадою!
Я до тѣбэ зъ ширымъ сэрцёмъ,
А ты—зъ чужымъ завадою»...

18. Лѣтняя, при жатвѣ.

Люлька моя пѣньковая
Зъ вѣчура курыла,
Якѣ положишь на полицы,
Впала й ся побыла.
Бидна моя головонька,
Що буду робыты?
Побывъ люльку пѣньковую—
Нычимъ покурыты?
Ой пуйду я на базаръ
Люльки купуваты.
Бидва моя головонька,
Ны зъ кимъ торговаты.
Моя мыла на базары
Пшоно продавала
И своёму мильняному
Люльку торговала.
За люлѣчку—копеечку
За махорку—грошыкъ.
Курѣ, курѣ, муй мильнѣкый,
Чорнявый, хорошый!..

19. Лѣтняя изъ Панщины.

У нашего вуйта
Рабыи онучы,—
Заплакала чѣлядонька,
Зъ панщины идучы.
Въ нашего окошуна
Волосаны волѣки,—¹⁾
Идутъ людэ зъ панщины.
Вѣруцця пудѣ боки,
А въ того гицциска
Всѣ рабыи хуста²⁾,
На едному господару
Винѣ поробывъ пусто.

20. Свадебная.

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны³⁾, полыны до вишнѣвого садоньку,
Видзюбай, видзюбай—калынову ягоду!
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якѣ гирка, такѣ гирка калыновая ягодка!
Воронэ, воронэ, чорная галонька,
Якѣ лыха, такѣ лыха чужая натюнка!
Чужая натюнка вироньки нэ пуймэ
Й правдоньки нэ скажэ...
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны, полыны до вишнѣвого садоньку,
Выщыпыны, выщыпыны малинову ягоду!
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Солодка, солодка малинова ягодка.
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якѣ добра, такѣ добра ридяня натюнка.
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Ридяня натюнка вироньки пуймэ,
Всю правдоньку скажэ.

21. Свадебная (злая).

Въ саду, въ саду посію рассаду—
А вжэ моимъ ворожѣнкамъ
Той на пѣрсаду. (2)
Ужэ моя рассадыця густэнько зыходыть—
А вжэ моимъ ворожѣнкамъ
На згнѣбѣль прыходыть. (2)
Ужэ моя рассадыця въ шыты лысточки—
А вжэ моимъ ворожѣнкамъ
Болять животочки.
Ужэ моя рассадыця въ головѣкы вѣецця—
А вжэ моимъ ворожѣнкамъ
На згнѣбѣль кладэцця.

¹⁾ Шнурки для привяз. лаптей.

²⁾ Бѣлье.

³⁾ Неперев. слово,—полети?

Ужэ моя россадыця роспуженьки порэ—
 А вжэ моніг воражэнькамъ
 По-пудъ бяччу козэ...
 ...Лягу спаты, лягу спаты—нэлюбъ коло мэнэ
 Положывъ билу ручку
 На сэрэдэнько вѣ мэнэ.
 А я сю билу ручку одъ сэбэ одвернула,
 Сама собі молодая
 Такъ ташко воткнула.
 — «Чого, мыла, чого, мыла, такъ ташко
 здыхавешъ?
 Цы за мною, моя мыла, хліба й солы
 Нэ маеешъ?»
 — «Я хлібъ маю, и сіль маю—и я всё
 занэхаю
 И за тобою, муй нэлюбэ,
 Погибаты маю».

22. Историч., весен. (заунывная).

— «Ой, Дарко, Дарко, одчыны ворота!»
 — «Чого хочэтэ, чого клычэтэ?»
 — «Князя Романа, князя Романа!»
 — «Нить ёго вѣ дома!» (2 р.)
 — «А дэ понхавъ, а дэ понхавъ?»
 — «До миста Львова!» (2 р.)
 — «По що понхавъ, по що понхавъ?»
 — «Дивкамъ—по хустки, хлонцямъ—
 по ножи!»

23. Лѣтняя,

У Маруси хата на помосты,
 Пришло тры козаки вѣ госты,
 Вдѣнъ кажэ: «я Марусю люблю»,
 Другіі кажэ: «я Марусю озьму»,
 Трэтій кажэ: «зѣ Марусею до шлюбѣ стану».
 — «Хто мни трѳі—зыльця достаээ,
 Той зо мною до шлюбѣнку станэ».
 Одозвався козакъ молодэнькіі:
 — «Есть у мэнэ коныкъ воражэнькіі,
 Есть у мэнэ тры коны на стаіні.—
 Я Маруси трѳі—зыльця доставлю:
 Тытѣ былымъ до мора донду,
 Тытѣ сынымъ Дунай перэшыву,
 А тытѣ чорнымъ трѳі—зыльця доставлю»...
 ...Ой ставѣ козакъ трѳі—зыльця копаты...
 — Покиль, козачэ, трѳі—зыльця копаты,
 Поспытайся до Маруси вѣ сваты...
 ...Идэ козакъ зѣ трѳі—зыльцэмъ,
 Стрнчае Марусю зѣ вэсильцэмъ—
 — «Ой заграйтэ, мои мылы грайцы,
 Нэхъ я пуйду зѣ Марусею вѣ танцы».

Вѣ правуѣ руци Марусеньку водыть.
 Вѣ ливуѣ руци острый ничѣ носыть.
 Щэ вѣ козака шабля нэ звэнила,—
 Вжэ зѣ Маруси головка злѣтила.
 Ото тоби, Марусю, вэсильце,—
 Нэ посылай казака по зилѣ:
 Нэ на тое козакъ уродыся,
 Жмыбъ зѣ ёго ляда—хто напывся

24. Свадебная.

Туну, коныку, туну!—
 Привэзлы на двірѣ ступу—
 Ны ступа, й ны товкати,
 А Копытовскій плыскачѣ
 И ны Турѣ, ны Турыцы,
 А хороша молодыця.

25. Весенняя, (поется на два хора).

(Вѣроятіо, одна изѣ древнѣйшихъ).
 — Кыгынѣко! Вигѣ понагайбу!
 — «Боярѣ! Бывай здоровы!»
 — Кыгынѣко! Дѣ твоя дочка?
 — Боярѣ! На службу ддала!
 — Кыгынѣко! Пондѣ по еи!
 — Боярѣ! Пондѣтэ самы!
 — Що за дарѣ дастэ? (2 р.)
 — Мызыннэ дите. (2 р.)
 — Вѣ чымъ тѣ дытатэ? (2)
 — Увѣ сриблы, вѣ злоты, } 1 р.
 Вѣ твацѣкуѣ сорочцы.
 — Пускайтэ вѣ городѣ. (2 р.)
 — Всихъ пропустимо, } 1 р.
 Едну длучнио,
 — Тую длучнио, (2 р.)
 — Шо вѣ сриблы, вѣ злоты,
 Вѣ твацѣкуѣ сорочцы.

26. Лѣтняя, при жатвѣ.

Козачэнько по рыночку ходыть,
 Свого коня за поводы водыть,
 Свого пана до домоныку просыть:
 — «Пускай мэнэ, муй панэ, дому».
 — «Волюсь тѣбэ вѣ гарматы вковаты
 Ой нэхъ тѣбэ до дому пускаты».—
 — «Нэ куй мэнэ, муй панэ, вѣ гарматы».
 Будэшъ ты, панэ, у шынкарки вѣ хаты,
 Во вѣ шынкарки нидѣ, выно, горилка,—
 Похожае чорная динка.
 То я буду нидѣ-горилку пыты.

Шмивкарчыну дивчыну любыты».

У нэдзілю маты дочку была:—

— «Дажэ ты, долю, свуй взвокъ стратыла?»

— «Ой пудъ гаеъ шэнічэньку жала,
Тамъ я свого вэночка стырала».

— «Дай же, Боже, нэдзілі дождаты,
То я буду громаду зываты».

— «На що, мамо, людэ колотыты—
Вжэ нэ буду я вэ выночку ходыты».

27. Весенняя і свадебная.

Ой ты, голубочку,
Сыдышъ на дубочку.
Очки твоі чорны,
Бровы твоі красны,
Лычэнько твое білэ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впаала
І правдоньку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:
Шые, вышывае
Бядую рубашку
Своімъ тонкімъ взоромъ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впаала
І правдоньку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:—
Шыла, вышывала,
Плакала, рыдала,
Слёзы утырала
Своімъ тонкімъ взоромъ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впаала
І правдоньку казала,
Що муй мылый
У вйську робыть.
А муй мылый робыть:
Коныка выводыть (2 р.)
І коныка сядлае
Въ похадъ вышжджае.

28. Областная, надбужная.

(Поется при угощеніи).

Килышэчокъ-пацюшэчокъ
Вэлыкорадосты,
А мы ёго выпьемъ—
Тілько вэсёлости.
Голэндэрко, стара маты,—

Нэ дай-жэ намъ клопотаты!

Кажу тобі: «сидь собі,—

Горилочки дамъ тобі»...

Якъ бачылі вражы жыды

Тыдусю вэ оборы,

То давали горилочки

Гарцямы доволы.

Якъ нэ стало тэдусі вэ оборы,—

— Гайда, гайда, дурный гою,

Зъ корчы до дому..

Ой прыду я до домоньку—

Жынка й диты плачуть,

Що вжэ свэй тэдусенькі

Воны нэ зобачуть...

— «Диткі ной дробнэнькія.

Нэ плачэ такъ рэвно—

Якъ голэндэръ помиркуе,

То тэдусю вэрнэ».

— «Водай тобі, господару,

Вывэрнуло очы,

Якъ голэндэръ тэдусенькі

Вэрнуты нэ схочэ»...

А я клянчу: «тэдусі! тэдусі.

Й вола за мною—дыбусь, дыбусь.

А жыдовэ нагонылы

Й кулакамы бьютъ,

До пана вэдуть..

— «Шындэръ, мындэръ, дурный гою,

Бисъ бэры маху твою!»...

...Отъ я тому раду давъ,

Що тэдусю одобравъ.

(Голэндры—жит. колоніі Нейброеръ н
Нейдорфъ. Брест. ж. д. Гродн. губ., бывш.
Голландцы).

29. Свадебная.

Чомъ, дубъ, нэ вэлёный —

Чы туча прыбыла?

Чомъ ты, хлопчэ, нэ вэсёлый —

Сторона нэ мыла?

— Якъ мні вэсэлиты,

Вэсёлому буты?—

Любывъ дивчыноньку,

Нэ могу забуты.

Любывъ я дивчыну,

А дивчына мэнэ, —

Самъ нэ знаю, нэ видаю.

Чы пуйдэ за мэнэ?»

— «Люблю тэбэ й пуйду за тэбэ»...

— «Туга, моя туга:

На сэрлэньку друга!»

...Дэ та крынычэнька,

Що голубъ купався?

А дэ тая дивчынонька,
 Що колись кохався?
 Вжэ та крынычэнька
 Травою заросла—
 Вжэ та дивчынонька
 Давно замужъ выйшла.
 — Я тую травяцу
 Косою выкошу,
 Я другу дивчыноньку
 Зъ людзьм перепрошу». —
 Просывъ батько,
 Просыла родына,—
 Хіба ін перепросыць
 Лыхая годына!..

30. При крестинахъ.

Впала въ гирки
 До жонирки—охъ! и т. д.
 И выбыла въ боцы дырку—охъ!
 Пуйды-жэжъ, муй мылэнькій,
 До ксёндза Флёрка,
 Нэхай-жэжъ винъ тутъ прындэ,
 Хоть-бы и бэзъ звонка.
 Зарижъ-жэ ты, муй мылэнькій,
 Курокъ дэсятёро,—
 Ксёндзу—трое, бабы—двое,
 А нэни—пятёро.
 Зарижъ-жэ ты, муй мылэнькій
 Воляка кормового,—
 Ксёндзу—ноги, бабы роги,
 А нэни—ццлого.

31. Весенняя.

— Ой бұнай здорова, дивчынонько моя,
 Нэ забудай о мни колы ласка твоя:
 Я въ дорогу одыждажаю,
 На сэрэднэку тугу маю,
 Що тэбэ покидаю!—
 — Ой идь, муй мылэнькій
 Дорога щаслыва!
 Куды ты пойдэшъ,
 Я тоби взмычыва,
 Но нэ бався у дорозы;
 Самъ ты внаешъ, що вороги
 Намъ на перэшкыды!—
 — Ой иду я, иду,
 Жэну коня прутко,
 Жыбъ мни зипхаты
 До дивчыны хутко.
 До дивчыны, до своен,
 До розмовоньки тыхси,
 До коханья свого!

Ой иду я, иду,
 Коня попасаю.
 Чую черезъ людэ—
 Дивча заручають!
 Ой хочъ воны заручають,
 Таки ін нэ звинчають,—
 Таки моя будэ!
 Ой иду я, иду
 Коло ен хаты.
 — «Дэнь добрый, дивчыно!
 Що въ тэбэ чуваты?»
 Вона стоить, нэ говорить,
 А ны словця нэ промовыть—
 Знаты заручена!
 А въ суботу въ вэчуръ,
 У пятуй годины
 Вжэ мою дивчыну
 Гняшы варучылы...
 Хочай воны заручають,
 Таки ін нэ звинчають—
 Таки моя будэ!
 Завэзлы дивчыну
 Пудъ цэркву святую,
 Уводять до цэрквы
 Дивчу молодую...
 Хочай воны ін вводятъ,
 Таки ін нэ намовлять,—
 Таки моя будэ!
 Ой посламы воны
 Рушнычокъ бяленькій,
 А на тымъ рушнычковы
 Хлопэць молодэнькій....
 Поставымы вбое въ пары,—
 Такъ якъ-бы ся й не кохалы—
 Вжэ й моя нэ будэ!
 — «Чомъ-жэ ты, дивчыно,
 Данній нэ казала,
 Ой якъ ты одъ жэвэ
 Подароньки брала?»
 — «Возьмы собі свои дары,
 Занэсы ихъ гиншуй пары.
 Я въ ихъ нэ ходыла
 И ходыты нэ буду,
 Я тэбэ, двораца,
 И любыты нэ буду.
 Якъ ты ихавъ бызъ садочокъ,
 Вызъ зэлэный барвыночокъ,
 Що я насадыла,
 Що я поливала—
 Моему сэрэднэку
 Журбоньки надала».
 — «Водай ты, дивчыно,
 Одъ сонныка зыяла!»
 — «Хутній твое сэрцэ зыяна,
 Якъ на мое дымчко гляна».—

Така сама буду,
Во вже дбыли людэ!»
— «Ой одбыли людэ,—
Й щасьця тоби не будэ!»

32. Свадебная (бойкая)

Ты, дивчыно--замороко,
Не йды замужь сего року,
Во то тэперь такіі рикі—
Вудэ быты чоловикі!
Рэдьку сію, редьку сію,
Рэдьку поливаю.
Росты, редько, вэлыкая,—
На зиму сковаю.
Не буду я редьки исты,
Во то редька гирка,—
Не буду я жытыся,—
Вудэ быты жинка.
Не буду я рэтыкі исты.
Хіба—у Петрывку.
Набэру я торбу сырувэ,
Пуўду на мандрывку.
Котылыся возы зь горы,
На долины сталы.
Кохалыся, любылыся,
Тэперь перэсталы.
Ой такэ-жэ мы, любылыся
Якэ малы диты,
Тэперэ-жэ мы розыйдюмсл,
Якэ хмары по свиты.

33. Свадебная.

— «Чоловичэ кулуватый,
Нащо жинку продаваты?»
— «Прыіхалы паны зь вэба --
На податок грошы трэба!»
— «Чоловичэ, що ты блудыш?»
Чоловичэ, сэбэ згубыш!»
— «Чоловичэ бабынэ—бабынэ.
Водай тэбэ перунэ забывэ!»
— «Я перуна не боюся,
Подэ перуну сковаюся!»

34. Тожэ.

Ой сивэ—зажурывся,
Що зь малэю ожэнявся.
«Не журыся, Грыцю, мною—
Выросту я килэ тобою!»
Пужды, пужды,—за тры лига —
Що то будэ за кобыта!

35. Свадебная.

Ой, гульцяю, гульцяю,
Чого тэбэ спытаю?
Жэнытыся думаешъ,
А чы хату ты маешъ?
Збудуў хату зь лободы—
До чужэй не вэды,
Во чужая такая,
Якэ свэкруха лыхая!

36. Лётняя, при жатві.

Ой вэ вивторокэ вэ вивторокэ
Панцына устала,
Ой вэ вивторокэ всэнькых лэтивэ
До лису погнала...
Прыйшлы лэхи зь лису, вэ бору,
Началы тужыты.
— «Ой вэрныся, панцынонько,—
Некому робыты!
Мы не вміемо косыты,
Нашы жонкі—жаты,—
Ой вэрныся, панцынонько,
Не дай пропадаты!
Стоить лонка не кошона,
А на нывы—жыто.
Що день ходымэ за жэньцямы—
Не кому робыты!
Ужэ ячминэ похалывся,
Грэчка наступыла—
А якэ була панцынонька—
Вжэ ся каша яла...
Стоять жорна вэ двори дурно,—
Ныкому крутыты.
Вэ поле збінжжэ я картохля—
Ныкому зробыты!
Спочывае нагаешька,
Що людэ карала,
Не одного ся набыла
И плакаты не дала!
Ой плакалы людэ всюды
И Бога просылы,
Щобы тын канчукі
Вэ огни погорылы!...

37. Лётняя.

— «Ой маты, маты,—непорядокэ вэ хаты...
Порадь мэнэ, якэ мылую караты?»
— «Возьмы, сынку, крутую нагайку,
Зчорны мылую, якэ чорную галку!»...
Звэчора свичэнька годыла.

А впивночы комара звонила,
На свытаньні мылая зомлила...

Прышоў мылай ў комары до хаты.

— «Маты! маты! напорядокъ въ хаты,
Порадыла, якъ жинку карагы,—
Тэперъ порады - де ін сховаты?...»

— «Возьми, сынку, малую дытынку,
Цы не збудышъ свою жинку».

— «Нэхай плачэ, нэхай перэстане:

Вжэ въ матэра цыцкы не достае!»...

— «Вэры, сынку, коня вороного

Й втыкаймо одъ лышэнка свогё!»...

— «Ой, маты! маты! напавдоньку кажешъ...
Трэба даты ажъ до пана знаты!»

Ой, панэ муй!—мусывъ я агрышты:

Забывъ жинку,—не маю зъ кнйг жыты!

На мылу тыртычэньки тэшугъ,

А мылого нагайкамы крэшуть...

Мылую у дилъ вставляють,

А мылому головку здыймають...

Дивытыся усэнькы людэ:

За жинку такъ кижному будэ!...

38. Лётная.

Я й самъ не видаю,

Що робыты въ жалю маю:

Зъ коханьня вымраты гадаю!

Дивча лыстъ пысала,

На Вкраинну слала

До того козакъ, що вирно кохала!

Козакъ, лыстъ узавшы,

Тай перэчытавшы,

Рэвнёвкы заплакавъ, дивчыну згадавшы.

Козачэ, ты дурачэ,

Дурный розумъ маєшъ,

Що на сэбэ прычыну прыймаешъ!

Присягаю Богу, ставшы на коліна,

Самъ по собі знаю, що моя прычына,

Що мае дивча сына...

— «Закладай, хлопчэ,

Коня вороного,—

Пойдьюмъ до коханьня мого.»

Козакъ доижджае...

Родына збырае,

Годына козакъ вытае...

Зайшоў до дивчыны—

Дивчына хворуе...

Взявъ за ручэньку й въ лычэньку цилуе.

— «Нэхъ тэбэ, козачэ,

Лыхая годына!

Одрыклася одъ мэнэ родына!

Одриксы батько, одрыклася маты.

Якъ мни, молоденькуй,

Той вйкъ коротаты?»...

Ой голубъ лэтае й голубка лэгае,

Ой голубка не знае,

Що голубъ покинуты мае!

Ой ты, голубоньку, ой ты, сывый орлэ,

Якъ я тэбэ покину,

Хто тэбэ до сэбэ прыгорнэ?...
—

39. Свадебная.

Шумиды буйны витры въ лисы

О зелёны дубыща.

Тамъ комаръ зъ дуба внавъ,

Розбывъ голову о пышча.

Прылэтила муха зъ хаты,

Стала надъ комаромъ плакаты

— «Ой, комару, добрый господару,

Дэ тэбэ поховагы?»

— «Поховай мэнэ на крутой гори,

Дэ дымки квытки муть браты—

Мэнэ, комара, доброго господара,—
спомынаы»...

40. Свадебная и весенняя.

Ой лугомъ, лугомъ трава зелэние.

Щось мое сэрденёкы той не вэсэліе.

Дай-жэ, Божэ, щобъ повэчэрило,

Щобъ мое сэрденёкы той повэсэлило.

Ой прыды, мылай, до моеи хаты,

Я тэбэ влущу, щобъ не чула маты,

Якъ ёго выускала,—за ручку стыскала.

А якъ выпускала—правдоньки пытала!

Ой цы маєшъ жинку—то нды до дому,

А не маєшъ жинкы—останься зо мною.

— «Ой маю я жинку, щэ и дытокъ двое,

Колы не прыхлыло сэрденёкы мое.

Кладовлюся спаты впоперэкъ полаты,

До стыны очыма, до еи плэчыма.

«Обэрыся, мылай, я тэбэ роззую,

Я твое лычэнько сымъ разъ поцэлую».

— «Ой будай ты, мыла, того не дождала,

Щобъ мое лычэнько сымъ разъ цыловала!»

«Ой есть у тэбэ мылыкъ дваццэты штыры,

Такижъ бо я старша надъ нмы усимы».

— «А дежъ ты, мыла, старшынство на-
брала,

Що ты надъ усимы старшэю застала?»

«Ой тамъ, на гори цэрковка стояла,

Ой тамъ жэ я, мылай, старшынства

набрала.

Присягала Богу и свётому Юрью

Не зъ пориднымъ хлопцэмъ, но зъ тобою,
дурню!»

41. Свадебная.

Эй, зимовая—морозная!
На заморозь мэнэ, молодёныкен,—
Ны такь мэнэ, якь мужа мого!...
...Зь войны идучы, коя вэдучы,
Коя вэдучы, бринь нэсучы.
Ай, бринь моя, найяснишшая!
Ай, жоно моя, наймылишшая!
Ай, дума моя, найсмутнишшая!
Що жоно мужа нэ знавыдыла,
Завэла вь вышнйв садь
Той повисыла...
— «Лэжы, мылэвькйй,
Якь дэнь, билэнькйй,
Якь дыль, гвылэнькйй».
Пришла до дому, сила за столомь,
И пышэ вона перомь,
И кажэ своимь слономь:
— «Ой кобь я мила маляри свои,
Вымалювала-бь мылого соби.
Вымалювала-бь на ганычку—
И поглядала-бь, якь на пташычку.
Вымалювала-бь вь оконычку—
И поглядала-бь, якь на сонычко.
Вымалювала-бь у конци стола—
И поглядала-бь, якь на сокола.
Вымалювала-бь у коморы вь стынн—
У коморы вь стынн, тамь дэ спаты мэнн.
Ой быда була, що муй мужь такйй...
Тэперь—гиршая: й того нема!...
Зайшла-бь вь вышнйв садь
Взяла-бь мылого за ручку:
— «Устань, устань, мылэнькйй!
Вжэ ты налыжився,
Ризныхь пташычокь вжэ наслухався».

42. Свадебная.

— «У лузи калынонька стояла, у лузы—
Тэперь моя головонька у тузи...
Ой у лузи калынонька стояла,—
Тэперь моя головонька пропала!...
Прыхавь мй батэнько изь Львова,
Пытаецця пьянычэньки, чы вдома?
Потыхеньку, мй батэньку, говоры,
Ой вэ збуды пьянычэньки вь коморы.
Якь ты тую пьянычэньку збудышь,
То мою головоньку загубышь.»—
— «Ой привыкай, моя доню, привы-
кай,—
То двэрима, то оконычкы вьтмай»...
— «Вись одь ёго, мй батэньку, утэчэ,
Злапае пьяныця за плычэ,

То винь мною хату й сини зволочэ,
То винь мое билэ тило посычэ,
То винь мою русу косу попорвэ»...
— «Зь кимь ты, моя мыла, говорила,
Що ты мэнэ, молодого, пробудыла?»
— «Зь кухарками, мй мылэнькйй, зь ку-
харками,—
Оть послала по водыцю коновками».
«Нащо-жь тоби, моя мыла, водыця?—
Есть у мэнэ меду й пыва пывыця.
Возьмы соби золёного—умийся,
А солодкого—напыся».

43. Весенняя.

Пуйду я пудь вэрбыцю по воду,—
Клычэ мэнэ маты до хаты,
Хочэ мэнэ за старого оддаты—
«Я за ёго нэ пуйду!»
— «Пэрэкинуся дыкею козою,
Побыгу густэю лозою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такйи стрилоньки,
Що выстридять дыкйи козоньки—
Мусышь буты моя!»
Пэрэкинуся щукою—рыбою
И поплыву я быстрэю водою,
А за тэбэ не пуйду!
— «Есть у мэнэ такйи нэводоньки,
Що вылаплють вси щуки—рыбоньки.
Мусышь буты моя!»
— «Пэрэкинуся рудэю мышкою
Й побыгу глубокою ниркою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
«Есть у мэнэ такйе котыки
Що вылаплють мышкы изь нирки—
Мусышь буты моя!»
— «Пэрэкинуся зёлёнымь барвынком!
И сиду—впаду вь батэнька вь саду,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такйи ножыки,
Що выщыкають барвынчкы на выночкы—
Будэшь, будэшь моя!»
— «Навары, тату, солодкого пыва,
Во вжэ я пуйду за старого дйда,—
Вжэ я ёго нэ збуду!»
Напэчы, мамэ, шпэнычного хлйба,
Оддаешь мэнэ за старого дйда,—
Вжэ я ёго нэ збуду!»...

44. Лѣтняя при жатвѣ.

— «Дѣ ты, хмѣлю, зымовавъ,
Що ѣ ны роззвывався?
«Дѣ ты, сынку, ночовавъ,
Що ѣ ны роззвывався?»
— «Ночовавъ я, моя маты,
Въ залѣнуу лыщны,
Загадавъ я загадоньки
О добрый дивчыны»...
— «Нѣ добрѣ, мій сыноньку,
Нѣ добрѣ ты робышъ:
Журылыся молодцы,
Що ты ѣ до ихъ ходышъ!»
— «Якъ ходышъ, моя маты,
Такъ и буду ходыти.
Було мѣнѣ, моя маты,
Въ снѣ лѣтъ ожѣныты!»
— «А я тоби, мій сыноньку,
Тай ны бороньла.
Було соби жѣнытыся,
Якъ-во ѣ породыла!»
... — «Прыды, прыды, кавалиру,
До мѣнѣ въ нѣдлю,
А я вышлю старѣнького
Въ лысокъ по калыну».
Пушовъ старый, бородатый
Калыны ламаты.
— «Выжы, доню, дорогую
Тата выгядаты»!...
Идѣ доня дорогою,
У долони плѣщѣ.
— «Жартуй, жартуй, мамцю моя,—
Ны лѣдѣ тато ещѣ».
Сыдыть мылый коло стола,
Курку обырае.
А якъ озвѣ за ручѣньку —
Къ сѣрцю прылягае.
А я ручку прыгорнула,
Въ оконѣчко поглянула.
Поглянула въ оконѣчко,
А вжѣ старый нѣдалѣчко.
— «Дѣжъ я тѣбѣ, мій мылѣнькій,
Тѣперъ тай подину?
Ой сховаю тѣбѣ въ лишко,
Въ бидую пѣрыну».
Идѣ старый, бородатый
Зъ калыною до хаты.
Я прыпала гъ сырїй земли,
Тай стала стогнаты:
«Иды, старый, бородатый,
Уколупны мѣду:
Барзо тѣшко на сѣрдѣньку—
Головки нѣ звѣду!»

Пушовъ старый, бородатый
Мѣду колупаты,
А я свого мылѣнького
Выпустила въ хаты...
Идѣ старый, бородатый,
У долони трѣплѣ...
— «Дѣсь тутъ бувъ вражий снѣтъ—
Тильки мѣсцѣ тѣплѣ?»
Ишовъ я чѣрѣзъ сныи,
Тай нѣ оглядався,—
Убабурывъ старый ципомъ
Я ѣ ны сподывався!
Скочывъ жѣ я чѣрѣзъ плѣтъ,
За воротыи звився,—
Вылытила курка бокомъ,
Що еи наився!...
Ишовъ — жѣжъ я чѣрѣзъ сѣтъ,
Чѣрѣзъ два города,—
Заматався въ гарбузиньне—
Наробывъ и шкоды...
Ишовъ-жѣ я зъ вѣчурныцъ
Тѣмнѣнькеи ночы,—
Сыдыть гуска на болоты —
Вытрыщывшы гочы.
Я на еи: «гилѣ! гилѣ!»
А вона прысила.
Кобъ нѣ тая дивчынонька,
Була-бъ мѣнѣ здѣла.
Ой кобъ нѣ ты, дивчынонько,
Ой кобъ нѣ ты, нѣ ты,—
Нѣ стоявъ бы мій коньчычокъ
Въ ось си-тимъ замѣты!
Ой кобъ нѣ ты, дивчынонько,
Нѣ твоя головка,—
Нѣ ходывъ-бы по заплѣтыю,—
Нѣ лякавъ-бы вовка!»

45. Свадебная.

— «Нащо мѣнѣ зачыпашъ,
Колы соби другу машъ?
Шукай соби до вподобы.
Котра липша — будѣ тоби,—
Я нѣ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Сосидонька мни казала,
Що одъ тѣбѣ нѣрстѣнь мала,
Андзи хустку даровавъся,
Жосп вынокъ обмывавъся,—
Я нѣ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Ой чы любышъ, любы дужѣ,
А нѣ любышъ—нѣ жартуй-жѣ!
Нѣ задавай сѣрцю туги:

Нэ будэшъ ты—будэ другіі.
А нэ другіі—будэ трэціі,
А нэ трэціі, то чэтвэртый.
Ны чэтвэртый—будэ пятый,—
Любыть мэнэ шо й богатыі!
Я нэ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!»...
— «Тому будэ нѣдиль килька,
На васылю въ брата Илька
Ты зъ Иваномъ таныцѣвала,
Ему ручку обмыцала, —
И я нэ хочу такъ, якъ ты
По дви разомъ любыты!
Прыгадай соби ты Гната,
Брата Илька и Кондрата!
Ты, нѣбого, дужэ знаешъ,
А про мэнэ забуваешъ,—
Отъ я знаю, шо и ты
Вмѣштъ по шість любыты!»
— «Хжэ тій сварцы даймо згону.
Дай рученьку—будомъ въ згоды.
А тѣперъ же я и ты—
Ну-мо разомъ любыты!»

Примѣчаніе. Пѣсни, съ № 1 по
45, записаны со словъ крестьянокъ села
Копытова Вѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губер-
ніи, въ 1895 году.

46. Весенняя.

Праду я, праду—
Снатоньки хочу....
Положу я головоньку
На зелѣнуъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну...
А свѣкоръ нѣ,
Якъ витѣрь гудэ:
«Сонлывая, дрѣмлывая,
До работы лѣнливая!
Мого сына заразыла—
Постѣлѣньки нѣ встѣлыла
Й сама нѣ лягла!»...
Праду я, праду—
Снатоньки хочу...
Положу я головоньку
На зелѣнуъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну...
А свѣкрѹха нѣ,
Якъ витѣрь гудэ:
«Сонлывая, дрѣмлывая,
Нѣвистка моя!

Мого сына заразыла,
Постѣлѣньки нѣ встѣлыла
И сама нѣ лягла!»
Праду я, праду,—
Снатоньки хочу.
Положу я головоньку
На зелѣнуъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну.
Матюнка нѣ,
Якъ пчылка гудэ:
«Мое дыте дорогое,
Пушло замужъ молодое:
Нѣ выспалося!»
Праду я... Ватынко нѣ,
Якъ пчылка гудэ:
(Тоже, что и мать).

47. Лѣтняя.

Казала мѣни маты
Цвѣтъ—калыну ламаты.
Калына пагнулася,—
Дивчына зломылася...
Дѣ доля подилагя?...
Одозвалася доля
По таитинѣ боцы мѣра...
— «Будожъ мэнэ, маты,
Малѣю поховаты,
— То-бысь була забула,
Що въ тѣбѣ дочка була.
А тѣперъ нѣ забудѣшъ,
Покиль жыты будѣшъ!»

48. Лѣтняя.

Такъ ныкъому, такъ ныкому,
Якъ бидному батраковы...
Гѣя! гѣя! якъ бидному батраковы!
(И т. д. повт. 2-го стиха).
Батракъ ходыть, заробляе,
Ажъ нитъ очы залывае...
Зайшовъ батракъ до хаты:
— «Дай, хадзяйко, вѣчѣраты!»
— «Нѣ топыла, нѣ варыла,—
Нѣма чого вѣчѣраты,—
Лягай, батракъ, и такъ спаты!»
Лигъ батракъ и щѣ нѣ вспався,
А вжѣ хадзяй нагадався:
— «Вставай, батракъ.—годы спаты:
Ужѣ пора й волы гнаты!»
Вставъ батракъ, нѣ одмагався,
Нѣма воды—нѣ выывався...

Нэма ручныка—нэ выгрався,
Нэма сорочки—нэ вболокався
Нэма колы—нэ пацёрвався,
Нэма шчысця - зь бидою zostався...

49. (Во время жатвы).

На прыпэчку воробіў
Зробыў собі жыво.
А на пэчч молатыў,
Зварыў собі пыво.
Штыры тыкі хмэлю давъ,
Потимъ собі жаловавъ,
Ставъ дубныкъ збыраты.
Пывомъ частоваты.
На той бэнкитъ комари
Зь комаркою булы
И зробылы зь комари
Штыры пдлкі солонныны.
Сто ковбасивъ начынылы,
Скабы прыпэкалы,
На столы давалы,
Усикъ частувалы.
Ужэ було у впыночы,—
Сова прылэтила,
Потыхеньку, помаленьку
Тай за столомъ сила.
Воробіў упывся,
На сову звалывся...
Ой казала сова
По фравцузкы граты:
— «А гraitэжъ, мон трубачи,
Славны жъ мон пугачи!
Гуляйтэ-жъ въ дубровы,
Въ воробьёвнмъ долы»...

50. Свадебная.

Нашыхъ прыданивъ
Тутъ нэма, тутъ нэма!
Понхалы въ лисъ
По дрыва, по дрыва!
Зачэпылы
И за пэнь, и за пэнь!
Тай стоялы
Цилый дэнь, цилый дэнь!
Зачэпылы,
За осыну! (2 раза).
Тай стоялы
Цилу зыну! (2 раза).

51. Пасхальная.

Тамъ Романъ вогы пасэ,—
Дивчына воду нэсэ.
— «Цы тэбэ зачэпыты,
Цы воду разлиты?»
— «Ой, Романа, мій панэ,
Нэ зачыпай, ты мэнэ:
Въ мэнэ маты чужая,
Щэ я до того лыхая —
Будэ быты мэнэ!»
— «Якъ будэ тэбэ быты,
То дайся вымовыты,
Що гусы налэтилы,
Мэни воду сколотылы»...
— «Ой того жъ я ошывала,
Щобъ вода нэчыста стала!»...

52. Весенняя.

— «Покини, Ясю, жинку,
Я покину диты.
И пйдэмо въ свить
Мышканья глядиты!»
— «Ой букся, Касю,
Жыбъ насъ нэ впіймалы,
Жыбъ намъ билихъ ручокъ
Назадъ нэ зывалы!»...
— «Ой, нэ бійся, Ясю,
Нычого нэ будэ:
Орэжъ-бо мій мылый
Зь старэнькимъ дидомъ»...
Орэ-жъ винъ орэ
Зь старэнькимъ дидомъ,
Выглядае мылэнькеи
Зь спорнэнькимъ обидомъ
Зайшовъ мылый падъ оконцэ, —
Протывъ ёго сонцэ
— «Выйды, выйды, мылэнькая
Протывъ мэнэ сонцэ!»
Зайшовъ винъ до хаты,
Ставъ дытокъ пытаты:
«Дытки-жъ мон мылэнькіи,
А дэ-жъ ваша маты?»
— «А наша маты
Пошла въ лугъ по тэзаты.
Ой и щось вона промовяла,
Що я нэ наша маты!»
Ударывся мылый
У—въ полы рукамы:
— «Дытки-жъ мон мылэнькіи.
Пропавъ жэ я зь вами!»

Ударылся мылый
У стіль головою:
«Головонько-жъ биди моя,
Пропавъ я зъ тобою!»

53. Мѣстная крестьянская молитва.

У водилу ранѣнко
Сонечко входить,—
Божая Маты
Сына за ручку водить.
Повѣла Вона Его
Зъ ютрѣни на ишу,
Зъ намшы на вѣчирню,
Зъ вѣчирни на всюночну,
А зъ всюночны на сыне морѣ.
Тамъ, на сынюмъ моры,
Камѣнь лѣжить.
На тимъ камѣню
Цѣрковця стоить...
Въ тій цѣрковци
Прыстилъ стоить,
Тамъ, на прыстола
Сусъ Хрыстосъ лѣжить.
Голивку склонивъ,
Ручкѣ зложивъ,
Губкѣ стувивъ,
Очкѣ заслонивъ.
Прыйшли до Его
Святый Пѣтрѣ
И святыи Паволь
У цѣрковую до прыстола,
Взялы Хрыста
За правую руку.
— «Нѣ дывитыся
На жою мужу!
А пойдитѣ
По всимъ свиты,
Закажитѣ старыхъ
Кныгъ глядиты!
Якъ того пацѣра
ИН будутъ забуваты,
Ныгды въ наглуи смѣрты
ѡе будутъ погибаты:
На огни—погараты,
На води—потопаты,
На войни—умѣраты,
У быди—пропадаты!»

(Прибавленіе, говорится въ видѣ молитвы).

Нѣхъ Памбигъ худобочку пасѣ,
Лѣ вона травушю зъѣдае,
Дѣ водушю сплывае,

Дѣ спочывочокъ мас:
Въ день подѣ сонцѣмъ,
А въ ночи подѣ мисяцѣмъ.

Восемь пѣсенъ, № 46 по 53, записаны
въ деревнѣ Осовѣ, Влодавскаго уѣзда,
Сѣдлецкой губерніи, въ 1892 году.

54. Пѣсня о Бѣдѣ.

(На мотивъ: «Какъ у нашихъ у воротъ»).

1.
А хто Биды нѣ знае,
Нѣхай мѣнѣ спытае:
Моя хата на краю— } 2 раза и т. д.
Добрѣ Биду я знаю!

2.
Надъ Дунаемъ глубокимъ
Выросъ тѣрѣнь высокій,
А изъ того-то тѣрна
Выйшла Бида молодая

3.
Нѣ малая, нѣ вѣлыка—
Тра-бъ для нѣи чоловика:
Ны старого, ны малого—
Козачѣныка молодого.

4.
— «Дѣ ты, Бидо, вродылася?
Дѣ ты въ мѣнѣ вчѣпылася?»
— «Я въ Варшавы родылася,
А въ Замисьцю хрѣстылася!»

5.
Пойшла Бида до Гаврыла,—
Одъ Гаврыла носомъ рыла...
Пошла Бида до Яндруха,—
Обырвалы Биди уха...

6.
Пошла Бида до Дѣныса,—
Одъ Дѣныса прыйшла лыса...
Дѣсь-ся взявъ я Тарасъ—
И той Биду за лобъ трась...

7.
Дѣсь-ся взявъ я Прокопъ—
И той Биду въ морду—гопъ!...
Дѣсь-ся взявъ Гарасымъ—
Той по Биди голосывъ...

8.
Дѣсь-ся взявъ паламаръ—
Биди рѣбра поламавъ...
Дѣсь-ся взявъ золотаръ—
И той рѣбра полатавъ...

9.

Пойшла Бида до кравця—
Натрапыла на шавця...
А швэць Виду—холявою:
Сыды, Бидо, пидь лавою!...

10.

Сила Бида на ставци,
Плэтэ соби ностольци,
Сама зь сёба дывуецця,
Жэ хоромэ готуецця...

11.

Пошла Бида вь будяки—
Погубыла ходаки...
Выйшла Бида зь будякивь—
Позычыла ходакивь...

12.

Була Бида вь Вэрхивци,
Пасла симъ литъ тамъ вивци...
Пошла Бида по заплату,—
По симъ разы вь одну хату...

13.

Якъ-же Биди заплатылы?—
Симсоть кийъ увалылы...
Пойшла Бида хлышаючы,—
На симъ сажны ступаючы...

14.

Пойшла Бида до двора—
Далы Биди пиврубля...
Пойшла Бида до Дулибъ—
Далы Биди цылыи хлибъ...

15.

Пойшла Бида на Пидгаецъ,—
Далы Биди симъ кипъ яецъ...
Пойшла Бида до Петра
И вси яйци попекла...

16.

Була Бида на торзи,
Прыхавшы на кози...
Продавала тай крупы,—
Куповалы и поны...

17.

Куповалы и дяки,
Куповалы жыдники:
То за гришъ, то за штыры,
Биду червы росточылы...

18.

Була Бида на шынквасу,
Продавала кисиль, квашу,—
Шавця, кравця обступылы
Кисиль, квашу роскупылы...

19.

Пойшла Бида до арэнды.
Пустылася вь парэбиды,—
Рандаръ Биду шанкомъ вь губы:
«Чого, Бидо, лупышъ зубы?»

20.

Быдять диды на рынку,—
Вкрала Бида торбынку...
Сталы диды обозомъ,—
Знайшлы биду пидь возомъ..

21.

Былы Биду палыцямы:
Нэ крадь торбы зь сухарцямы!...
А одъ Львова до Кракова—
Всюды Биди еднаково!...

22.

Пойшла Бида до Варшавы.
Вкрала соби шаровары,
А козаки догонылы,
Былы Биду, волочылы...

23.

Былы Биду канчукомъ,—
Нэ заходы зь козакомъ...
Пойшла Бида на хрестыны—
И тамъ Биду хворостылы...

24.

Пойшла Бида на вэсилье
И тамъ Бида нэ прысыла...
Пошла Бида у танецъ—
И щэ Биди нэ конэнь.

25.

Кажэ Бида: «за симъ литъ
Будэ Биди новый свитъ»—...
Идутъ людэ зь хворостомъ
Сыдыть Биду нидъ мостомъ...

26.

Якъ—ся Бида зворохнула,—
Дядька зь хворосту зопхнула...
Якъ—ся Бида розгуяла,
Всимъ колэса поламала.

27.

Дядько Биду догонывъ.
Биди рабра поломывъ...
Дядько Биду хворостомъ—
Трасэ Бида животомъ...

29.

Дидько Биду ужамы—
Трасэ Бидэ ножкамы...
Нанхалы циганы,
Взялы Биду на саны...

29.

Завэзлы ей до Волохъ,
Промэнялы на горохъ,
А потимъ—ся жалсвалы,
Назадъ Биду завэрталы...

30.

- - «Соби Биду бэритэ,
А намъ горохъ вэринтэ! ...
Пойшла Бида до Жовквы—
Биди ножки пожовкла»

31.

Пойшла Вида до кухні—
Види ножки попухлы...
Пойшла Вида до церкви—
Види ножки потёрпы...

32.

Пойшла Вида до корчмы—
Види ножки одойшлы...
Пойшла Вида до попа—
Былы Виду, якъ спона...

33.

Пойшла Вида до дая—
Тамъ побылы быяка...
Пойшла Вида на пивныню—
Влизла вона въ помыйныцю...

34.

Былы Виду въ потылицю.
Нѣ лизъ, Видо, въ помыйныцю!...
Перѣдъ паномъ окопомъ
Былы Виду макогономъ...

35.

Перѣдъ паномъ панычомъ
Былы Виду товкачомъ...
Перѣдъ паномъ комысаромъ.
Шмаровалы Виду саломъ...

36.

А за нашымъ яримъ жытомъ
Сыдытъ Вида зъ тыхнымъ лыкоцъ...
И тамъ наша Вида виерла
И ноги до горы задэрла...

Эта пѣсня записана (какъ равно и послѣдующія двѣ пѣсни) въ 1901 году со словъ нѣкоего Якима, по прозванію, Вида, въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи. Якимъ Вида, живущій, вѣроятно, и по-нынѣ,—своего рода мѣстный сказитель былинъ, пѣсенъ и т. п. Жаль только, что отъ него трудно записать все то, что онъ знаетъ, такъ какъ, по видимому, онъ почти юродивый. Крестьянамъ, а особенно ихъ малымъ дѣтямъ, Якимъ Вида охотно говоритъ то, что знаетъ, другимъ же—не охотно. Онъ ведетъ жизнь постоянно бродячую, ходитъ только по извѣстной округѣ. ва что и проываетъ я еще «Окружнымъ». Поведеніе его безупречно, но лѣность къ труду образцовая. Не желая нигдѣ и ничего работать, онъ непрерывно ходитъ и нигдѣ не пробудетъ дольше однихъ сутокъ. Память и воображеніе у него развиты въ высокой степени.

Очень можетъ быть, что пѣсня о Бѣдѣ есть его собственное произведеніе. Въ этой пѣснѣ резкается о постоянныхъ неудачахъ какого-то человѣка на разныхъ мѣстахъ. Якому 40 съ небольшимъ лѣтъ. Я лично долго бесѣдовалъ съ нимъ, но онъ какъ то хитро уклонялся сообщить мнѣ еще кое что изъ пѣсенъ. Личность, во всякомъ случаѣ, интересная.

55. Тара-тара.

(Скороговорка-шутка, записана отъ Якима Биды въ Люблинской губ.).

Тара-тара, тана—
Пойду я до пана,
Тара-тара, тѣрбу—
Пойду я до пана на службу,
Тара-тара, тѣны—
Вуду пасты свинны.
Тара-тара, тѣдѣнь—
Дѣсь въ самый полудѣнь
Тара-тара, товкъ—
Прыйшовъ до мѣнѣ вовкъ,
Тара-тара, тѣнѣ—
Взявъ въ мѣнѣ найстаршу свиню.
Тара-тара, тѣчуръ—
Отъ ужѣ и вѣчуръ,—
Тара-тара, тѣны—
Трѣба гнаты свинны.
Тара-тара, тѣму—

Прыгнавъ я ихъ до дому.
Тара-тара, танъ—
Прыйшовъ до мѣнѣ панъ.
Тара-тара, тѣнку—
— «Ходъ до мѣнѣ, сынку!»
Тара тара, тѣнѣ —
— «Чего хочѣшь, панѣ?»
Тара-тара, тѣнѣ—
— «Дѣсь подивъ найстаршу свиню?»
Тара-тара, тѣнѣ—
— «Нѣ гнивайся, панѣ,
Тара-тара, тѣдѣнь—
Во въ самый полудѣнь
Тара-тара, товкъ—
Прыйшовъ до мѣнѣ вовкъ.
Тара-тара, тѣню—
И взявъ найстаршу свиню»...

Тара-тара, танъ—
 Кажэ до мэнэ панъ:
 Тара-тара, тынну
 — «Чортъ твою ма, сынку!»
 Тара-тара, тукъ—
 Вказавъ мѣни канчукъ.
 Тара-тара, тѣрокъ—
 — «Давай, сынку, тылокъ!»
 Тара-тара, теки—
 Я одъ нѣго—вѣки..
 Тара-тара, тынъ—
 Прийшовъ я до млына.
 Тара-тара, тупъ—
 Молодыя крупы.
 Тара-тара, тупъ—
 Набравъ я соби крупъ.
 Тара-тара, тошку—
 Зваривъ я соби кашку.
 Тара-тара, тѣчки—
 Нѣ мавъ я ложки.
 Тара-тара, тальцѣмъ—
 Помышавъ я пальцѣмъ
 Тара-тара, тальцъ.—
 Опаривъ я палецъ.
 Тара-тара, тѣчки—
 Пойшовъ я до рички
 Тара-тара, тальца—
 Холодыты пальца.
 Тара-тара, тѣчки—
 Сивъ я коло рички.
 Тара-тара, тальцъ—
 Болыть мэнэ палецъ.
 Тара-тара, тынцѣмъ—
 Надъ самымъ гостыньцѣмъ
 Тара-тара, тѣльныкъ—
 Прийшовъ до мэнэ мѣльныкъ,
 Тара-тара, талоуъ—
 Злапавъ мэнэ за лоуъ.
 Тара-тара, тынку—
 — «Якій ты мудрый, сынку!»
 Тара-тара, тупъ—
 Нащо-сь забравъ крупы?»
 Тара-тара, танъ—
 — «Защо мэнэ бьешъ, панъ?»
 Тара тара, тупъ—
 Нѣ бравъ я твоихъ крупъ!».
 Тара-тара, тынку—
 — «А зъ чого варивъ кашку?»
 Тара-тара, тызъ—
 Гопъ—мэнэ въ нывъ!..
 Тара-тара, тѣзокъ—
 Вискочивъ зъ мэнэ мѣзокъ...

56. «Косарь».

(Записана отъ Якимъ Биды въ Люблинской губ.).

— «Доли моя нѣщасная!
 Якъ на свиты жыты?
 Хтивъ-бытъ добрѣ псты, пыты,
 А ныцъ нѣ робыты...
 А ны—псты, а ны—пыты,
 А ны—въ чимъ ходыты,
 А ны—люльки, ны—тютюну—
 Ны чого курыты!...
 Заробыты я нѣ вмію,
 Просыты нѣ смію.
 Долажъ моя, нѣщасная—
 Дажъ я—ся подію?
 Дають людѣ псты й пыты,
 Но кажуть робыты,
 Бо якъ нѣ пйдѣшъ робыты,
 То ты будѣшъ быты!
 Дають мѣни хлиба въ торбу
 И збанокъ бутвыння,
 Пхають мѣни косу въ руки.—
 Ахъ нѣщасьце-жъ мѣни!
 И зъ подвирья выпыхають!
 — Йды—косы, нѣ гайся:
 Лонка дужа, травы куна—
 Хутнѣнько зывайся!
 Лонка дужа, травы куна,—
 Нѣ мигъ зраховаты:
 Двыгавъ косу, утомився
 И лигъ спочынаы...
 Заснувъ хвилью, зливъ бутвыню;
 Полудня нѣ було.
 Жывить буливъ отъ бутвыння,
 Бо бутвынные вдуло.
 Сусидъ косывъ, мэнэ збудывъ:
 — «Встань! иды косыты.
 Бо якъ прыдѣ сподаръ зъ дому,
 То ты будѣ быты».
 И вжѣ вставъ, нѣ лягавъ,
 Сусида ся слухавъ,
 Чисто на косу спырався
 И ванѣрстокъ вюхавъ.
 И то мало травы скосывъ,—
 Тры разы полуднявъ.
 Давъ осподаръ вѣчэраты,
 А горилки нѣ давъ:
 Чы ввнѣ самъ знавъ, чы хто сказавъ,
 Чы нѣ було за шо?
 Чы то зъ мэнэ такій косаръ,
 Чы коса лядаща?
 Нѣвивъ сѣ заострыты,

А нэ покляпаты—
Жывіць буліў одъ бутвыння —
Нэ мигъ—емъ махаты!

57.

-- «Ой пролай, тату, коня,
Продай вороного,—
Ожэны, ожэны
Сына молодого!»

— «Ой нащо я маю
Коня продаваць?
Нышуръ чорнымъ по билому:
У рэкруты взяты!»

— «Ой нэхай бэруть—
Я нэ нэ боюся

Кинь вороний, самъ молодой,
То я выслужуся!»

...— «А въ полю жытэчко
Мэтлюю заквітло.

Ой дэсь мого мылэнького
На войни забыто!

Забыто, забыто,
Втагнёно въ жыто,
Чэрвоною китаёкою
Очэньки накрыто»...

58.

(Пісьні во время жатвы).

Ой дарова чэлядонька, дарова!
Абы наша головонька здорова.
До коньця, чэлядонька, до коньця—
Пуйдэмо до дому за сонця!
Пуйдэмо до дому, пуйдэмо,—
Тильки тую нывоньку дужнэмо!

59.

Котывся жытній вынокъ, котывся,
Постатышцы на голову просывся—
— «Возьмы мэнэ, постатышцэ, на головку,
Завэсь мэнэ въ паньскую стодолку!
Нэ мниго я въ стодолці полэжу—
У Спасивку на нывоньку побыжу!»

60.

Котывся жытній вынокъ по полю,
Просывся господара въ стодолу:

Восемь пісень, № 57 по № 64, записаны въ селѣ Ганиѣ, Бѣльскаго уѣзда,
Сѣдлецкой губ., въ 1902 году.

Тутъ же можетъ быть записано еще нѣсколько десятковъ разныхъ народныхъ
пѣсень.

— «Приймы мэнэ, господару, въ стодолу,
Вжэ я навалаяся по полю,
Вжэ на мэнэ буйны витры віяты,
Вжэ на мэнэ дробны дощы капалы,
Вжэ на мэнэ дрибный дощыкъ изыйшовъ
Ой покиль я до стодилки увуйшовъ.
Нэ довго я въ стодолы полэжу,
У Спасивку на нывоньку побыжу!»

61.

Зажурылася, засмугылася
Видна удовонька,
Що нэ скошала и нэ згрэблёна
Зэлэна дубровонька!...

...Косари косять! Косари косять:

Дуброва полягае..

Бидна удова, чориобровая,
На тое поглядае...

62.

Ой доля, моя доля!

Ой чомъ ты нэ такая,

Якъ люцькая, тужая!

Людэ роблять—нэ роблять,

А хорошэнько ходять!

А я роблю, заробляю,

А нічого нэ маю!

63.

Наша ныва вродыва—
Сто кипъ жыта уродыла!
Нажелы тоби, тату, сто кипъ—
Молодому прыставоньцы едёнъ снитъ!
Винъ того до домоньку поволикъ
Своему коню вороному на обрикъ..

64.

Ой тамъ у полю крынычэнька,—
Видно дно!

Ой дэсь мого мылэнького
Нэ видно!

Выкопала крынычэньку

Въ едёнъ дэнь!

Выглядала мылэнького

Быць тыдэнь!

65. Пѣсня про калакутеную свадьбу.

Шутка-сатира на мѣстныхъ крестьянъ, упорствующихъ въ вѣрѣ—«калакутовъ». Составлена пѣкнмъ Васкомъ Ткачомъ около 10-ти лѣтъ тому назадъ и нынѣ ставшая народную пѣсней въ Сѣдлецкой губерніи. Поется такъ, какъ извѣстные «Грѣшавыки».

1.
Ось я бувъ одного разу
Въ гостяхъ у старосты
И тамъ слухавъ, якъ спивали
Дивну пѣсню госты.

2.
Хоръ послѣ
каждаго
куплета. { Ой слухайтѣ, добры людѣ,
Що то має бути?
Ой повстали мѣжы нами
Якнсь калакуты!

3.
Добрѣ уха я наставивъ,
Що спивали—пѣрѣинивъ,
А потимъ, помисливъ трохи
И ту пѣсню записавъ.

4.
Послухайтѣ-жъ тую пѣсню,
Тутѣшніи людѣ:
Въ юй нѣ думка и нѣ байка,
Тільки правда будѣ:

5.
«Ой у Клыма—калакута
Була дивна здрила,
И до дички хлопця взаты
Вжѣ пора прыспила...

6.
Тай прыспила вжѣ пора
Зятя пошукаты,
Но вѣ хтивъ нашъ Клымъ у цѣрквы
Дочци шлюбу браты...

7.
Калакуты—баламуты
То така полова:
Завѣхали свою виру
Й быгуть до Кракова!..

8.
До Кракова нѣбы пдуть
Молодыхъ винчаты:
Поблужають тры дни въ лѣсы
Й стануть танцювати!..

9.
Недалѣко одъ сѣла,
Въ лѣсы, щѣ й за бродомъ,
Тамъ стояла една хата
Зъ калакуцькнмъ родомъ...

10.
Бувъ въ тій хаты хлопець дикій,
Що й цѣрквы боявся,
Не гля кого нѣ потрібный,
А гля Клыма здався!..

11.
Ой и здався винъ гля Клыма,
Здався чѣрѣзъ тое,
Щобъ послаты до Кракова
На шлюбу дурнювъ двоє!..

12.
Отъ въ Вивторокъ сѣрѣдъ нocy,
Въ хаты, коло броду,
Тамъ зробылы калакуты
Вѣсильную згоду.

13.
Була згода ихъ такая,
Якен й нѣ чуты:
Тры дни въ лѣсы постояты,
А потимъ вернуты.

14.
Бо Кракова стиль нѣ видно,
Щѣ й грѣшы бракуе...
А у лѣсы коло дуба
Якійсь ксѣндзъ шлюбуе!..

15.
Ой то ксѣндзъ, святий старушко,
Зъ «Кшакова» самого!
Трѣба тилькы знаты даты
До Мошка рабого...

16.
Мошко ксѣндза сѣрѣдъ нocy
Звѣдѣ коло дуба...
И нѣ трѣба такъ далеко
Ихаты за шлюбомъ.

17.
Якъ сказала, такъ зробыла
Рада калакуцька.
Ой и выйшло-жъ зъ того всего
Смыховыско люцьке!..

18.
Виригъ кобылу Клымъ слышу
До старого воза
И понхавъ винъ до лѣса,
Нѣбы панъ въ повозахъ...

19.
Молодыи, якъ дви хныги,
Силы ззаду въ возы,
А спѣреду сивъ самъ Клымъ,
Взявши въ руку лозу...

20.
— «Вѣ! вѣ! вѣ!.. стара-сывѣнька,
Хутнѣнько зывайся!
Бо далѣко щѣ до дуба:
Вѣжы—нѣ вглядайся!..»

21.

Ихавъ Клымъ, якъ горщиръ,
Цилый дѣнь двѣ мылы
И захавъ въ лисѣ нарѣшты,
Що жыды купылы...

22.

Тай, захавшы смѣркомъ,
Ставъ винъ коло дуба...
Ой ты, Клымэ, дурный Клымэ,
Тутъ твоя загуба:

23.

Нѣ було щось въ лисѣ ксбидза,
Ны рабого Мошка!?.
Молодымъ вже страшно стало
И Климовы—трешка...

24.

Ой чѣкалы калакуты,
Чѣкалы нѣ мало...
Тѣмна ничка наступыла,—
Зувсимъ страшно стало!..

25.

—«А-гу!!!... Мошку, одозвися!..
Взявъ-жѣжъ въ мѣна грошы...
Ксѣнжулюю!.. Молодѣнькихъ
Звинчаты я «прошѣ»!..»

26.

Ныцъ нѣ чути въ чорнымъ лисы...
Сэрэдъ нocy тыхо.
Втыкай Клымэ-калакута,—
Гиршѣ будѣ дыхо!.

27.

Уже було у вливнocy,—
Сова прылѣтила,
Закрычила, загукала
Тай на дубы сила...

28.

Отъ вси трое калакуты
Зразу осовили!
И якъ мышы, зъ пѣрѣстраху
Подъ дубомъ сыдили...

29.

Гѣй, дурныи калакуты,
Чого-жъ вѣдѣтъ?..
Ждѣтѣ, ждѣтѣ!.. Заразъ вбѣжки
До дому попрѣтѣ!..

30.

А тымчасомъ нѣдалѣко
Дѣсь вовкѣ завылы!..
Молодыи зъ Клымомъ разожъ
Зовсимъ потрухныли!

31.

—«Тату! тату!.. утыкаймо!..
Просѣть молодыи.
Й поховалыся въ вововы,
Якѣ дѣты малыи...

32.

Якѣ почула вовчий голодъ
Клымова слыпуха,—
Забрыкала, затраслася,
Наставышы уха!..

33.

Ухопывся Клымъ за ужвы—
Слыпа одорвала
И на мисью коло дуба
Гупки всѣ скакала...

34.

Сивъ и батько зъ дытмы разожъ
Въ возы, якѣ попало,—
Зачѣпылыся за корть—
Пѣньномъ вись зламало!..

35.

А за висью лѣйцы трислы—
Слыпа роспроглася
И вовкамъ тымъ на вѣчѣру
Вбѣжки понѣслася!

36.

Ой втыкала та конына,
Хутко утыкала:
За мынѣту просто въ зубы
Трошъ вовкамъ попала!..

37.

Жують вовкѣ старѣ мисо,
Зъ голоду смакують
И по вовчий, якѣ умѣють,
Климовы дякують:

38.

—«Дякуемо тобі, Клымэ,
За слыпу кобылу.
Бо поправывъ ты намъ добрѣ
Нашу вовчу сылу!..»

39.

Нѣма чого довшъ чѣкаты,
Нѣма чого ждаты:
Ны кобылы, а ны воза—
Тра сѣкъ-такъ втыкаты...

40.

—«Бодай тѣбѣ, рабыи Мошку,
Судна ничъ вдушила!
А щобъ тѣбѣ, волоцюго,
Люлька кривда вбыла!

41.

Чого-жъ клѣнѣшь, дурный Клымэ?
Чого тишышь биса?
Чуешь? хмара наступае,—
Втыкай далѣй зъ лиса!

42.

Ой втыкалы калакуты
Корчямы й болотомъ,
Погубылы шапки, шматьте,
Щѣ й чоботы потомъ...

43.

Скрывавылы, быгучы тамъ,
Всѣньки разомъ трое:
Дивка—носа, хлопецъ—губы,
Клымъ—ухо одное...

44.

А було вже перѣдъ свитомъ,
Хмара подступыла,
Гуло въ нѣбы... Й блискавыця
По лисы свытыла...

45.

Й якъ зорвалася страшна бора—
Земля застогнала,
А на нѣбы скривъ навколо
Блыскавыця стала...

46.

Якъ зачалы перуны
Бѣзъ устанку быты,
А за ими шуря бора
Дѣрѣва ломыты,—

47.

Годы було вже втыкаты—
Ноги всимъ помилы...
Клымъ зъ дочкою и хлопчына
Бѣзъ намяты силы...

48.

«Тра-та-тахъ!!!» и гошнувъ перунъ
Въ дѣрво надъ дурнымы...
Отъ и стали калакуты
Нѣмымы й слышнымы!..

49.

Откотывся Клымъ въ калюжу...
Молодыи змилы,
И бѣзъ духу, ледъ жывыи,
До часу цяпили...

50.

Попяпили, покиль сонцѣ
На нѣбы заграло..
А потимъ всё краѣмъ лиса
До дому втыкали...

51.

Отъ на нѣбы вже высоко
Сонцѣ свитыть, грае,—
Выдно людомъ, якъ зъ Кракова
Дурный Клымъ втыкае...

52.

— «Дывысь! дывысь! кумѣ Грыцю,
Що то... хмъ... такое?..
Ны то людѣ, ны то свынны
Быгуть зъ лиса трое?»

53.

— «Э, нѣбожѣ, кумѣ Иванѣ,
Цыты!.. Горилка будѣ...
То вѣртаюцца зъ Кракова
Нашы свѣйськи людѣ...»

54.

— «Хе! хе! хе!..» — «А, буйнѣ, трѣба
До часу мовчыты,—
Мо—и вдасця въ того Клыма
Горло помочыты!..»

55.

Ой, горилко ты пѣкѣльна!
Чого ты нѣ вкрмешъ?
Исы правду, а за ёю
Кривду скривъ всё сѣмъ!..

56.

Отъ въ Нѣдзялю, по надѣ вѣчуръ
Якесь дыво стало,—
Бо въ туй хаты що за бродомъ
Всилье заграло!??...

57.

— «Ты-ли-ли-лю!.. Вумъ! бумъ! бумъ!»
Скрыпка зъ бубномъ выкуть,—
Сыдять людѣ за столами
И калышки мыкуть...

58.

Шкода було всѣнькинѣ людомъ
Всилье ганьбыты,
Покиль було всимъ занадто
Що исты и пыты...

59.

А за тыждѣнь по всилью
Всимъ було видомо,
Якъ втыкавъ Клымъ зъ молодымы
Зъ Кракова до дому.»

60.

Отъ така въ насъ, добры людѣ,
Зъ тымъ всимъ установка..
Спытай «Клыма»: «дѣ ты издывъ?»
Скажѣ: «до Кракова!»

Народныя сказанія: былины, баллады, анекдоты, шутки и проч.

1) На тамтихъ свиты.

... Бувъ соби такій чоловікъ и мнивъ винъ сына. Такъ, якъ винъ умэравъ, то казавъ: «щобъ ты, сынку, дарывъ всякаго бідного и ныкому нэ одказувавъ, бо то грѣхъ». — Умэръ батько; зостався сынъ на ёго мисѣцю. Отъ прышовъ до ёго якійсь дидъ и просить дати пообидаты. Но той дидъ вжэ кылька разы бувъ у ёго. Пообидали. И просить дидъ того сына до сэбэ въ гостыну: «прыды до мэнэ, любый, въ госты,— щось я тоби тамъ покажу».

Сынъ кажэ: «я нэ видаю, дэ до васъ иты». А дидъ ёму на тое: — «До тэбэ прыбыжыть сывыи кны, и ты на ёго всядь, то винъ тэбэ завэзэ ажъ до мэнэ».

Отъ чэрэзъ кылька днн прыбыгае до ёго сывыи кны. Сивъ винъ на того коня и похавъ. Идэ винъ, иде—и самъ нэ знае, якъ и куды. Тільки бачыть вяжэ на дарозы, що чоловікъ лкійсь трымае на голови плить и зъ тымъ плотомъ ходыть...

Похавъ далій. Знову бачыть, що два хлопцы бьюцца грудамы въ слупки. Спытавъ, для чого вони буюцца, алэжъ нэ вчувъ одъ ихъ одвину.

Зновучки далій идэ той сынъ. Вачыть, що по вэлыкуй, густій травн ходыть стадо овэчокъ. Истъ ноно траву, а не повніе: сухе кажэ звирятко, якъ конопля.. А нэвдалъ по чыстому полю по пысочку, хозыть друге стадо овэцъ. Тыи овэчки ныцъ нэ идять, а такію повныи, якъ кормухи... Що бы сэ то значыло, хотивъ поспытагы, оно нэ выднэ було жаднычъ пастухивъ.

Отъ завивъ ёго той кны ажъ до раю и до пэкла. Ставъ винъ на границы, жэжы раёмъ и пэкломъ. И выходыть до ёго зъ раю той самыи дидъ. Выходыть и просить того сына до сэбэ на обидъ. По тинъ обиды ставъ той дидъ водыты ёго по всихъ двэрахъ. Тільки въ одныи двэры нэ пускае...

Допиро той сынъ пытае дидэ: — «що то такое, що я бачывъ: отъ чоловікъ трымае на соби плить»? А дидъ ёму одказуе: — «То такіи, що винъ, якъ жывивъ, то грышывъ бэзъ пэрэлікы и казавъ. «на тамтихъ свиты нэхъ мёю душэю хочъ плить подопруть,— отъ винъ и нэ вично носыты на соби плота»...

Зновъ пытаецця сынъ: — «Що жъ тощо два хлопцы буюцца? — «А то тын, що зъ батька й матэра кепковалы и часомъ ихъ былы. Отъ и мутъ вони вично бытыся». — «А що жъ то таке худыи и тлустыи овэчки, що по травн и по пысковы пасуцца»? Дидъ одказуе: — «Худыи—то пажэрны людэ, тын, що имъ на землі всёго було мало. Отъ допиро нэхай вично жэруть—а усэ будуць худыи... А тлустыи—то щаслывыи правэдыныи: Имъ тэпэръ исты ныцъ нэ трэба»...

И ставъ такы зновъ просыты той сынъ дидэ, щобъ винъ упустывъ ёго въ тыи двэры, що булы запертыи. Дидъ подумавъ, подумавъ и нарышты одчынивъ тыи двэры и впустывъ ёго. А тамъ було пэкло. Тамъ зобачывъ сынъ одразу свого батька. — «Ой дидулю, дидулю! Вызвольтэ стиль мого тата. Но той дидъ кажэ: — «Ни, нэ можна, муй любый! Якъ я ходывъ по свиты, то вяжэ мни тільки давъ тры стыпирья цыбули.. На, озмы тыхъ тры стыпирья и подай тамъ батьковы. Якъ вытягнешъ ёго стыпирьёмъ, то я ёго вызволю». Упустывъ сынъ батьковы тое стыпирье,—батько злався за ёго руками. Тягнэ стыпирьёмъ сынъ батька, алэжъ забувъ на той чысь (sic) пацёра мовыты.. Ужебъ тільки злапаты батька за руки—но стыпирье тутъ порвалося,—и упавъ гришныи батько знову на дно въ пэклы...

Стоявъ коло сыновэи хаты ялэцъ, а тому розказовы вонэцъ.

2. Хлибъ съ мѣдомъ.

Килька лить тому назадъ бувъ соби такій господарь и мивъ винъ сына. Якъ винъ умѣравъ, то казавъ сыновы:

— «Ижъ хлибъ зъ мѣдомъ; щобъ у тѣбѣ однуть сокира була новая; чоботы—новыи; похвалѣного нѣ давай ныкому, оно нѣхъ тоби дають; а полѣ лысами обкладай, якъ доорѣшъ».

Тилько що батько умѣрѣ, сынъ купивъ мѣду и сгавъ исты хлибъ зъ тымъ мѣдомъ. Чоботы—абы замуравъ, то нѣ обѣтрѣ и нѣ обыстыть, а заразъ купуе новыи. Сокиру—абы поржавила—новую купуе. Похвалѣн-го ныкому ны дае, а полѣ, якъ доорѣ, то купуе лисъ и лысами обкладае.

И отъ довився винъ до того за одѣнъ рикъ, що й хлиба вжѣ не стало. И думавъ соби: «Божѣ муй! що я пораджу зъ собою? Хиба пойду—повишуся!» Но тимчасомъ идѣ и пытаецця своего дядька: «Що я почну робыты? Вжѣ моя хазайка пропадѣ!» А дядько кажѣ: «що таке? Мо-я тоби пораджу». — «Такъ и такъ.. якъ батько умѣравъ, то казавъ тѣе и сее сповняты—отъ я усѣ такъ и сповнявъ, якъ батько казавъ». — «Гѣ! гѣ!» кажѣ дядько. — «Якъ ты поробышъ въ поляхъ одъ равя до полудня—то потимъ мѣшъ исты хлибъ, якъ зъ мѣдомъ. Чоботы замажѣшъ,—то обѣтры и обысты—и будутъ новыи. Сокира выщѣрбыцця, або поржавіе,—то занѣсы до коваля—и будѣ новая. Полѣ якъ доорѣшъ, то коло дороги обгоры—и будѣ воно, якъ лисъ зъ краю. До роботы иды напередъ одо всихъ, то уси тоби муть даваты похвалѣного, а шты—ниъ... Отъ що тоби казавъ небощыкъ батько».

Допирѣ тильки догадався сынъ, якій то хлибъ зъ мѣдомъ и усѣ батьково наука. Послухавъ дядька и за килька лить ставъ першымъ богачомъ.

3. Розбійныкъ иидѣ пблынѣю.

... Отъ якъ то колысь дѣялося на свитѣ. Бувъ соби якійсь чоловікъ, а жинка ёго була пры надѣи. Понхавъ винъ въ дорогу далѣкую и гѣтъ въ чужій стороны въ-ихавъ въ такую глыну, що ниякъ ёго кинъ нѣ мигъ зтажили вѣзѣ вытяги. Дѣсѣ ввѣвся и пришовъ тогды до ёго кульгавый чоловікъ. И говорыть винъ тому чоловіковъ: «Подаруй мѣни тѣе що ты нѣ выдаешъ вдома, то я тоби вытягну вѣзѣ зъ глыны».

Той чоловікъ подумавъ соби: «що я нѣ видаю? я всѣ знаю, що въ мѣнѣ ѡ вдома»... А ёму того и на виѣ нѣ було, що ёго жинка має родыты сына. А потимъ винъ и кажѣ кульгавому! «добрѣ,—дарую тоби тѣе, що я вдома нѣ знаю». Отъ и подаровавъ кульгавому, нѣхотѣчы и нѣзнаючи, своего сына. А кульгавый записавъ ёго сына у сѣбѣ.

Прыихавъ той чоловікъ до дому зъ далѣкен дороги. Якъ побачывъ, що жинка породила сына, то допирѣ тильки догадався, що винъ подаровавъ и кому,—свого ридѣго зына нѣчыстому!.. И винъ въ таку тугу удався, що нѣ радъ бувъ и жыты на свитѣ.

Черезъ пять лить оддалъ того сына въ школы. Той сынъ учывся въ школахъ до дваццѣты лить и вывчывся за кѣндѣза. Килька разъ приижджевъ винъ до батька въ гости, покляъ щѣ учывся въ школахъ. Тилько якъ приидѣ до батька, то батько ныцъ до ёго нѣ одзымаецця. Ёдного разу пытаецця винъ у батька: — «Чого витѣ, тату, такіи смутныи я ныцъ до мѣнѣ нѣ говорытѣ?»

А батько и одказуе ёму: «Такъ и такъ зо мною сталося... Я тѣбѣ, сынку, подаровавъ нѣчыстому, якъ—но тѣбѣ маты порадыла. Винъ—той и записавъ тѣбѣ въ пѣкды у свои записы».

Алѣжъ кажѣ той сынъ: — «Нѣ журитдѣся, тату! Я тыи записы достану отъ ёго, якъ мѣнѣ отъ хутко высвятятъ за кѣндѣза»...

Нѣбавомъ и посвятыли того сына за духовного. И якъ ёго высвятыли, то винъ взявъ свѣчѣнанъ воды, кропыло и крыжа и пошовъ ажъ до пекла одбыраты своихъ записувъ. Идѣ винъ, покляъ можна було, дорогою, а потимъ прышовъ въ такіи гвѣ-

тый лисъ, що й звиروی трудно пролнзты. Пэрэжэгнавъ крыжомъ пэрэдъ собою, всячэнэю водою покропывъ и лэхко пошовъ по лисы.

Идэ, бачыть—стоитъ въ лисы хата. Вступывъ до хаты, а въ хаты сидыть тильки одна баба. И просыцца винъ въ тэй бабы на ничъ. А баба кажэ:—«Нэ могу я тэбэ прыняты, бо въ мэнэ сынъ розбійныкъ: винъ тэбэ зарижэ».—«Ни, бабуню: Витъ помилуе усихъ насъ. Выкидай за пиччу дрова, то я тамъ лигу, а ты мэнэ дровами прикрывешъ»... Такъ и сталося.

Приходьт сынъ розбійныкъ и кажэ матэры:—«Фэ! фэ!... присна душа тутъ есть лкася». Якъ ставъ по всій хаты ходыты и все роскидаы,—роскидавъ и дрова за пиччу. Дывыцца—а тытъ тильки одвы чоботы лэжаты и въ ихъ ноги—тильки, покиль духовна особа нэ свячона... Взявъ и накидавъ знова дрова за пиччу. Погнй повэч·равъ и лигъ спаты.

Вставъ въ рано розбійныкъ и дывыцца. щдъ въ ёго хаты ксэндэ сидыть. Допиро ставъ той розбійныкъ пытаты того ксэндэ:—«Куды панъ-отэць такъ идэ, що нэ обыишовъ нашэй хаты?»—«До пэкла»—одказуе ксэндэ—и розказавъ ему усэ съ поридку, якъ воно сталося. И отъ скильс узалося сумлэнье у розбійныка: прыганувъ винъ соби свои грыхи, и кажэ:—Жэбъ панъ отэць булы такъ ласкавы, зобачылы—кыльки у пэклы моикъ грыхивъ запысано».—«Добрэ,—побачу».

Идэ ксэндэ далй и доходитъ до самого пэкла. Якъ побачылы ёго чорты, такъ и позачынялы вси брамы у пэклы. Ставъ ксэндэ коло пэршэй брамы, пхнувъ крыжомъ, покропывъ свячонэю водою—и вси брамы поодчынялыся. Зайшовъ въ самэ пэкло. А тамъ висыты на ланьцоховы найстаршй чортъ, Анцыхрысть.

Якъ ставъ той ксэндэ ёго кропыты свячонэю водою, ажъ ланьцюхъ затрыщивъ—такъ вывся и верэщивъ Анцыхрысть. — «Давай мои запысы!» — «Въ мэнэ нэма!» — кажэ Анцыхрысть. Допиро почивъ кропыты ксэндэ другого нэчыстого Люципэра. И той кажэ такъ само: «въ мэнэ нэма!» — «А хто-жъ зъ васъ, проклятыхъ, мае мои запысы?» — Кульгавый! Кульгавый!—обадва разомъ кажуть найстаршй чорты.

Дэс знывидкйльс выскочывъ и Кульгавый.—«На, бэры твои запысы—тильки нэ кропы хочъ мэнэ!» И кинувъ ёму запыску. А ксэндэ, взявши запысы свои, щэ пытае: «А кому зъ васъ налэжыть той розбійныкъ?»—«Мэни»—кажэ Кульгавый—«грыху въ ёго быльшэ, якъ волусъ на голови!» Отъ ксэндэ хтивъ ужэ и Кульгавого покропыты, но той одскочывъ и кажэ: «бэры соби и розбійныка, а нэ кропы!» Ставъ выходыты ксэндэ зъ пэкла, а мэнишы чорты знову позачынялы вси брамы: хилы духовного тутъ умучты. Еднакъ ксэндэ знову пхнувъ крыжомъ въ пэршу браму и цилымъ выйшовъ зъ пэкла.

Илучы назадъ зъ пэкла, вступывъ ксэндэ до розбійныка. — «А що, доставъ панъ-отэць свои запысы?» — «Доставъ». — «А побачывъ, кыльки тамъ у мэнэ грыхивъ?»—«За розбій и крадижъ маешъ три вики въ пэклы гориты!... Сиовыдайся, то вызволю тэбэ одъ Кульгавого». — «То высповыдайтэ мэнэ, панъ-отэць»,—и розбійныкъ упавъ ёму въ ногл.—«Возьмы» — кажэ ксэндэ—«тый кй, що позабывавъ есь чужы людэ и иды въ лисъ,—шукай тамъ того кй, що нмъ—есъ забывъ своего брата».—Той внивъ тый кй и вынисть ихъ въ лисъ. Шукавъ, шукавъ того кй, що забывъ брата, и знайшовъ. А той кй бувъ яблынёвый. Взявъ ксэндэ того кйа и вткнувъ ёго въ землю и кажэ розбійныкомъ: Вклякны—му тэбэ сповыдаты». Высповыдавшы, потимъ кажэ: «Клякны коло того кйа. Якъ той кй приймэцца, то я прыиду и тогда тэбэ прычаду».

Пошовъ ксэндэ до дому, а розбійныкъ, укладывшы, zostався коло кйа. Чэрэзъ кылька литъ вжэ той ксэндэ и забувся, що винъ высповыдавъ розбійныка, а нэ причастывъ. Алэжъ такъ попало тому ксэндэзову знову ихаты чэрэзъ той лисъ. И такъ ёму въ лисы запахтылы яблыка. що винъ тутъ застановывся на хвылю. А ихавъ той ксэндэ зъ святымъ причыстэмъ до слабого. Застановывся, увуйшовъ трехи далй въ лисъ и бачыть пэрэдъ собою вэлку густу яблыню. На юй яблыка, якъ воры на пэбы горять—такъ густо ихъ и таки уси хорошы. Глянувъ пидъ яблыню,—а тамъ клячыты ва колинахъ старэнькй, сывэнькй дидъ. Навыколо обрисъ винъ травою, зильлэмъ и квыткамы. Отъ допиро ксэндэ прыганувъ соби того розбійныка. Ныцъ винъ нэ одзы-
вався до духовного, тильки руки зложывъ на-крыжъ на грудэхъ, якъ пэрэдъ причыс-

тѣмъ. Приганувъ собі ксѣндзъ усѣ давнѣйшѣ, доставъ свѣту Дару и допиро причастыѣ того розбійника. Потимъ поблагословивъ ёго крыжомъ, а розбійникъ розсыпався по-рожомъ...

4. Ворожбытка Хмѣлыха.

(Въ лъ).

Вона такая ворожбытка, що на малыи дити плачъ накидае. А якъ здохѣ, то можѣ той плачъ и одойняты. Якъ накинѣ плачъ на малое, то будѣ воно плакаты день и ничѣ, покиль до еи не принѣсуть. Якъ ужѣ нѣсуть до еи, то беруть зъ собою пив-кварти горилки и прыскусу. Якъ бачыть Хмѣлыха вѣлыкого запола у бабы, то вжѣ одразу вылазыть зъ-за пѣчы и пытаецца:—«А чого витѣ, дытей, прышлы?»

— «Ой, бабульку,—такъ и такъ намъ зробылося. Вчора,—вжѣ сонечко було надѣ заходомъ,—наша малѣнькѣ шось почало верѣщити; ще я до сѣи поры верѣщити. Можѣбъ витѣ радоньку ёму яку дали?»

— «Ой, дытынко,—дамъ, заразъ дамъ».

Бѣрѣ тую дытину, дмухае на голову, плѣко чѣрѣзъ плѣчо назадъ, лыжѣ языкомъ лѣба у малого и кажѣ:—«Ой, муя дытынко! Якій любъ солоний,—булобъ умѣрло, жѣ-бы были задавныи»...

Зара тая кобита—пивкварти горилки на стигъ и прыскусу. Выпылы горилку, здѣлы прыскусу и щѣ тая кобита дае Хмѣлысы въ руку нышкомъ пиврубѣ. Допиро Хмѣлыха кажѣ кобитѣ:—«Можѣ въ вашумъ сѣли естѣ такіи хлопцы, що до вѣйска пуйдуть сѣи осѣны, то скажитѣ имъ, нѣхъ прихѣдять до мѣнѣ: я ихъ вызволю зъ вѣйска».

Прыхѣдять кобита до дому. Дыти въ дорѣвы змучылося и заснуло: нѣ плачѣ ужѣ!—«О, то добра ворожбытка! Пуйду скажу хлопцямъ, нѣхъ идуть». Сказала одному хлопцѣвы. Той-жѣ и пушовъ до тѣи Хмѣлыхи. Зайшовъ винъ до еи, а вона кажѣ:—«Чого ты, дытатко, прыишовъ?»—«Ай, бабульку,—такъ и такъ... Я чувѣ, що витѣ зъ вѣйска ратуецѣ».—«А такъ, моя дытынонько... Вжѣ я килькохъ одратовала... усѣму я даю радоньку... А що ты принѣсъ для мѣнѣ?» Хлопѣць выиѣае и дае Хмѣлысы руб-лыка, пры тимъ щѣ-зъ килька фунты сала, що звѣвъ нѣпытаючыся зъ бѣдни у матерѣ.

Зара взяла Хмѣлыха свяченого настильника, одѣрла одѣ ёго кусочомъ и за мѣнху пошлыла ёму торбочку.

— «Щѣбысъ носымъ на собі тую торбынку завждыи. Прыдѣшь узавтра—дамъ тобі щѣ зильѣя гѣя тѣи мышцныи».

Потимъ пошѣтала надѣ хлопцѣмъ трохи, поплювала, дала напытыся воды зъ свынѣчѣи калюжѣи и кажѣ:—«Гляды, прихѣдь щѣ завтра!» Щѣ сонцѣ нѣ зходило, а вжѣ хлопѣць знову пуйшовъ до ворожбытки. На сѣй разѣ принѣсѣ бабы квартиру горилки. Зновучки стала надѣ хлопцѣмъ Хмѣлыха шѣптаты. Шѣптала и плювала занѣдто довго. Потимъ дала хлопцѣвы кѣйчка зъ осового дѣрѣва на тры канты обрѣзаного, пѣрѣви-заного едѣвабнымъ шнурочкомъ. Дала щѣ рѣзного зильѣя и килька камѣньцѣвъ. «На, усѣ тѣе въ торбочку засѣяжѣи и носы зъ собою на грудѣхъ. Нѣ бѣйся—нѣ возьмуть до вѣйска!»

Прыишовъ хлопѣць до дому. «А дѣ ты бувъ,—хѣба у партѣнѣи богинѣ?»—«Авжѣжъ». Хлопѣць до остатѣйѣго дня надѣявся на ворожбытку. Ставъ тягчы лёсы и акуратъ пограпыть до вѣйска. Прышовъ до дому на будѣтьѣ здоровѣ, зобачывъ Хмѣлыху и плюнувъ иѣ въ очѣ... А Хмѣлыха ворожбыткою для того зѣсталасѣ.

5. Мазуриѣ сынъ.

Дѣсь бувъ собі такій мазуръ, що мивъ вѣлыи мудрого сына. Обѣдва вони были католикѣи. Сынъ за вѣлыкиишъ розумомъ щѣ нѣ разу нѣ бувъ у костѣлы. Отъ едного

разу омиъ пытаецца у батька,—якій то костёлъ? Батько кажэ, що высокій и чубатый. На другу вэдилю сынъ кажэ:—«я тэперъ пуйду до костэла».—«Но, то йды»—кажэ назуръ—«А чы выдаешъ, сынку, дэ дорога до костэла?»—«Не, нэ знаю»—Но тэ йды—я тоби покажу». Выйшы за сэлэ. Показавъ ёму дорогу, и пошовъ ёго сынъ до костэла. Идэ, идэ и зайшовъ ажъ до витраного млына.—«Отожъ и костёлъ на буты», подумавъ мудрый сынъ. Ставъ винъ коло млына, дывыцца и слухае. А тамъ въ млыни стукотыть, ляскотыть и гудэ. Мудрый сынъ постоявъ, постоявъ коло млына, шось соби помужутивъ и пойшовъ до дому. Приходыть, и пытае ёго батько:—«Бачывъ костёлъ?»—«Бачывъ».—«Но що жъ ты та чувъ?»—«А чувъ, якъ старый божыско кажэ: гу-гу-гу-гу!... А вси святны: ля-та-та! ля-та-та!... ля-та-та!...

6. Гонты.

Идэ мужыкъ зъ лиса и вэзэ гонты. Протывъ ёго идэ панъ и пытае:—«Чловеку зъ кондъ ты?» А ему мужыкъ кажэ:—«Водай,—тажъ вэзу гонты!»—«Але зъ кондъ ты?»—«Тажъ гонты»!! Разсэрдывся панъ:—«Ты хлонъ глупи!» А мужыкъ на тое: «Тажъ мы обое вкупы»... (Видэть).

7. Цыганъ-косаръ.

Едёнъ господаръ найнивъ робитныка косыты за два золотыхъ. А той наймыкъ буеъ цыганъ. Косытъ цыганъ, косытъ, а всё поглядае до дому: чы господиня им нэсэ полудняты. Вжэ сонцэ добрэ съ полудня скотылося, ажъ идэ нарэшты хозяйка съ помудлёмъ. Клычэ вона цыгана до мыски. Цыганъ прыбигъ, нанэся, и щэ трохи всталося того полудня. Хозяйка була скупая и кажэ цыгановы:—«То вжэ, дядьку, разомъ и повэчэрайте». Цыганъ здэнивъ рэшту полудня и повэчэравъ. Хозяйка пошла до дому, а цыганъ лигъ спаты. Ввэчоры нываецца чловекъ цыгана: «Що ты по полудню скосывъ?» А цыганъ одказуе: «Щожъ по вэчэры роблять?—спять. Я пополуднявъ и повэчэравъ разомъ, а затымъ лигъ спаты.

8. Намэнъ и лыка.

Було соби два браты,—одёнъ богатый, а другий убогий. Такъ одъ того богатого до убогого ходыла доля одгороваты поля. Отъ убогий разъ зробывъ на ен засядку и злапавъ ен въ ночи. Злапавъ и пытае:—«Що ты за еднй?» А вона кажэ:—«Я твого брата доля, прышла ораты ёму поля».—«А де-жъ мой доля?»—пытаецца той бидный.—«А вона»—кажэ—«тажъ мэжи панамы въ карты грае».—«А завэды-жъ мэнэ, дэ вона е». Заводыть. А вона, правда, що въ карты грае. — «Хмъ»... — кажэ бидный—«а чомъ ты нэ идэшъ такъ мэни поля «ораты, якъ у мого брата орэцьця»? Ёго доля одказуе:—«Хурмануй, то й я тоби буду допомагаты»!...

Допиро убогий продавъ свое хадзяйство и купывъ соби конёска сякого-такого и якого-лэнъ воза. Посадывъ свою долю въ визъ и пуихавъ. Идэ, идэ,—бачыть, що поперэду ёго панъ шислёмэ киньмы жэнэцьця.

Отъ тому пановы стало за-встыдъ, що за имъ скризь идэ мужыкъ быля якимъ повозомъ и нываъ ззадз одъ ёго нэ одчэпыцца. Той панъ розсэрдывся, злизъ во свэи брыки и вкотывъ мужыковы камыня на визъ, щобъ винъ вольный ихавъ. А доля кажэ убогому:—«Маешъ камэня,—тэперъ идъ въ лясъ и надэры дубовыхъ лыкъ—въ того збогатіешъ». Такъ и здробывъ убогий, а потимъ поихавъ на ярмарокъ продаваты того камэня и тьи лыка. Въ дорозы камэнъ ставъ срибломъ, а лыка—сыровецёмъ.

Бувъ на тымъ ярмарци и той самы панъ. Бачыть винъ, що мужыкъ продае срибло и сыровецъ, то прышовъ тое куповаты. Торгуе, торгуе,—нэ можы купыты. а

той убогий кажэ: — «Дай пань, жени свою брычку зь киньны, то я тоби отдамь усэ, що маю на возовы». Добрэ, — згодылыся. Оть той чоловік зо своєю долею сивь на брычку и понхавь. Вжэ бильшэ ёго пань нэ бачывь.

Той пань привязэ срибло и сыровець до сёбэ до дому. Вдома давай перэдэ жинкою хвалытыся тымь, що мае кусыщэ срибла и сыровець. — «Покажыжь ми!» — кажэ жинка — пани. А пань кажэ: — «Ютро я тоби покажу». На другій дэнь прыходять до шпыхира пань зь панею. А тамь лэжать — камёнь и лыка.

9. Максимъ зь Малорыты.

(Шутка).

Идэ чоловікь чэрэзэ мистэчко. По імэню званы ёго Климь. Идэ другій назустрыть, знаёмый Максимъ зь Малорыты. — Якь ся маєшь, Максимъ зь Малорыты! Дай-но покурыты, то будомь говориты!» — «А, якь ся маєть Климь! Дай шэ одного, то насэ три мэ!» — «Гэ! Дурный ты гёю! Поговорымо й двое». — Силы, — покурылы, що млы — поговорылы. И пошлы: до дому — Климь, до Малорыты Максимъ.

10. Дурный Иванъ.

(Золотая рыбка).

... «А й вь насэ знаютъ кэзку о дурный Иваньковы, тилькы шо нэ зь кынгы вона, а чувь я ен одь риднен бабули. А мойй бабули розсказовала тую кэзку щэ ен бабуля...

Було вь батька, а якого — то нэ видно, — тры сыны, двое розумныхь, якь каждый зь насэ, а третій дурный Иванько. Едного разу двое розумныхь бративь понхалы на килька дёнъ на ярморокъ. Дурному-жэ казалы: — «Ты будь вдома и слухайся, що тоби скажутъ — тое й робы. За добрый поридокъ вдома купымо тоби чэрвоню каптана». Оть и понхалы вони на ярморокъ.

Зара молодяя братыха кажэ Иваньковы: — «Пуйды но ты, прынасы воды!» Той и пуйшовь по воду. А дурному, знаеъ, завждый сяесть: Пуйшовь, зачэрпнувь воды и злэпавь золотую рыбку. Чомь вона дурному досталася — того ныхто нэ ростолкуе. Оть стала тая рыбка просыты дурня: — «Однусты мэнэ, Иванку, навадь! Я тоби потымь стануся вь велыкій прыгоды». А виць гукнувь на ен: — «А вь якій ты ми станешся прыгоды?» — «А вь якій ты хочь?» Дурэнь трохи помыслывь, зганувь, що видрамы тешко волу носыты и кажэ: — «Я хочу, щобь видра самы йшлы до дому». Рыбка кажэ: — «Якь чого схочь, то такь завждый кажы: «зэ рыбчынен гризёбы, вь мэн прысьбы нэхь будэ такь!» Дурный такь сказавь, и видра самы пуйшлы до дому.

Допирь Иванко шляннувь золотую рыбку назадь вь воду: ма-буть повирывь, що вона всё зможэ. — «Плывай соби на здорыве» — кажэ — «о-но гляды жэ сповняй. шо я схочу!» — «Будь пэвний!» одказала ёму рыбка вжэ зь воды, высунувшы голову.

На другій дэнь выражають дурня хатни бабы вь лись по дрова.

— «О-но хучій привозы!» кажуть. Добрэ. Иванько взявь санек, поодчэплювавь одь нхь голобли, уткнувь дэсь сэкиру и гикнувь: — «Зэ мои прызьбы зь рыбчынен гризёбы — идьтэ санки самэньки!» Сивь самь, якь попало и вдухъ — вь лисы! А тамь зновучки той самыи приказъ оддавь: ёму и дрова нарубалыся самыи и накладыся такжежэ, и санки пыхалы до дому самыи, якь и вшэрь. Алэжэ Иваньковы треба було назадь зь дровамы ихаты чэрэзэ мастэчко, дэ було мнйго людэ на рынку. Дурному, видно, всюды дорога. Такь Иванько ны кырувавь свэн хвёры ны вправо, ны вливо — гэтэ гнався на прошки! А гяя того дужэ шмать людэ покаличивь. якь то вь товпи. Вси вь мисты дывовалыся, што то за прычудэсны санки, шо самыи безэ коня

идуть, дрова и якогось парубка вззуть! Хтили зпанаты, застановыты, но Иванко зникъ съ хвиною, якъ слыня.

На другій потімъ злучаю день пришли зъ того мѣста людѣ до Иванка. Знайшли ёго хату, заходятъ туды. Уцували, що то той самий. А дурень на пѣчи сидить и смѣється. Питающа ёго, чы то ты той, що людѣ дававъ хвиною дровъ? А винъ каже:—«не!»—А вони на ёго стали—всякъ. Иванко ровоздывся.—«Зъ моеи призьбы, зъ рыбчынии гризьбы—гонѣ ихъ коцюба зъ хаты!» Якъ стала коцюба тыхъ людѣ лупыты—быты,—гѣтъ уси вони и повтыкали зъ хаты, хто двѣрима, хто окнами.

Пуйшли тын мисѣцки людѣ назадъ до мѣста и тамъ напысали на Иванка жалобу до самого Цара. «Що такий—отъ тѣтъка находыща чоловникъ, що ныхто до ёго не можѣ приступыты, бо винъ усяки чуда знае». Царъ отпысавъ: «Накупитѣ мышокъ цукеркивъ, то до ёго приступытѣ и дошѣ не его привозитѣ». Вони накупыли и занесли дурнѣвъ. Дурень взявъ цукерки и дався говорыты. «Идѣ до Цара» кажуть». Я безъ пѣчы не поиду выкуды!» Що зъ дурнѣвъ роботы? Напысали знову до Цара, чы можна Иванковы до ёго ихать на пѣчи. Царъ одпысавъ, що можна. Иванко, жуячы цукерки, зновъ гукнувъ той самий приказъ, що ему рыбка казала и поихавъ на пѣчи до Цара. А за Иванкомъ йшла тѣна народу. Вся людѣ по дорозы выходыли и дывовалися.—«Що то за чоловникъ, що на пѣчи идѣ?»—«А то дурный Иванко»—кажуть тын, що вже его бачыли.

Занхавъ Иванко до Цара. Царъ выйшовъ до ёго на ганокъ. «А добрѣ, що ты прихавъ»—каже «иды-но зо мною до покоивъ».—«Нѣ, я самъ безъ пѣчы не поиду!» Царъ гукнувъ на дурня, валикавъ его,—а дурень свое такъ:—«Я на пѣчи вѣаду до тебѣ! А ны хочѣ, то отъ якъ—бачѣ, заразѣ утыку!» Отъ и Царъ не мивъ що порадиты зъ дурнѣвъ! Хтячы, чы не, поодчынавъ Царъ усе двѣры въ сѣбе—и дурень вѣихавъ зъ пиччу до царьскихъ покоивъ. Добра тамъ була для Иванка гостыня, хочѣ винъ и не злазывъ зъ пѣчы! Ёму усе подавали на пичѣ, а найбильшъ царьскихъ цукеркивъ. Кильки винъ тамъ ихъ перѣнявъ, то на тѣи и рыхѣмъ нѣ було!—Царова дочка була зъ ими разомъ. Щось вона сподобала того Иванка. Сподобала и кажѣ батьковы: Ожѣны мѣнѣ зъ Иванкомъ». А Царъ за тое вѣлымы на еи розгнѣвався Вона и вскочыла до Иванка на пичѣ. И ныхто вжѣ не мигъ еи зтагидѣ здойняты. Нѣ на чого роботы,—мусивъ ихъ Царъ пошлюбоваты. Якъ побрамыся вони обое, то пичѣ Иванкова дѣсь зникла...

Допиро сказавъ Царъ зробыты вѣлыку бочку, и нкѣ еи зробылы, то самъ Царъ упхнувъ туды вѣ бочку Иванка зъ дочкою. Потімъ сказавъ: Возьмитѣ ихъ зъ бочкою и кинѣтѣ въ морѣ». Бочку взяли, заднылы и пустылы въ морѣ.

Три роки блукалы по морѣ въ бочцѣ Иванко зъ жинкою. Потімъ прибылыся до бѣрега. Тутъ Иванко знову сказавъ такъ, якъ рыбка навчыла: «Бочка розсыпсѣ!» Бочка пукла,—и вони обои выйшли на зѣмлю, дѣ не було ныякныхъ людѣ, тильки гожа було, якъ у раи. Знову Иванко гукнувъ:—«Стався пукій!» И пукій одразу поставыся, щѣ хориншый, якъ у Цара. Не було тамъ тилько жадныхъ прислугачивъ. Въ тѣмъ цукѣвѣи и стали жыты Иванко зъ жинкою, царевкею дочкою. Звиры и птахѣ носылы имъ исты й пыты, а пчолы робылы имъ зъ мѣду цукерки...

Я тамъ бувъ, мидѣ и выно пывъ, цукерки явѣ и зъ Иванкомъ говорывъ. Тильки якъ пхнувъ винъ мѣнѣ, то я зарывъ зѣмлю носомъ и ударывся головою въ ялѣцъ,—отъ тѣй казцы конѣцъ...

11. Лисѣ и полѣ.

Хочѣты знаты, для чого то часомъ буває такъ на зѣмли, що зъ того боку сѣла — лисѣ, а зъ си-того—полѣ? Такъ и въ насѣ: тутъ вѣлыкій лисѣ, а тѣтъ широкое полѣ. А сталося воно такъ отъ для чого.

Бувъ колысь, вѣлымы давно, дѣсы на свитѣ хлопѣцъ-сырота. Не було въ ёго ни батька, ни матѣра. Такъ винъ пуйшовъ далѣй въ свитѣ за службою. Ходывъ, ходывъ, тильки ныгдѣ не найшовъ добрей службы. Приходывъ назадъ до свого сѣла и вѣстнае

до ридивёго дядька до хаты. Тамъ и каже дядьковы:—«Прыймітэ мэнэ на службу». Дядько каже:—«Колы мэнні нэ трэба слуги». Той хлопэць знову каже:—«Прыймітэ, будзьте ласкавы, — буду вамъ служыты ццый рикъ за тры грошы».—«Но то добра— службы». Прислужывъ той сырота у дядьки ццый рикъ, взявъ за службу тры грошы и знову пуйшовъ далій въ свить. Такъ само поблукався якій часъ по чужыхъ людэхъ, службы нэ знайшовъ в пяты вэрнувся до дядька. На сэй разъ дядько прыйнавъ ёго до сёбэ на службу за сямъ грошы въ рикъ.

Прослужывшы дядьковы два рокы и взявши одъ ёго за тде дэсятъ грдшы, хлопэць знову пуйшовъ въ дорогу. Идэ, идэ и прыйшовъ винъ надъ ривъ. Ставъ тамъ надъ ровомъ и каже самъ до сёбэ:—«Якъ я вирно служывъ, то моя дэсятка сплывэ на верхъ воды». Сказавъ такъ и кинувъ свою дэсятку въ воду, а вона и вправды сплыла! Взявъ хлопэць зъ воды свои правдыны грошы и пушовъ далій. Ишовъ, ишовъ и зайшовъ до якогось мѣста на ярмарокъ. А тамъ привизъ чововикъ такъ само бѣдныи, котыка продаваты. Ставъ той хлопэць пытаы ёго: «цы то вашъ котыкъ?»—«Муй».—«Продайтэ мни его».—«Купы».—«Що хочэгэ?»—«Дэсятку».—«Ну, то нэтэ вамъ грошы». Добра, сторговалыся обое.

Взявъ хлопэць того котыка и знову пуйшовъ трэтій разъ до дядька просытыся на службу. А дядько каже—«Тэбэ одного то озьму на службу, а зъ котомъ нэ хочу. Винъ мэнні всэ сало и молоко попсыць».—«Не дядьку,—я ёго му самъ кормыты, а вашого исты винъ нэ мэ». Якъ мэшъ дармо рикъ служыты то прыйму до сёбэ вась обывда».—«Но, то добра: я му вамъ дармо служыты».

Зоставя хлопэць у дядька на трэтій рикъ въ службы. Алэжъ идэ той дядько разъ на ярмарокъ. Наклавъ повну хвиру усилякого добра и пытаецця нъ хлопця вэбы-то на смыхъ:—«А можэ и ты що подасы на ярмарокъ продаваты? А хлопэць отказуе:—«Ну, то возьмітэ мого котычка и продийтэ за що-лэнъ». Той дядько взявъ котыка и повхавъ на ярмарокъ. Тамъ у мѣста чужэ винъ, що въ другумъ царствы такъ прымудрого Салимона обляглы мышы, що нэ можня рады даты. Слуги ёго стоять коло шпыхиривъ зъ мѣтламы и то нэ могуць одогнаты.

«Або-жъ нэма тамъ котывъ?»—пытаецця дядько.—«А хѣба, що нэма»—отказують ёму Заразъ той дядько догадався, що тамъ у прымудрого Салимона можня добрый гришъ вѣаты за того котыка Продавъ дядько на ярмарця свои пожитки, вѣза одославъ до дому зъ знаёмымы людэмы, а самъ попавъ зъ котомъ до прымудрого Салимона.

Якъ винъ туды занхавъ, нэвѣдомо, хѣба що кораблёмъ, тилько що за килька дѣнь зобачывъ винъ самого прымудрого Салимона.—«Чы правда»—пытае у ёго дядько—«що у вась е многы мышы?»—«О! многы, многы»—каже Салимонъ.—«Якъ одратуешъ мэнэ одъ тыхъ звиряткнвъ, то дамъ тобы пувбочалокъ злота».—«Дядько и и пуказуе ёму того котыка».—«О-той звирыкъ выратуе вась одъ усихъ мышы»—каже дядько.—«А ну-но покажи, якъ винъ мэ ратоваты?» Зайшлы до шпыхиривъ, а тамъ повно мышы, якъ лятомъ мухъ! И высоко на полицяхъ и ныско на подлозы и на стинахъ... И нэ бояцця ныкого!.. Якъ пусывъ дядько котыка у шпыхирь, якъ ставъ той котыкъ мышы душиты, то гэтъ мало що живыхъ и зосталося. А затышъ рэшта мышы зныкла и бильшъ ихъ нэ було выдно..

Доставъ дядько за котыка барылочко злота одъ Салимона, прыйшовъ до своего царства и въ дорозы думае:—«Цы я ёму (хлопцёвы) оддамъ тое злото цы ни?» Якъ псдумае що нэ оддамъ, то зара станэ той дядько вэвыимъ и глухымъ, а для того богатымъ, бо пры ёму злото. Якъ подумае, що оддамъ—зновъ станэ говорыты, тильки чуецця вэлыны бѣднымъ, бо тра злото оддаты...

Нарэшты навислыся ва тѣлъ, що тра злото хлопцёвы оддаты. Привизъ тмы гроши на чужій фурманцы до дому в каже хлопцевы:—«Иды тамъ ва возовы лажыты барылко злота за твого котыка... Якъ я маю вэмыты за твои грошв, то лишъ бэры ихъ соби». Той хлопэць пуйшовъ до воза, взявъ тое барылко зъ грышмы и пуйшовъ на сэлэ до стальмаха. Зайшовъ и просытъ ёго:—«Зробитэ мни возыка». Той стальмахъ пытаецця:—«нѣ що?» Хлопэць по порядку в разказавъ усэ. Мовъ, тѣшке барылко,—нэ могу ёго полжэсты. а мушу на возыковы возыты. Зробывъ стальмахъ во-

зыка, доставъ за тое чэрвинця, вкотивъ барылко на возыкъ, добрэ ёго приладывъ и повизъ хлопэцъ тое злото въ дорогу...

Вэзэ винъ тын грошы по дарозы и самъ соби нэ знае, дэ и нащо винъ нхъ вэзэ. Алэжэ на зусгрить ёму вызуть людэ жышокъ того пахущого, що то въ кадыль-ныццю ксёндзы кидаютъ. Хлопэцъ кажэ:—«Продайтэ мни тое, що витэ вэзэтэ». Тыи одмазаютъ:—«Но, то купы». Хлопэцъ одразу и отдавъ имъ цёла барылко злота за тое пахущэе. Знову людэ пытаюцца:—«Дэжэ тобы тое ссыпаты?» А винъ кажэ:—«одэ, пудъ корчомъ ссыптэ». Тыи взяли и ссыпалы ёму его добро пудъ корчомъ. Допиро той хлопэцъ выкрэсавъ огню и запалывъ тое пахущэе усэ одразу. Воно покиль горило и досягало ажэ до нэба, то хлопэцъ тымъ часомъ заснувъ коло огню. И гэтъ на усэй свить пуйшонъ такій запахъ, що вси людэ дывовалыся. Спыть хлопэцъ коло того огню килька годынъ, ажэ-та слухае, що хтось ёму въ голови драпае. Винъ прочкнувся и дывычыця—а то - ганёль...

Отъ дупиръ ганёль кажэ ёму:—«Идимо на тэ мисцэ, дэ була твоя батьковщина». Пуйшлы вони въ тое самое сэлэ, дэ хлопэцъ родився и служивъ у дядька. На тымъ мисцэ, дэ була его батьковщина, росла тилько една кропыва: ныцъ нэ засталася. Зайшлы. Зара ганёль взявъ свого кія и пэрэкрэстывъ его батьковщину - отъ того зробывся на тымъ мисцэ вэлыкій пукій, якогэ людэ щэ ныколы нэ бачылы.—«Що то такое?»—дывовалыся людэ: «бувъ тутъ чыстый пляцъ, а допиро отъ яке дыво!» А ганёль нэз кажэ:—«То надгорёда сыроты за тое що винъ вирво служивъ и правдыво жывивъ на свиты».

Того кія ганёль зоставывъ хлопэцёвы.—«На тоби ёго»—кажэ—«що тилько хочэ—усэ тымъ кіемъ зробышь». Почулы о тымъ кіёвы и хлопцевы уси людэ и паны и стали до сыроты зыходытмыся. Навпэршъ прышовъ панъ, що въ его мнйго було поля, а нэ було лиса. Впвэ хотивъ щобы и лисъ бувъ и щобъ полэ було. Сырога хлопэцъ пуйшовъ до пана, махнувъ тамъ по одёнь бикъ кіемъ—и зробывся густый лисъ.. Потымъ прыйшлы до ёго людэ зъ вэдыкыхъ лисывъ стали просыты. щобы у нхъ було бяльшъ поля. И тамъ хлопэцъ махнувъ килька разъ кіемъ и стало зъ того боку полэ а зъ того—лисъ.

Потымъ хлопэцъ пуйшовъ скрызъ свитомъ, щобъ помогаты людэмъ, въ чинъ трэба. И дэ тильки бачывъ, що мало лиса, заразъ тамъ махавъ кіемъ въ одну сторону—и становылося навпиль поля и лиса. А дэ бачывъ що мало поля, робывъ такъ, що бувъ лисъ, було и полэ.

И тэпэръ той хлопэцъ-сырота щэ ходыть по свиты въ далэкихъ сторонахъ. А ёго пукій стоить такъ, що ёго выкому нэ выдно.

12. Попивъ слуга.

(Шутка).

Якъ я служывъ у попэ, то я рубавъ разъ дрова. Якъ ударила мэнэ драга въ колыно, то я покинувъ полино и ляживъ тры роки на обыдва боки. Ныхто мни ясты нэ дававъ. Тильки разъ прылытивъ комаръ и принэсэ мни молока добрый збанъ. Пётомъ прылытила муха и прынэсла хлеба пувъ укруха. Якъ мэ прылытила гусэ, якъ злі-нала мэнэ за волоса, то потягнула мэнэ ажэ пидъ нэбэса. А тамъ пидъ нэбэсамы стоить цэркувка, палюхамы побыта, солонною покрьта. А въ тій цэркувцы трое светычокъ. Пэршэ светычко: Савки Балавки,—що скакавъ чоловикъ зъ жинкою кия лавки. Друге светычко: Дэныса,—що чоловикъ зъ жинкою розыйшлыся. Трэте: Макагона що пуйшла вода зъ пэрэгона и затопила попивъ лугъ.

Дивчинонька черноброва похала въ лисъ по дрова чорнымъ воломъ, рабымъ быномъ, — привязала хвиру лыкомъ.

Сыдыть баба на прыпычку, варыть кашу зъ молокомъ. Сама сѣбѣ разсѣрдыла — трахъ въ колино кулакомъ!

Ой пуду я въ гай зелѣный, вырубаю кій дубовый, буду мужа вчиты-быты, кобъ нѣ ходывъ до корчмы пыты. Была мужа, была — вчыла, до бѣровы прычыпыла, дала ему борщу исты, зъ пыбулькою-татаркою, жэбъ стоявъ симъ дѣнь пудъ лавкою. Стоявъ винъ пудъ лавкою, покиль зарись муравкою.

Василій Останчукъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библіографія.

Sarat Chandra Das. Journey to Lhasa and Central Tibet. Edited by the Hon. W. W. Rockchill. London 1902. Стр. X+285. Рисунки и карты. Изданіе Royal Geographical Society.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію Тибета особенно усилился, съ одной, чисто географической стороны, такъ какъ Тибетъ еще далеко не достаточно изслѣдованъ, и карты его еще не удовлетворительны, а съ другой, онъ возбуждаетъ вниманіе какъ вѣрный хранитель индійской будійской мудрости и искусства.

Какъ извѣстно, Хласа послѣ Гюка и Габа остается закрытой для европейскихъ путешественниковъ, не смотря на всѣ попытки русскихъ, англичанъ и другихъ проникнуть въ столицу Далай-Ламы. Не удалось это даже Рокчилю, несмотря на его превосходное знаніе Тибета и тибетскаго языка. Тѣмъ драгоцѣннѣе являлись свѣдѣнія о Хласѣ и центральному Тибетѣ путешественниковъ-азіатовъ съ европейской подготовкою. Среди нихъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ **Саратъ-Чандра-Дасу**, бенгальцу, на службѣ англо-индійскаго правительства. Родился онъ въ 1849 году и принадлежитъ къ кастѣ войды — врачей. Образование получилъ въ Калькуттѣ. Первое свое путешествіе въ Тибетъ онъ совершилъ въ 1879 году и оставался около шести мѣсяцевъ Даши—Лумбо. Въ 1881 г. онъ отправился вторично въ Тибетъ, посѣтивъ на этотъ разъ и Хласу, и пробывъ въ Тибетѣ до конца 1882 года. Описанія этихъ путешествій, хотя и напечатанныя, до 1890 г. считались вполнѣ секретными. Теперь они, очевидно съ нѣкоторыми пропусками, изданы лучшимъ знаткомъ современнаго Тибета Рокчиля ¹⁾, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ примѣчаній.

Разсказъ очень живой и интересный и вводитъ очень хорошо въ тибетскую жизнь, оттеняя на каждомъ шагѣ недовѣріе тибетцевъ къ чужестранцамъ. Эти этнографическія замѣтки, впрочемъ, не систематическія, такъ какъ авторъ не преслѣдовалъ специально этнографическихъ цѣлей въ своемъ путешествіи. Цѣли эти были съ одной стороны, главнымъ образомъ, развѣдочныя, съ другой — литературнаго характера, многочисленные работы Саратъ-Чандра-Даса по тибетско-будійской литературѣ, помѣщенные въ различныхъ индійскихъ изданіяхъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ удачно онъ собиралъ научный матеріалъ.

¹⁾ Изъ многочисленныхъ и чрезвычайно цѣнныхъ его сочиненій здѣсь слѣдуетъ указать особенно на слѣдующія:

The Land of the Lamas. London. 1189.

Tibet. A geographical, Ethnographical and Historical Sketch, derived from chinese sources. J. R. A. S. n. s. XXIII. 1—133. 185—291 (1891).

Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington. (Smithsonian Institution) 1894.

Notes on the Ethnology of Tibet. Smithsonian Institution Reports. 1893 Washington. 1895.

Если несмотря на все эти обстоятельства, испытываешь некоторое разочарование, читая книгу Саратъ-Чандра-Даса, то вина лежит не на немъ, а на томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время всякій путешественникъ въ Тибетъ, если ему, вѣдь, приходится печатать свои путевыя впечатлѣнія и наблюденія. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ съ большою осторожностью взвѣсить предварительно, какія свѣдѣнія онъ можетъ печатать и какія нѣтъ, чтобы не рисковать подвести тѣхъ туземцевъ, которые оказали ему болѣе просвѣщенное содѣйствіе и были менѣе скушны на сообщенія. Свѣдѣнія о томъ, что говорится относительно Тибета, могутъ иногда попасть на мѣсто и особенно часто въ совершенно искаженномъ видѣ. Намъ извѣстны случаи, когда содѣйствіе путешественнику искупалось впоследствии туземцемъ дорогою цѣною.

Эта осторожность сказывалась въ весьма сильной мѣрѣ и на описаніяхъ Саратъ-Чандра-Даса и дѣлаетъ ихъ иногда чрезмѣрно краткими. Мы не выносимъ изъ книги цѣльнаго впечатлѣнія ни относительно быта жителей, ни относительно духовенства, играющаго такую большую роль въ жизни Тибета. Если понятно первое, ибо автору сравнительно мало приходилось имѣть дѣло со свѣтскими людьми, то относительно второго приходится жалѣть, что авторъ не считъ нужнымъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя у него, несомнѣнно, были.

Первое путешествіе въ Тибетъ, совершенное европейцемъ, относится къ XIV вѣку; Тибетъ посѣтилъ въ первой половинѣ этого столѣтія францисканецъ Одерикъ, идя изъ Китая. Слѣдующій за нимъ европеецъ былъ въ Тибетѣ лишь три столѣтія спустя. Это былъ іезуитъ Антоніо Андрадъ, его путь шелъ черезъ Индію. Далѣе, въ Тибетъ проникли опять католическіе миссіонеры Грюберъ и Дорвилль. Дорвилль умеръ во время путешествія, но Грюберъ сообщил нѣкоторыя данныя о Тибетѣ извѣстному ученому Кирхеру, который, по его указаніямъ, помѣстилъ первое изображеніе дворца Далай-Ламы на горѣ Потала въ Хласѣ въ своемъ трудѣ *China illustrata*. Изображеніе это, какъ мы можемъ теперь убѣдиться при сравненіи съ фотографіями, чрезвычайно близко къ оригиналу.

Въ началѣ слѣдующаго, XVIII столѣтія мы находимъ въ Тибетѣ опять двухъ іезуитовъ Дезидеера и Сфрейра. Отъ перваго сохранилось въ рукописи описаніе, которое будетъ издано Hakluyt Society. Въ то же время въ Хласѣ уже жили капуцины, проникнувъ сюда изъ Пекина.

Въ 1723—1726 г. совершилъ путешествіе изъ Индіи въ Хласу, а оттуда въ Пекинъ, голландецъ Самуилъ ванъ ден-Путте.

Около 1760 г. капуцины были изгнаны изъ Хласы, гдѣ произошли около того времени крупныя безпорядки, и съ тѣхъ поръ только два европейца посѣтили столицу Тибета—англичанинъ Маннингъ, въ концѣ 1811 года, и французскіе миссіонеры Гюкъ и Габэ (1844—1846).

Съ того времени въ Хласѣ были только тибетскіе пандиты и наши буряты и калмыки, изъ послѣднихъ одинъ База-бакши-хамбо составилъ описаніе своего путешествія, переведенное и изданное проф. Позднѣвымъ (Спб., 1897).

Матеріаловъ по географіи и этнографіи Тибета накопилось много, но все они крайне разбросаны ¹⁾. Сводка ихъ крайне желательна, надо надѣяться, что она будетъ сдѣлана въ Россіи, гдѣ особенно въ послѣднее время такъ сильно возросъ научный интересъ къ великой буддійской странѣ, въ монастыряхъ которой хранятся столько драгоценнѣйшихъ остатковъ глубокой старины религіозной, и въ горныхъ долинахъ и нагорьяхъ которой жили старыя отцы и обычаи, остатки глубокой старины.

Сергій Ольденбургъ.

¹⁾ Хорошая сводка путешествій въ Тибетъ въ превосходномъ изданіи Clements R. Markham. *Narrative of the Mission of J. Boyle to Tibet and of the Journey of Th. Manning to Lhasa*. 2 Ed. London. 1879.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, томъ XVIII. Наученъ Отдѣлъ. София, 1901, стр. 818—190, съ 3 таблицами.

Наиболѣе цѣнные работы болгарскихъ ученыхъ, появившіяся въ послѣднемъ томѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, падаютъ на долю археологін доисторической (Г. Вочевъ, «Мегалитическіе памятники въ Сакаръ-Планина»), классической (Г. Кандаровъ, «Замѣтки объ античномъ Плавдивѣ», В. Добрусскій, эниграфическіе памятники и т. д.) и средне-вѣковой болгарской (В. Добрусскій—Печати болгарскихъ царей XII—XIV вв.); исторіи старой и новой (Г. Баласчевъ. «Нови извѣстия за черковното вѣдомство на Видинската и Софійската епархия прѣзъ прѣвѣтъ години на тѣхното завладяване отъ турцитѣ», Е. Спространовъ.—«Матеріялы для исторіи Рыльского монастыря»), исторіи права (Г. Данаиловъ, «Единъ паметникъ на старото българско право»), наконецъ, исторіи литературы (А. И. Соболевскій—«О епископѣ Константиѣ», М. Сперанскій—тексты апокрифическихъ завѣтовъ 12-ти патріарховъ, Д. Мариновъ—«іеромонахъ Іосифъ Врадатыѣ»).

Среди работъ по исторіи болгарскаго языка и діалектологіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ статья Л. Милетича «Членъ въ българскія и въ рускія единъ» (стр. 1—67), хорошо уже извѣстная по нѣсколькимъ рецензіямъ русскихъ славистовъ. Работа Милетича вызвала цѣлую работу проф. М. Р. Халанскаго «О членѣ въ русскомъ языкѣ». (Извѣстія отд. русск. яз. слов. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 3, стр. 127—169). Какъ извѣстно, болгарскій филологъ пришелъ къ выводу объ оригинальномъ, чисто-славянскомъ образованіи члена, въ возникновеніи котораго не могло имѣть мѣсто вліяніе иныхъ языковъ. Что же касается старшаго мнѣнія Ф. Миклошича объ этимологическомъ происхожденіи члена въ болгарскомъ и русскомъ языкахъ, какъ остаткѣ сложнаго склоненія существительныхъ вмѣстѣ съ постпозитивнымъ мѣстоименіемъ тѣ, и сравнительно позднѣмъ возникновеніи вообще членныхъ формъ въ разныхъ европейскихъ языкахъ, то Л. Милетичъ признаетъ эту теорію и въ согласіи болгаръ и русскихъ въ постпозиціи одинаковаго члена мѣстоименія видитъ слѣдствіе близкаго сосѣдства обоихъ народовъ въ пору доисторическую. До сихъ поръ связь русскаго и болгарскаго члена какъ-то не замѣчалась, и многіе ученые готовы были видѣть въ болгарскомъ членѣ еракійскій элементъ, одинаково повліявшій и на языкъ румынскій. Но въ румынскомъ языкѣ существуетъ еще препозитивный неопредѣленный по значенію членъ, свойственный многимъ романскимъ языкамъ, и это только и смущало предшественниковъ Милетича говорить о вліяніи румынскаго языка на болгарскій. Думать же о заимствованіи румынъ у славянъ постпозиціи опредѣленнаго члена, намъ представляется, все таки невозможно, потому что нѣсколько мелкихъ правилъ объ употребленіи румынскаго члена говоритъ только объ одинаковыхъ условіяхъ возникновенія этой нормы рѣчи и у румынъ и у болгаръ. Прежде всего румынскій членъ [ma.sc. lû (lu, lo), le, lui, plur. i (li), logû, f.em. a, ei (iei) plur. le, logû] приставленъ былъ къ существительнымъ въ то время, когда они еще не потеряли финальнаго *u* и когда группа *ea ca* не перешло еще въ простое *ua*: omû-lu, безъ члена om; luscâtorû-lû, безъ члена luscâtor; звательный падежъ: omu-le, pime-le и т. д. Отмѣтимъ еще, что имена личныя никогда не принимаютъ члена: Iean, Vasile, Gheorge; по фамиліи имѣютъ его: Iacsi, Radu, Brateanu и т. д. Въ родит. и дательномъ при всѣхъ собственныхъ именахъ ставится членъ передъ именемъ: lui Gheorghe, lui Radu, а li Dinse, ei Tamaş, ei Sara, а въ старыхъ текстахъ находимъ такой же словопорядокъ и при именахъ нарицательныхъ: а ей креданцъ поастрѣ—(общій принадлежный падежъ), въ то время какъ обычное употребленіе таково: omu-lui, pime-lui, părinte-lui. Въ румынской ученой литературѣ существуетъ нѣсколько мнѣній относительно происхожденія члена (Cipariu, Hajdû, Lambrior, Ar. Deasus, Iancu, Nadejde), и всѣ они сходятся въ вопросъ о еракодакійскомъ происхожденіи его, что мы и должны въ концѣ концовъ принять. Но языку мы находимъ большую работу В. Цонева «Уводъ въ исторіята на българскія езикъ» (стр. 357—425), гдѣ авторъ даетъ общую характеристику болгарскихъ говоровъ. Въ началѣ статьи г. Цоневъ ставитъ вопросы: 1) каковъ былъ болгарскій языкъ въ періодъ отдѣленія его отъ родственныхъ ему языковъ, 2) какъ онъ мѣнялся и развивался въ самостоятельной своей жизни, и 3) каковъ современный языкъ, какъ результатъ вековаго

рода измѣненій. До сихъ поръ вышла только часть обширной работы Цонева по болгарской диалектології. Раздѣленіе болгарскихъ говоровъ съ точки зрѣнія разнаго произношенія ѣ, по мнѣнію автора, служить доказательствомъ единства болгарскаго языка со всѣми спорными говорами. Изъ его выводовъ приведемъ слѣдующіе: старо-болгарское ѣ—а признается какъ е въ западномъ, ѣ—въ среднемъ и а—е въ восточномъ. Вторая группа наблюденій основана на исторіи звуковъ tj-dj; оказывается, что обще-болгарское нарѣчіе даетъ шт—жд, сѣверо-западное—ч—дж и юго-западное—к—г. На стр. 407—409 г. Цоневъ приводитъ очень интересный списокъ словъ въ сѣверо-западномъ нарѣчій съ ч, замѣняющимъ ш и дж вм. ждз.

Д. Мирчевъ напечаталъ нѣсколько замѣчаній о кукушко-воденскомъ говорѣ, замѣчательномъ тѣмъ, что онъ представляетъ нѣкоторыя особенности, свойственные исключительно нарѣчію западнымъ (стр. 426—470).

С. Младеновъ помѣстилъ статью «къ вопросу о языкѣ и національности населенія Новаго Села въ видинскомъ округѣ» (стр. 471—506). Къ статьѣ приложены записи двухъ сказокъ и небольшой словарь. Собранный авторомъ матерьялъ вмѣстѣ съ многочисленными печатными свѣдѣніями даетъ выводъ, что въ основѣ этого говора лежитъ сѣверо-западное нарѣчіе наравнѣ съ говоромъ, который распространенъ въ Берковско-българскомъ округѣ, при этомъ въ говорѣ Новаго Села немало особенностей македонскихъ. Что же касается словаря, то значительная доля словъ падаетъ на долю сербскаго и румынскаго языковъ.

П. Панайотовъ продолжаетъ сообщать свои наблюденія надъ сливенскимъ говоромъ (стр. 507—523), и его статья служить прибавленіемъ къ тому, что раньше было помѣщено въ XVII томѣ Министерскаго Сборника.

Статья Е. Спиростанова о говорѣ города Охрида является продолженіемъ его прежнихъ статей по тому же вопросу.

Статьями по этнографіи разсматриваемый томъ сборника не богатъ. Въ замѣткахъ къ сказкамъ, издаваемымъ Шапкаревымъ въ «Сборникѣ отъ български народни умоуворенія», кн. VIII—IX проф. Пражск. ун. Ю. Поливка подыскиваетъ наиболѣе важныя параллели и комментаріи къ болгарскимъ сказкамъ изъ извѣстныхъ собраній: W. Clouston, Popular Tales and Fiction, E. Cosguin, Contes populaires de Lorraine и давно появившихся. «Kleine Schriften» B. Köhler'a, нѣкоторыхъ версій изъ «Архива» Ягича и Narodopisnŭ Sbornik česko-slovanskŭ. Намъ казалось бы, что славянскія сказки давно пора сводить въ типамъ классическихъ сказаній вроде Мелюзины, Дафны, Язона, Тезея, Гесперидъ, Андромеды, Данай и т. д., что такъ удачно сдѣлалъ для румынскихъ сказокъ G. Saineanu. «Basmele române în comparațiunea cu legendele antice clasice». Buc. 1895.

Въ статьѣ А. Стоилова «молба за дъждъ» (стр. 641—652) находимъ разрѣшеніе интереснаго вопроса: гдѣ и когда атрибуты Перуна были перенесены на Илью, который въ юго-восточной славянской поэзіи является повелителемъ надъ дождемъ. Авторъ знакомитъ читателя съ двумя обрядами, практикуемыми во время бездождія: болг. пеперудо. сербск. додола, хорв. poroguga рум. paraluga (болѣе правильно—pereguga; другія названія proaie и maahala, греч. кертеріа, кертеріва и т. д.

Второй обычай носитъ названіе Германъ, Германго, который, какъ думаетъ авторъ нѣсколько напоминаетъ русскихъ Ярилу, Кострому и Марену и не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ Янусомъ, какъ предполагалъ покойный П. Славейковъ.

Сообщ. А. И. Яцимирскій.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Перепечатавъ въ предыдущемъ (II) выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статейъ объ общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ комиссій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія объ общинѣ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и о томъ, въ чемъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшеній, и въ чемъ онѣ, по ихъ мнѣнію, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и почти отличительною особенностью великорусской отрасли русскаго народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просить всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самымъ противоположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Полученные нами два отвѣта явятся въ I вып. 1903 г.

О Т Д Ъ Л Ъ V.

С м ѣ в ъ.

Глашатаи добрыхъ началъ въ сельской средѣ.

Что современная западно-русская деревня далеко не такова, какою она была хотя бы и за 50 лѣтъ назадъ, о томъ не можетъ быть рѣчи: ея подъемъ путемъ школьнаго и иного образованія, расширившіяся сношенія съ культурными центрами, наконецъ, отхожее движеніе въ матеріальныхъ цѣляхъ или въ силу обязательствъ, какъ, напримѣръ, исполненіе воинской повинности, привлекъ въ деревню то, что даже гадательно не предвидѣли не только дѣды, но и отцы настоящихъ насельниковъ ея. Кто лично зналъ прежнюю, скажемъ, дореформенную западно-русскую деревню, знаетъ ее и теперь, тотъ не откажется засвидѣтельствовать, что по ней прошли наслоенія, или скрасившія ея давній видъ до неузнаваемости, или же видоизмѣнившія ея внутренній и вѣншній обликъ, въ которомъ видится подобіе, аналогичное подобію внука и сына съ дѣдомъ и отцомъ. Чтѣ именно изъ этихъ наслоеній придадо деревнѣ положительныя и отрицательныя dodatki, или чтѣ, тѣмъ болѣе, оказалось не желаннымъ прилипомъ къ ней—не входить въ содержаніе настоящей зашѣтки: первыя очевидны, а вторыя . . . между прочимъ, вызываютъ мѣстный протестъ. Въдъ далеко не тайна такіа проявленія, какъ упадокъ семейнаго патріархата, родственныя раздоры, неуваженіе къ чужой собственности, легкомысленное отношеніе къ стороннему положенію, введеніе въ обиходъ несвойственныхъ, ненужныхъ предметовъ роскоши, тщеславная погоня за мнимымъ лучшимъ и т. под. Опять же мы не беремъ на себя задачи разсматривать этотъ протестъ, какъ онъ выражается въ приговорахъ мировыхъ и волостныхъ судовъ, въ рѣшеніяхъ семейственной и сосѣдской практики; мы позволимъ себѣ остановиться на не новомъ, правда, христіански-человѣчномъ протестѣ избранныхъ среды противъ того, съ чѣмъ не мирится среда, но съ чѣмъ она не въ состояніи бороться. И надо сказать, что выдающійся голосъ такихъ избранныхъ не остается «гласомъ вопіющаго въ пустыни» и, если онъ не отрицаетъ окончательно отъ неумѣстныхъ прилиповъ, такъ неминуемо отрываетъ тѣхъ, противъ кого направленъ, подшатывая проявленіе отрицательныхъ сторонъ мѣстной жизни.

Такимъ именно избранныкомъ протестующей среды извѣстенъ въ довольно широкой окружнѣ крестьянннхъ Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, села Лаврышѣва, Николай Морозикъ, здравствующій и по сей день. Средняго роста, лѣтъ подъ 50, съ едва начинающеюся сѣдиною темно-русыхъ волосъ, съ добродушнымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ, со степенною манерностью, такъ пріятно гармонирующею съ его общимъ органическимъ складомъ, Н. М. легко можетъ быть отличенъ даже въ многочисленной толпѣ, хотя онъ и не рвется къ показности, а скорѣе сторонится отъ нея. Земледѣлецъ по преемству, трудолюбивый по мѣрѣ силъ, трезвенникъ съ дѣтскихъ дней, онъ владѣетъ весьма благоустроеннымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и въ окрестности

известенъ за человѣка, имѣющаго выше, чѣмъ средній достатокъ. Изъ послѣдняго Н. М. считаетъ возможнымъ удѣлять тѣмъ изъ нуждающихся, кто впалъ во временную, но дѣйствительную нужду, и въ томъ случаѣ, какъ человѣкъ умный, не броситъ вспоможенія зря. Зная это, измѣтавшіеся пропойцы, разоренные сутяжники и т. под. голяки по личной винѣ не прибѣгаютъ къ нему за помощью. Строго религіозный, съ православно-русскимъ проявленіемъ набожности, Н. М. паломничаетъ не въ предѣлахъ только родного уѣзда, но и въ сосѣднихъ даже смежныхъ губерніяхъ, избирая для этого дни храмовыхъ или иныхъ нарочитыхъ праздниковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, при чемъ, съ теченіемъ времени, подобные праздники въ окрестности стали считаться какъ-будто неполными, если почему-либо къ нимъ не подоспѣваетъ Н. М. Однако, его паломничество не носитъ и тѣни паломничества героевъ «Бродячей Руси»: оно не длится даже недѣлями, а ограничивается лишь днемъ храмового праздника, и куда бы ни направился въ такомъ случаѣ Н. М. онъ не прерываетъ любовной привязанности къ родной деревнѣ, своему дому и хозяйственнымъ дѣламъ. Последний, помимо удовлетворенія религіознымъ потребностямъ, ищетъ въ паломничествѣ запаса впечатлѣній и матеріала для своей, народной апостолческой дѣятельности. Быть можетъ, во время разнѣреннаго движенія паломника, какъ и вообще между дѣломъ, и слагаются тѣ волнующія мѣстное общество рѣчи, которыя Н. М. произноситъ сколько по личнымъ порывамъ, столько, въ особенности, по усердной просьбѣ всегда готовыхъ слушателей, потому что гдѣ бы ни остановился Н. М. тамъ скоро столпается не кружокъ только знакомыхъ, а жаждающихъ послушать всегда новое, дѣльное слово своего излюбленнаго наставника.

Благодаря удачливой в змощности, мы приводимъ ниже два образчика рѣчей Н. М. на два разнчныя темы. Какъ увидитъ читатель, рѣчи нашего крестьянскаго дѣятеля, прежде всего, имѣютъ обличительный характеръ, а затѣмъ, какъ рѣчи деревенскаго самоучки, не отличаются литературною выправкою, довольно обильно пересыпаны сверхъ того, мѣстными провинціализмами, т. е. словами и реченіями говора уѣзда и губерніи. Между тѣмъ, рѣчи Н. М. старательно записываются окрестными грамотѣями, улавливаются памятью слушателей, при чемъ отдѣльныя мѣста рѣчей сдѣлались подлинны въ средѣ и окрестности, точно народная мудрость, выражаемая въ притчахъ, пословицахъ в поговоркахъ. Какое же дѣйствіе производятъ популярныя рѣчи и слова Н. М.?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что Н. М. говоритъ вполне искренно, безъ предвзятыхъ намѣреній оскорбить кого-нибудь лично, говорить убѣжденно, какъ человѣкъ опыта, какъ отецъ, кротко наставляющій дѣтей. Темани и предметами рѣчей служатъ ненормальныя уклоненія въ мѣстной средѣ и родномъ быту, и это путемъ звучнаго слова выводится наружу своимъ человѣкомъ, очевидно, не по злему побужденію, а по вдохновенному движенію доброй души наставника. Существенно и то, что и самая форма рѣчей Н. М. всегда стихотворная, столь излюбленная русскимъ народомъ, выливается безостановочно и звучнымъ стихосложеніемъ, такъ какъ Н. М. одинъ изъ тѣхъ «рѣчистиковъ», у которыхъ, «что слово, то и стихъ».

Въ то же время слушатели рѣчей Н. М.—люди невыскательные, и имъ не приходится разбираться въ недочетахъ стихосложенія. Достаточно того, что рѣчь вполне понятна, отъ обыкновенныхъ рѣчей отличается выдающеюся стройностью, отъ сердца исходитъ и въ сердце же западаетъ.

Будучи человѣкомъ грамотнымъ, Н. М. предварительно записываетъ свои рѣчи, особенно большія по содержанію, и произноситъ ихъ при помощи тетрадки къ которой, однако, прибѣгаетъ относительно рѣдко; большинство же рѣчей имъ произносится экспромтомъ, наизусть. Первая изъ ихъ рѣчей списана изъ сборника стихотвореній Н. М. а вторая позаимствована отъ одного изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые, какъ стенографы, записываютъ устные рѣчи любимаго «рѣчистика».

I.

«Рифма» о куреніи и нюханіи табаку ¹⁾.

Здѣсь будетъ предложенъ вопросъ
По дѣлу трубокъ и папиросъ
И на этотъ же самый предметъ
Будетъ данъ настоящій отвѣтъ.

Да, теперь по городамъ и по деревнямъ

Идутъ такіе вопросы в распросы:

«Отчего всѣ поголовно курятъ трубки и папиросы.

А у остальныхъ табака полны носы?

Такъ что много носъ

Много ва своемъ вѣку табаки понесъ!»...

Теперь табаконюханіе и табакокуреніе

Вошло въ обыкновеніе,

Такъ что вные чуть-ли не голы и босы,

А однако курятъ крѣпко папиросы».

Да, куреніе соблазнъ опасный;

Но курцы считаютъ его за обычай прекрасный.

Иной самъ бацька говоритъ: «на, мой сынокъ,

Пусти одинъ дымокъ, покошуй ²⁾, што за мядокъ!»

Ну, тымъ часомъ сынокъ люлькою забавляется,

Да мало-по-малу и курить пріучается,

Такъ-что еще бываетъ и невеликій хлопакъ ³⁾,

А уже въ карманѣ носикъ спички и табакъ.

Ну, и вырастаетъ такой молодецъ,

Что много отдаетъ денегъ ва тютюнець!...

Сколько иной тратитъ на покунку этого аду!

Лучше-бъ за тѣ деньги выпилъ квасу и лимонаду!...

Да многіе врачи утверждаютъ,

Что курящіе на много лѣтъ собѣ жизнь уменьшаютъ

А опытыми учителями наблюдается,

Что у курящихъ ученаковъ скоро умъ и память притупляется.

А у некурящихъ умъ и память скорѣй развивается.

Къ доброму дѣлу душа устремляется.

Да и я говорю всему вароду,

Что чрезъ сію страсть онъ портитъ свою природу:

Народъ сталъ слабый, хилый, блѣдный,

Позеленѣлъ, что твой пятакъ мѣдный.

Иной, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже изнемогаетъ,

Потому что такъ курить привыкаетъ,

Что не можетъ безъ тютюна жить—

И ротъ его, и языкъ надо нагорчить.

Табакъ и до сердца такъ крѣпко пристаеъ,

Что иншій ⁴⁾ и ночью курить встаетъ:

И середъ ночи запалитъ лучину или газу ⁵⁾,

Да и сидитъ ⁶⁾ гетую зараву,

И еще такъ буде крѣпко зубамъ лекотать,

Что ажъ на дварѣ буде чувствовать;

Иной такъ курить безъ конца—

Вотъ что значить привычка до тютюнца!

Иная жинка дае выговоръ;

«Ишевъ-ба собѣ курить ва дворъ,

А то ты уже тютюномъ смярять
И господарства ⁷⁾ свою не глядять.
Ты собѣ такую работу прибралъ,
Что своей люлькой только кишени ⁸⁾ порвалъ». —
Да, правда, что съ курцомъ большія хлопоты:
Сколько въ году онъ тратитъ времени и работы!
Подъ нишій часть копну-ба сѣна накосилъ,
Покуль торбу тютюну покурить;
Но курецъ къ тютюну такую має охоту,
Что закуривать покидае и работу,
Такъ что идетъ-ли за плугомъ или за покосомъ,
А люльки всегда має торчать подъ носомъ!
Давнѣй старые люди при работѣ молитву говорили,
А потому, что меньше курили;
Теперь же коли ⁹⁾ онъ буде молитву творить,
Коли ему надо безпрестанно люльку курить?
Давнѣй въ работѣ былъ большія усилъхъ,
А теперь горить подъ носомъ огонь—чвѣстый смѣхъ!—
Що рта дымъ, якъ изъ комина ¹⁰⁾ валѣтъ,
А курецъ дыбукомъ ¹¹⁾, якъ рулемъ, то въ той бокъ, то въ другой
веритъ!...

Кажуть жа, якіе батьки, такіе и сѣны —
У всѣхъ вде изъ рта дымъ, якъ изъ машины;
Гдѣ хлопцевъ сберетъ ся съ десата,
То ужъ дыму буде полна хата,
И при томъ каждый думаетъ курецъ,
Что онъ лучше другихъ молодець...
Инишихъ курцовъ жонки страхъ не любятъ,
Что ихъ мужики въ дыбуки вѣчно трубють;
А покуль онъ огонь сяче—
И слюнка изъ рта тяче!..
Охъ, какая это безобразя—
Настоящая зарава!
Вотъ что значить привычка сердечна:
Курцу тютюнкъ смачнѣй, якъ лечня! ¹²⁾.
Такъ-что, покушавъ ячни, тютюномъ закусить:
Пища была вкусная—курецъ смакъ потушить.
Ахъ, дорогой собратъ! оставъ этотъ непотребный ядъ:
Отвыкнешъ курить—и самъ будешь радъ!
Курецъ скаже: «ой, какъ отвыкнуть трудно:
Якъ ни нокуришь, такъ робится нудно!..» ¹³⁾.
Извѣстно, если всѣ вонтобы ¹⁴⁾ наполнены отравою,
То и трудно разойтись съ такою распривою...
У курца и нюхавца никогда карманъ не пустуетъ,
Такъ что одивъ другого и въ церкви табакомъ частуетъ;
Вышедши изъ церкви, возлѣ церковной ограды,
Наши молокососы и закурить рады.
Трудно узнать: христіане-ли это, или татары?
Но ожидаютъ ихъ неизбѣжныя кары,
За то, что они не почитаютъ мѣсто святости,
И смакують губами горестъ вмѣсто сладости!..
Посмотрите на евреевъ, когда они въ школу идуть:
Они ничего подобнаго въ нармавъ не кладуть;
Каждый изъ нихъ, идучи на молитву, всѣ прихоти отбросить,
А нашъ братъ идетъ въ церковь—и одинъ у другого курить просятъ!..

За каждую утраченную на nepoтpeбy мoнeтy
Пpидeтcя въ cвoe вpeмя пoдпacть cтpoгoмy oтвѣту!..
У cовpeмeнныx людeй—кypцoвъ и пьяницъ ¹⁵⁾ кapмaны пycты,
Ho зaтo кopчмapь и лaвoчникъ дoвoльнo тлyсты ¹⁶⁾
(Пoтoмy чтo ихъ «пpиcyтcтвiя» ¹⁷⁾ нapoдoмъ гycты).
Пo пpazдникaмъ лaвки и кaбaки вceгдa нaбиты,
А xpaмы Бoжiи мнoгими coвcѣмъ зaбыты:
Въ пpazдникъ иныiй хoзяинъ зaкyрить тpyбкy, пoйдeть нa тopжoкъ,
Дyмae coбѣ: бyдe тaмъ чapкa вoдки и пирoжoкъ.
У мнoгихъ гyлякъ cъ ocени, чтo дeнь, тo пивo п пирoжoкъ,
А пoдъ вecнy—хлѣбa нѣтъ—cвищи въ кyлaчeкъ
(Вoтъ тебѣ и пpazдничныiй тopжoкъ!)
Нaйдeтcя ли ктo cъ пpazдничныx днeй вa бyдни тopги пepeнecти,
Чтoбы въ пpавocлaвнoмъ нapoдѣ тeмнoe пятнo cвecти?
Въ xpaмaxъ Гocпoднихъ нeкoмy пocтaвить cвѣчи зa двѣ копeйки,
А въ кopчмaхъ винoмъ дa cпиртoмъ oбливaютcя cвpeйскiя cкaмeйки...
Дa, пopa oдyмaтьcя и вpeмя ocмoтpѣтьcя:
Cкopo нaшa жизнь cъ лицa зeмли coтpeтcя;
Гpидeть чacть и вpeмя пpихoдить—
Кaждый co cвoими cтpacтями oтcкyдa yхoдитъ:
И, ecли здѣсь жилъ бeзпeчнo,
Тaкъ тaмъ бyдeтъ cтpaдaть вѣчнo;
Кaкoe пoлoжилъ тyтъ oснoвaнiе,
Тaкoe coздaшь ceбѣ и здaнiе...
Дa, здѣсь зaслyгa, a тaмъ yжe плaтa;
Тyтъ тoлькo cѣни, a тaмъ—и хaтa!..
Здѣсь oчeнь пpocтo вce cкaзaнo
И для пpимѣpa мнoгo чeгo пoкaзaнo
Пoэтoмy cлyшaйтe-вникaйтe
И, чтo вoзмoжнo, иcпoлняйтe;
Хoтa въ пpazдникъ дo oбѣднo oстaвьтe пить и кypить:
Bce paвнo—и тaкъ мoжнo житъ!
Пoтoмъ жалѣть бyдeтe мнoгo,
Чтo нe cлyшaли ни людeй, ни Бoгa!..
Я вaмъ чистyю пpавдy пpeдcтaвилъ,
Хoтa мнoгo въ cмѣшнoмъ видѣ cocтaвилъ:
Пoэтoмy извиняйтe зa oбличeнiе—
Bce этo cкaзaнo вaмъ въ пoучeнiе... ¹⁸⁾

(«Рифма», какъ называлъ приведенную рѣчь самъ Н. М., самолично списана В. И. Тюльпановымъ 19 iюля 1898 г., автору замѣтки любезно вручена 19 мая 1901 г. въ м. Молодечнѣ, Виленской губ.).

II.

«Стихъ» о семейныхъ и сосѣдскихъ неладахъ ¹⁹⁾).

Ивыи люди кажyть: «штo этo зa лиxo —
Нiйдѣ нѣтъ тиха?!» ²⁰⁾
Андpyшa кажeтъ: «штo этo зa хвopoбa:
Въ oднoгo кpoвь идeтъ зъ нoca,
А въ дpyгoмъ зъ лoбa?!»
Теперь таkiй cвѣтъ пoстaвь,

Што одинъ другого до смерти
Кабы приспѣвъ, дакъ-ба захвоставъ... ²¹⁾
Гиперъ между народомъ
Нѣтъ милости й пощады:
Всѣ, какъ говоритца,
«Чужой бидѣ рады»...
Одинъ плача, други скача—
Вотъ какая задача!
А на што намъ у чужихъ людей пытатъ,
Ныли ваши и своѣ умѣють мормытатъ ²²⁾
Ище такъ крѣпко, што до охоты
Могутъ и другихъ скликать.
Хуть буде луччи сваритца,
Но тутъ можно и побитца:
А типерь битца и сваритца—
Ни вяликая штука:
Такъ одинъ въ другого и пыняють ²³⁾,
Якъ ни-быть изъ лѹка.
Ето, кажа, «якъ у насъ,
Такъ и въ васъ, а всюды кислы квасъ,
Тольки ня кисла капуста:»
Злосна Хвистна, капризна Юста ²⁴⁾.
Ни сладили языками —
Што день, бьютца кулаками
То въ плечи, то въ груди,
Ажъ смяютца уси люди,
А ето имъ ни пиршинѣ—²⁵⁾
Обѣди гнутца, якъ былинѣ.
Съ тихомъ ни напrade починка: ²⁶⁾
Сваритца за мужемъ—сваритца й дивчинна.
Сваритца Питрунѣля, сваритца Анѣля ²⁷⁾,
Одна другій языкомъ мела,
Ни одна ни мовчить—
Кажная кричить.
Одна слово скажа,
А другая фигу ²⁸⁾ покажа,
Да еще такъ спиртно ²⁹⁾ подъ носъ,
Што ажъ синякъ узросъ.
Ну, ето такая штука,
Што ни вяликая наука:
Батька маткѣ, а мать батьку фигу даетъ,
Такъ сынъ съ дочкой ни одну продаетъ.
Ето такая немудрая школа,
Што трудно обойти ее на-окдоло!..
Теперь такихъ понаросло молодцовъ—
Такъ и гляди, штобъ не сдѣлали концовъ:
Тамъ стоятъ съ камнемъ, а тутъ съ кирпичомъ—
И мы отъ нихъ ни вгячѣмъ;
А тамъ, глядишь, сгоять съ ножомъ
На каравули, все ровно, якъ съ мечомъ.
Одинъ разъ Змитруку ³⁰⁾
Одбили правую руку;
Въ други разъ Марку
Дали по окарку; ³¹⁾
А въ трети разъ Сумону ^{30а)}

Дали по польскому закону;
 Четвертый разъ Гришка
 Почестовали изъ-тишка;
 Пятый разъ Микиту ^{30в)} поймали —
 Чуть на той свѣтъ ни загнали;
 Шестой разъ и Сыдару ^{30в)}
 Наклали, якъ господару;
 Седьмой разъ постарались и для Янка, ^{30г)}
 Во зрость лобъ, янъ копанка, ³²⁾
 А восьмой разъ такъ дали Кондрату,
 Што насилу унесли яго въ хату;
 Девятый разъ попался Ананасъ —
 И етакъ дѣлается во всѣхъ насъ, —
 Десятымъ счетомъ получилъ Лукашъ
 Въ плечи такъ ловко ботомъ,
 Што ночевалъ подъ плотомъ; ³³⁾
 Разбили за одиннадцатымъ числомъ
 Рыболовцу голову весломъ,
 А за двѣнадцатымъ разомъ
 Получилъ свое и Пахомъ...
 Значить всѣмъ досталось волю —
 Всякій получилъ свою долю! —

Кто-либо говоритъ: «только тихо съ женскимъ поломъ!»
 Али, небось, шумять и жѣнки, якъ вода подъ коломъ... ³⁴⁾

Мужчины сварутца-дярутся,

А потомъ и за умъ бяруцца:

Выпьютъ по чарцы-другой
 Станутъ опять на лады свой —
 Тымъ часомъ, якъ подопьютъ,
 Такъ ни одного енова прибьютъ —
 Никого рука не промахнетъ,
 И ничего добри-таки пхнутъ,
 Бо пьяны на все отважны —
 Кто знаетъ изъ насъ кѣжны:
 Чего трезвый человекъ страшитца,
 То можетъ съ пьянымъ случитца.

Гнусно это!.. мы зашли въ другіе разборъ;

Намъ треба разбирать и бабскіе споры.

Тутъ Катерина съ Гришкою

Сварутца тѣшомъ,

А тамъ Матѣй за Агату ³⁵⁾

Кричитъ на всю хату:

«Моя, кажи, Агата

Робить и за Кондрата».

А Кондратъ говорить: «нѣ!

Въ томъ лучши за мою Ганулю,

Што выполола за день пыхулю...»

Даже старуха — Прузына ³⁶⁾

Дражить быть осина:

Со злости горшки и миски бьегъ,

Што попадетъ, тоя и рветъ...

Почти каждая хата

Враждой-сварками занята;

Рѣдко годъ виѣствъ живутъ два брата,

Во у одного добрая Юста

Любить поварить тлусто,
А у другого Агата—
Языкъ, якъ лопата;
Тамъ у нашей Анэли
Языкъ добри мелить;
Тутъ тихая Павлина
Со злости красна, якъ калина;
Да и сама-жъ каже Маруся:
«Што день, то бьюся»;
А то ёсь такая Марцеля—³⁷⁾
Не пройдетъ тихо ни обѣдъ, ни вичера!..
Лучше жить со львомъ, со змѣею,
Чѣмъ со сварливой и злой женою!.. ³⁸⁾

(«Стихъ» списанъ съ устной передачи слушателей рѣчей Н. М., по порученію автора за-
мѣтки, 20 апр. 1902 г., въ дер. Вербицахъ, Нечневичской вол., Мнискон губ., Новогруд-
скаго уѣзда, б. воспит. Молодечненской учит. семинаріи, Мих. Семенов. Жарскимъ).

Ноступивъ въ общественное, такъ сказать, пользованіе, рѣчи Н. М. нѣсколько видоизмѣняются, по крайней мѣрѣ, онѣ, понятныя по существу, передаются со значи-
тельнымъ прилипомъ словъ и реченій мѣстнаго деревенскаго говора, что такъ на-
глядно изъ сопоставленія двухъ рѣчей одного и того же «рѣчистика». Какъ очевидно,
«Стихъ» простъ и бѣденъ, не удовлетворяетъ, повидимому, ожиданіямъ. Не то на
мѣстѣ: почти любое двустипіе тамъ имѣетъ свою ходячесть, прибавляется въ разго-
ворной рѣчи, какъ пословичный или приточный примѣръ съ прибавленіемъ развѣ
оговорки—«якъ каже Микола Морозикъ» ³⁹⁾.

Выше сомнѣнія рѣчи Н. М., такъ доброохотно выслушиваемыя его многочисленными
почтателями и такъ старательно улавливаемыя крѣпкою памятью слушателей, отрезвля-
ютъ среду и, тѣснѣйшимъ образомъ—тѣхъ, у кого «на душѣ грѣшокъ», кто узнаетъ
себя въ обличеніи. Въ «до-монопольное» время Н. М. ратовалъ противъ корчемныхъ и
кабацкихъ опекуновъ и тѣмъ наживалъ въ нихъ непримиримыхъ враговъ; теперь онъ
ратуетъ противъ другихъ аномальностей мѣстной жизни и, вѣроятно, дѣло не обхо-
дится безъ недовольства заинтересованныхъ лицъ. Но, какъ тогда онъ достигалъ бла-
гихъ результатовъ, точно такъ же онъ достигнетъ соответственныхъ и отъ своихъ рѣ-
чей на современныя темы ⁴⁰⁾.

Побольше бы въ сельскую жизнь такихъ честныхъ, трезвыхъ умственно, безко-
рыстныхъ Николаевъ Морозиковъ!

Н. Я. Н.

30 января
1903 года

Выноски и примѣчанія.

- 1) Такое названіе дано рѣчи самимъ Н. М., который въ остальныхъ рѣчахъ придаётъ имъ безразличныя наименованія то «рифмы», то «стиха».
- 2) Отъ сущ. коштѣ гл. коштовать—отвѣдывать, пробовать (о пищѣ и питьѣ);—стои́тъ (при оцѣнкѣ предмета, при оцѣнкѣ матеріальныхъ тратъ на него).
- 3) Видоизмѣненіе слова «хлѣпецъ»—молодой, даже юный парень,—очевидно, допущенное ради рѣимы.
- 4) Иишій—мѣстоимен.—ней.
- 5) Газа, зы—сущ. по ж. р.,—названіе керосина.
- 6) Смактѣть и смактѣвать—глагол.,—отъ сущ.—смакъ,--смаковать (при пищѣ и питьѣ), сосать (конфеты, леденцы, сахаръ).
- 7) Господарство—сущ.,—хозяйство; власть и распоряжки хозяина.
- 8) Кишень—сущ. м. р.,—карманъ.
- 9) Коли—нар.—когда и союзъ—если. Въ слѣдующей строчкѣ слово употреблено въ послѣднемъ значеніи.
- 10) Коминъ—сущ.,—печная труба и тѣснѣйшимъ образомъ—часть ея, возвышающаяся надъ крышею.
- 11) Цыбукъ—сущ.,—чубукъ.
- 12) Ячня—сущ.,—ячница, какъ извѣстно, наиболѣе почетное, лакомое блюдо на крестьянскомъ столѣ.
- 13) Нудно—нар.,—тошно, дурно; тошнить, позываетъ на рвоту.
- 14) Вонтрѣбы и вонтрѣбки—сущ. во мн. ч.,—внутренности человѣка и животныхъ, безразлично—грудныя и брюшныя.
- 15) Здѣсь рѣчь Н. М. выходитъ за предѣлы темы. Мы оставляемъ «рифму» въ томъ видѣ, въ какомъ она поступила въ наше распоряженіе.
- 16) Тлустый (чаще—тлусный отъ сущ.—тлустъ),—жирный, полнотѣлый.
- 17) Ироническое названіе кабацкихъ и лавочныхъ притоновъ.
- 18) Почти всѣ болѣе длинныя рѣчи Н. М., точно рѣчи расшниковъ, заканчиваются соответственнымъ обращеніемъ къ слушателямъ.
- 19) Неустойчивость транскрипціи въ сей рѣчи можетъ быть объяснена шаткостью грамотея, списавшаго ее по устнымъ передачамъ слушателей и желавшаго совѣстить два требованія—фонетическое и литературное.
- 20) Нигдѣ нѣтъ мира, спокойной жизни.
- 21) Буквально такъ: «если бы (когда бы) имѣлъ возможность, такъ засѣкъ бы». Хвостѣть—глагол.,—стегать прутьями, плетью;—въ переносномъ значеніи—изводить со свѣта, изживать.
- 22) Мормотать—глагол.,—бормотать, ворчать (въ недовольствѣ), браниться, хотя послѣднее понятіе выражается словомъ «сваритца».
- 23) Пынять—глагол.,—(отъ пнуть) швырять, бросать.
- 24) Искаженныя въ житскѣскомъ употребленіи женскія имена—Акилина и Лустинія.
- 25) Пиршинѣ—сущ.—первинка.
- 26) Почпюкъ (онъ же—«простень») —сущ.,—большое веретено, на которое навивается пряжа съ меньшихъ веретенъ—«ручѣекъ».
- 27) Имена женщинъ р.—кат. исповѣданія.
- 28) Фѣга и финтѣсь—сущ.—кувшинъ.
- 29) Спрятно—нар.,—спѣшно, скоро (отъ сущ.—прыть).

30) Христіянскія имена въ будничномъ житейскомъ употребленіи: Димитрію, а) Семену и Симону, б) Никитѣ, в) Исидору, г) Ивану и проч.

31) Окарокъ—сущ.,—затылокъ.

32) Слишкомъ мѣстное слово—названіе кочки луговой и болотной.

33) Плоть—сущ.,—изгородь всѣхъ типовъ.

34) Подъ мельничнымъ колесомъ.

35) Агата—имя Агафіи; Ганна—Анна.

36) Прузына—имя Евфросиніи.

37) Марцели—имя женщины р.-катол. исповѣданія. Сопоставленіе именъ католическихъ съ православными не можетъ показаться удивительнымъ, если вспомнить, что въ Минской губ., какъ и во всемъ западномъ краѣ, есть много семей со смѣшанными вѣроисповѣдниками,—что, прежде всего, происходитъ отъ смѣшанныхъ браковъ.

38) Намъ передавали, что Н. М., любитель церковности и начетчикъ, весьма рѣдко прибѣгаетъ къ Священному тексту изъ опасенія профанировать его, что такъ возможно на устахъ тѣхъ, кои изъ слушателей воспроизводятъ потомъ его рѣчи.

39) Кому извѣстна духовная жажда захохотѣла (а въ Минской губ. оно пока-что широко), тотъ придастъ сему надлежащую оцѣнку, тѣмъ болѣе, что Морозиковскія рѣчи—не наборъ только словъ.

40) По житейскимъ обстоятельствамъ авторъ замѣтки не имѣетъ болѣе возможности слѣдить за дѣятельностью Н. М., не можетъ воспользоваться и его рѣчами, хотя бы и для личнаго интереса; но въ то же время всякое сообщеніе по сему дѣлу авторъ замѣтки встрѣтитъ съ признательностью.

ШЕСТОЙ КОНКУРСЪ

ДЛЯ СОИСКАНІЯ

преміи имени князя А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.

На основаніи §§ 11 и 13 Положенія о преміяхъ имени Кн. А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что для шестого конкурса на премію Кн. А. И. Васильчикова въ 1500 р. предлагается на срокъ 27-го Октября 1906 г. нижеслѣдующая тема:

Судьбы общиннаго землевладѣнія со времени отмѣны крепостнаго права.

Предлагая эту тему для соисканія преміи князя А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ руководится убѣжденіемъ, что формы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія имѣютъ громадное вліяніе на бытъ и благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе кредита и тѣхъ кооперативныхъ учрежденій, заботиться о преуспѣваніи которыхъ составляетъ задачу Отдѣленія.

Ниженаложенными условіями отъ соискателей требуется не изслѣдованіе вопроса о происхожденіи русской сельской общины и о первоначальныхъ судьбахъ ея, не изученіе всѣхъ видовъ общиннаго владѣнія и пользованія землей, а лишь выясненіе обнаружившихся за послѣднія четыре десятилѣтія ея выгодъ и невыгодъ для общинниковъ и для государства.

Сообразно съ этимъ будущій трудъ на тему долженъ заключать въ себѣ:

1. Обзоръ высказанныхъ до реформы 1861 года мнѣній за и противъ земельной общины съ точки зрѣнія выгодности ея для крестьянскаго и государственнаго благосостоянія, а также — выясненіе, какъ былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ объ общинѣ въ Редакціонныхъ Комmissiяхъ и въ Положеніи 19 февраля 1861 года.

2. Изслѣдованіе: а) существеннѣйшихъ измѣненій въ законодательствѣ объ общинѣ и вліянія на нее этихъ измѣненій; б) степени жизненности общины, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія, при неблагоприятныхъ условіяхъ, особенно въ годы неурожая и иныхъ общественныхъ бѣдствій и в) вліянія развитія желѣзнодорожной сѣти, крупной обрабатывающей промышленности и отхожихъ промысловъ на земельную общину въ мѣстностяхъ: черноземныхъ и нечерноземныхъ, рѣдко и густонаселенныхъ.

3. Выясненіе вліянія Положенія о выкупѣ и особенно размѣра выкупныхъ платежей и прочихъ повинностей на общину.

4. Отвѣтъ на вопросъ: находятся ли въ неразрывной связи съ общинной формой землевладѣнія круговая порука въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ и отбываніи повинностей, а также стѣсненія въ свободѣ передвиженія?

5. Выясненіе: а) выгодъ и неудобствъ общиннаго землевладѣнія въ настоящемъ его видѣ, въ сравненіи съ подворно-наслѣдственнымъ и хуторскимъ при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, б) средствъ къ устраненію неудобствъ, а также в) условій, при которыхъ общинное землевладѣніе можетъ приносить наибольшую пользу и общинникамъ, и всему государству.

Примѣчаніе. Желательно, чтобы выводы и заключенія по вопросамъ, поименованнымъ въ § 5, были сдѣланы на основаніи мѣстнаго изслѣдованія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ, преимущественно въ густонаселенныхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной Россіи.

6. Отвѣтъ на вопросъ: совмѣстимы ли желательные успѣхи сельскаго хозяйства съ существованіемъ земельной общины? Можетъ ли Россія при господствѣ общинной формы землевладѣнія соперничать въ прогрессѣ благосостоянія съ другими культурными государствами?

7. Отвѣтъ на вопросъ: возможенъ ли, и при какихъ условіяхъ, переходъ отъ общиннаго землепользованія, въ нынѣшнемъ его видѣ, къ кооперативному земледѣлію?

Сочиненія на вышеозначенную тему для соисканія преміи въ 1,500 р. должны быть представлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ не позже 1-го мая 1906 г. Рукописи обозначаются особымъ девизомъ; имя же автора и его мѣстожительство должны быть сообщены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ напечатано на средства Отдѣленія.

Оглавленіе 48 выпусковъ «Живой Старины» за двѣнадцать лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнографіи И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»	III
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина»	IX
4. Отъ Редактора	XI
5. Программа И. Р. Г. О. для собранія свѣдѣній по этнографіи	XLVII
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Сиб. Университетѣ Доц. С. Θ. Ольденбургъ	LIII

О т д ѣ л ъ I.

Наслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. И. Н. Жданова	1
2. Полушѣрцы Псково-Печерскаго края. Ю. Трусмана	31
3. Три года въ Якутской области (этнограф. очеркъ) В. Л. Приклонскаго	63
4. Путевыя письма и замѣтки П. И. Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ	84
5. Старое и новое. Я. Савичкова	103

	Стр.
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). Б. Бондаренка	151
7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. Я. Рисова	122
8. Къ видѣнію Амфилога. А. Е. Веселовскаго	124
9. Груша и Дуя. А. И. Соболевскаго	126
10. Декамеронъ Х. З. А. Н. Веселовскаго	128
11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси	130

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника Л. И. Майкова	1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодона, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи Саковичъ	5
3. Катрушевскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). Е. Ромашовъ	9
4. Лошарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрыцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. Щеколдина	17
5. Якутскія загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»)	26
6. Якутская пѣсня о водкѣ	30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34

Стр.

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиография.

1. Пешель, О. Народовѣдѣніе.—
2. Лынянъ, А. Исторія русской этнографіи.—3. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.—4. P.v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumwissenschaft.—5. Веcke, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Археологическаго съѣзда въ Ярославѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Вотьяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за перыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енисейск. губ., очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтеніе въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14. А. Сауновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Идановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи имени Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Gorsecvic. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Viestnik Horvatsko-Arkeologickoga Druztva.—20. Свадебные обычаи у Вѣлыхъ Крайцевъ.—21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ.—22. Wisla. T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. *Вольтера*

1—42

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры К. М. Петрова и Т. Е. Рѣпинкова—
2. Таулен. Корча, или Вихорь. Н. *Кулнецова*. — 3. Довля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. *Лейцигера*. —
4. Описаніе игры Литов-

Стр.

скихъ пастуховъ подъ названіемъ «Калуте» Арминайтиса.—Литовскія повѣрья: М. *Гиласа*.—6. Некрологи М. П. *Веcke*.—7. О. Кольбергъ.—8. Д-ръ Пфуль.—9. С. П. *Микуцкий*.

1—24

Выпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

I—IV

О т д ѣ л ъ I.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ И. Н. *Жданови*. 1
2. Три года въ Якутской области (этнографич. очерки) В. Л. *Прилюкскаго*. 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 57
5. Умиренье крови въ Грблѣ. въ южно-Адриатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). П. А. *Ровинскаго*. 63
6. Мариупольскіе Греки *Θ. Δ. Брауна*. 78
7. Забѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ. А. П. *Соболевскаго*. 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. П. Срезневскому, П. О. Шафарнику, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. *Ламанскаго*. 108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) назыв. купальницею и считается днемъ урочнымъ? М. И. *Соколова*. 137
10. Огонь на свадьбѣ. 138

О т д ѣ л ъ III.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Великоорусскія народныя легенды. Сообщ. Ив. *Мамакинича*.

139

	Стр.
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненск. губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. Г-жею <i>М. А. Сикевичъ</i>	141
3. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа)	147
4. Болгарскія народныя сказки. (Изъ Прилѣпа)	154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Паз-рынк. погостѣ, пограничномъ съ Норвегійей. Св. <i>Щеколдина</i>	158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. <i>В. Л. Приклонскимъ</i>	169

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатые слова. Не просто, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С—скаго.—5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volkseros. А. С—скаго.—6. «Мелюзина» (Melusine), періодическій сборникъ мифологии, народной литературы, преданій и обычаевъ. О. В.—7. Bibliografia litowska od roku 1547 do 1701 r. przedstawil Mauryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврыкій Станкевичъ). Б — са.—8. Darkestetter, James. Chant populaires des Afghans, recueillis par C. O.—9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Verhältniss zum Schach name. C. O.—10. Das Ausland Wochen-schrift für Erd-und Völkerkunde. Д. К.—скаго.—11. Fr. Krauss, dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodne pesni koroskih Slovencev. Zbral in na svetlo da I. Scheinlg. C. K. Gymn. prof. v. Celovci. Ю. Поливки.—14. В. Тома-шескъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скифскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣ-стія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. подъ редак-

	Стр.
ціею правителя дѣлъ Ир. П—на. — 16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. П—на.—17. Пыпинъ, А. И. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученія народности и этнографіи великорусской. <i>В. Ла-манскаго</i>	233

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты.	234
------------------------------	-----

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія	1
--	---

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желанію подписаться на журналъ «Живая Старина»	1
--	---

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846)	3
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки) <i>В. Л. Приклонскаго</i>	48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ <i>С. К. Патканова</i>	85
4. Этимологическія замѣтки. <i>А. А. Потебни</i>	117
5. Отрывокъ были изъ Сибирской лѣтописи. <i>Л. Н. Майкова</i>	129

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь (пѣсня)	133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. <i>Л. Н. Майковимъ</i>	135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси.	

	Стр.
4. Болгарскія народныя пѣсни. (Изъ Прилѣпа).	157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).	161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ.	165

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лрическихъ пѣсень. С. Булича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга.—3. Библиографическій указатель изслѣдованій и наблюдений по польской диалектологин. И. Лося.—4. Narodne pripoviesti u Vagadinu i okolici. Ю. Полявки.—5. Сумцовъ, Н. О. Культурныя переживанія. А. С—скаго.—6. Этнографическое обозрѣніе. П. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверствая и указная книга Ямскаго приказа.—8. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній.—9. Воронежскія писцовыя книги.—10. Гласникъ земальскаго музеја у Босни и Херцеговины и проч.	180
--	-----

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадниковъ (Вологодск. губ.) А. Иванцкаго.—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газетвинкеля.—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ. свящ. П. Сахарова.—5. О Псковскомъ говорѣ. И. Евѣева.—6. Говоръ крестьянъ Моринчельскаго прихода Великолукскаго уѣзда, Псковской губ. М. Успенскаго	193
--	-----

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И. Соколова.
2. Русская гитѣна XVI вѣка. М. И. Соколова.
3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.
4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина.
5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. А. Балова.
6. Праздникъ «Рипей». — 7.

	Стр.
Способъ лѣченія отъ сглазу. С. Брайловскаго. — 8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ. Соснина.—10. Извѣстія о Болгаринъ 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса). — 11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цзу. Г. Н. Потанина.—12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габеры «надубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго. — 15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. В. И. Ламанскаго. — 16. Въ Нео - филологическомъ обществѣ.—17. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Рус. Геогр. Общества.—20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» 213—268	

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафартику, Куршату и др. (1846—1856).	3—42
2. Три года въ Якутской области. (Этнографическіе очерки). В. Л. Приклонскаго	43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Питканова	67—108
4. Мусульманство Рустена Достановича. В. А. Жуковскаго.	109—117

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева)	118—121
---	---------

Стр.

2. Угро-русскіе заговоры изъясненія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. Петрушевска . . . 122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (окончаніе) . . . 131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскаго . . . 139—148
5. Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра . . . 149—155
6. Отрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина . . . 156—163

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому) . . . 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика Slovanaky Narodni . . . 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарскихъ народныхъ умотвореній. Часть прва К. Я. Г. . . . 187—191
4. Zibrt, C. Dr. Listy z českých dějin kulturních. Прага 1891. Лос. Караська . . . 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ приказокъ. Одесса. 1890 г. Арх. Л-нка . . . 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ . . . 196—197
7. Vřešić Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj. Hercegovini i Crnoj Gori. А. Л. . . . 198

О т д ѣ л ъ IV.

Слѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ., Даньковск. уѣзда. О. П. Семеновъ . . . 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ . . . 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. М. Довнара-Запольскаго . . . 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Билова . . . 208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣно». Ив. Мамкина . . . 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Ланшевскаго уѣзда, Казанской губ. И. Нечасовъ . . . 214—226
7. Минусинскій Публичный Музей. И. В. . . . 226—227
8. Филологическая замѣтка. Я. Гротъ . . . 228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-

Стр.

- русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. А. И. Соболевскаго . . . 229
10. Н. Коперницкій. Некрологъ . . . 229—230
- Объявленія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской диалектологіи. I. А. Южно-велико-русскіе говоры, проф. А. И. Соболевскаго . . . 1—24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. С. Н. Сыромѣтнкова . . . 25—40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ С. Н. Сыромѣтнкова . . . 41—48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями Вс. И. Срезневскаго . . . 49—77

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе рассказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. Ив. Манжурю . . . 78—80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа) . . . 81—83
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа) . . . 83—84

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. Пр. Полозна . . . 89—98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). Ю. И. Полли . . . 99—104
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. Э. В. Петри . . . 105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. В-аго . . . 109
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арх. Л-нка . . . 110
6. Český lid. I. А. Липовскаго . . . 110

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго унив. г. *Катанови*, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Битай. . . 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Вальдэн. *Г. Н. Потанина*. . . 122—126
3. Некрологъ А. А. Поттебни. *В. И. Ламанскаго*. . . 126—136
4. Памяти А. А. Поттебни. *Б. М. Динунова*. . . 136—149
5. Памяти А. А. Поттебни. *М. Халанскаго*. . . 150
6. Записка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6.). *Е. И. Якушкина*. . . 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи. . . 151—152

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. *Г. Б. Сѣверо-волико-русское, или окающее поднарічіе. Проф. А. И. Соболевскаго*. . . 1—26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—42 г.), съ примѣчаніями *Ес. И. Срезневскаго*. . . 27—70
3. Трѣпчина (бытовой очеркъ). *С. Шустикова*. . . 71—91

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Остяцкая былина про богатырей города Эндера. *С. К. Питканова*. . . 92—97
2. Мордовская свадьба. *Е. М. Евсееви*. . . 98—117

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. *А. Соболевскаго*. . . 118—122
2. Словарь русскаго языка. *А. С-каю*. . . 122—125
3. Памятная книжка. *А. С-каю*. . . 125

Стр.

4. Харьковский сборникъ. *А. С-каю*. . . 126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. *А. С-каю*. . . —
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej m. XIII. *Ир. II*. 127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. *Е. Пяткова*. . . 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. *В. Балаша*. . . 139—142
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. *Г. Ленора* (женихъ или братъ мертвеца). *П. Шемякинъ* судъ. *В. Балаша*. 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90 г.). *Ю. Понетки*. . . 146—152

О т д ѣ л ъ IV.

- Вопросы и отвѣты. *А. Соболевскаго*. . . 153

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. *А. А. Дукачева-Баскикова*. . . 154—162
2. Игра со вьюномъ. . . 162—167
3. О. О. (Некрологъ). *Ө. И. Перволабъ*. . . 168

Выпускъ III.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. *П. Бѣлорусское нарічіе. А. И. Соболевскаго*. . . 3—30
2. О побратимствѣ и посестринствѣ. Очеркъ изъ обычнаго нрава Болгаръ. *С. Бобчева*. . . 31—43
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). . . 43—105
4. Трѣпчина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе *А. Шустикова*. . . 106—138

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонцкой и Архангельской губ. *Ө. Истемина*. . . 139—145

- Стр.
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.).
Сообщ. *С. Б. Паткановымъ*. 146—147
 3. Кушля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новотелыхъ коровъ. Побасенка (Нижегор. губ.).
Сообщ. *Ив. Мамакинымъ*. . . 148—149
 4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. *П. А. Шилко-вымъ*. 149—151
 5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.*. 151—156
 6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края *Як. Сетьмова*. 156—164

О т д ѣ л ъ III.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Мошкова*. 164—171

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго*. 1—61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). 62—96

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонекской губерніи. *Н. Лыкова*. 97—103

О т д ѣ л ъ III.

Критика и бібліографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890, т. I и II. 104—120
2. Семья по возрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892. (Отд. отд. изв. Фил. Зап.).

- Стр.
3. *Kobieta w piésni ludowej*. Napisała Kazimira Skrzynska 12°. 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisly, t. VIII»).
 4. Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и Окт.). *Вл. Перетца*. . . 120—124

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Бытовныя черты Русники Холмскаго края. *К. Яроукаго*. . . 125—134
 2. Отчетъ кандидата И. Сиб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 134—137
- Объявленіе объ изданіи «Живой Старины» и др. журналовъ въ 1893 году.
Оглавленіе 8 выпусковъ «Живой Старины» за первые два года.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ; I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минск. уѣзда. *М. Довнара-Запольскаго*. . . 3—19
2. Путевыя письма. И. И. Срезневскаго. 20—63
4. О происхожденіи Корси (Куронъ) *Юриъ Трусмана*. 64—91
4. Объ источникахъ сказки «О рыбацѣ и рыбацѣ» Пушкина. Св. П. Р.—ва 91—95

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

- Ритуаль сибирской свадьбы.
И. О. Осипова. 96—114

Стр.

О т д е л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. *А. И. Соболевскаго* 115—122
2. Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muz. opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. *H. B. Перетца* 122—124
3. Календарь Вятской губернии на 1893 г. *А. И. Скаго* 124—125
4. Brandstetter. R. Charakterisierung der Epik der Malaien. Luzern. *C. O.* 125
5. Zemmrich, Johannes. Totenisein und verwandte geographische Mythen. *C. O.* 125—126
6. Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Makroch. *C. O.* 126—127

О т д е л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ.
Ивана Мамакина 128

О т д е л ъ V.

Смѣсь.

1. Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининимъ. *Н. Волкова* 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанскаго* 133—135
3. Двина рѣка. *Ю. Трусмана* 135
4. Ворожея XVII в. *Н. Тупикова* —
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка 136—7
6. Объявленія.

Выпускъ II.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Путевыя письма *И. И. Срезневскаго* 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *К. Улениуска* 178—210

Стр.

О т д е л ъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

1. Мордовская свадьба (продолженіе). 211—219
2. Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ. *П. Пышина* 219—248

О т д е л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ. 248—253
2. Богатырь-козакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. 253—254
3. Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. 254—255
4. Къ діалектологіи велико-русскихъ нарѣчій. *А. Соболевскаго* 255—256
5. Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Трова* 256—257
6. Остроумовъ. Сарты. *А. Липовскаго* 257—263
7. Записки товариства имени Шевченка. 263—264
8. Самарово село Тобольской губ. и округа. *Арх. Липко* 264—266
9. Волинскія Губернскія вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Лященко* 265—278

О т д е л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Бѣлорусы. II. Латыши. III. Поляки 279—280

О т д е л ъ V.

Смѣсь.

1. Бесѣдныя игры: тетера, въ туси, въ кони. *Влад. Перетца* 281—282
2. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. *М. Довнара-Запольскаго* 283—296

Выпускъ III.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Этнографическія наблюденія въ Абхазіи *Н. М. Альбова* 297—329

Стр.

2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго 330—373

О т д е л ъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

1. Говоръ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *М. Герасимова* 374—388
 2. Говоръ сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губ. *Александра Мельничаго* 388—392
 3. Говоръ Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. *А. Дмитриева* 392—395

О т д е л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Яблоновскій. Населеніе Украины въ XVI вѣкѣ. *А. И. Соболевскаго* 393—399
 2. Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. *А. И. С-скаго* . 399—400
 3. Р. Р. бар. Штакельбергъ. Ирано-финскія лексикальн. отношенія. *А. И. С-скаго* . 400
 4. Cerny Ad. Mythiske bylosse luziskich Serbow. *Вл. Перетца* 401—402
 5. Лопаревъ, Х. М. Слово о святомъ «патріархѣ Ѳестиріктѣ». *Н. Т.* 402—403
 6. Н. О. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. *Н. Т.* 403
 7. Н. О. Сумцовъ. Былины о Добрынь и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебницѣ. *Н. Т.* —
 8. Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. *Н. Т.* —
 9. Н. О. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. *Н. Т.* —
 10. Les Cris de Londres au XVII siècle. *Г. А. Виссендорфа* . . 404—405
 11. И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственныя ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русскоѣ. *Пр. Д.* . 405—408
 12. Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта. *С. Балтрамантиса* 408—412
 13. П. Н. Будиинскій. Мангазья и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 г.г. *Н. Тушикова* . . . 412—414

Стр.

О т д е л ъ V.

Смѣсь.

1. Представленія кореляковъ о нечистой силѣ. *Н. Лыскова*. 415—419
 2. Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ. *П. М. Довнара-Запольскаго* 419—425
 3. Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи 425—428
 4. Какому святому и въ какомъ случаѣ должно молиться . . . 428
 5. Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ 428—429
 6. Сказаніе Арсенія инока Селуны града о Іерусалимѣ . . 429—430
 7. Сказаніе о преподобной Ѳеодорѣ, ея же память 11 сентября. *А. Балова* 430—431
 8. Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года. *Н. Лыскова* 432—436
 9. *Latwju dainas* 436
 10. Отъ редакціи 436
 11. Объявленія 1—4

Выпускъ IV.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Названіе населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русскоѣ исторической этнографіи. *А. А. Соболевскаго* 437—439
 2. Древнѣйшія русскія двусловныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. *Г. Г. Гинкена* 440—461
 3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842). Окончаніе 462—506

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. *А. Балова* 507—513
 2. Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда. *Андр. Романова* 513—518
 3. Жмудскія пѣсни, записанныя *Мечиславомъ Ловини-Силь-*

	Стр.
<i>востровицъ, съ переводомъ и примѣчаніями А. Л. Поюдина</i>	519—531
4. Загадки Корель Оловецкой г. записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	532—540
5. Пословицы Корельскія, записанныя <i>Н. О. Лысковымъ</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. О. Лысковымъ</i>	541—553

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. В. Мочульскій. Слѣды народной библіи въ славянской и древне-русской письменности. Одесса. 1893. <i>Вл. П—а</i>	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ. Этнографическій этюдъ <i>М. Довнара - Запольскаго</i> . Гродна. 1893. 160. 69 стр. <i>Вл. П—а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества Т. 5. Харьков. 1893. <i>Арх. Л—ника</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губ. на 1893 г. <i>Т.</i>	557
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. <i>Т.</i>	—

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. 558

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. О. Катанова</i>	559—570
2. Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Сообщ. <i>Арх. Лыщенка</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куронахъ <i>А. Л. Поюдина</i>	571—572

Объявленія.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Деревня Будагоща и ся преданія. <i>В. Н. Шретца</i>	2—18
--	------

2. Отчетъ о побѣдкѣ къ Оловецкимъ Корелямъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. О. Лыкова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа. <i>Филиппа Зобнина</i>	37—64
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преосв. Паладія, д-ра Бретшнейдера, архимандр. Руварца	65—77

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петровки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. О. Бошняковскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Поюдина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи <i>А. Балуя</i>	98—99

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрайтиса</i>	98—104
2. Русскія былины старой и новой записи. Москва. 1864 г. <i>А. Поюдина</i>	104—107
3. Систематическій указатель статей историческаго журнала «Деревня» и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара-Запольскаго</i>	108—114
2. Отчетъ о побѣдкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года <i>А. Поюдина</i>	114—119
3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмани</i>	120—122
4. Къ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Кол—скій</i>	122—123
5. Изъ области народныхъ вѣро-	

	Стр.
ваній. <i>А. Балова</i>	123
6. Аллитерацин въ народномъ языкѣ <i>А. Балова</i>	123—124
7. Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства. <i>Ө. Истомина</i>	124—125
8. По поводу холеры. Сообщить <i>А. Балова</i>	125—126
9. О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартицева</i>	126—129
10. Замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ селѣ Сажаровѣ, Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева</i>	130
Объявленія.	

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованіе, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Суважскую губ. *Г. Г. Гинкина* . . . 131—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. *Вор. Ляпунова*. (съ картою) 143—177
3. Письма *А. Ө. Гильфердинга* — Кукуловичу — Сакцинскому. Сообщено проф. *Ц. А. Кулаковскимъ* 178—190
4. Олександрскіе скопцы. (Историко-бытов. очеркъ). Ст. порв. *191—203*

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ *В. Н. Добровольскій* 204—214
2. Рекрутчина. *А. Мельникова* . . . 215—221
3. Святки въ Корелѣ. *Н. Ө. Лыкова* 222
4. Мудрый Маччи. *Н. Ө. Лыкова* 224
5. Шутъ Григорій. *Н. Ө. Лыкова* 226—229
6. Пастухъ и дьяволъ. *Н. Ө. Лыкова* 230—232
7. Приложеніе къ отчету *А. Л. Поюдина* о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. *А. Л. Поюдина* 233—258

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. *В. Н. Перетцъ*. Современная народ-

	Стр.
ная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Аркадія Лиценка</i>	259—275
2. О трудахъ <i>А. Н. Веселовскаго</i> . <i>И. П. Жданова</i>	282
3. О трудахъ. <i>Е. Ө. Карскаго</i> . <i>А. И. Соболевскаго</i>	283
4. О переводѣ <i>П. С. Попова</i> сочиненія <i>Манъ-гу-ю-му-ши</i> . <i>Н. И. Веселовскаго</i>	284
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1893 годъ.	285

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. *О. П. Семенова* . . . 286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики *Ив. Мамакина* . . . 294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ *Кириши Данилова*, принадлежавшемъ *Малиновскому*. *Н. Чехова* 299—300

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Олександрскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ) Ст. втор. и посл. *1—на* 301—324
2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Топтырей. *С. Рыбакова* 325—364
3. Якутская свадьба. *В. Сырошевскаго* 365—374
4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азій. Сообщилъ докторъ *А. К. Бѣлиловскій* 375—390
5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свидѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. *А. Аристова*. 391—486

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по латовской этнографіи. *Г. Г. Гинкина* . . . 487—498

2. Корельская свадьба. *Н. О. Лыкова*. 499—511
3. Погребальные обряды Корельковъ. *Н. О. Лыкова*. 511—517
4. Книжки-Кокурды. *В. Бартольда*. 517—523

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? *А. Соболевскаго*. 524—526
2. О такъ называемой народной этимологіи. *А. Соболевскаго* 526—528
3. О сравнительной мифологіи Макса Мюллера. *А. Соболевскаго*. 529
4. Новыя книги. *А. Попова*. 530—540
5. Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г. *А. Диповскаго*. 540—542
6. Zur Geschichte russischer Hochzeitbräuche, von Gregor Krek. *А. Л.* 543
7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. *Арх. Лика*. 543—544
8. Лѣтопись историко-филологическаго общества. *Арх. Лика*. 544
9. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). *С. Валтрайтиса*. 545—548

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей. *Ю. Трусмана*. 549—554

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Озонецкой губ., Лодьинопольскаго уѣзда) въ 1894 г. *Н. О. Лыкова*. 1—13
2. Кайганы или чухари *Д. П. Никольскаго*. 14—16
3. О Бесермянахъ. *Д. П. Никольскаго*. 17—27
4. Восточная Волянь. *Н. Н. Коробки*. 28—45
5. Письма О. М. Бодлинскаго къ Станку Вразу въ Загребъ. Сообщ. *Н. А. Кулаковскій*. . . 46—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ. *Л. Висера*. 57—70
2. Пѣсни Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи. *Н. Коробки*. 71—83
3. Латышскія преданія. *Г. Виссendorфа*. 84—86
4. Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ. *А. Шустикова*. 86—100

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиография.

1. А. Шахматовъ. Исслѣдованія въ области русской фонетики. *Б. М. Ляпунова*. 101—116
2. G. Krek. Zur geschichte russischen hochzeitsbräuche. Graz. 1893. *Н. Тутикова*. . 116—118

О т д ѣ л ь IV.

1. Вопросы и отвѣты. *Э. Вольтера*. 119—120

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Легенда о предсказаніи предподобнаго Геннадія. *Н. А. Тихомірова*. 121
2. Особая форма нищенства. *Н. А. Тихомірова*. 122
3. Письмо къ Редактору Жив. Стар. *Н. В. Шенна*. 122—123
4. Кривулъ у латышей. *Г. Виссendorфа*. 124
5. Протоколъ 1-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года) . . . 124 - 125
6. Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года) . 125—126

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. *В. Я. Гогельсона* 127—161

	Стр.
2. Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцеля. <i>И. Шмидта</i>	162—170
3. Тавреньга, Вельскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ). <i>А. Шустикова</i>	171—198
4. Письма: а) аббата Юс. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шпшкову.	199—202

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сказанія и сказки Вельскаго у. Сообщ. <i>А. Шустикова</i>	203—211
2. Царь солома. Сообщ. <i>Е. Вальневъ</i>	212—213
3. Причитанія на рукобитѣ. Сообщ. <i>Свяц. Владиміръ Ивановъ</i>	214—217
4. Пѣсни с. Писокъ, Житомирскаго уѣзда. Сообщ. <i>Вл. Бояновскій</i>	217—221
5. «Иванъ Купайло» въ с. Корытной Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ. <i>Ө. Рыбскаго</i>	221—222
6. Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ, Каменскаго уѣзда, Подольской губерніи. Сообщ. <i>Ө. Рыбскій</i>	222—234

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. <i>А. Соболевскаго</i>	235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. <i>Н. Т.</i>	237
3. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. <i>Арх. Дика</i>	237—238
4. Marillier. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. <i>Щ—ва</i>	238

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. III. въ IV отд. «Живой Старины» IV выш. 1893 г. <i>Ив. Мамакина</i>	239
---	-----

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, села Кургомень	240—241
---	---------

	Стр.
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андрей. <i>В. Бояновскаго</i>	241—242
Объявленія	1—4

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г. <i>А. Л. Походина</i>	243—250
2. Литовцы и русскій алфавитъ <i>М. Ложарйтиса</i>	251—259
3. Къ вопросу объ алфавитѣ для Литовцевъ. <i>Георгій Гинкена</i>	260—262
4. Объ инородческихъ языкахъ вообще и о латышскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности. <i>В. И. Ламанскаго</i>	263—271
5. Изъ статьи А. Ө. Гильфердинга о Литовской народности	272—276
6. Докладъ С. Балтрамайтиса	277
7. Докладъ А. О. Смилго	278
8. Поѣздка въ Корелу. <i>Н. Ө. Лыскова</i>	279—297
9. Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края. (Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.). <i>П. Островскій</i>	297—348
10. О красивномъ искусствѣ у Русскихъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	349—356
11. О красивномъ искусствѣ у Латышей. <i>Г. А. Виссендорфи</i>	357—358
12. Тевронъга Вельскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. (Окончаніе). <i>А. Шустикова</i>	359—375

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уѣзда. <i>Михаила А. Симозерскаго</i>	376—381
2. Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ. <i>А. Лаврова</i>	382—384
3. Особенности говора Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ. <i>Шайтанова</i>	384—398
4. Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи. Студ. Пет. Унив. <i>Николай Каринскаго</i>	399—402
5. Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Писмѣ, Костромской губерніи	

2. Летучий огненный змѣй. <i>М. А. Симозерскаго</i>	Стр. 143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова</i>	143—144
4. Очертки	144
Объявленія.	

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Грихья-сутры какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. *Д. Н. Курьянскаго* 145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхождение. Историко-этнографическій очеркъ. *А. Балова* 157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. *Н. Рубинскаго*. 169—201
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпического стиха. *Б. Тиндери* 202—225

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда. *Я Ильинскаго* 226—248
2. Рекрутскія причитанія. *Д. Успенскаго* 242—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. *Ив. Яблонскаго* 248—254
2. Монголія и Монголы. — Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ 254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сирошевскаго. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою 255—257
4. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896 257—258
5. Вартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896. 258

6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896	Стр. 258
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896	258—259

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. *А. Балова* 260—261
 2. Крапивное заговѣнье. *А. Балова* 261—262
 3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. *А. Балова* 262—264
 4. Живая Старица. *А. Балова* . 264—265
- Объявленія.

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Д-ра *Ар. Ив. Яковія* 267—272
2. Замѣтка редактора 272
3. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Проф. *Ар. Ив. Яковія* 273—276
4. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. *Н. А. Аристова* 277—456
5. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. *Ө. Покровскаго* 457—476
6. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. *А. Калачева* 477—488

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Нѣсколько словъ о поэзии теленгетовъ. *А. Калачева* . 489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. *Н. Дучинскаго* 501—522

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: *Nyare*

	Стр.
ни, Буйскаго уѣзда, Студ. Птрб. Дух. Ак. <i>Θ. Покровскаго</i>	403—415
6. Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губерніи. Студ. Пет. Ун. <i>В. Ламанскаго</i>	416—418
7. Сказанія и сказки. Сообщ. <i>А. Шустикова</i>	419—427
8. Космическія легенды Балтійскихъ народовъ. <i>А. Л. Погодина</i>	428
9. Духовные стихи. Сообщ. <i>М. А. Синозерскій</i>	449—452
10. Малорусскія сказки и байки изъ Галичины	453—466

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсень изъ Полапана». *Ив. Ос. Яблонскаго* 467—469
2. Труды Тибетской экспедиціи. *В. Л.* 469—475
3. Богдановичъ, А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. *В. Л.* 475—478
4. «Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря». Сказки русскаго народа. *В. П. Семенова* 478
5. Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго жителя-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). *Н. Т—ва* 478—479
6. Weigand, G. Die Aromunen ethnographisch - philologisch-historische Untersuchungen über d. Volk. d. sogenannten Makedo - Romanen oder Zinzaren. *В. Л.* 480—486

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Погребальные обычаи Обдорскихъ Остяковъ. *В. В. Биртесва* 487—492
2. Народонаселеніе Австро-Венгрии. *В. Л.* 492—493
3. Летучій огненный змѣй. Сообщилъ *М. И. Соколовъ* 493—494
4. Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ. Сообщ. г. *Никольскій* 494—495
5. Какому святому и когда должно молиться. Сообщ. *А. Балова* 495
6. Куретница. Сообщ. г. *Никольскій* 495—496
7. Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда, Виленской губ. *В—си* 497
8. Еще по поводу Литовской печати. *А. Л. Погодина* 498—499

	Стр.
9. Заговоры противъ болѣзней, разнымъ повѣрья и примѣты. (Житом. у.). <i>В. Θ. Боцяновскаго</i>	499—504
10. Изъ письма къ Редактору. <i>Д. Михайловскаго. Оренбургъ</i>	504
11. Списокъ литовскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи въ 1883—1896 г. <i>Балтрайтиса</i>	505—506
12. Опечатки	507
Объявленія.	

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. *Я. И. Смирнова* 3—31
2. Древнія двусловныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. *Ю. П. Кузнецова* 32—50

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народнои словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда *Н. Г. Ордина* 51—121

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. По поводу приложенія къ отчету *А. Л. Погодина* о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. *Ив. Яблонскаго* 123—130
2. Бѣлорусское полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнаромъ-Запольскимъ*. Выпускъ I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ. 1894 г. *Н. Т—ва* 131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. *Н. Т.* 131—132

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игривѣ. *А. Балова* 133—142

2. Летучій огненный змій. <i>М. А. Симолевскаго</i>	Стр. 143
3. Изъ письма къ Редактору. <i>А. Шустикова</i>	143—144
4. Опечаташи	144
Объявленія.	

Выпуск II.

О т д ѣ л ь I.

**Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.**

1. Грихья-сутры какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры. <i>Д. Н. Кудрявскаго</i>	145—156
2. Великорусскія фамиліи и ихъ происхождение. Историко-этнографическій очеркъ. <i>А. Балова</i>	157—168
3. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. <i>Н. Рубинскаго</i> . 169—201	
4. Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля. <i>К. Гиндери</i>	202—225

О т д ѣ л ь II.

**Памятники языка и народной
словесности.**

1. Свадебные причеты, записанные въ Щетинской волости, Помехонскаго уѣзда. <i>Я Ильинскаго</i>	226—248
2. Рекрутскія причитанія. <i>Д. Успенскаго</i>	242—248

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г., стр. 292. <i>Ив. Яблонскаго</i>	248—254
2. Монголія и Монголы. — Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ	254—255
3. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сорошова. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою	255—257
4. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896	257—258
5. Бартевскъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Петербургъ. 1896.	258

6. Харузинъ, Н. Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896	Стр. 258
7. Пантюховъ, И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896	258—259

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О Пасхѣ. <i>А. Балова</i>	260—261
2. Крапивное заговѣнье. <i>А. Балова</i>	261—262
3. Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ. <i>А. Балова</i>	262—264
4. Живая Старина. <i>А. Балова</i>	264—265
Объявленія.	

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ь I.

**Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.**

1. Угасаніе инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Д-ра <i>Ар. Ив. Якобія</i>	267—272
2. Замѣтка редактора	272
3. Инструкція изслѣдованія инородческихъ племенъ Тобольскаго сѣвера. Проф. <i>Ар. Ив. Якобія</i>	273—276
4. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. <i>Н. А. Аристова</i>	277—456
5. О семейномъ положеніи крестьянской женщины въ одной изъ мѣстностей Костромской губ. по даннымъ волостного суда. <i>Ө. Покровскаго</i>	457—476
6. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. <i>А. Калачева</i>	477—488

О т д ѣ л ь II.

**Памятники языка и народной
словесности.**

1. Нѣсколько словъ о поэзіи теленгетовъ. <i>А. Калачева</i>	489—500
2. Свадебные обряды въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ. <i>Н. Дучинскаго</i>	501—522

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Отчетъ о шведскомъ этнографическомъ журналѣ: <i>Nyare</i>	
--	--

- bidrag till Kännedom om de svenska landsmälen ock svenskt folklif 1885—1895 г. *K. Tiandera* 523—529
2. Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ второй. Ярославль. 1896. *В. Ламанскаго*. 529—534

О т д ѣ л ь IV.

Смѣсь.

1. О выборѣ невѣстъ въ Новгородской губерніи. *М. Синозерскаго* 535—536
2. Чортовъ домъ. *М. Синозерскаго* 536—537
3. Цвѣтъ «папретника». *М. Синозерскаго* 537
4. Отчего пораженные грозой святые. *М. Синозерскаго* 537—538
5. Ильинская пятница. *М. Синозерскаго* 538
6. Игры (въ слободѣ Усть-Ничинской, Тюменскаго округа). *Ф. Зобнина* 538—542
7. Вѣщина или труболетка. *Ф. Зобнина* 542
- Объявленія.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Киселевскіе Цыганы. *В. Н. Добровольскаго* 3—36
2. О происхожденіи Псково-Печерскихъ полуѣрцевъ. *Ю. Трусмана* 37—47
3. Замѣтка по поводу предполагаемаго изданія народныхъ сказокъ *С. В. Максимова* 48—56

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной медицинѣ, Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ. Съ приложеніемъ сборника народно-медицинскихъ средствъ той же волости. *А. Макаренка*. 57—100
2. Былина и пѣсни Енисейскаго округа. *А. Александрова* 101—105
3. Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ *Ю. А. Яворскаго* 105—106

Стр.

4. Галицко-русскія повѣрія объ опырахъ. *Ю. А. Яворскаго* 107—110
5. Изъ галицко-русскаго народнаго сказанія и суевѣрій. *Ю. А. Яворскаго* 110—111
6. Сказки. Приложеніе къ замѣткѣ *С. В. Максимова* 112—123

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ. *А. Макаренка* 124—126

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Дурачки и убогіе. *Ал. Макаренка* 126—128
2. Уроchливая. Его же 128—130

Выпускъ II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). *Всев. Фед. Миллера* 133—159
2. Отчетъ о поездкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сотр. *С. Г. Рыбакова* 160—217

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти. 218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). *А. Макаренка*. 230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 247—253
4. Мифологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). *И. К. Кроучуниса* 254—261

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sbornik československý. Svázek první. Vydává národopisná Společnost česko-

slovanská a národopisné Mu-
seum československé. Redactor
prof. Fr. Pasternek. Ve Praze.
1897. *Н. В. Ястребова*. . . 262—265

О т д ѣ л њ IV.

Смѣсь.

1. Этнографическія изысканія въ
Восточной Сибири 265—266

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л њ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Поѣздка на Алтай. *Ф. Зоб-
нина* 267—293
2. Тюркская сказка о Идыгѣ.
Г. Потанина 294—315
3. Сказанія о поѣздкахъ остяч-
ныхъ князей къ русскимъ ца-
рямъ. *С. Патканова* . . . 315—356
4. Даннны для народнаго кален-
даря Смоленской губерніи въ
связи съ народными вѣрова-
ніями. *В. Н. Добровольскаго*. 357—380

О т д ѣ л њ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по народной ме-
дичинѣ. Ужурской волости,
Ачинскаго округа, Енисейской
губ. Со сборникомъ народно-
медицинскихъ средствъ той же
волости (Окончаніе). *А. Ма-
каренка* 381—438
2. Галицко - русскія повѣрія о
дикой бабѣ. *Ю. Яворскаго* . 439—441
3. Изъ сборника галицко - рус-
скихъ сказокъ, собранныхъ
для предполагаемаго сборнаго
изданія И. Р. Географиче-
скаго Общества. *Ю. Яворскаго*. 441—445
4. О народныхъ говорахъ сѣверо-
западной части Костромской
губерніи. *Ө. Покровскаго* . 446—469

О т д ѣ л њ III.

Критика и библиографія.

1. Рыбаковъ, С. Музыка и пѣсни
уральскихъ мусульманъ. . . 470—473
2. Die Sprachgebiete in der Län-
dern der ungarischen Krone auf
Grund der von Königl. ung. sta-
tist. Landes-Bureau veröffent-
lichten Ergebnisse der Volks-
zählung vom Jahre. 1890 be-

Стр.

rechnet von Eduard Leipen.
Wien. 1896 473—479

О т д ѣ л њ IV.

Вопросы и отвѣты. 480—481

О т д ѣ л њ V.

Смѣсь.

1. О значеніи Моравскаго или
Ресавскаго нарѣчія для со-
временной и исторической
этнографіи Балканскаго полу-
острова 482—485
- Объявленія.

Годъ восьмой.

Выпускъ I.

О т д ѣ л њ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Сольвычегодскій крестьянинъ,
его обстановка, жизнь и дѣя-
тельность. *Н. Иваничкина* . . 3—74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ
народныхъ пѣсняхъ. *С. В.
Максимова* 75—79

О т д ѣ л њ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Мариупольская крестьянская
свадьба. (Бытовой очеркъ). *М.
Успенскаго* 80—104
2. Нѣсколько параллелей Фин-
скихъ сказокъ съ Русскими и
прочими Славянскими. *А.
Аарне* 105—110
3. Галицко - русскій авгурій
XVIII-го вѣка. *Ю. Яворскаго*. 111

О т д ѣ л њ III.

Критика и библиографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей.
(Разборъ сказаній). Георгія
Власова. *Д. Курьявскаго* . . 112—116

О т д ѣ л њ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣленія Этнографіи Им-
ператорскаго Русскаго Гео-
графическаго Общества . . . 117—121
2. Отъ редактора 121

Стр.

О т д е л ъ V.

Смѣсь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычаи . 122—123
Объявленія.

Выпускъ II.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе слѣдуетъ). *Ф. Зобнина* 125—157
2. Матеріалы по народной медицинѣ и акушерству въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. *М. К. Герасимова* 158—183

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Въ 5-ти верстахъ отъ мѣст. Любимля). (Окончаніе будетъ). *Дм. И. Абрамовича* 184—202
2. Сборникъ рязанскихъ областныхъ словъ. Чл. Сотр. *Диттеля* 203—227
3. Смерть и душа въ повѣрьяхъ и въ разсказахъ крестьянъ и мѣщанъ Рязанскаго, Рязанскаго и Данковскаго уѣздовъ Рязанской губерніи. Чл. Сотр. *О. П. Семеновъ* . . . 228—234
4. Сомиринскій говоръ. Сообщ. *В. Кузнецовъ* 235—236
5. Перегудки. Сообщ. Чл. Сотр. *Н. А. Иваницкаго* и Чл. Сотр. *А. А. Шустикова* . . . 237—243
6. Сказка про ерша. Сообщ. *М. А. Синозерскій* 244
7. О трехъ заговорахъ и о народномъ воззрѣніи на змѣй въ Могилевской и Херсонской губерніяхъ. *В. Впадій* . . . 245—246
Объявленія.

Выпускъ III и IV.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и
разсужденія.

1. Объ Авганістанѣ и его населеніи. *Н. А. Аристовъ* . . . 247—319

Стр.

2. Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. (Продолженіе). *Ф. Зобнина* . 320—328
3. Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину 329—330
4. Остатки работъ П. И. Прейса 331—367
5. Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ . 368—381

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ. (Окончаніе). *Дм. И. Абрамовича* 385—386
2. Образцы говора Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ. *В. Н. Добровольскій* 387—392
3. Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ. 1. Слова Череповецкія. Сообщ. *М. К. Герасимовъ*. 2. Слова Ладожскія. Сообщ. *Николай Кедровъ* . . 392—408
4. Нѣкоторыя лѣкарственные растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ. *Т. Г. Вержбицкій* . . . 409—420
5. Прозвища крестьянъ селъца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи. *В. Добровольскій* 421—424
6. Сборникъ загадокъ для дѣтей. Сообщ. учит. народн. учил. *К. Славина* 425—436
7. Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи, Свяжскаго уѣзда, села Бежбятманъ. *А. Можаровскій* . . . 437—442
8. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. Сообщеніе *П. К. Симоны* . . . 443—450
9. Объ особенностяхъ языка въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ. *Николай Чернаевскій* 451—462
10. Бѣлорусскія дѣтскія игры. *И. Демидовичъ* 453—461

О т д е л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Рустика (Т. А. Мартемьянова). Городъ Волховъ, Орловской губерніи (историко-бытовые очерки). *Вл. Шарутинъ* 463—467
2. Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ. ле

	Стр.
гендахъ и т. п. Матеріалы, собранные въ порядокъ П. В. Шейномъ. <i>Вл. Шарутинъ</i>	467—470
3. Slovenská príslovi, porokadla a uslovi. Sepsal Adolf Peter Zaturecký	471—472
4. Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungen und einer Karte.	472—475
5. Два отзыва по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія. <i>В. Ламанскаго</i>	475—476
6. Библиографическій обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданій за 1898 годъ. <i>Б.</i>	477—479

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Вечеринки и игрища въ Усть-сысольскъ. Сообщ. Членъ Сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. <i>С. Мельниковъ</i>	480—481
2. Коляда въ Усть-сысольскъ. Мѣщанинъ <i>Стефанъ Мельниковъ</i> . (Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1842 г.)	481—482
3. Коледа во Влад. губ. (Изъ Арх. Р. Г. Общ.). <i>Н. Добро-творскій</i>	482—485
4. Духовные стихи. Сообщилъ <i>Яковъ Ильинскій</i>	485—487
5. Сказка (записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх-Демьянск. вол., Тоб. окр.). <i>С. Паткановъ</i>	487—489
6. Тагасъ на Бѣломъ озерѣ. Учитель народн. школы М. <i>Комельковъ</i> (уроженецъ села Куности)	489—493
7. Дополненія къ статьѣ г. Комелькова. Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда <i>П. Маіоровъ</i>	493
8. Пословица и загадка. <i>В. Добровольскій</i>	494—497

Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣсья. <i>В. Н. Добровольскій</i>	4—22
---	------

	Стр.
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотьмы. <i>Гр. Н. Потанина</i>	23—60
3. Распределение жителей Битольскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. <i>А. Ростковскій</i>	61—112

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаіота Дьяновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). Сообщ. <i>П. А. Ровинскій</i>	113—129
2. На мірскомъ передѣлѣ земли. (Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни). <i>А. А. Шустикова</i>	130—138

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Мѣстные слова города Тотьмы. (Волог. губ.). Записалъ <i>В. Шевляковъ</i>	139
2. Четыре сказки Минусинскихъ инородцевъ. Записаны <i>А. Кузнецовой</i>	140—149

Выпускъ II.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздринскаго Полѣсья. (Окончаніе). <i>В. Н. Добровольскаго</i>	151—166
2. Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотьмы. (Окончаніе). <i>Гр. Н. Потанина</i>	167—235

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Сборникъ Панаіота Дьяновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолж.). Сообщ. <i>П. А. Ровинскій</i>	236—250
2. Матеріалы для словаря тунгусскихъ нарѣчій. Сообщ. студ. <i>Ив. Скурлатовъ</i>	251—262
3. Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ. Сообщ. <i>В. Египалъ</i>	263—270

О т д е л ъ III.

Критика и библиография.

1. Slovanský Přehled, sborník statí, dopisův a zpráv ze života slovanského. Redaktor A. Černý. 271—272
2. Věstník slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vy-dává L. Niederle 272
3. Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von A. Strausz 273
4. Српске народне пјесме. Скупно их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издање) 274
5. Piesne ludu slovenského. Vy-dáva Museálna slovenská spoločnosť 274
6. Научное изучение белорусскаго нарѣчія за послѣдніе десять лѣтъ (1886—1899 гг.) П. Владимірова —
7. Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Его же. 274—275
8. Кижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости. Олонецкой губ. Св. А. Пономарева 275
9. В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицъ. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы. —
10. Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной коммисіи, пожертвованныхъ Н. А. Вахрамѣевымъ. Сост. Э. Берендсъ —
11. Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. Von prof. Kaindl. 275—276
12. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріяли до українсько-руської етнології, виданнє етнографичної коммисіи за редакцію Хв. Вовка 276
13. Записки наукового товариства імени Шевченка під редакцію М. Грушевського. Г. Н. —

О т д е л ъ IV.

Смѣсь.

1. Матеріяли по народному языку, собранные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Сообщ. А. Борогъ 277

Стр.

Выпускъ III.

Стр.

О т д е л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ I. Эндзелина 285—312
2. Очеркъ современнаго экономическаго положенія Башкиръ Уфимской губерніи. А. Калачева 313—329

О т д е л ъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи. О. И. Покровскаго 330—349
2. Сказаніе объ Элѣндѣ и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотскаго). Сообщ. В. Г. Богораза 350—370
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщ. В. Г. Богораза 371—380

О т д е л ъ III.

Критика и библиография.

1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Strekelj. Izdala in založila Slovenska Matika. Г. А. Ильинскаго 381
2. Moravské Kravařsko (Politický okres Novojický). Г. А. Ильинскаго —
3. Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stef. Ramułt. Г. А. Ильинскаго 382
4. Kleinere Schriften von Wienhold Köhler. I Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Ю. А. Яворскаго 383
5. Die Zeugung in Sitte. Brauch und Glauben der Südslaven. Ю. А. Яворскаго 384
6. Српске народне приповетке. Скупно Атанасије Николић. На свет издали његови унуци. Ю. А. Яворскаго 385

О т д е л ъ IV.

Смѣсь.

1. Свадебный обычай крестьянъ Кургоминскаго Правленія Арх. губ. Шенк. у. Свящ. К. И. Боголютова 386—388

Стр.

2. Религиозно-народныя повѣрья и легенды. (Записаны въ Калужинскомъ уѣздѣ, Тверской губ., В. *И. Суворова* . . . 389—397
3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ Э. *Вольтера* . 398—399
Объявленія 400—402

Выпускъ IV.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Домашній бытъ крестьянъ Левочской волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ. Студента Имп. Спб. Унив. *М. Синозерскаго* 403—435
2. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-историческій и политическій этюдъ). Статья первая. *Н. А. Аристова* . 436—486

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Списокъ Тобольскихъ словъ и выражений, записанныхъ въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Курганскомъ и Сургутскомъ округахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. *Паткановымъ*, въ трехъ послѣднихъ чл. соотр. *Зобинымъ* и приведенныхъ въ алфавитный порядокъ студ. *Н. Спб. Унив. Николасымъ* 487—518
2. Пѣсни и прибаутки, (записанныя Г. *Н. Потанинымъ* въ дер. Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска). Сооб. *Гр. Н. Потанинъ* . . . 519—525
3. Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Кадиновскаго уѣзда. Сообщ. *А. А. Шустиковъ* 526—528
4. Народныя слова и прозвища, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ Пермской губ., Екатеринбур. у. Чл. Сotr. Общества *Вяч. П. Ярковымъ* . 529—530
5. Свадьба въ Хмѣлевницкомъ приходѣ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Сообщ. *Я. Кузнецовъ* 531—535

О т д ѣ л ь III.

Смѣсь.

1. Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ

Стр.

русскихъ вѣрованійхъ. Историко-этнографическій очеркъ
А. Балова 536—538

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій «Кавказъ». Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этноко-историческій и политическій этюдъ). Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами. Ст. вторая и послѣдн. *М. А. Аристова* 3—150
2. Бродячіе роды тундры между рѣками Индигарской и Болымой, ихъ этнический составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. *Вл. Лохмисона*. Съ рис. 151—193

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. *В. А. Мошкова* 194—212
2. Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковский говоръ) *Иллариона Станицкаго* 213—229
3. Сборникъ Панаіота Длинновскаго изъ села Галичника (въ Дебразь). (Продолженіе). Сообщилъ *П. А. Ровинскій* . . 230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда. Сообщ. *А. Баловъ* 249—250

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Жреческая организація индо-германцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индо-германцевъ). *А. Попова* . 251—264
2. Румынскія сказанія о рахманахъ. *А. Я. Цицирскаго* . . . 264—272
3. Psihologia penala a teganului de Dem. I. Dobresku. *А. Цицирскаго* 273—277
4. П. Луцовъ «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ всторическихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». *И. Сырнова* . 277—288

	Стр.
5. Nová mapa Kralovství českého Sestavil V. Kotýška. Kreslil N. Hanf. Měřítko 1 : 200.000. <i>Г. Ильинскаго</i>	283
6. Smichovsko a Zbraslavsko. Společnou práci učitelstva. Redaktor prof. Fr. Hanšl. c. k. okresní školní inspektor. <i>Г. Ильинскаго</i>	284—286
7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Piš. Díl. I. Čechy předhistorické. Na základě prahistorické sbírky. Musea Král. České. <i>Г. Ильинскаго</i>	284—286
8. Rodinný nedíl čili zádrhu v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. <i>Г. Ильинскаго</i>	286—287
9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben vom Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. <i>Г. Ильинскаго</i>	287—288
10. Гудульщина. Написав. проф. Володимиръ Шухевич. <i>Г. Ильинскаго</i>	288—289
11. Етнографічний збірник. Влада етнографічна комиссия Наук. Тов. ім. Шевченка. <i>Г. Ильинскаго</i>	289
12. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. <i>Г. Ильинскаго</i>	289—291

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Смерть, похороны и причитанія. (Этнографическій матеріалъ Калужской губ.). *В. Н. Добровольскаго* 292—294
2. О сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Северо-тихо океанской экспедиции. (Изъ письма къ Предсѣдателью Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества). *В. Боуриза и В. Локельсона*. 295—296

Выпускъ III.

О т д ѣ л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. Ст. перв. *В. А. Мошкова* 297—352
2. Хунь-ну и гунны. (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отноше-

- ніяхъ этихъ двухъ народовъ). Ст. перв. *К. А. Иностранцева*. 353—387
3. Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія временныхъ славянскихъ нарѣчій. *Г. А. Ильинскаго* 387—392

О т д ѣ л ь II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Распределеніе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году. *А. Ростовскаго* 393—425
2. Нѣсколько духовныхъ стиховъ. *В. Чернышева* 426—435

О т д ѣ л ь III.

Критика и библиографія.

1. Die Slowinzen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. *Г. А. Ильинскаго* 436—437
2. Ор. Шкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки *А. А. Липовскаго* 438—439
3. П. Н. Милуковъ. 5 этнографическихъ картъ Македоніи — съ текстомъ —
 I. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики —
 Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. *В. Кораблева* 439—441
4. Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. *С. Браиловскаго* . 441—442
5. Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета», издаваемыя подъ редакціей С. В. Руденка. *А. Лященко* 442

О т д ѣ л ь IV.

Вопросы и отвѣты. 443

О т д ѣ л ь V.

Смѣсь.

1. Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменгскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. *Мигана Пшеницына* 444—446
 2. Изъ старыхъ журналовъ *А. Лященко* 447—449
- Объявленіе.

Выпуск IV.

Стр.

О т д ѣ л ъ I.

Исследования, наблюдения и
разсужденія.

1. Труба въ народныхъ вѣрова-
ніяхъ. Статья вторая и послед-
няя В. А. Мошкова. Карта и
рисунки 451—524
2. Хунь-пу и Гунны (Библиогра-
фическій обзоръ теорій о про-
исхожденіи народа Хунь-пу
китайскихъ лѣтописей, о про-
исхожденіи европейскихъ Гун-
новъ и о взаимныхъ отноше-
ніяхъ этихъ двухъ народовъ).
Статья вторая и последняя Б.
А. Иностранцева 525—564

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Распределение жителей Солун-
скаго Вилаета по народно-
стямъ и вѣроисповѣданіямъ
въ 1899 году. (Окончаніе). А.
Ростковскаго 565—583

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Путешествіе антіохійскаго
патр. Макарія въ Россію въ
половинѣ XVII вѣка. А. И.
Яцимирскаго 583—589
2. Д-ръ I. Поливка. Магистрантъ
и неговнятъ ученикъ. Сравни-
тельная фольклорна студія. Ю.
Яворскаго 589—591
3. Allgemeine Methodik der Volks-
kunde. Berichte über Erschei-
nungen in den Jahren 1890—
1897. Ю. Яворскаго 591—592
4. Карацѣй Лист за сриски на-
родна живот. обичаје и пре-
даве Ю. Яворскаго 592—593

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты. 594—597

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Изъ галицко-русскихъ народ-
ныхъ повѣрій. Ю. Яворскаго 598—599
2. Примѣты и разсказы. Сообщ.
Н. Чернышева 599—602
3. Л. Н. Майковъ † апр. 1900.
В. Ламанскаго 602—603

Объявленія.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Стр.

Выпуск I.

О т д ѣ л ъ I.

Исследования, наблюдения,
разсужденія.

1. Этнологическій очеркъ Зы-
рянъ. Жакова 3—36
2. По Чердынскому уѣзду. Н.
Оничукова 37—74

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Финскія сказки. Сообщ. Ан-
ти Аарне, ректора 75—80
2. Особенности въ говорѣ рус-
скихъ крестьянъ юго-восточной
части Вятской губерніи. Д. Зе-
ленина 81—96

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Населеніе Македоніи. (Отвѣтъ
на статью г. Драганова, напе-
чатанную въ «Спб. Вѣдомо-
стяхъ», № 200). Василія
Камчова 97—102
2. «Юбилейный Сборникъ» въ
честь В. Θ. Миллера, издан-
ный его учениками и почита-
телями. М. 1900. В. Перетца. 102—106

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты 107—113

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Народныя загадки, записанныя
въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Яро-
славской губерніи 114—116
2. Колыбельныя, дѣтскія пѣсни
и дѣтскія прибаутки, записан-
ныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ.
Ярославской губ. А. Балова 116—120
3. «Понедѣльничанье». Историко-
этнографическій очеркъ. А.
Балова 120—124
4. Суевѣрія и примѣты, крестья-
нскія записи. Сообщ. В. Н.
Чернышевскаго 125—126
5. Здунай-то, Здунай сынъ Ива-
новичъ. Г. Потанина 126—128

Стр.

Стр.

Выпуск II.

О т д е л I.

Исследования, наблюдения,
разсуждения.

1. Тазы или Удиха. (Опыт этнографического исследования).
С. Н. Браиловскаго 129—216

О т д е л II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Финскія сказки. Сообщ. *Ант-ти Аарна, ректора* 217—220
2. Литвино-Бѣлоруссы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни.
М. Н. Косичъ 221—260
3. Колядки и щедровки, записанныя въ Волинскомъ Полѣсьѣ. Записалъ *Н. И. Коробка* 261—296

О т д е л III.

Критика и библиографія.

1. F. Hirth, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker, I. Die Abnenteifel Attila's nach Johannes von Thurocz (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь). *К. А. Иностранцева* 297—299
2. Македония. Етнография и статистика отъ Васила Къчновъ.
Г. А. Ильинскаго 299—301
3. Болгарія и болгары. Н. Овсяного, дѣйст. чл. Имп. Русс. Геогр. Общ. *Г. А. Ильинскаго* . 301—303
4. Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven Mitgetheilt von A. Vieth, mit Einleitung und Zusätzen von H. Zimmer, V. Jagié und A. Leukien, *Г. А. Ильинскаго* . . . 303—304
5. Общій имущественный законникъ для княжества Черногогорскаго (по второму изданію 1898 г.). *Г. А. Ильинскаго* . 304—305
6. Historia porównawcza praw słowiańskich. Główne kierunki rozwoju nauki, jej istotne zadanie. Napisał Oswald Balzer. 1900. *Г. А. Ильинскаго* 305—306
7. Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Přispěvkem k poznání nejstarších dějin slovanských podává. Dr. L. Niederle. *Г. А. Ильинскаго* . . . 306—308

О т д е л IV.

Смѣсь.

1. Народный говоръ на моей родинѣ. (Въ селѣ Воскресенскомъ, Московской губ., Коломенскаго уѣзда). *Д.* 309
2. Примѣты. Сообщ. *В. И. Чернышевъ*. 309—311
3. Примѣты, предсказанія погоды Литовцами Поневѣжскаго уѣз. Сообщ. *Г. И. Петкевичъ* . . 311—313
4. Запѣтки о Македоніи. По поводу статьи г. Драганова. (Изв. Слб. Слав. благотвор. Общ. 1888). *Орфейкова* 314—320
5. Объявление II-го Отд. *И. А. Н.* о конкурсѣ на премию *М. И. Михельсона* 321

Выпуск III и IV.

О т д е л I.

Исследования, наблюдения и
разсуждения.

1. Тазы или Удиха. (Опыт этнографического исследования). (Окончаніе), (съ рисунками). *С. Н. Браиловскаго* 323—433
2. О расколѣ на низовой Печорѣ.
Н. Ончукова 434—452

О т д е л II.

Памятники языка и народной
словесности.

1. Литвино-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни. (Окончаніе). *М. Н. Косичъ* . . 1—88

О т д е л III.

Критика и библиографія

1. Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibliotekę Jęgnacego Bernsteina. *С. Н. Браиловскаго* 89—91
2. Joan Bogdan. Luptele românilor cu turcii pana la Mihai-Viteazul. *А. И. Яцимирскаго* 91—92
3. Octav George Luca. Familie boeresti r. măn. *А. И. Яцимирскаго* 92—93
4. Basarabia în secolul XIX și la Zmfi C. Arbure. Editiunea Academiei Române. *А. И. Яцимирскаго* 93—95
5. Sărbătorile la Români. Studiu etnografic de Sim. Fl. Marian. *А. И. Яцимирскаго* 95—99

Стр.

6. Istoria Bucureștilor de Ionescu-Gion. *А. Н. Яцимирскаго* . . . 99

О т д е л ь IV.

Вопросы и ответы.

1. Ответъ на вопросы Н. В. Томаса изъ Лондона *Илар. Ал. Тихомирова* . . . 100—104

О т д е л ь V.

Смѣсь.

1. О древне-русскихъ «некалендарныхъ» именахъ въ XVI—XVII вѣкахъ. *А. Балова* . . . 105—115
2. Населеніе Македоніи, ст. г. Драганова, въ «Слб. Вѣдомостяхъ» № 200. *Васила Кычова*. (1900 г.) . . . 115—121
3. Новогодняя ворожба по деревнямъ Енисейской губерніи. *Алексія Макаренко* . . . 122—126
4. Пишкиская волость, Костромского уѣзда. *Николая Виноградова* . . . 127—130
5. Народныя примѣты, касающіяся погоды и сельскаго хозяйства. *В. А. Антипова* . . . 131—132
6. Примѣты и повѣрья. *Нв. Костомаровскіи* и *В. Чернышева* . . . 133—136

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Выпускъ I.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Крестьянiniz Австрійской Краины и его постройки (съ рисунками). *Ал. Харузина* . . . 1—32
2. Сектанство въ Киевской губерніи (съ рисунками). *В. Ясевича-Бородисевской* . . . 33—74

О т д е л ь II.

Памятники языка, народной словесности.

1. Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ Подольской губерніи. Сообщ. *Вячеславъ Каминскій* . . . 75—96
2. «Бывальщины» минусинскихъ инородцевъ. *Е. Яковлева* . . . 97—101

Стр.

О т д е л ь IV.

Вопросы и ответы.

1. Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. 102—112

О т д е л ь V.

Смѣсь.

1. Памяти географа Гевонда Алишана. *А. Аракеліана* . . . 113—118
2. О литовцахъ Сувалкской губерніи. *В. Мошкова* . . . 119—122
3. Сказка о Негрѣ . . . 123—126
4. Прозвища крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. 126—127
5. Народныя прозвища, записанныя на Сысертскомъ заводѣ, Екатеринбург. уѣзда, Перм. губ. Сообщ. *А. Яркова*. 127—128
6. Письмо Н. Лѣскова о названіи Каргополь 128

Выпускъ II.

О т д е л ь I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Русскіе крестьяне Олонецкой губерніи. (Очеркъ) *Елизаветы Дмитровской* . . . 131—138
2. Розга въ дѣятельности одного волостного суда (1862—1896 г.) *Ө. И. Покровскаго* . . . 139—146
3. О принятіи чукотъ въ русское подданство. Легенды и документы. *В. Ботораза* . . . 147—164
4. Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губерніи). Очеркъ *Е. А. Бектеевой* . . . 165—181

О т д е л ь II.

Памятники языка, народной словесности.

1. О бытѣ казаковъ Восточнаго Забайкалья. Чл.: сотруд. Приамурскаго Отд. Н. Р. Г. Общ. *К. Д. Топиковскаго*. 182—200
2. Простонародное лѣченіе болѣзней въ Кадниковскомъ уѣздѣ. *А. А. Шустикова* . . . 201—206
3. Нѣкоторыя повѣрья, пѣсни и обряды Орловской и Калужской губерній. *В. Н. Добровольскаго* 207—213

- Стр.
4. Свадебный обряд въ Калужской губ. *В. Н. Добровольскаго*. 214—236
 5. Пять сойотскихъ сказокъ *Ев. Яковлева* 237—244

О т д ѣ л ъ III.

Вопросы и отвѣты. 245

О т д ѣ л ъ V.

Смѣсь.

1. Гайно - Слободской волости, Борисовскаго уѣзда. Минской губерніи. *А. К. Васильева* 246—249
2. Борьба общины съ череполосицей и мелкополосицей. *Н.* 250—253
3. Письмо изъ Торжка 253—255
4. Письмо изъ Коврова 255—256
5. Замятка *Гунообина* (изъ Владим. губ.). 257

Выпуски III и IV.

О т д ѣ л ъ I.

Исслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Матеріалы по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Съ рисунками. *А. Н. Харузина* . 259—357
2. Былинная поэзія на Печорѣ. Съ рисунками. *Н. Оичукъ-ва* 358—384
3. Манджуры—кто такіе и гдѣ они? *** 385—391

О т д ѣ л ъ II.

Памятники языка, народной словесности.

1. Областные слова Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губ. (Де-

- Стр.
- ревня Юрцино, Орѣхнинская волость. Зап. въ 1901 года). Сообщ. *Вячислава Водарскаго*. 392—412
 2. Матеріалы для изученія говоровъ Могилевской губерніи г. *Романова* 413—428
 3. Эпическія пѣсни Дебринскія Изъ сборника Дьяновскаго . 429—436
 4. Роль мѣсяца при распредѣленіи работъ у Литовцевъ Поневѣжскаго уѣзда. *Габр. Ив. Петкевичъ* 437—441
 5. Народныя пѣсни, сказанія, сказки и проч. (записанныя въ Сидлецкой и Люблинской губерніяхъ). Сообщ. *Василия Останчука* 442—473

О т д ѣ л ъ III.

Критика и библиографія.

1. Sarat chandra Dap. Journey to Lha sa and Central Tibet. Editet by the Hon. W. W. Rockhill. London. 1902. *С. О. Ольденбургъ* 474—475
2. Сборникъ за народни умотворення, наука и книжнина, томъ XVIII. Наученъ Отдѣлъ. Софмя, 1901. *А. И. Яцимирскаго* 476—477

О т д ѣ л ъ IV.

Вопросы и отвѣты 478

О т д ѣ л ъ IV.

Смѣсь.

1. Глашатай добрыхъ началъ въ сельской средѣ. Сообщ. *Н. Н. Г.* 479—488